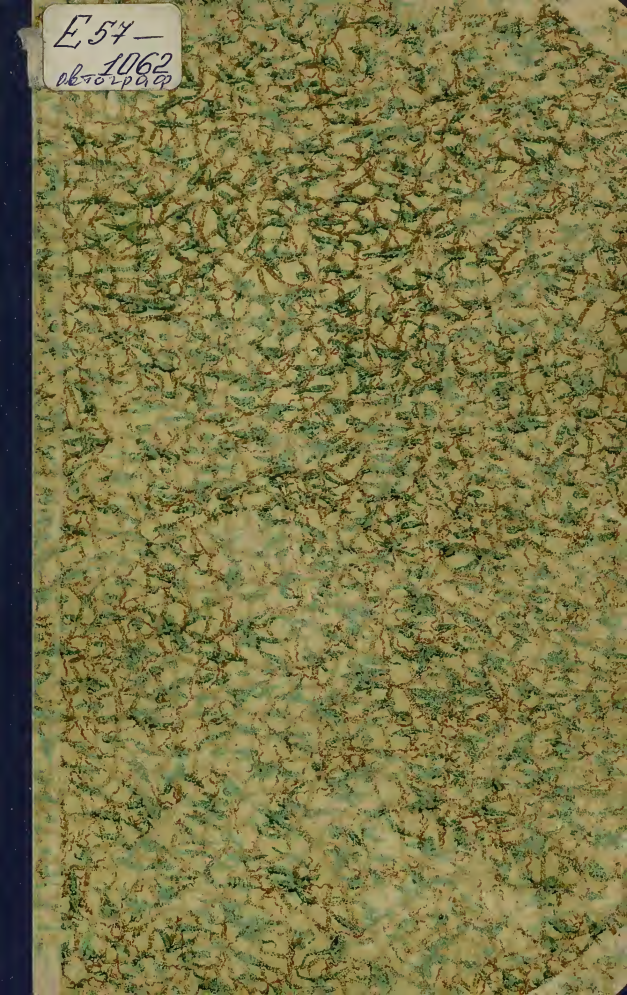

Е 57 —
1062
автограф

КРАСНАЯ КНИГА

ПОД РЕД. П. МАКИНЦИАНА

ТОМ I

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1920.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

Дорожайшему Панько:
— Значит, тот я, что был, есл
прошлый мне мир возвращен

КРАСНАЯ КНИГА
В. Ч. К.

22/VIII 1920 г. Павел.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ П. МАКИНЦИАНА.

Том I.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
Москва.—1920.

1-я Государ. типография (бывш. Т-ва И. Д. Сытина). Пятницкая ул., 71.

Предисловие.

Два с половиной года тому назад пролетариат дал своим классовым врагам «решительный», но далеко не «последний» бой. Из ряда битв он вышел со щитом, но эта победа означала лишь перевес его сил над силами врагов, которые не только не лишились надежды вернуть свое былое господство, но и материальных средств, т.-е. об'ективной возможности бороться за осуществление своих вождслений.

Остатки расхлябанной государственной машины старого режима были быстро сметены, нарождающаяся было буржуазно-демократическая республика, с разгоном Учредилки, раздавлена и перешла «вся власть — Советам», т.-е. был пущен в ход государственный аппарат, соответствующий диктатуре пролетариата.

Однако новый диктатор, явившийся на смену помещикам и буржуазии, принявшись за новое строительство, в первый момент оказался в блестящем одиночестве. Ряды контр-революции, вскормленной еще прекраснодушным режимом Керенского, пополнились новыми и новыми ратниками. По ту сторону баррикад пролетарских очутились ошалевшие на мгновение от ужаса и неожиданности мощного удара октября — фабриканты, банкиры, помещики, офицеры, попы и полицейские и все те промежуточные общественные группы, которые либо действительно были в той или иной мере обижены пролетарской революцией, либо мнили себя обиженными в силу понятий и привычек, привитых им ниспровергнутым строем.

Пролетариат, в начале своего выступления державший курс на близкую всемирную социалистическую революцию, вскоре, однако, убедился, что в темпе назревающих событий он ошибся, что на немедленную поддержку пролетариев передовых капиталистических стран рассчитывать не приходится. Он то «лавировал и отступал», то покупал дорогой ценой «передышку», чтобы тем временем сплотиться и выдержать бешеный натиск очнувшихся от столбняка контр-революционеров. К тому же, империалисты всех передовых стран, почуяв беду и добычу, после небывалой во всемирной истории рабочей революции, обрушились на республику Советов всеми имеющимися в их распоряжении силами и средствами, так что наши отечественные контр-революционеры получили помощь и поддержку рублем и дубьем.

Пролетариату пришлось волей-неволей, да и теперь еще приходится, напрягать все усилия к тому, чтобы преодолеть сопротивление среды, зараженной миазмами разложившегося буржуазного общества, нейтрализовать те или иные элементы во враждебном лагере, привлечь на свою сторону новые и новые общественные слои, расширяя тем самым социальную базу Советской власти. Пришлось все силы вложить в борьбу за окончательное и прочное самоутверждение.

И что же получилось?

Пролетариат, завоевавший власть для того, чтобы «свой, новый мир построить», в силу создавшихся условий, был принужден повременить с новым строительством, чтобы довести до конца борьбу за возможность полного переустройства общества на социалистических началах.

Борьба за возможность творить новое—борьба с контрреволюцией российской и мировой, выпала на долю двух органов Советской власти—на военное ведомство и В. Ч. К.

Громкие победы на полях брани покрыли Красную рать республики неувядаемой славой. Заслуги Красной армии (при своем возникновении строго-классовой, а теперь поистине всенародной) ныне признаются даже теми маловерами, которые вначале ее со-

здания стояли в сторонке со скептическими словами и смехом на устах.

Работа В. Ч. К., ее достижения, наоборот, остаются в тени. Эта разница, конечно, есть результат характера работы того и другого органа. В то время, как наступление или отступление, эвакуация или взятие любого города происходят у всех на виду, в условиях такой же широкой гласности работа Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контр-революцией была бы обречена на полное бесплодие... В белогвардейском стане процветает подзаборная литература «об ужасах чрезвычаек», меньшевики, правые, левые и иные эсеры, анархисты, спекулянты постоянно скулят о «насилиях» и «зверствах», чинимых чрезвычайками, иначе говоря—судит среда, которую нам приходится преодолевать,—среда, поставляющая клиэнтов чрезвычайным комиссиям. А советская, даже партийная публика имеет самое отдаленное представление о роли и работе В. Ч. К. А между тем, не говоря о всем прочем, успехи той же Красной армии были бы абсолютно немыслимы без помощи со стороны В. Ч. К.

Предлагаемая ныне вниманию читателей «Красная книга» заключает в себе документальные данные по работе В. Ч. К.

Контр-революция отнюдь не исчерпывается открытой вооруженной борьбой иноземных и отечественных банд против Советской власти или открытыми же мятежами и восстаниями в городах и деревнях. Есть иные, скрытые виды контр-революции, которые стремятся свить себе гнезда решительно во всех Советских учреждениях, не исключая органов борьбы с нею. По своему характеру и приемам контр-революция чрезвычайно разнообразна и гибка, но цель ее — одна: сломить рабоче-крестьянское государство изнутри и помочь, облегчить дело борющихся с ним снаружи открытой, вооруженной силой.

Разумеется, в момент, когда победа пролетариата над своими классовыми врагами далеко не завершена, материалы «Красной книги» приобретают особенную остроту и злободневность.

Знакомясь с проявлениями и приемами контр-революции по подлинным документам, научившись распознавать ее, каждый честный гражданин Советской России поймет, что ему надо быть «на-чеку», что нельзя ему не принять посильного участия в деле ее подавления. Ведь наша революция отличается неслыханным доселе массовым характером, все и вся вовлечены в ее круговорот, нет, не может и не должно быть человека, наблюдающего события наших дней оком стороннего зрителя. «Красная книга» таким образом приобретает весьма важное политическое значение.

В ней — все цвета радуги политической мысли от самых заядлых крепостников, матерых монархистов и заправских кулаков до тех, которые «левее здравого рассудка».

Еще в начале апреля 1917 года, на вопрос—каковы главные группы политических партий в России, — т. Ленин отвечал:

1) Партии и группы правее кадетов.

2) Партия Конст.-Дем. (кадеты, партия народной свободы) и блиские к ней группы.

3) Социал-Демократы, Социалисты-Революционеры и блиские к ним группы

и, наконец,—

4) «Большевики». Партия, которой следовало бы называться коммунистической партией и которая ныне зовется «Рос. С.-Д. Раб. П. Об'ед. Ц. К.», а в просторечии «большевиками».

Тогда же тов. Лениным был дан классический социальный анализ вышеприведенных партий.

Какой класс представляют эти партии?

1) Правее к.-д. — крепостников-помещиков и самых отсталых слоев буржуазии (капиталистов).

2) К.-Д. — всей буржуазии, т.-е. класса капиталистов и обуржуазившихся, т.-е. ставших капиталистами помещиков.

3) С.-Д. и С.-Р. — мелких хозяев, мелких и средних крестьян, мелкой буржуазии, а также части поддавшихся влиянию буржуазии рабоч..

4) «Большевики» — сознательных пролетариев, наемных рабочих и примыкающей к ним беднейшей части крестьян (полупролетариев).

И за полгода до октября, путем умственного социологического эксперимента, тов. Ленин определил отношение всех этих партий к самому основному вопросу нашей революции.

Он ставил вопросы: надо ли крестьянам тотчас брать все помещичьи земли, следует ли народу взять в свои руки самые крупные и самые сильные, монополистические организации капиталистов, — банки, синдикаты заводов и т. п.

Ответы на эти вопросы в сущности и явились ответом на вопрос, каково их отношение к социализму и к Советской власти. Большевики оказались по одну сторону, а все прочие политические партии и группы — по другую.

История уже блестяще подтвердила этот прогноз. За последние два с половиной-три года — мы свидетели распада и разложения многих партий. Рядом с Корниловым, Калединым, Красновым, Колчаком и теперь Деникиным мы встречали и встречаем множество крупных имен решительно из всех партий, очутившихся в законном и незаконном сожительстве с белогвардейцами. Разложение зашло так далеко, что правое и левое крыло одной и той же партии отделяются непроходимой пропастью,—поистине не знает левое, что творит правое. Так, Савинков, вдохновитель белогвардейской организации «Союза Защиты Родины и Свободы» — с.-р., Вольский, Буревой и т. д., проделавшие горький опыт колчакиады и перешедшие в Советский стан, — тоже эсеры. Плехановцы, входившие в состав той же белогвардейской организации,—эсдеки, недавно слившиеся с партией коммунистов. С.-Д. Интернационалисты — тоже эсдеки. На наших глазах группа левых эсеров, отколовшаяся от правых, пошла было в ногу с коммунистами, да и та, описав крутую дугу на политическом горизонте, скатилась в бездну контр-революции. Еще сегодня на вопрос, как относятся к социализму политические партии в России, приходится повторять ответ тов. Ленина:

Правее К.-Д. и К.-Д. } Безусловно враждебно, ибо он грозит прибылям капиталистов и помещиков.

С.-Д. и С.-Р. за социализм, но думать о нем и немедленно делать практические шаги к его осуществлению рано.

Большевики. За социализм. Необходимо, чтобы Советы рабочих и пр. Депутатов тотчас делали практические возможные шаги к осуществлению социализма.

Итак, за социализм, сегодня, как три года тому назад,—лишь партия большевиков. Это начинают понимать некоторые группы из мелко-буржуазных партий, после колебаний примыкающих к социализму — они на своих с'ездах выносят резолюции о слиянии с коммунистической партией.

Документы «Красной книги» дадут возможность читателю составить точное представление о различных политических партиях и течениях внутри этих партий на основании подлинных показаний и писаний представителей этих же партий и течений. Непреложные факты и непререкаемые документы дадут возможность найти политическую правду тем, кто ее искренно ищет. Эволюция политических партий и вся разнообразная гамма политического спектра в подлинных красках предстанет перед глазами читателя, и имеющий глаза—да узрит.

«Красная книга» для грядущих поколений явится частью архива «Великой Октябрьской Революции», первоисточником по истории борьбы революционного пролетариата с отечественной и мировой, явной и скрытой контр-революцией, для нас же, живых современников и непосредственных участников великой и возвышенной борьбы за возможность нового социалистического строительства, она—об'ективное, но живое подтверждение правильности нашего политического пути, по которому мы шли и идем от победы к победе, до полного торжества идеалов коммунизма.

П. Макинциан.

I.

СОЮЗ ЗАЩИТЫ РОДИНЫ И СВОБОДЫ.

1. Раскрытие организации.

В середине мая 1918 г. одной из сестер милосердия Покровской общины было сделано заявление командиру латышского стрелкового полка в Кремле, что в ближайшие дни в Москве ожидается восстание и особенно жестоко будут расправляться с латышскими стрелками. Об этом ей рассказывал влюбленный в нее юнкер Иванов, находящийся на излечении в Покровской общине. Последний ее умолял покинуть на это время Москву, дабы избегнуть неприятностей и опасности, угрожающей в результате междоусобной войны. Этому заявлению нельзя было отказать в серьезности. Заявление было передано в В. Ч. К.

Последняя немедленно установила наблюдение за Ивановым и скоро обнаружила, что Иванов часто заходит в Малый Левшинский переулок, дом 3, кв. 9. В этой квартире постоянно собиралось много народа, поэтому было решено произвести обыск во время одного из сборищ. В квартире было обнаружено 13 человек: Иванов, Парфенов, Сидоров, Висчинский, Голиков, Голикова и др. На столе, среди прочих бумаг, был найден набросок схемы построения пехотного полка и небольшая сумма денег, от которой все отказывались. При личном обыске была обнаружена программа «Союза Защиты Родины и Свободы», перепечатанная на машинке, картонный треугольник, вырезанный из визитной карточки, с буквами О. К., пароль и адреса в г. Казань.

При допросе Иванов сознался, что он был введен в «Союз Защиты Родины и Свободы» Сидоровым. Он же показал, что в этой организации состоят: офицеры—Парфенов, Сидоров, Пинка, Висчинский, Никитин, Литвиненко, Виленкин, Олейник с отцом, Коротаев и Шингарев. Организатором московской организации был Пинка, он же Альфред. Адрес последнего был установлен при допросе, а он сам, после приезда из деревни, куда выехал к родным, арестован.

Пинка, в свою очередь, сознался и из'явил согласие выдать всю организацию при условии дарования ему жизни. Это ему было обещано. Тогда он показал следующее:

«Ввел меня в организацию Гоппер, Карл Иванович. Наша организация придерживается союзнической ориентации, но существует еще и немецкая ориентация, с которой мы хотели установить контакт, но пока это не удавалось. Эта немецкая ориентация самая опасная для Советской власти. Она имеет много чиновников в рядах Советской организации.

Во главе этой организации стоит от боевой группы генерал Довгерт. В курсе дела инженер Жилинский.

По данным, исходящим из этой организации, Германия должна была оккупировать Москву в течение двух недель (к 15 июня).

В этой же организации работает князь Кропоткин, ротмистр и полковник генерального штаба Шкот. Эта организация имеет связь с Мирбахом.

Она устраивает регулярно смотр своим силам, выделяя своих членов условными знаками, как-то: в шинелях на распашку, красными значками в условленных местах, и т. п. Смотр происходит на улицах и на бульварах.

Цели этой организации установить неограниченную монархию. Наша организация называлась «Союзом Защиты Родины и Свободы». Цель—установить порядок и продолжать войну с Германией. Во главе нашей организации стоит Савинков. Он побрился, ходит в красных гетрах и в костюме защитного цвета. Начальник нашего штаба Перхуров. Савинков ходит в пальто защитного цвета и во френче, роста высокого, брюнет, стриженые усики, без бороды, морщинистый лоб, лицо темное. Сильное пособие мы получали от союзников. Пособие мы получали в деньгах, но была обещана и реальная сила. Наши планы были таковы: при оккупации Москвы немцами—уехать в Казань и ожидать там помощи союзников. Но союзники ожидали, чтобы мы создали правительство, от лица которого бы их пригласили официально. Правительство было уже намечено во главе с Савинковым. Цель—установить военную диктатуру.

Казанская организация насчитывает 500 человек и имеет много оружия. 29 числа (мая) отправились в Казань квартирьеры. Явиться они должны по адресу—северные номера, спросить Якобсена, отрекомендоваться от Виктора Ивановича для связи с местной организацией. Из политических партий к нашей организации принадлежат: народные социалисты, социал-революционеры и левые кадеты, а сочувствовали даже меньшевики, но оказывали помощь только агитацией, избегая активного участия в вооруженной борьбе.

По Милютинской, 10, живет фон-дер-Лауниц, он служит в Красной армии начальником эскадрона. Он тоже состоит в организации. Торгово-промышленные круги принадлежат к немецкой ориентации. Наш Главный Штаб имеет связь с Дутовым и Деникиным, ставшим на место Корнилова. Новое Донское правительство—работа Деникина. Из адресов я знаю Виленкина, присяжного поверенного: Скатертный пер., д. 5/а, кв. 1. С ним связь поддерживал Парфенов. Он—заведующий кавалерийскими частями. На Левшинском, 3, был штаб полка. Право заходить туда имели только начальники и командиры батальона. Один человек должен был знать только четырех. Все устроено строго конспиративно. Все идет только через несколько рук.

Адрес Главного Штаба—Остоженка, Молочный пер., д. № 2, кв. 7, лечебница (между 12—2).

Троицкий пер., № 3, кв. 7, Филипповский, полковник (спросить поруч. Попова, где живет Филипповский), рекомендация от Арнольдова.

Начальник продовольственной милиции Веденников тоже состоял в организации. Через него получались оружие и документы. Цель вступления в продовольственную милицию—получить легальное существование, вооружение и документы.

Дружинники получали следующее жалованье: командир полков и батар. по 400, роты 375 рублей, взвода 350. Солдатам предлагалось выдавать 300 рублей.

Пока в составе дружины были только офицеры. В пехоте нашей числилось в Москве 400 офицеров. Сколько было кавалерии—не знаю. Сколько было в провинции—не знаю. Из наших людей часть работает в Кремле. По фамилиям не знаю. Один из них по виду высокого роста, брюнет, георгиевская петлица на шинели, лет 23—24, стриженые усы, без бороды.

В гостинице Малый Париж, Остоженка, 43, можно встретить начальника Штаба и тех, кто с докладом приходил. Там живет Шрейдер, офицер, принимает между 4—5, спросить Петра Михайловича.

В 19 версте от Москвы по Нижегородской жел. дор. имеется дача, в которую недавно переселилась одна парочка. Недалеко от дачи на железной дороге два моста, под которыми подложен динамит, в целях взрыва Советского поезда, при эвакуации из Москвы.

Бол. Николаевская, № 5, кв. 7, спросить Гусева. В его ведении состоят все склады оружия в Москве. Прием от 1—3.

Наши организации имеются в Ярославле, Рязани, Челябинске и приволжских городах. Было условлено, что японцы и союзники дойдут до линии Волги и тут укрепятся, потом продолжат войну с немцами, которые по данным нашей разведки в ближайшем будущем займут Москву. Отряды союзников составлялись смешанные, чтоб ни одна сторона не имела перевеса. Участие должны были принимать американцы. Семеновские отряды пока действовали самостоятельно, но связь все же хотели установить».

При помощи того же Пинки были установлены казанские адреса, куда немедленно были посланы уполномоченные В. Ч. К. Воспользовавшись паролем, им удалось связаться с Казанским Штабом и заарестовать его целиком. В числе их был генерал Попов. После таких реальных услуг, Пинка был нами освобожден. Но своего обещания продолжать раскрытие этой организации он не сдержал и скрылся. Уже в августе месяце напали на его след под Казанью, где он командовал белогвардейским батальоном.

На этот раз организацию окончательно разгромить не удалось. Она еще долго живет и устраивает восстания в Муроме, Рыбинске и Ярославле. Только со взятием Ярославля она полу-

чает сокрушительный удар и перестает существовать, как самостоятельная организация.

Большинство ее членов перекочевывают к чехо-словакам, а часть переходит во вновь образованную к.-р. организацию «Национальный центр».

Такова в общих чертах история этой организации.

2. Возникновение организации.

Наше освещение этого вопроса, на основании добытого в процессе розыска материала, могло бы показаться односторонним. Поэтому мы предоставляем об этом говорить самим белогвардейцам, а именно А. Дикгоф-Деренталю. В своей статье, помещенной в «Отечественных Ведомостях» от 24 ноября 1918 г. (выходили в Екатеринбурге), он пишет следующее о возникновении этой организации:

«Немедленно после октябрьского переворота, которому офицерские и юнкерские силы, руководимые Александровским училищем, сопротивлялись в Москве и долго и не бесславно, и в в Москве, и в разных других городах России возникли во множестве тайные военные, почти исключительно офицерские организации сопротивления. В Москве их насчитывалось до десятка. Среди них были совершенно независимые организации, руководимые ранее сложившимися офицерскими союзами и обществами. Другие образовались при политических партиях под руководством к.-д., с.-р. и с.-д. меньшевиков (запомните хорошенько!), монархистов и др. Наконец, так как в это же время возникли политические новообразования, состоявшие из обособленных до того времени общественных групп, новообразования, ставившие себе целью борьбу с большевиками и возрождение России, то некоторые офицерские элементы сгруппировались около них. Наблюдалось таким образом чрезвычайное дробление сил и распыление их. Казалось бы, что общая цель должна была об'единить все усилия, направленные к ее достижению, и всех людей, любящих свою родину. Но сильны еще были и не изжиты политические секты, и потому вместо единой и мощной организации существовали разрозненные кружки. Было много попыток об'единить их, но попытки кончались ничем, главным образом, потому, что за дело об'единения и организации брались или люди, не обладавшие организаторским талантом, или партийные, или недостаточно известные.

В это время развала и полного разброда сил прибыл в Москву с Дона Б. В. Савинков, и как член Гражданского Совета при генерале Алексееве—с определенным поручением последнего организовать и, по возможности, об'единить офицерские силы Москвы без различия партий и направлений на единой патриотической основе, и также связаться с московскими общественными элементами. Во исполнение этого общего поручения

Б. В. Савинковым и основан тайный «Союз Защиты Родины и Свободы», имевший ближайшей целью свержение большевистской власти.

Момент для образования такой тайной организации был исключительно трудный. С полдюжиной людей в качестве помощников, с пятью тысячами рублей основного и организационного капитала, было так же трудно нести серьезную работу в Москве, как и в песчаной пустыне.

Единственным элементом, искренне и безоглядно пошедшим на зов борьбы за родину, за позабытую Россию было все то же истерзанное, измученное и оскорбляемое русское офицерство. Организация сразу же приняла исключительно военный характер, ибо пополнялась и расширялась почти одними офицерами. Неожиданная крупная денежная помощь со стороны (от Массарика-Лацис) позволила сразу повести дело на широкую ногу. В середине марта пишущему эти строки пришлось в первый раз присутствовать на собрании штаба организации.

Савинков.

К этому времени уже удалось создать большой и сложный аппарат, работавший с точностью часового механизма. В учреждениях штаба, начальником которого был полковник А. П. Перхуров, было занято от 150 до 200 человек, обслуживающих и об'единявших до пяти тысяч офицеров в Москве и некоторых провинциальных городах. Имелись отделы формирования и вербовки новых членов, оперативный и иногородний отдел, разведка и контр-разведка, террористический отряд и т. д.— целое сложное боевое хозяйство, подчиненное единой приводившей его в движение и направлявшей воле.

Организация вскоре приняла название «Союза Защиты Родины и Свободы» и, почувствовав свою все растущую силу, приступила к выработке плана восстания и свержения власти большевиков.

Летом 1918 года союз достиг наибольшей силы и развития, каких только можно достигнуть в порядке тайного сообщества, при наличности полицейского сыска разных «Комиссий по борьбе с контр-революцией», постоянных угроз обысков, арестов и расстрелов. Наступил тот психологический момент в жизни, когда организация эта должна или проявить себя немед-

ленно из-подполья на свет Божий, или же начать неизбежно внутренне разлагаться. С технической стороны все обстоятельство прекрасно: были деньги, были люди, были возможности вложить в общее русское дело и свою долю боевого участия.

«Русские себе добра не захотят, доколе к оному силой принуждены не будут», писал ученый сербин Юрий Крижанич про наших прадедов еще в смутные дни Московского государства. В наши смутные дни для нас, внуков тех «силой принужденных строить землю русскую», рецепт добра прежний. Необходимо было вооруженное открытое выступление. К подготовке его велись все усилия «Союза Защиты Родины и Свободы». (Деренталь «Отечеств. Ведомости», № 13, от 24 нояб. 1918).

3. Программа организации.

Программу «Союза Защ. Р. и Своб.» мы передаем в изложении самого союза. Программа эта была отпечатана и распространялась между членами организации.

I. Основные задачи.

А. Ближайшего момента.

1. Свержение правительства, доведшего родину до гибели.
2. Установление твердой власти, непреклонно стоящей на страже национальных интересов России.
3. Воссоздание национальной армии на основах настоящей воинской дисциплины (без комитетов, комиссаров и т. п.). Восстановление нарушенных прав командного состава и должностных лиц. Некоторым изменениям должны быть подвергнуты только уставы внутренней службы и дисциплинар.
4. Продолжение войны с Германией, опираясь на помощь союзников.

Б. Последующего момента.

Установление в России того образа правления, который обеспечит гражданскую свободу и будет наиболее соответствовать потребностям русского народа.

Примечание. Учредительное собрание первых выборов считается аннулированным.

II. Положение.

1. Задачи, к выполнению которых мы готовимся, являются делом защиты жизненных интересов не отдельного класса или партии, а делом общенациональным, делом всего народа.

2. Поэтому активное выступление для осуществления намеченных задач может последовать лишь после всесторонней тща-

тельной подготовки не только в техническом отношении, но и в политическом путем об'единения всех государственно-мыслящих слоев населения.

3. Начатая активная борьба для осуществления поставленных задач прекращена быть не может и будет продолжаться, несмотря ни на какие трудности и неудачи.

4. Людям, ищущим только личной выгоды, людям слабым духом, колеблющимся, рассчитывающим на легкость достижения успеха и отказывающимся от продолжения дела при неудачах и трудностях,—не место в наших рядах.

5. Каждый должен твердо помнить, что при создавшемся хаосе русской жизни работа для достижения поставленных задач крайне тяжела. Потребуется крайнее напряжение всех моральных и физических сил, и напряжение продолжительное.

6. Несомненно, что вся тяжесть первого удара в начале выступления неизбежно ляжет на плечи наиболее идейных людей, обладающих, кроме того, технической подготовкой и твердой решимостью жертвовать собой до конца в борьбе за желанные результаты. Таким элементом, в первую голову, является офицерство, в массе подтвердившее свою самоотверженность в деле служения интересам родины; затем идейное гражданское население, обладающее некоторой технической подготовкой и спаянное идейной дисциплиной. Все остальные, готовые жертвовать собой, но технически мало или вовсе неподготовленные, послужат резервом для закрепления и развития успеха первоначального удара.

7. Во всяком случае, степень дисциплинированности, такта и выдержки каждого участника во многом облегчит скорейшее достижение успеха.

8. Начальствующим лицам озаботиться:

а) ознакомлением подведомственных им чинов с основами этого положения и предложить отказаться от участия в деле тем, кто чувствует себя слабым духом и неспособным выдержать тех испытаний, которые неизбежны в решительной активной борьбе. От отказавшихся требуется только одно—сохранение полной тайны о всем, что им стало известным об организации, за время состояния в таковой. Отказы принимаются до 25 мая (время поступления в Центральный Штаб). После этого всякие уклонения от обязанностей и отказы будут считаться сознательной изменой, равно как и разглашение тайн организации, и караться до лишения жизни включительно;

б) строго конспиративной, но тщательной регистрации всех лиц, состоящих у них на учете;

в) чтобы никто из членов организации не выдавал другого, наказывая изменников расстрелом. (Конец отсутствует вследствие разорванности листка. Лацис.)

Цель организации в изложении Пинки.

Главной задачей организации было создание в России порядка, создание мощной дисциплинированной военной силы, с которой при помощи союзников продолжать войну с Германией. Всю вину теперешних разных бедствий, как-то: голода, наступления немцев на юг, безработицы, наваливали на Совет Народных Комиссаров, говоря, что они только одни ввергли Россию в это положение. Потому одной из первых своих задач ставили борьбу против теперешней власти. Для достижения этих целей, т.-е. свержения Советской власти, создания мощной военной силы, продолжения войны с немцами, организация напрягала все силы к об'единению всех социалистических партий и даже монархических в одно общее для достижения своей цели. Трудно было найти ту среднюю пропорциональную линию, на которой могли все приступить к общей работе. Поэтому, принимая во внимание национальные чувства русского народа, организация старалась как можно больше придавать себе окраску национальную. Полностью свои планы Главный Штаб все-таки не мог осуществить, так как и среди националистов оказалось большое расхождение во взглядах на почве тактических соображений. Одна часть стояла на том предположении, что достичь упомянутые цели возможно лишь при помощи немецких штыков, а потому старалась войти в полный контакт с немцами. Другая же сторона, как раз наоборот, все силы хотела приложить к тому, чтобы, об'единившись с союзниками, окончательно покончить не только с немцами, но и с теми, которые сочувствовали им. Последняя группа для достижения этой цели решила создать силу, которую в нужную минуту использовать, как боевую единицу. Эту боевую единицу хотели сорганизовать из бывшего офицерства, принимая во внимание, что большинство из них находилось в весьма печальном материальном положении. Окончательные задачи, проекты выполнения их никому не говорили. Но трудно было умалчивать, так как каждый желающий принимать участие хотел узнать все подробности, поэтому нужно было организаторам самим выдумывать и говорить массу неправды вступающим в ряды бойцам. Конечно, на этой почве происходило много недоразумений, но все-таки как-нибудь дело налаживали. Большинство офицерства шло к нам в виду беспартийности нашей организации, что особенно подходило для военных. В последнее время, когда набралась боевая группа силой около 400 человек, решено было перебросить ее в один из приволжских городов, а там ожидать подкрепления со стороны наших союзников. Если бы союзники согласились дать боевую силу, то полагалось образовать фронт так назыв. уральский, таким образом отрезать Великороссию от Сибири. После того мобилизовать всех сочувствующих и перейти в наступление на немцев, так как к этому времени полагалось, что немцы займут Москву и Россию до Волги.

Кстати должен заметить, что эвакуацию торопились сделать, скоро как только можно, так как мы были уверены, что немцы в скором будущем будут в Москве. Что касается чисто организационной работы, то она производилась следующим образом:

Принимались только лично знакомые и по личным рекомендациям кого-либо из нашей организации. Более или менее старший по чину назначался начальником группы или полка. Всех вновь прибывших людей не направляли к нему лично, а давали только адреса ихнего местожительства, а обязанность каждого начальника была самому его найти, это делалось для конспирации, причем записи никакие не велись (кроме адресов большей частью тоже шифрованных) тех, которые должны были войти в боевую группу. Каждый командир полка составлял с'емку, на которой кружками изображались боевые единицы, т.-е. как только кто-нибудь прибыл, то к имеющейся схемочке прибавлялся новый кружок. Такие схемочки каждую неделю представлялись в штаб организации, с которым поддерживал связь только один человек и то встречались только на бульварах и около памятников.

В случае ареста кого-либо из к-ров полков, никогда не возможно было найти Гл. Штаба.

А. Пинка.

Программа на деле.

То, что в показной программе было изложено сравнительно сносно и носило демократический оттенок, сразу же теряется, как только организация вступает на реальную почву и приступает к активным действиям; сейчас же выглядывает монархическое копыто А л е к с е е в а. Это как нельзя лучше явствует из нижеследующего постановления П е р х у р о в а, опубликованного им по взятии гор. Ярославля:

ПОСТАНОВЛЕНИЕ.

Главнокомандующего Ярославской губ. командующего вооруженными силами Северной Добровольческой Армии Ярославского района.

«Об'являю гражданам Ярославской губернии, что со дня опубликования настоящего постановления в целях воссоздания в губернии законности, порядка и общественного спокойствия:

I. Восстанавливаются повсеместно в губернии органы власти и должностные лица, существовавшие по действовавшим законам до октябрьского переворота 1917 года, то-есть до захвата центральной власти Советом Народных Комиссаров, кроме особо установленных ниже из'ятий.

II. Признаются отныне уничтоженными все законы, декреты, постановления и распоряжения так называемой «Советской власти», как центральной, в лице Совета Народных Комиссаров, так и местных в лице рабочих, крестьянских и красноармейских де-

путатов, исполнительных комитетов, их отделов, комиссий, когда бы и за чьей бы то ни было подписью означенные акты ни были изданы.

III. Упраздняются все органы означенной «Советской власти», где бы в пределах Ярославской губернии таковые ни находились и как бы ни именовались, как коллегиальные, так и единоличные.

IV. Все находящееся у них имущество, все дела и делопроизводства в Ярославле переходят в распоряжение Управления Главноначальствующего по гражданской части, а в прочих городах губернии—в распоряжение начальников уездов, коими и распределяются по подлежащим учреждениям и лицам.

V. Отменяются действия положений Временного Правительства: а) о губернских и уездных комиссарах, б) о милиции и в) о губернских, уездных и волостных земельных комитетах. Дела означенных комитетов временно передаются в ведение губернского и уездных земств и волостных старшин по принадлежности.

VI. Приостанавливается действие постановлений изд. Временным Правительством: а) о производстве выборов городских гласных, б) губернских и уездных земских гласных, в) временные положения о волостных земских самоуправлениях, г) о поселковом управлении, правила о волостном обложении, о волостных сметах, раскладках и о волостных сборщиках и д) положение о судах по административным делам.

VII. Все, могущие возникнуть на практике вопросы и недоумения о применении приостановления или отмены действовавших законов разрешаются в срочном порядке распоряжением Управления Главноначальствующего Гражданской части Ярославской губернии.

VIII. Судебная власть в Ярославской губернии восстанавливается в лице окружноого суда и мировых установлений, при чем мировые судьи в первой инстанции решают все дела, как гражданские, так и уголовные, единолично и институт членов мирового суда упраздняется. Все выбранные в 1917 году уездными земскими собраниями, Ярославской Городской Думой мировые судьи восстанавливаются в своих правах, при чем устранение их и председателя мирового с'езда от занимаемых должностей принадлежит Главноначальствующему Ярославской губернии. Назначение новых мировых судей до полного их комплекта по закону, изданному Временным Правительством, временно производится Управлением Главноначальствующего, из кандидатов по представлении общим собранием отделений Ярославского Окружного Суда, по предварительному избранию Земскими и Городскими Совещаниями по принадлежности.

Также восстанавливается прокурорский надзор, судебноследственная власть и вообще все органы судопроизводства.

IX. Органами земского и городского Самоуправления временно являются Управы с председателями и городскими голо-

вами, во главе Земскими и Городскими совещаниями при них из местных лиц, назначаемых по представлению Управ Управлением Главноначальствующего по Гражданской части в числе, определяемом особым распоряжением.

X. В волостях все полномочия по делам местного управления переходят к волостным старшинам, назначаемым властью начальников уезда. Последние в случае надобности могут назначать помощников волостных старшин. При старшине состоит волостной секретарь, назначаемый той же властью.

XI. Все должностные лица губернии, в случае несоответствия их деятельности пользе дела, могут быть временно отстранены и замещены властью Главноначальствующего губернии.

XII. Все функции общей полиции ведают органы уездной и городской стражи, во главе коих стоят назначаемые властью помощников Главноначальствующего по Гражданской части и начальника уезда, начальники уездные, городские, районные и участковые, а также их помощники и нижние чины стражи, назначаемые по особо установленному расписанию.

Примечание: пп. IX, X, XI, XII вводятся лишь временно до восстановления Общего Государственного порядка в пределах Государства Российского.

Главноначальствующие Ярославской губ., Командующий вооруженными силами Северной Добровольческой Армии Ярославского Района.

Полковник Перхуров.

13 июля 1918 г.

4. Партийный состав.

Официальное лицо организации—беспартийность. Но это лишь спекуляция на беспартийность, чтобы привлечь разношерстное, а подчас неопределившееся офицерство и трудовую интеллигенцию. На деле же организация представляла из себя — блок целого ряда партий и групп, была вдохновляема генералом Алексеевым и составляла нелегальную организацию Добровольческой Армии. Это непреложно явствует из приказа начальника Штаба «Союза Защиты Родины и Свободы» полковника Перхурова, изданного им по взятии Ярославля. Приказ гласит:

1. На основании полномочий, данных мне главнокомандующим Северной Добровольческой армии, находящейся под верховным командованием генерала Алексеева, я, полковник Перхуров, вступил в командование вооруженными силами и во временное управление гражданской частью в Ярославском районе, занятом частями Северной Добровольческой армии.

§ 2. Впредь до восстановления нормального течения жизни в городе Ярославле и его губернии, вводится военное положение и на это время воспрещаются всякие сборища и митинги на улицах, в публичных местах.

Полковник Перхуров.

6 июля н./ст. 1918 г.

Здесь все сказано прямо и ясно. Но в процессе организации этого говорить нельзя, ибо «для достижения поставленных целей... все силы напрягались для об'единения всех социалистических партий и даже монархистов», так показывает один из главных действующих лиц Московской организации Пинка. Поэтому необходимо было маскироваться и выдавать организацию в лучшем демократическим одеянии. Это им удавалось.

«Из политических партий к нашей организации принадлежат: народные социалисты, социалисты-революционеры и левые кадеты, а сочувствовали и меньшевики, но последние оказывали помощь только агитацией, избегая активного участия в вооруженной борьбе, говорит тот же Пинка.

К этому Диккгоф-Деренталь прибавляет: «Единственным элементом, искренне и безоглядно пошедшим на зов борьбы за родину, было все тоже истерзанное, измученное и оскорбляемое русское офицерство».

Эти показания Пинки и Деренталя подтверждаются данными следствиями.

Следствие подтвердило, во-первых, данные Деренталя о том, что главною силою «Союза Защиты Родины и Свободы» было офицерство. А офицерство в своем большинстве в то время было эсерствующее, за исключением явно монархически настроенного прежнего кадрового офицерства, которое или придерживалось немецкой ориентации, или тяготело прямо к Дону, к Деникину.

Во главе организации стоял с.-р. Савинков и, благодаря предоставленным ему диктаторским полномочиям, давал тон всей организации, включавшей в себя и монархистов — «алексеевцев», и поповцев, и народных социалистов, и даже меньшевиков кадетов группу «Единство» и анархистов.

Другое ответственное лицо Виленкин, заведывавшее кавалерийскими частями, состояло в партии народных социалистов. Он сам лично показывает: «Я принимал участие в Трудовой Народной Социалистической партии, был председателем армейской группы N-й армии, названной партии».

Об участии партии (группы) «Единство» совершенно определенно говорится в декларации Всероссийского Национального Союза (см. «Отеч. Ведом.», тот же номер). В состав комитета вошли следующие лица: Д. С. Григорьев, врач, чл. партии «Единство и «Союза Защиты Родины и Свободы» и пр.

Что касается участия меньшевиков, то следует сказать, что участие партии целиком в этой организации не замечается. По

словам Пинки она проявляется в агитации против Советов в пользу «Союза Защиты Родины и Свободы».

Зато несомненно участие отдельных лиц. Так, жена бывшего министра коалиционного правительства Никитина, Валентина Владимировна, держала у себя явочную квартиру и работала в организации, как ответственная курьерша. Это видно хотя бы из нижеследующего письма:

3 июня 1918 г.

Дорогой Николай Сергеевич!

В субботу приехала в Казань и в тот же день была на Посадской. Дома никого не оказалось. Утром я нашла хозяина и на вопрос, где находится Виктор Иванович, получила злую, удивленную физиономию. Из дальнейшего разговора выяснилось, что он совершенно посторонний обыватель немецк.-монархического пошиба. Он возмущен, что к нему уже несколько дней являются люди, требуют какого-то Виктора Ивановича, квартиру, адресов и т. д.

Виленкин.

Мало этого, он получил какую-то дурацкую коммерческую телеграмму о подмоченной таре. Одним словом, человек раздражен до крайности. Самого Виктора Ивановича нигде нет и не было уже больше 3-х недель.

В виду всего происшедшего я позволила себе превысить мои полномочия и об'явила, что являюсь представителем нашего штаба. Это хорошо подействовало на настроение наших людей, которые были в полном отчаянии. Завтра свяжусь со штабом генерала Алексеева. Их здесь 600 человек. Присылайте кого-нибудь. Здесь путаница большая. Боюсь, что не справлюсь одна. С.-р. провоцируют, я же установила разведку и буду парализовать их действия насколько сумею. Наши молодцы подбодрились и начнут работать.

Решили мы с.-р. ничего не давать, но открыто не показывать своего отношения. Необходимо здесь Бредиса или еще кого-нибудь из его сотрудников. По словам Лели у вас очень плохо, но это ничего. Бог не выдаст. Все старые явки недействительны, завтра сделаю публикацию с адресом. Всего лучшего, привет всем.

Валентина Владимировна Никитина.

Но в окончательном счете организация стремилась затушевывать и партийность, и программу. Игра шла в темную. Даже цели организации, по показанию Пинки, говорились не всем. Существовала программа для себя, для вожаков и программа для наружного употребления; чтобы привлечь разношерстное офицерство, приходилось с каждым говорить на его языке. Благодаря строго-конспиративному принципу, по которому один человек должен был знать только четырех из организации, эта игра в темную удавалась. Немудрено, что организация включала в себе людей, начиная с алексеевцев и кончая меньшевиками.

Но столь же естественно, что это разношерстное тело должно было начать разлагаться. Тайна мало-по-малу стала пробиваться наружу. Начались подозрения и недоверие друг к другу. Отсюда—разлад, дробление сил, и, в конечном счете, намеченный контакт с немецкой ориентацией рушится, а искусственное об'единение рассыпается.

Несомненно и участие левых кадетов.

К началу 1918 года в кадетской партии замечались два направления «немецкая ориентация» и «союзническая ориентация». Союзническая ориентация как раз принадлежала к левому крылу кадетов. Следствием установлено участие левого кадета Лукашева Николая Яковлевича, бывший прапорщик и начальник связи 16-й Сибирской стрелковой дивизии. Обнаруженный при нем материал свидетельствует о том, что он был докладчиком на апрельской кадетской конференции по некоторым вопросам.

Знаменательно, что общая линия «Союза Защиты Родины и Свободы» как раз совпадает с той линией, которую отстаивает Лукашев. Поэтому мы приводим здесь целиком его доклад о «немецкой ориентации».

„Немецкая ориентация".

Надо поставить вопрос со всею откровенностью. От предполагаемых ли ультиматомов гр. Мирбаха, от тайных ли замыслов гетмана Скоропадского, но все ждут в близком будущем каких-то решительных событий. Немцев еще нет в Москве и Петербурге, но гроза иноземного вторжения надвигается все ближе и ближе. И вторжению этому, повидимому, постараются придать характер ответа на некий призыв. Жизнь вплотную подошла к вопросу, о котором давно уже люди шепчут друг другу на ухо и которому на столбцах газет отводится туманное наименование «ориентация».

Страна экономически разрушается, населению грозит голодная смерть, правительственная власть бездарна и невежественна, но борьба с нею невозможна, так как политические партии бессильны образовать правительство, имеющее сколько-нибудь прочную опору в стране; а главное организовать такую опору, при бдительном надзоре со стороны германского начальства, невозможно. Такова несложная аргументация тех, — к сожалению, все более

обширных кругов общества, — которые откровенно или полуприкровенно мирятся с «призывом». Международная сторона такой комбинации с немцами мыслится в виде изменения—или, если угодно, истолкования—брестского договора, с целью устранения наиболее тяжких его последствий: отделения Украины, отдачи туркам Карса, Батума и Ардагана, присоединения Лифляндии и Эстляндии и временной оккупации недавно занятых немцами областей. Так рисуются кое-кому условия, будто достижимые, на которых немцы могли бы заключить с нами мир—не бумажный, не «брестский» с набегами на Крым и на Ростов, а мир настоящий за цену полного разрыва нашего с союзниками. Могут ли ответственные политические круги решиться на такой мир, в придачу к которому предложены были бы, вероятно, и услуги по водворению внутреннего порядка и созданию сильного не большевистского правительства.

Нужно дать себе отчет в характере запрашиваемой от нас цены. Мы должны порвать нити, связующие нас с союзниками, выйти из англо-французской международной орбиты и войти в констелляцию центральных европейских держав. Таков основной, суровый, но ясный вывод из предполагаемой комбинации. Только при такой ясной постановке приобретает для немцев некоторый смысл новый «мир» с обессиленной Россией. Поставленная в таком неприкрытом виде, эта проблема обозначает не только оформление предательства, совершенного нашею разбежавшеюся армией и ее вдохновителями,—она обозначает и основной поворот на долгие годы во всей системе нашей международной политики.

Salus respublicae требует в эту ответственную историческую минуту всей доступной нам трезвости, отречения от всего, что может отдавать беспочвенным сантиментализмом. Очень много этого греха на нашей интеллигентской душе и необходимо потому особенно зорко следить за собою в эти небывалые в жизни наших политических партий минуты. Нужно иметь мужество отнестись даже к мысли об учинении предательства не только с точки зрения морального ее безобразия. Будем только трезвы и только проницательны. Но бывает трезвость, считающаяся с перспективами ближайшего дня, находящаяся во власти навязчивой идеи от тяжкой, непосредственно давящей обстановки, и бывает трезвость иная—сознающая, что в сложной политической обстановке, непрекращающейся всемирной войны, созидания и разрушения держав, в смертельной схватке грандиозных экономических интересов не надо проявлять нетерпения, впадать в отчаяние и поспешно выбрасывать за борт моральные политические ценности, накопленные трудом предыдущими поколениями и необходимые—как воздух для дыхания—для свободной и независимой жизни будущих поколений.

Для проповедующих «трезвое» отношение к создавшейся кон'юнктуре существует брестский договор и большевики—два факта реальные, несомненные—два давящих жизнь призрака, от

которых надо скорее избавиться. Для избавления от брестского мира предлагается путь дипломатического торга, для большевиков—немецкий штык. Боязнь немецкого штыка может быть тоже подведена под рубрику сантиментов, а потому оставим пока его в покое и сосредоточим свое внимание исключительно на брестском договоре. С точки зрения наименования существует, что в глазах немцев она нас связывает, и что всякое отступление от нее доставляет немцам лишнее удовольствие обладать готовым предлогом для новых военных действий. Но с точки зрения более общей политической перспективы брестский мир есть эпизод—поистине «клочек бумаги», подписанный именем русского народа. И что он только эпизод—не серьезный, а почти водевильный—об этом свидетельствуют сами немцы. Разве на основании брестского договора или вследствие нарушения его они занимают Крым для «некоей дружественной державы», тоже, повидимому, участвовавшей в брестском договоре. Брестский договор уже перекраивается жизнью—перекраивается в сторону наиболее благоприятствуемой пока судьбою державы—и участь его так же изменчива и непрочна, как изменчив и непрочен результат одной победоносной стачки в огромной мировой борьбе. А если так, то чего стоят все «изменения» и «истолкования» его, которых мы можем добиться только поворотом военного счастья на Западе,—поворот, в который верят, однако, наши союзники, жертвуя ради него всею новою живою силой, но и всякая перемена во взаимных отношениях самих центральных держав (Германии и Австрии), всякое колебание экономических перспектив, неизбежные пертурбации в конструкции новорожденных государств и взаимные столкновения этих поспешно рождаемых в таком изобилии государственных организмов,—все это элементы, непрерывно сменяющие друг друга, воздействующие друг на друга и способные перевернуть, без всякого с нашей стороны участия, даже не столь хрупкие постройки, как брестский договор,—могущие в одинаковой мере и дать, и отнять у нас Лифляндию, Эстляндию, Украину, Крым. Для чего же закреплять нашу капитуляцию участием в таком никчемном торге? И за какую цену ее закреплять...

Во всем переплете этих ультрапрактических комбинаций единственною реальною ценностью, имеющей абсолютное, а не эпизодическое значение, является требуемое от нас отречение от союзников, ведущее затем последовательно к союзу с Германией против Англии, Франции и Америки. Это единственный акт, от которого возврата нет и быть не может. Предательство союзников, раз совершившись, не будет уже стерто со страниц истории, как бы военная фортуна ни поворачивала самый вопрос о брестском договоре. Говорят, что предательство это все равно уже совершено—совершено русским народом. Но если так, то отчего же нас тянут на санкцию этого предательства. Видимо, те, кому эта санкция нужна, понимают, что есть отличие между пьяным дебошем усталой, обезумевшей и сбитой с толку солдатской толпы,—между

хамом, пляшущим и издевающимся над обнаженным родителем своим—и политическою капитуляциею со стороны «соли земли»—тех, кого и враг не может не признать действительными представителями народа, чью волю, чей инстинкт, чью душу он хотел бы сковать навсегда морально и формально, чтобы обеспечить себя от неизбежного мщения, от возрождения народной энергии, которая, пережив бурю, может подняться и перевернуть все брестско-украинские карточные домики. Сдавши эту позицию, мы лишаем Россию навсегда морального кредита в международных отношениях—ту Россию, которую весь мир отделяет еще от брестских «представителей». Эти две части сольются перед лицом человечества в единую Россию, и на челе ее будет отныне неомываемая печать проклятия Иудина. И когда по изменившимся политическим комбинациям, Германия сама грубо оттолкнет предательницу и предаст ее в свою очередь, каким языком мы сумеем заговорить с нею? Участие Киевской Рады могло бы служить нам практическим языком. Каким языком в праве говорить теперь Рада, предавшая Россию Германии и, в свою очередь, теперь предательски отброшенная ею. Трезвые политики кладут на весы и ту помощь, которой мы можем ждать от союзников, и значение нашего участия в будущем мирном конгрессе. Но к обоим этим факторам проявляется отношение весьма скептическое и даже тревожное. Союзники-де далеко, десант на Дальнем востоке грозит нам новыми захватами, а на мирном конгрессе, будет ли Россия в нем участвовать или нет, никто за нее, выбывшую в роковую минуту из строя, не заступится.

Имеет ли, должна ли иметь какое-либо значение для нашей ориентации та помощь, которую могут нам непосредственно в России оказать союзники, и весь вообще вопрос о десанте. Можно быть очень опасливым и относиться вполне отрицательно ко всякой мысли о десанте, можно признать совершенно фантастическою мысль о помощи союзников на территории России; но от этого не меняется ни наша обязанность стоять на стороне союзников, не умаляются и наши расчеты на то, что наше положение определится только в результате общей мировой борьбы. В этой борьбе нынешнее наше несчастье есть только эпизод. Результата общей мировой борьбы ждет маленькая и бессильная Бельгия, которой не раз предлагались соблазнительные условия сепаратного мира, ждет ее истерзанная, экспатрированная Сербия и никто еще не дерзнул пред'явить к ним обвинения в неправильной защите своих национальных интересов. Общий результат войны имеет по отношению к России еще особое значение. Восстановление Бельгии и Сербии явится для держав Согласия исполнением морального долга, в восстановлении России лично заинтересованы крупнейшие участники четверного согласия, для которых весь смысл войны в уничтожении германской гегемонии и в соблюдении принципа равновесия. Конечно, volenti non fit injuria вопреки нашему собственному желанию нас никто благодетельствовать не станет.

Согнувши добровольно шею под германское ярмо, мы, уже потом допущенные на конгресс или устраненные от него, все равно ошибки нашей не исправим. Но тем более повелителен долг со всею бережностью охранять наше право, не давать моральной санкции страны тому акту, которого и весь культурный мир нам в счет не поставит, если мы только сами собственными деяниями его не укрепим.

Наши внутренние неустройства должны изжиться и пристальному взгляду не может не быть заметно, что они уже изживаются. Но если бы даже для излечения от наших внутренних недугов оставалось в данную минуту только одно средство—вмешательство вторгшегося в страну врага, то все же от этого вмешательства необходимо было бы отказаться, исходя из нашего международного положения. В течение десятков лет это положение определялось участием нашим в комбинации держав, тяготеющих к сохранению равновесия искренно стремящихся к расширению правовой базы международных отношений и к сокращению международных вооружений. Через эту комбинацию мы предполагали изменить и нашу экономическую политику, долженствующую определить на десятки лет более интенсивное и более соответствующее нашим хозяйственным условиям использование наших природных богатств; последняя задача стала особенно близка с момента вступления в союзную группу Северо-Американских Соединенных Штатов. Та же международная комбинация гарантирует нас и это не надо забывать, несмотря на разочарование от революционных опытов наших дней, она гарантирует нас и от возврата к абсолютному режиму, горький вкус которого как будто начинает забываться. Все это элементы, определяющие жизнь нации на столетия вперед. Русская внешняя политика, поощряемая всем прогрессивным общественным мнением, с большим трудом пробилась на путь этой политической ориентации, и очевидно, только больное воображение может ставить в какую-либо связь нынешнее наше внутреннее состояние с таким направлением нашей внешней политики. Мыслимо ли при таких условиях менять курс, избранный в спокойных условиях в течение десятилетий и ныне по с у щ е с т в у никем не оспариваемый, мыслимо ли менять его... из-за страстного желания одолеть большевиков. Не значит ли это хватить булыжником в лоб России для того, чтобы прогнать скверную, назойливую, больно колющую, даже ядовитую, но все же—муху.

1. Партия Н. Св. всегда отстаивала во внешней политике необходимость участия России в анти-германской коалиции. Сплочение общественного мнения около этой идеи, национальное об'единение во время войны и резко-отрицательное отношение к идее сепаратного мира с Германией явились в значительной мере результатом деятельности партии.

2. Судьбы России будут зависеть от общих результатов мировой войны, исход которой отнюдь не предрешен. Это одинаково

верно, как для того случая, когда война будет перенесена на новый восточный фронт, так и для того случая, когда нового восточного фронта не будет.

3. Брестский мир партией не признается. Всякие уступки, которые могли бы быть сделаны центральными державами в области изменения или истолкования Брестского договора, были бы иллюзорны, в виду полной беззащитности России. Вступление на путь таких переговоров неизбежно влекло бы за собой союз с Германией против наших союзников, что, очевидно, неприемлемо.

4. Сепаратное соглашение с Австро-Германской коалицией недопустимо не только по соображениям морального, но и политического свойства.

5. Наша международная ориентация не должна исходить ни из нетерпеливого желания разрешить наши внутренние дела, прибегая к внешнему вмешательству, ни из надежд на непосредственную помощь союзников в борьбе с Германией. Воссоздание России, составляющее ныне основную цель нашей внешней политики, явится результатом: а) борьбы держав согласия за устранение германской гегемонии, б) неизбежного тяготения частей России к об'единению и в) — главным образом — внутреннего собирания народных сил, не проявляющихся пока, в виду усталости от войны и революции, но не могущих долго оставаться в состоянии апатии и приниженности.

В городах (восстановление Цензовых Дум) члены партии в зависимости от определившихся условий могут оставаться в распорядительных и исполнительных органах, ставя себе исключительную задачу возможно полного обеспечения и защиты интересов населения. В зависимости от исключительной важности переживаемого момента партия, сознавая свое ответственное государственное значение в качестве организующего национального центра, видит свою задачу в проведении идеи образования национальной власти воссоздания государственности, как народного завоевания.

Для этой цели партия должна выдвинуть те идеи, которые могли бы в основание обще-национальной платформы с тем, чтобы около нее могли бы об'единиться разнообразные общественные группы, как справа, так и слева, способные подняться на высоту национальной задачи.

Партия, не отказываясь от своей программы, должна считаться с тем, что при том положении, в котором находится сейчас родина, немедленное осуществление целиком всех партийных положений должно быть подчинено делу об'единения всей России и воссозданию ее государственной мощи.

Тактическая платформа, об'единяющая всех, должна заключить в себе такие опорные начала, как воссоединение России, областная автономия, национальное равноправие, автономия церкви и необходимые социальные реформы.

Речь Лукалова по докладу Кизеветтера на конференции.

Г-да, мне хочется сказать несколько слов относительно третьей части доклада Ал. Ал. — относительно совместной работы с большевиками.

Мне кажется, что этот вопрос уже самой жизнью решен в положительном смысле.

Шесть месяцев тому назад большевики захватили власть, и русская интеллигенция отшатнулась от них. Отстранились от них и все те слои населения, которым была дорога Россия и которые видели, что пришествие большевизма—синоним гибели России, как государства.

В то время каждый из здравомыслящих российских граждан говорил, что большевики долго не просидят, что их скоро столкнут или они сами свалятся, что их свалит их же способ управления, который с каждым днем все больше и больше разрушал государственный аппарат России.

В первое время, как мне удалось проследить, надежды возлагались на так называемый «контр-революционный заговор», который, говорили, зреет в центре России в главных городах ее Петрограде и Москве. По секрету называли и лиц, которые стояли во главе этого заговора. И действительно большевики в течение шести месяцев открыли несколько таких заговоров, большинство из которых были плодом пугливой фантазии самих же господ большевиков. Далее возлагались надежды на юг — на «тихий» Дон и на Украину и на север — на Сибирь, но ни юг ни север не оправдали надежд.

Тогда взоры большинства российск. граждан обратились с мольбой к нашим врагам—немцам и австрийцам, а меньшинства—к союзникам.

Большинство думало, да, я думаю, и теперь надеется, что все спасение в немцах, и он придет, наведет порядок, даст относительную свободу, относительное благосостояние, относительное спокойствие за судьбы России и предоставит нам зализывать наши многочисленные раны.

Эти надежды, я думаю, за последнее время сильно поколебались даже у самых ярых поклонников немецкой культуры.

Граждане Малороссии и Белоруссии смогут многое порассказать о способе немецкого управления и о той большой заботливости немцев к их благосостоянию. Они впоследствии также расскажут нам, чем отплатили новые союзники этим свободным республикам, за то, что они дали им хлеб и таким образом не дали умереть с голоду.

Таким образом ждать помощи неоткуда, да и немецкая помощь по-моему будет похуже большевистской анархии и большевики все сидят и сидят. Сколько они времени просидят? Одни говорят месяц, другие — год. Шесть месяцев русские граждане,

несочувствующие большевизму, были зрителями того, что проделывали над Россией Ленин и Троцкий.

Вначале большевики не смогли захватить все в свои руки, многие учреждения работали совершенно самостоятельно. С течением времени большевики все больше и больше раздвигали свои щупальцы, все больше и больше учреждения захватывали в свои руки и теперь нет ни одного учреждения, которым большевики если не фактически управляют, то имеют своих контролеров.

И значит в данный момент все в руках большевиков, т.-е. той партии, которая фактически полгода управляет Россией. Полгода мы по выражению большевиков саботировали.

Саботаж интеллигенции сыграл громадную роль.

Но саботаж, продолжающийся полгода, обречен на смерть по той простой причине, что большинство доживает последние крохи. А истратив последний рубль каждый из нас саботирующий принужден будет искать какой-нибудь работы, пойти куда-нибудь служить, а так как я только что сказал, что все захватили большевики, то ясно, что нам придется пойти на службу к большевикам, служить с большевиками.

А другого выхода из создавшегося положения я не вижу.

И мне кажется, наша партия должна санкционировать вопрос о работе с большевиками, так как в противном случае многие из нашей партии, чтобы не умереть с голоду, пойдут служить с большевиками, но будут делать это тайно, как что-то позорное и недостойное.

Из доклада Ал. Ал. я вынес впечатление, что наша партия уже решила этот вопрос в положительном смысле.

Ал. Ал. сказал, что в тех учреждениях, где уже служили члены нашей партии и куда пришли большевики, наши должны оставаться и бороться с большевистскими лозунгами в этих учреждениях.

Но таких учреждений сейчас по-моему мало осталось.

Большинство учреждений таких, из которых члены нашей партии уходили, как только их захватывали большевики, и учреждений, образованных при большевиках.

Идя служить в такие учреждения, члены нашей партии, сказал Ал. Ал., должны ставить известные условия, должны требовать карт-бланш в выборе себе сотрудников и в проведении известной программы.

Но это касается крупных общественных деятелей нашей партии, с которыми большевики будут считаться, если будут их звать на совместную работу. А как же должны поступать средние и рядовые члены нашей партии. С ними большевики особенно церемониться не будут и никаких гарантий не дадут.

Вот тут-то мы должны помнить приведенную в докладе Ал. Ал. выдержку из священного писания, что мы должны быть чисты, как голуби, и мудры, как змеи.

Идя служить с большевиками, мы не должны скрывать, что мы кадеты и всю нашу работу вести в духе партии народной свободы.

Тем более за последнее время большевики все время твердят, что в деловом общении они аполитичны.

Занимать должности так назыв. управительск., которые связаны с проведением в жизнь большевистских декретов мы, конечно, не можем, мы должны итти на должности исполнительные. Вот по-моему первая причина, благодаря которой мы должны будем итти работать вместе с большевиками.

Вторая же причина еще более важная заключается в следующем:

Каждому из вас, господа, известно то положение, в котором сейчас находится Россия.

Каждый из вас знает, что почти все учреждения и предприятия с каждым днем все более и более замирают. Благодаря неумелому и преступному способу управления весь государственный аппарат России все более и более разрушается.

В особенности это ярко видно на железных дорогах, где каждый месяц выбывает из строя известное количество подвижного состава, заменить который большевики не в силах, и так все медленно разрушается, все медленно умирает.

Это общее разрушение влечет за собою смерть не только большевикам, а всей России, всему русскому народу.

И мы, партия народной свободы, должны прийти в такой критический момент на помощь России.

Мы должны своими знаниями, своим опытом приостановить это общее разрушение.

Я твердо верю, что при их образе управления большевики погибнут, но когда это произойдет через месяц или через шесть месяцев сказать об этом никто не сможет.

И если они просидят еще несколько месяцев, то с большевиками погибнем и мы, так как, мне кажется, не найдется ни одной партии, которая могла бы взять в свои руки управление Россией.

Итак, мое глубокое убеждение, что мы должны итти сейчас и работать с большевиками, постараться приостановить разрушение России, во имя спасения России и народа, за свободу которого наша партия так долго боролась.

О ближайшей деятельности партии в стране.

Исходя из бесспорных положений, что без проникновения в демократические слои населения, в рабочую и крестьянскую среду партия никогда не станет народной и при всеобщем избирательном праве не получит более или менее значительного представительства, что пропаганда идей партии, т.-е. медленное и длительное внедрение этих идей в демократические слои населения, в крестьянскую и рабочую среду может произойти только путем длительной повседневной работы во вневыборные периоды, путем

постоянного тесного общения с этими слоями, их политическим воспитанием и просвещением и что намечающийся перелом в настроении демократических слоев, рабочих и крестьян, разочаровавшихся в том, во что они поверили, и не получивших того, что им обещали, но пока еще не нашедших нового определенного содержания для своей будущей веры, является моментом, наиболее благоприятным для начала работы в этой среде.

Считаю необходимым сосредоточить теперь все внимание членов конференции и поставить в центр обмена мнениями вопрос о том: что же можно практически выполнить немедленно? А именно: через кого следует проникать в демократические слои? Наилучшим способом следует признать тот, когда пропаганду ведет лицо, которое по своим профессиональным обязанностям соприкасается с демократическими слоями населения. Таковыми являются: народные учителя, фельдшера, акушерки, духовенство, врачи, земские страховые агенты, служащие городских и земских самоуправлений, кооператоры, агрономы, служащие в имениях, железнодорожники, чиновники и т. д.

По мере развития пропаганды могут и должны вести дальнейшую работу местные люди, специально к тому подготовленные из тех же демократических слоев. Там же, где нет ни того, ни другого, завязывать связи с местной сельской интеллигенцией могут специально с этой целью командированные отделом партии лица, об'езжающие уезд, как партийные пропагандисты и организаторы. Куда именно следуют направить первые шаги, т.-е. на какие слои населения надо обратить внимание?

Так как все наши сельские ячейки организуются из уездных городов, а из горожан больше всего связей с деревней имеют демократические слои населения, то необходимо обратить внимание на городскую демократию, как-то: на торгово-промышленных служащих, мещан, ремесленников, прислугу, духовенство, рабочих и пр. В деревне же прежде всего подойти к сельской интеллигенции вышеперечисленной, к мелким земельным собственникам, кооператорам и пр. Какова должна быть работа в демократических слоях, с чем нужно к ним итти и как итти?

В те деревни и села, где нет партийных уполномоченных и агентов, можно итти для предварительной разведки настроения населения. Там же, где ячейки или агентуры существуют, можно приниматься за определенную партийную работу, наконец, если разведка покажет, что в данном месте партийная работа невозможна, следует заняться работой характера общественно-необходимого, просветительного и профессионального.

Остается вопрос о том, что может и должен сделать город для подготовки и облегчения работы в демократических слоях как у себя, так и в деревне. Ему придется заняться:

1) изучением города и уезда, их географией,
2) изучением состава партийной группы города и уезда,
3) изучением результатов избирательных кампаний и, наконец,

4) произвести определенную подготовительную работу, при чем главное внимание в этой последней должно быть направлено на создание технического аппарата, пригодного для пропаганды идей партии, и без которого эта пропаганда невозможна в демократических слоях населения. Этот технический аппарат должен состоять из кадра особых лекторов, пропагандистов и организаторов. Наконец, что также очень важно, необходимо сделать учет культурных сил на местах. Собрать и об'единить обломки культуры, на страже которой партия всегда стояла. Надо собрать остатки городских и земских самоуправлений и других общественных организаций и выяснить их жизнедеятельность и работоспособность для будущего».

Для характеристики подлинного лица организации «Союза Защиты Родины и Свободы» мы приводим письмо Герцена из Казани к Московскому штабу:

Хороший Николай Сергеевич
и глубокоуважаемый Борис Алексеевич!

Истекает третий месяц со дня нашего свидания у Марии Владимировны, но у меня еще до сих пор стоят в ушах ваши слова «доверие прежде всего. Я отправляю вас в Казань не в ссылку, а на работу в местном штабе. Не бойтесь, что вы встретитесь с с.-р. и вам придется работать вместе с ними,—помните одно, что мы должны доверять друг другу, это прежде всего. Мы посылаем вас и с целью подсматривания или контроля, но будем рады иметь весточки от вас». И вот поэтому-то я обращаюсь уже в четвертый раз к вам и только к вам одним.

Вы одни прочтите раньше это письмо, спросите о письме у Николая Сергеевича, спросите подателя сего и лишь потом делайте его достоянием всех.

Начну издалека. Вы говорили о доверии—увы!—за это время для меня стало почти ясным, что местным людям—Иосифу Александровичу и Калинину—доверять всего нельзя.

Немедленно по приезде Калинина и моем в Алатырь (на Страстной) нас встретил местный начальник боевой дружины П. С.-Р. с Иосиф. Александр. Он передал, что из Москвы везут 23 милл. и у Виктора Ивановича немедленно созрел план о взятии их. Я и еще один были немедленно отправлены обратно, для разведки, при чем мне было сказано: ни ползвука в Москве, особенно в организации, иначе у нас вырвут кусок из-под носа. Лишь в крайнем случае обращайтесь туда. Конечно, мы с ними поделимся и т. д. В первый раз я услыхал, что кто-то будет «вырывать у кого-то» и не давать, и здесь я в первый раз вспомнил ваши слова. Благодаря моему компаниону, не только в организации, но, вероятно, половина Москвы знала о целях нашего приезда, но это не важно.

Утром Виктор Иванович отправил меня в распоряжение Иосифа Александровича. Тщетно я заикался о работе в органи-

зации. Мне говорили, что меня берут для других целей, что там и без того много людей, но ни одного из членов ее я не видал. Мне удалось войти в сношение с местной организацией Попова, командира полка, и первое, что я услышал: «берегитесь Винокурова». Дальше я осведомился об И. А. и Вик. Ив. Увы, совет—мы им не доверяем. Сам Иосиф Александрович, когда я ему намекнул, сказал: «да, я это знаю, ведь когда В. Ив. был здесь комиссаром, то он много им насолил, его имя здесь одиозно» и т. д. Тут почти наладилось подчинение алексеевцев, но тут помешал какой-то штатский, впрочем, это безразлично, в любой момент поповцы будут у нас.

По делам контр-разведки понадобилось, чтобы меня рекомендовал алексеевцам один местный полковник Вейтман, состоящий во главе в одной из очень серьезных организаций, якобы начальник местного штаба. Мне было обещано свидание с ним, назначен час, но в последний момент последовал отказ: у Вейтмана была инструкция от В. Ив., согласно которой он не мог оказывать подобные содействия, так мне было об'яснено; кстати когда моего товарища хотел И. А. пристроить к Вейтману, то товарищу дали только понять, что ему не доверяют. Почему, неизвестно. Мне случайно удалось встретиться с одним из вейтманцев и услышать о весьма малом доверии к И. А. и Вик. Иванов.

Приехал Розанов. Его все время изолировали от меня, говоря ему, что я недостоин доверия и т. д. Мне говорили о нем приблизительно то же самое. Сказав о цели его приезда, этого невозможно было скрыть, мы могли встретиться и переговорить. меня предупредили, чтобы я, Боже меня сохрани, не передал это ни Попову, ни кому другому, но особенно Попову; и на мой немой вопрос была сказана целая нравоучительная речь с окончанием: такова инструкция В. Ив. Я все время старался держаться в стороне от Розанова и его товарища, подумывая вместе с тем: люди одного и того же лагеря и... Что это значит? Молодежь... говорят сильно левые... Бог их знает... раз говорят о неверии,—ясно имеют основание.

Приехали командиры полков, случайно они попали ко мне. Тут я точно узнал, что Розанов из одной и той же организации и услыхал, что ему обо мне говорят, как о лице не заслуживающем доверия, тоже, что мне о нем. И я встал в тупик. Стали вспоминаться мелочи, отдельные угрозы и стал вырисовываться облик И. Ал.

Это до этого: у И. Ал. была возможность (по его словам) поставить людей в местный броневой отряд, предназначены были я и еще несколько алексеевцев, но потом дело было замято—видимо этот отряд хотят всецело скрутить в руках П. С.-Р.

У Розанова встал вопрос о размещении. Он доложил И. Ал., как обстоит это дело. Согласно инструкции из Москвы ему надлежало войти в связь с местными организациями, согласно не-

показываемой никому инструкции. В. Ив. ему в этом отказывает. Мне говорят «таких пешек нельзя вводить в организацию». Пешками называются и командиры полков, и все офицеры, и я боюсь, как бы в числе пешек не оказался и весь штаб. Об от'езде из Москвы, ссылаясь на чудную местную организацию, настаивал В. Ив.

Местный штаб... Мне вспоминаются и слова алексеевцев, и слова владимирцев, и, наконец, это непонятное, совершенное конспирирование штаба в ущерб делу и спешности, эта таинственность. «Штаб» это какие-то невидимки,—да существует ли он? К чему тогда такие таинственности и это странное желание, чтобы Московский штаб оставался на месте?!

И потом обещают свести людей со штабом, говорят «завтра», и имеется телеграмма, по смыслу которой можно предполагать, что В. Ив. приедет завтра, увы, он и не приехал и переносится день встречи. Да не состоит ли этот штаб исключительно из И. Ал. и В. Ив., уж слишком он невидим. Много передумал я за эти дни. Вспоминал другое. Всего не передать и, видя эту какую-то странную, чтобы не сказать больше, игру, я осмеливаюсь невольно нарушить ваш запрет и завет о «полном доверии» и сказать, что И. Ал. лицо, которое сильно нуждается в вещественном подтверждении доверия к нему. Ему, видимо, понравилась роль Керенского, ему хочется власти, он все время говорит о будущей власти с.-р., мы для него только «пешки». Для дополнения этой власти и с нами со всеми здесь в Казани ведется очевидная игра. Он уже чувствует, что ему перестали верить, и он невольно изменил поведение, пытаясь все свалить на В. Ив. У меня нет прямых данных, чтоб обвинить его в этом, но есть данные, есть теперь уже твердо сложившееся убеждение, что ведется нечистая игра, и вот от этого-то я и хочу предостеречь. Например: это письмо к вам уже 4, а вы сколько получили? Я вызывал из штаба сюда кого-нибудь уже три недели тому назад. Письмо передавалось через И. Ал. и он меня на другой день спросил: «вы вызывали кого-нибудь?» Что это?—Вскрывалось письмо и из него прочитывалось или, может-быть, и вовсе выкидывалось донесение к вам, оставались лишь пустяки к Марии Владимировне?

Я кончаю все это предположение. Повторяю, еще раз, нет точных данных, нет определенных, могущих безусловно говорить о полном недоверии к И. Ал. фактов, но есть нити, чуть видные нити, кончики этих нитей. Я думаю надо: 1) чтобы сюда приехало лицо, обладающее доверием Моск. штаба, 2) здесь сорганизовать свой штаб из московских с.-р., людям партии и потому имеющим секретные инструкции от партии нам верить во всем нельзя, 3) здешнему штабу (если таковой есть), т.-е. штабу И. Ал. и В. Ив., верить трудно, ибо он состоит исключительно из партийных людей (с.-р. Лац.), 4) надо проверить самим и возможность обладания оружием здесь и особенно броневым дивизионом, 5) лицо это должно приехать немедленно и не должно

посещать ни И. Ал. и ни В. Ив. о возникших у всех у нас здесь подозрениях и проверить очень осторожно, 6) оно должно войти в контакт с местными алексеевцами, помимо И. Ал. и В. Ив., т.-е. должно иметь письменные полномочия из Москвы.

Если вы затрудняетесь немедленно послать такое лицо, пришлите человека с полномочиями мне и Розанову, на официальное вхождение в связь с местными алексеевцами и тогда обратившись к ним официально и помимо В. Ив. и И. Ал. уже сможем сообщить.

Вот все, что я хочу и считаю своим долгом сообщить вам. О, как бы я хотел ошибиться в своих подозрениях, я был бы безумно рад. Ваш *Герцен.*

А вот еще другая заметка, заполняющая письмо. Она найдена у Розенфельда 3/21 июня 1918 года.

Многоуважаемый Николай Сергеевич!

Виктор. Иван. нет как нет! О полном доверии Иос. Алекс. не приходится говорить. Квартирьер делает всевозможное к быстрому приисканию помещения. Необходимы наши руководители — штаб. Много подозрений и сильных фактов на кадет и с.-р. Осторожно политику. *Розенфельд.*

Ко всему сказанному считаю необходимым присовокупить, что с несомненностью установлено и участие анархистов. Об их участии говорит в своих показаниях Герцен:

«Адрес Б. Дмитровка, № 4. Бирзе или Мурза. Мирза получен мною от Бориса Алексеевича для ночевки. Бирзе это кличка какого-то анархиста. Я ему должен был показать значок треугольник визитной карточки с буквами О. А.».

Об этом показывает и Иванов, он же князь *Мешков.*

«Только за день до ареста он *(Парфенов)* об'яснил мне свою организацию, что называется она «Союзом Защиты Родины и Революции», что организуется она четверками, десятками и девятками и что в состав ее входят правые с.-рев., кадеты и анархисты».

«Указал он из анархистов на *Мещерского.* Фамилии остальных не знаю».

5. Боевая организация Союза Защ. Род. и Св.

Ниже приводится копия подлинника нач. вост. отр. Добр армии Сахарова. Этот подлинник был обнаружен в его бумагах в гор. Муроме после ликвидации восстания. Он писан его же рукой:

Извлечения из воинского устава Северной Добровольческой армии.

Каждый челевек, добровольно вступающий в ряды армии, берущей на себя священную задачу защиты Родины и Свободы,

должен ясно сознавать, что требования воинской дисциплины являются основой для достижения успеха. Поэтому, как мелочны не казались бы на первый взгляд требования военной службы и дисциплины, они имеют глубокий смысл и обязательны для добросовестного выполнения каждым, искренно желающим отдать себя на служение Родины.

Поэтому:

1) Всякое приказание начальника должно быть точно и беспрекословно исполнено. За все последствия отвечает только отдавший приказание, если исполнивший не превысил и не изменил данных ему полномочий.

2) Начальник, отдавший незаконное приказание, несет строжайшую ответственность, независимо от его чина и должности, за все вредные последствия незаконного распоряжения.

3) Всякий подчиненный, не исполнивший приказания начальника, подвергается ответственности по суду.

4) Суды учреждаются в том составе и с тем кругом подсудности, какие указаны в Своде В. П., но с введением в состав суда добровольной защиты по выбору подсудимого, если только вызов выбранного защитника может быть совершен в сроки, установленные для судопроизводства. В случае неимения добровольных защитников должны быть защитники по назначению Суда.

Взаимоотношения.

1) Во всех случаях жизни младшие и подчиненные, обращаясь к начальству или старшему, называют его по чину, прибавляя «господин» (Г-н прапорщик, Г-н капитан и т. д.).

Все генеральские чины титулуются «Ваше Превосходительство».

2) Начальники и старшие, обращаясь к подчиненным и младшим, называют их по чину или званию с прибавлением фамилии (Поручик Иванов, унтер-офицер Степанов и т. п.).

3) При обращении обязательно говорить всем «вы».

4) Как внешний признак единения и принадлежности к русской армии, устанавливается вне службы обязательное взаимное приветствие прикладыванием руки к головному убору по правилам, указанным в строевых уставах. Остановка во фронт отменяется. Первым приветствует младший или подчиненный. Ответственное приветствие со стороны старшого или начальника обязательно.

Примечания:

1) Для приветствия сидящий должен встать, кроме тех случаев, когда он сидит в экипаже, подводе, трамвае.

2) Без головного убора приветствие выражается поворачиванием головы в сторону начальника.

3) При входе в частные помещения (рестораны, трамваи и т. п.), где находятся военно-служащие, каждый новый входящий, независимо от чина и должности, приветствует находящихся общим поклоном при входе или же приложением руки к головному убору. После этого никаких дополнительных обращений за разрешением сесть, закурить и т. п. не требуется, кроме тех случаев, когда приходится занимать место в непосредственной близости от начальника или старшого (ближе 5 шагов). В последнем случае выражением взаимного уважения и воспитанности является обращение к ближайшему из находящихся начальников или старших за разрешением сесть, закурить и т. п.

5) В строю и вообще при исполнении служебных обязанностей отдание чести в порядке, предусмотренном строевыми уставами.

6) Неисполнение перечисленных правил рассматривается, как умышленное невнимание и неуважение к законам армии, взявшей на себя защиту Родины и Свободы.

7) Лица, нарушающие эти требования, подвергаются дисциплинарным взысканиям:

а) замечанию или выговору (имеют право сделать все начальники и старшие, заметившие нарушение);

б) воспрещению отлучки из помещений и лишению права на отпуск;

в) арест до 5 суток.

Примечание. Взыскания в п.п. «б и в» могут накладывать только начальники, начиная от командира роты.

Внутренняя служба.

1) Вечерняя и утренняя поверки обязательны.

2) После поверки общая молитва.

3) Во время нахождения части на отдыхе могут быть ежедневно увольняемы со двора во вне-служебные часы до вечерней переклички треть наличного состава. На ночь не больше $^{1}/_{4}$ состава.

4) Учет могущих быть уволенными со двора ведут взводные командиры и их заместители. Уходящий заявляет дежурному о своем уходе. На ночь может уволить только командир роты.

5) На начальнике части лежит обязанность следить за тем, чтобы в тревожное время увольнялось из помещений такое число людей, которое не может вредно отразиться на боевой готовности части. Он имеет право временно, в зависимости от обстановки, прекратить увольнение вовсе.

6) Продолжительные отпуски разрешаются командиром части по представлению командиров рот в пределах действительной возможности, сообразно с обстановкой, но во всяком случае не более 2-х человек на каждую сотню наличного состава.

7) В остальном, в смысле порядка и чистоты в помещениях и вообще внутренней жизни, руководствоваться правилами применительно к изложенным в уставе Внутр. Сл.

Дисциплинарный устав.

1) Взыскания, полагаемые за нарушения порядка службы, властью начальников, без придания суду следующие:

На солдат:

1) Замечание и выговоры (словесные, письменные, в приказах, как отдельно, так и перед строем).

2) Воспрещение отлучки со двора до 1 месяца и увольнения в отпуск. Наряд не в очередь на службу до 8 нарядов.

3) Арест простой и строгий (первый до 9 сут., второй до 20 суток).

4) Денежный штраф не свыше стоимости причиненного ущерба при вычетах из денежного довольствия не свыше $^1/_2$ ежемесячно.

5) Смещение на нисшие должности и нисшие оклады.

6) Лишение звания офицера, унтер-офицера, прапорщика.

Степень власти:

Отделенные—выговоры и замечание.

Взводные—наряд не в очередь на службу 1 раз.

Ротные—воспрещение отлучки со двора на 7 суток, наряд на службу до 4 нарядов, арест простой до 4 суток.

Батальонные—воспрещение отлучки со двора до 2 недель, арест простой до 3 суток, арест строгий до 10 суток, денежный штраф до 25 руб., смещение фельдфебелей на должность и оклад взводных у.-о. и взводных у.-о. на должность и оклад младших у.-о.

Команд. полков—воспрещение отлучки до 30 суток, арест простой до 9 суток, арест строгий до 20 суток, денежный штраф до 100 руб., лишение звания ефрейтора.

Начальник дивизии—полная власть.

На офицеров:

Выговоры и замечания—все.

Смещение на нисшие должности—начальн. дивизий.

Денежные штрафы—ком. роты, полка до 100 руб., н-ка дивизии до 200 руб.

Отличные знаки состояния в частях «Союза Защиты Родины и Свободы» нашивки на левом рукаве в виде угла из узкой георгиевской ленты (шеврон).

Такого же цвета, но соответствующих размеров должны быть флаги и знамена. На знамена могут быть нашиты иконы святого, избранного для данной части.

Погоны надеваются только защитного цвета и только после специального разрешения штаба.

Начальник штаба Сев. Добр. Армии Полк. *А. Перхуров.*

Уполномоченный от штаба при Восточном отряде, вр. исп. обяз. Уполномоченного от Правительства *Н. Григорьев.*

Нач. Восточного отряда *Н. Сахаров.*

От штаба Восточного отряда Северной Добровольческой армии.

§ 1.

Верховное командование Российской Добровольческой Армией принадлежит бывш. Верховному Главнокомандующему Генералу М. В. Алексееву, командующему в настоящее время Южной армией. Командующий Северной Добровольческой Армией, в состав которой входит наш Восточный отряд, является бывш. Управляющий Военным Министерством Б. В. Савинков.

§ 2.

Условия службы.

Все бывшие офицеры и военные техники обязаны явиться в ряды армии. Добровольцами могут быть все граждане России, владеющие оружием, в возрасте от 18 л., и подданные союзных нам стран (в том числе и чехо-словаки).

§ 3.

Условия службы в рядах армии одинаковы, как для военнообязанных, так и добровольцев. Все обязаны подчиняться условиям воинской дисциплины, устав которой прилагается всем для прочтения и подписи при поступлении в армию.

Впредь до изменения оклад содержания в рядах Восточного отряда следующий:

Рядовому	300	руб.	в мес.
Отделенному	325	»	»
Взводн. ком.	350	»	»
Ротному ком.	400	»	»
Батальонному ком.	500	»	»
Ком. полка	600	»	»

Пособие семьям (впредь до изменения):

Содержащему	1	челов.	неработоспособного . .	150	руб.
»	2	»	» . .	200	»
»	3	»	» . .	250	»
»	4	» и более	» . .	300	»

Первый месяц в виду неполного оборудования отряда, все члены его находятся на своем коште, получая бесплатно продук-

ты, обмундирование и пр., только в том случае, если штаб отряда успеет сорганизовать хозяйственную часть.

В дальнейшем все борцы за Свободу и Родину, равно и их семьи будут поставлены в условия, обеспечивающие их существование в эти тяжелые дни экономического кризиса. Раненым и семьям убитых будет выдаваться пособие, размер которого будет опубликован особо.

Уполномоченный Центрального Штаба *Н. Григорьев.*
Командир Восточного отряда подполковник *Н. Сахаров.*

Приказ № 1. Командующего восточным отрядом Северной Добровольческой Армии.

1.

Войсками Северной Добровольческой Армии командует б. воен. министр Вр. Правит. Б. В. Савинков.

Верховное командование всеми армиями принадлежит быв. верховному главнокомандующему генералу Алексееву.

2.

Город Муром, Арзамас и прочие пункты, занятые в ночь с 8 на 9 сего июля н. с., об'являются на военном положении.

Все гражданские учреждения продолжают свою работу за исключением закрытых распоряжением уполномоченного национального правительства.

3.

Все офицера, юнкера и вольноопределяющиеся, а также военные техники в течение вторника 9 июля обязаны явиться в штабы отрядов в Муроме (Реальное училище) для принятия на учет и для зачисления в ряды Северной Добровольческой Армии (распоряжение это касается также чинов Высшего Военного совета).

4.

Все граждане Российского Государства, достигшие 18-летнего возраста, приглашаются вступать в ряды Добровольческой Армии на общих основаниях с военно-обязанными равно как и подданные союзных стран, в том числе и чехо-словаки.

5.

Все лица, оказавшие сопротивление войскам Северной Добровольческой Армии, укрывающие у себя представителей Советской власти, скрывающие оружие и агитирующие против Северной Добровольческой Армии и Времен. Национальн. Правительства, будут преследоваться военно-полевым судом.

6.

Все лица, уличенные в грабежах, разбоях и прочих уголовных деяниях, будут расстреливаться на месте преступления.

Командующий Восточным отрядом Сев. Добров. армии
Н. Сахаров.

И. о. Уполномоченного Правительства *Н. Григорьев.*

9 июля 1918 г. гор. Муром.

6. Участники союзников и финансы.

Уже из показаний Пинки о том, что «Союз Защиты Родины и Свободы» придерживается союзнической ориентации, явствует, что рука союзников поддерживает эту организацию.

На их участие указывает целый ряд показаний. Так тот же штабс-капитан Пинка говорит: «сильное пособие мы получили от союзников. Пособие мы получали в деньгах, но обещана и реальная сила. Союзники ожидали, чтобы мы создали правительство, от лица которого бы их пригласили официально. Отряды союзников составлялись смешанные, чтобы ни одна сторона не имела перевеса. Участие должны были принимать и американцы».

Итак, союзники пока оказывали денежную помощь. Реальную же силу они обещали только тогда, когда эта организация себя проявит как силу и, создав свое правительство, закрепится. Тогда уступая просьбам диктатора Савинкова, они придут и установят порядок на Руси.

Но помощь союзников состояла не только в снабжении деньгами. Пользуясь своим иммунитетом, консульства давали приют контр-революционерам. Так, например, Савинков одно время укрывался в английском консульстве у Красных Ворот.

Начальник кавалерийских частей и казначей «Союза Защиты Родины и Свободы» Виленкин состоял юрисконсулом английского представительства. Через него и снабжалась деньгами военная организация. Источник, очевидно, английский.

Другой источник средств и реальной силы — это чехо-словаки: об этом свидетельствуют сами белогвардейцы в лице присяжного писаки Деренталя.

«В это время были получены определенные сведения о готовящемся в Архангельске и на Мурмане союзническом десанте. За время своего подпольного существования организация успела уже оказать союзникам несколько важных военных услуг, в известной степени долженствовавших доказать, что не все русские покорно склонили свои шеи перед рабским и позорным ярмом Брестского мира. Союзом был организован планомерный и непрерывный саботаж некоторых украинских железных дорог с целью затруднить вывоз германцами хлеба из Украины, была произ-

ведена длительная разведка в тылу германских войск на восточном фронте, в оккупированных местностях и, кроме того, многое другое, о чем сейчас покамест еще не представляется возможным говорить открыто.

Одновременно со сведениями о дессанте стало известным, что часть чехо-словаков возвращается из Сибири в Европейскую Россию на предмет отправки на французский фронт северным морским путем через Архангельск. Союзом был послан к чехам один из офицеров для того, чтобы вступить с ними в сношения и попытаться привлечь их на сторону общерусского и общесоюзнического дела — свержения Советской власти. С чехами вообще у союза были раньше определенно дружеские отношения и лишь исключительно благодаря крупной денежной помощи со стороны уезжавшего тогда из России профессора Массарика, Союз смог окрепнуть и стать на ноги в одну из трудных минут своего существования». (Деренталь От. Вест.).

Что средства черпались именно у союзников, об этом говорят все подсудимые, которые по роду своей службы об этом могли знать. Так Иванов, он же князь Мешков, ? показывает (см. стр. 50): «работали они (Оленин, Парфенов, Сидоров, Литвиненко и др. Лацис) на средства французов, англичан и американцев».

«Деньги, вероятно, получались от союзников, такие намеки делал Пинка», говорит Сидоров-Аваев.

Один только Попов говорит, что деньги получал от спекулянтов. Но этому верить не приходится; так, царствование учредиловцев в Казани показало, что купцы являются самыми скромными жертвователями, из которых приходилось выжимать силой.

Самая реальная поддержка нашим контр-революционерам, конечно, была оказана чехо-словаками. Но это уже не столько относится к «Союзу Защиты Родины и Свободы», сколько к вновь нарождающимся и более сильным контр-революционным организациям.

6. Ликвидация Московской и Казанской организации „Союза Защиты Родины и Свободы".

Московская организация и тем самым весь «Союз Защиты Родины и Свободы» был раскрыт как раз в момент эвакуации центра организации в Казань. Об этом переезде организации белогвардейские источники показывают следующее:

«Момент наибольшего организационного успеха Союза, как уже было указано, совпал с тем неизбежным психологическим моментом в жизни каждого тайного сообщества, когда необходимо или выявить себя в открытом действии, или же начать внутренно разлагаться из-за отсутствия этого действия. Печальный пример правой военной организации генерала Х. был перед глазами. Там сперва были силы, были средства, был энтузиазм. Но слишком долгое подпольное пребывание на «мирном положении» сперва

стало оказываться в начавшихся политических колебаниях его вождей, что не замедлило отразиться на упадке настроения остальных членов организации. Затем пошли обычные в подобных случаях внутренние разногласия, и, в конце-концов, организация умерла естественной смертью. Часть офицеров распылилась, отошла в сторону, часть примкнула к «Союзу Защиты Родины и Свободы».

Союз к этому времени обладал достаточными силами для того, чтобы неожиданным выступлением захватить Москву. Но после зрелых размышлений этот план был отвергнут.

Выступать в Москве, значило заранее обречь все предприятие на неудачу: захватить наиболее важные стратегические пункты страны, арестовать Совет Народных Комиссаров и т. д. не представляло особых трудностей именно в тот момент. Но, захватив город, нужно еще было в нем суметь продержаться, сделавшись хозяевами положения в центре с миллионным населением. нужно было взять на себя обязательство прокормить все эти сотни тысяч голодающих ртов. Первое было чрезвычайно трудно, в виду присутствия в Москве значительного числа организованных и вооруженных германских военно-пленных, негласно находящихся под командой германских офицеров и особенно в виду возможности немедленного движения на Москву регулярных германских войск с германско-большевистского фронта. Второе представлялось почти невозможным, благодаря полному развалу транспорта и предварительному разгрому большевиками всех продовольственных и общественных организаций. Новая власть не смогла бы таким образом удовлетворить связанные с нею надежды населения на улучшение жизни и тем самым неизбежно должна была бы опорочить то дело, во имя которого был бы произведен переворот.

Вместо Московского плана штабом организации был разработан и принят план захвата Казани. К выполнению этого плана и свелась работа организации: были намечены воинские части для эвакуации, определены пункты предварительной, незаметной их концентрации, посланы квартирьеры и т. д. Но в самый разгар подготовительной работы произошло то, что очень часто разрушает во всякого рода тайных сообществах самые строго и тщательно обдуманные планы: на квартире у командира одного из полков, благодаря его собственной неосторожности, внезапно был произведен обыск. Были найдены документы, указывающие на существование Союза и его цели и, что всего важнее, был найден план эвакуации этого плана в Казань, открывший советским властям не только подготовлявшийся против них заговор, но и место его выполнения». (Деренталь «Отеч. Вест.», № 13 от 24 ноября 1918 г.).

Эти сведения Деренталя подтвердились данными следствия. Так у арестованного Герцена (Ольгина) были обнаружены нижеследующие документы, говорящие о том же:

Инструкция квартирьерам.

1. От каждого полка направляются в указанный город два квартирьера. Один из них командир полка. По выполнении заданий ком. п. возвращается обратно (к 6 июню) и готовит свой полк к отправке. Второй квартирьер остается на месте и заканчивает работу по приемке должного количества людей.

2. Квартирьеру полагается на расходы:

(Командиру полка личные по поездке 400 руб. и на наем помещений пропорционально числу людей, задаток за помещение в размере ½ м. платы. Оставшийся в городе 2-й квартирьер удовлетворяется содержанием по штату, утвержденному 27 мая 1918 г., получает 400 руб. на детей, если таковых имеет, под'емные 150 руб., обмундировочные 100 руб. и за ½ м. жалованье вперед — 175 руб. Пользуется квартирным довольствием).

3. Ком. полка обращается по указанному адресу за необходимыми сведениями и устанавливает связь со штабом отряда и местной организацией.

4. Ком. п. знакомится с районом предполагаемых действий. Выезжает обратно к полку только тогда, когда имеет для полка достаточное число помещений. Но не позднее 4/IV, чтобы к 6/VI быть на месте (т.-е. к 6 июню).

5. Вся ответственность за размещение полка возлагается на ком. полка.

6. Помощниками по размещению полка являются штабные квартирьеры (по одному на полк). Они должны, в свою очередь, принимать все меры скрытного размещения людей.

7. Полков. кв.-р. находятся в распоряжении начальника иногороднего отдела или его заместителя, на ответственности которого лежит размещение всего отряда.

8. Связь со штабом отряда с местной организацией поддерживается через оставшегося в городе кв-ра; он же держит связь (телегр.) с полком и встречает прибывающих.

9. Прибывающие в город должны быть разделены на квар. не в одном районе, но чтобы быть вблизи друг к другу.

10. Справки и указания кв-ры могут получать в штабе отряда.

Примечание. Данная инструкция является дополнением к первой выданной ком. пол. 27 мая с/г.

Памятка для едущего разведчика.

Твердо надлежит помнить, что успех удара по противнику зависит, главным образом, от внезапности нанесения удара и, следовательно, от того, насколько намечены всякие приготовления к этому удару, поэтому всюду самая сугубая скрытность.

Общая задача разведки: выяснить всевозможные условия при поражении, способ встречи, способ размещения дивизии.

Во исполнение общей задачи.

1) По каким железным дорогам и водным путям (передаточные станции, пароходы) надлежит следовать эвакуирующимся.

2) Где контролируют документы, где наиболее внимательно наблюдение за проезжающими, какие документы наиболее действительны для беспрепятственного проезда.

3) Какая форма группового передвижения более приемлема: группа рабочих, грузчиков, артистов, мешечников...

4) Сколько дней езды к месту назначения, имеет ли при себе провиант, на сколько дней.

5) Подыскать годное для размещения помещение, по возможности для большого числа, дабы не распылять людей (комиссионные контакты, помещения для трудовых артелей и т. п.).

6) Выработать на месте технику прибытия о приемке постепенно прибывающих групп, памятуя, что план техники должен быть не заметен (куда обращаться по прибытии, куда итти, где ночевать, где быть квартирьерам, где, например, в какой церкви встретиться, в какой газете и как напечатать об'явление о месте пребывания Штадива, какие места могут служить для прибывающих явками.).

Важным условием является внешний вид передвигающихся. Не должно быть никаких внешних признаков (галифэ, френчи).

Все должны быть одеты возможно проще и даже неряшливо.

Никаких политических разговоров не вести. По прибытии на место соблюдать строгую конспирацию и продолжать разыгрывать прежнюю роль (крючник, артист, мешечник).

Как регистрируют приезжающих.

С богом в добрый путь...

Расквартирование белых войск в Казани.

Кв. Винокуров, Поперечный 2-й горы, д. Вишневских. 6 человек от 5 утра до 8 часов. Видя офицеров, идущих во 2-й флигель, спросить — не знает ли В. Ив.

Северные номера—2 человека, от 7 до 12 дня, от 4 до 8 вечера, от 2 до 5 утра.

Увид. у Кузнецова 4 человека. Посадская, д. Трифонова.

За Иосифом Александровичем 6 человек, Земля и Воля 2 человека.

Всего 20 человек.

Записки Ольгина.

Булан, Прот. 2 учил., с. д. Кудрявцев.

На пристани—2, от 8-ми до 1. На вокзале—1, от 1 до 4 утр. и с (неразборчиво) всего 16 человек.

Посадка: садится народ порядочно в вагоны: товарные 3-й класс, 2-й и 1-й. Мы оба с коман. полка едем в третьем классе.

Путь без всяких затруднений до Арзамаса — садятся. Ст. Тимирязева—значит свободны.

Время в пути от $1^1/_2$ до 2 сут. Состав едущих различный: рабочие на заработки, много мешечников. По одежде есть переодетые офицеры. Вид преимущественно: крестьяне, в свобод. в солдатской одежде, сборный: рабочие, городские.

Прибытие в Казань ночью, свободный проход, извозчиков почти нет, носильщиков мало—билеты собираются, не доезжая Казани.

Проверка билетов в пути. Контролер проходит несколько раз. Бывает от милиции на ст. Арзамас.

Кв. В. К. места явки и прибытия лишь терпима, но неудобна. Кроме того, что хозяин Сот. трусят. Слишком старое место.

Пристани. По линии трамвая около 7 вер. (через слободу Адмиралт.). Прямой путь (по Новой дамбе) 4 вер.

Трамвай ходит плохо. Кладина переезд 1 час. (№ 1).

Слобода Адмир. Является тоже как бы проходом, находится на расстоянии ок. 3 вер. от города площ.—около $1^1/_2$ кв. вер. Нов. слоб. дер. по ту сторону Волги. Дачное место. Существует перевоз. Ходит один пароход. Кажется, от 6 час. утра до 8 вечера. Он ходит с кажд. пристани через 1 час 15 мин. Переезд продолжается около 30 м.

Топогр. ден. от К. Г. расположен на горах. Есть трудные под'емы. К западу до Волги — болотисто. Места и заливн. луга. С севера протекает река Казанка. В городе—гнилая река Булека из озера Н. Кабан. Через р. Казань мостов (2). Через р. Булек— мостов (6). Дан. о городе: ул. мощеные, есть остановки трамвая. Тротуары—средние.

Грязь порядочная. Трамваи ходят не быстро до 9 часов вечера.

Продовольствие: достаточно хорошее. Хлеба (сколько угодно) 1 руб. 80 к. фунт, яйца 2 р. 20 к. десят., колбаса вар. от 3 р. 60 к. ф. Крупы почти нет. Сахар—спекулянт 16 руб. ф. Масло сливочное—12 руб. ф.

Кварт. вопрос: Кварт. бюро. Комнаты можно получить сразу (подается заявление). Квартир надо ждать через знакомых. Гостиницы в городе сильно заняты. Меблир. комнаты на Устье (пристань) можно получить с платой 150 до 250 р. №, на 2 — 3 от 3 — до 12 р.

А вот еще письмо того же характера:

Глубокоуважаемый Николай Сергеевич!

Прибыв сюда, мы обратились к Иосифу Александровичу, согласно инструкций, утвержденных Вами.

Исключительно ему во всей полноте изложили дело и просили связи с местными организациями, как нам было поручено, для подготовительного размещения. Нам было указано вступать в связь с другими через него. Но он ни с кем нас не знакомил, говоря, что одно лицо уехало (примечание: по полученным нами сведениям это лицо — полковник — находится здесь), а с другими

находя, видимо, не нужным. Все сведения получали мы от него и по его указанию и по собственному почину. Подыскивали помещение всей массе. По его сообщению, проверить которое он не дал возможности, отдельные лица местной организации могут разместить значительное количество, т.-е. число лиц, которое Вами нам было указано, частью в городе, частью на окраине и по близости города (дач). Лично мы сами осматривали в двух пунктах по его указанию, где нужно разместить 300—400 людей; при чем в это число входят меблированные комнаты на устье. По словам Иосифа Александровича, связи и об'единению с местными организациями препятствуют отсутствие более компетентного лица от города Москвы, имеющего право эвакуации, решающего голоса в вопросах эвакуации и боевых действий, так что мы с нетерпением ждали его приезда. По прибытии квартирантов мы просили немедленно приступить к указанию помещений. На это он ответил, что до приезда Виктора Ивановича или лица, вполне компетентного в вышеуказанных вопросах (эвакуации и боевые действия, они под этим, видимо, подозревают здешний штаб), не могут размещать. Своего содействия они оказать не могут, тем более, что сегодня должен будет приехать Виктор Иванович, что они решили на основании вчера полученной от Вас телеграммы, на имя Роза (тетя и т. д.). Ответственность за промедление «они» берут на себя — так он сегодня нам заявил. Без Виктора Ивановича он ничего не может сделать, так как в письме Виктор Иванович распорядился не вводить нас в организацию, которая имеет большое значение и будто непосредственно связана с московской. Впечатление, лично наше, — недоверие, желание все держать в своих руках, отчужденность от московской организации, партийность. Наше мнение — необходимо возможно скорее наших руководителей. Есть подозрение, что с.-р. тенденция может испортить дело, но у них в руках есть связи, лично наше действие ограничено, находясь в полном контакте с Иосифовичем, действуя через него, согласно инструкций. Б. Ярцев., Розанов.

Московская организация была раскрыта 29 мая, арестом местного штаба в квартире Сидорова по Мал. Левшинскому переулку. Попавшие в руки ВЧК. вышеприведенные документы дали возможность развернуть дело широко, вплоть до Казанской организации. Ниже мы предоставляем говорить самим арестованным, приводя важнейшие из их показаний.

Показание Иванова (Мешкова).

Протокол 29 июня.

До сих пор я на допросах не говорил правду, так как я не знал большевиков и судил о них только на основании оговоров, что Ленин и Троцкий и вообще большевики—немецкие шпионы. Сейчас в больнице, после разговоров с т.т. Трепаловым и Полу-

каровым понял, что был введен взаблуждение, и желаю сказать всю правду.

Называюсь я не Иванов, а Мешков, Виктор Львович (дома называли по настоящему отцу Александровичем, а не Львовичем, по фам. *фон-Кавер*, убитый 5 мая 15 г. в Персии в гор. Исфагане). Родился я в 1902 году, 25 марта в Петрограде; большую часть жизни прожил в Персии до 1910 года, затем до 1912 года в Варшаве, с 1907 до 1910 в Екатеринодаре, в 1912 году отец взял к себе в Персию, 1915 году уехал с матерью в Петроград, где мать легла в больницу и 15 мая умерла, тетка *Горская* устроила меня в кадетский корпус, где пробыл до Рождества 1916 года, когда бежал на фронт под Стоходом в Варшавск. Уланский полк. Вернулся после контузии в июле 1916 года. Тетка с сестрой моей жила в Крыму в Коктебеле, где я пробыл до декабря, в январе 1918 года приехал в Петроград, остановился у тетки Даниловой. Поехал в Москву, лег в Иверскую общину, здесь встретил поручика Никитина. Он меня устроил в общину, переменив мне до этого мою фамилию, не об'яснив мне, почему он это заставляет меня делать. Одно время он предлагал мне вступить в продовольственную милицию, где служил *Парфенов*, но я отказался, будучи болен. Потом раз *Никитин* послал меня с письмом на М. Левшинский к *Парфенову*. Тот разговорился и предложил мне быть его ординарцем, т.-е. курьером, но сущность дела он скрывал от меня, только за день до ареста он об'яснил мне свою организацию: что называется она «*Союз Защиты Родины и Революции*», что организуется она четверками, десятками и девятками, и что в состав ее входят правые с.-р., кадеты и анархисты. Указал он на анархистов, на *Мещерского*, фамилии остальных я не знаю. Фамилии офицеров мне известны: *Парфенов, Сидоров, Пинка, Висчинский, Никитин, Литвиненко, Виленкин, Оленин* (рука на перевязи) с отцом (его я видел раз в штатском). Фамилии эти я часто слышал на М. Левшинском. Был там некий *Коротнев* и *Шингарев. Литвиненко* я видел. Он штаб-ротмистр Гродненского полка, лежал в госпитале Кредитного о-ва, адрес его у меня был записан в книжечке. Письма я носил *Литвиненке* и *Оленину. Парфенов* был, кажется, командиром конного полка, *Сидоров*—второго пехотного полка, *Никитин*—начальник команды телефонной связи, *Литвиненко* относился к кавалерии, но чем там, не знаю. Работали они на средства французов, англичан и американцев.

Дополнительное показание Иванова.

Парфенова знаю недели три, т.-е. числа с 20/V; меня с ним познакомил Сергей Ласся, вольноопределяющийся, сказав, что Парфенов может дать денег и место. После разговора Парфенов сказал, что существует организация, в которую могу тебя устроить, говоря, что он формирует свой полк и предложил остаться у него ординарцем, на что я из'явил согласие. Деньги

я получал от Парфенова; получено 200 руб. частями. Парфенов формировал кавалерийский полк. О Сидорове я знал, что он командир пех. полка, слышал от него. Как фамилии приходивших офицеров, я не знаю. По предъявлении карточек (фотогр.) могу указать командиров полк. Сидорова.

Бабасинова я знаю как старш. врача по госпиталю. В квартире Сидорова его не встречал.

Покровский хотел послать меня к Коротневу. Какое положение занимал Коротнев в организации, не знаю, полагаю, что коман. полка. *Иванов.*

Показания Георгия Петровича Сидорова (он же Аваев).

ВТОРОЙ ДОПРОС.

В Москву приехал около 22 марта; находился без работы. Мне кто-то предложил обедать в столовой «Курляндия» (Б. Полянка, 24), где давали дешевые обеды. В одно из таких посещений столовой я познакомился с *Пинкой*, Арнольдом. В разговоре он начал зондировать почву, могу ли я сформировать воинскую часть и т. п., и, по ознакомлении с моим военным авторитетом и политической физиономией, предложил мне формировать роту, при чем указал, что формировать только из бывших офицеров. Через несколько дней, когда мною уже были сформированы два взвода, *Пинка* мне предложил формировать баталион; спустя недели две мне было предложено формировать кадр полка. На вопрос к Пинку, почему только кадр и откуда будет пополняться рядовой состав полка, Пинка давал уклончивые ответы. Таким образом откуда бы должно быть пополн. состава полка рядовыми, мне осталось неизвестно. Жалование платилось:

Командиру	баталиона	обеспеч. 200 руб.,	не обеспеч.	400 руб.,
»	роты	» 175 »	»	375 »
»	взвода	» 150 »	»	350 »

Командир баталиона представлял мне ведомость с обозначением количества людей, я составлял общую сумму и представлял Пинке, который выдавал деньги, согласно смете. Было ли злоупотребл. со стороны бат. ком. в смысле увеличения количества людей, мне неизвестно; проверить было невозможно. Деньги, вероятно, получались от союзников, такие намеки делал Пинка. Я думаю, что была связь с соц.-рев. Стал об этом подозревать с того момента, когда я от офицеров слышал, что в Москве есть организация во главе с Савинковым, и, не зная в Москве других организаций, предполагал, что говорят про нашу. Было ли действительно так, я не знаю.

Начальника дивизии и всех ком. полков должны были увидать 1/VI в Молочн. пер. В день ареста у меня в квартире собрались офицера по случаю дня рождения моей сестры, были ли кто из организации, я не знаю, но думаю, что были. Голикова в нашей организации участия не принимала.

Пред'явленная Сидорову записка Ильвовского есть денежный расчет. Сидоров намекает, что это ведомость бат. команд. их организации. *Сидоров.* 6/VI—1918 года.

Третий допрос.

Допрос Георгия Петровича *Аваева* (Алексея Илларионовича *Сидорова*), 21 года, из Тамбовской губ., гор. *Елатьмы*, окончил 6 классов гимназии. Окончил Виленское военное училище в 1915 г. и достиг на войне чина штабс-капитана, 28 мая 1918 г. показал:

В Елатьме была арестована «Елатьминская дружина», численностью в 80 человек. Арестовано 37 ч. В Таганке 29 чел., в числе которых находятся мой брат Борис Петрович и дядя Иван Аполлонович *Граве*. Мой брат тоже б. офицер и служил в том полку, что и я, а мой дядя тоже бывш. офицер. Дружина была организована для защиты города от пожаров. Начальником этой дружины был я. Во время арестов мне удалось бежать. В ночь с 3—4 марта или со 2 на 3, точно не помню, вся дружина, с оружием в руках, вышла из города и направилась к местечку «Гут». У местечка «Гут» мы все разбрелись в разные стороны, по разным направлениям. Причиной нашего бегства из города были сведения, полученные от окрестных крестьян о том, что против нас движутся советские войска. На военном положении город был об'явлен приказом городской управы на мое имя. Я признаюсь в том, что имел сношение со многими офицерами, устроившими товарищество. Я хотел организовать артель 5 офицеров, для чего, и сам не знаю. В военном заговоре против существующей власти я принимал участие. Названные мною фамилии принадлежат офицерам, находившимся со мной в организационной и боевой связи. Я не отрицаю тот факт, что люди, состоявшие в организации, вместе со мною должны совершить передвижение под видом мешечников, либо поломников и во всяком случае таким образом, чтобы массовые передвижения должны совершаться маскированно. Арнольд Пинка уехал, я догадываюсь об этом, в Самару.

План организации мятежа таков: В Москве организовалась дивизия, как из безработных офицеров, так и ее состава Советской службы. Четыре полка, из которых состояла дивизия, имели командира полка, в числе которых был и я. В каждом полку было четыре батальонных командира. Об отправлении дивизии из пределов Москвы мне было определенно заявлено, что мы должны будем выехать. Я полагал, что в Самару. Инструкции представились мне, как командиру полка, по начальству упомянутым выше Арнольдом Пинкой. Арнольд Пинка (иначе Арнольдов), как я полагаю, был либо начальником штаба, либо обер-офицером для поручений. Неделю тому назад говорилось, что если союзники высадят десант на Мурман, то мы пойдем им на помощь. Но потом задания у нас подверглись

изменению. Нас должны были отправить на восток для дальнейшего формирования. Арнольдов (Пинка) говорил, что само собой наступит момент падения Советской власти и тут мы должны были приступить к набору рядовых и продолжению войны с Германией. Пинка говорил, что до осени мы едва ли успеем сорганизоваться.

Схема формирования полка рисуется таким образом: я, как командир полка, должен был набрать четырех батальонных командиров, каждый из которых, в свою очередь, набирал четырех взводных и на этом формирование полка приостанавливается и, по наступлении благоприятных обстоятельств, предстоял набор солдат. Арнольд (Пинка) говорил, что мы сами не будем активно выступать против Советской власти, но что это должно было быть проделано, по всей вероятности, рабочими города Москвы, а нами была бы использована создавшаяся обстановка.

Письмо Сидорова из тюрьмы.

Будьте любезны, зайдите по следующему адресу: Пречистенка, Дурнов пер., 6, кв. 17, Ольга Константиновна Смольянинова, и спросите для меня, нужен ли адрес Замуховского, если да, то зачем. Кроме того, если это не затрудняет, то попросите ее зайти по адресу: Зубовская пл., Теплый пер., 18, кв. 5, Михаил Сергеевич Допухин и, если он не скрылся, то передать ему, что его адрес в Чрезвычайке известен и уже есть ордер об его аресте, а также Коротнев арестован, сидит в Таганке, никаких документов у него не нашли. Об организации «Довгерта» имеются довольно смутные понятия. Все офицеры моего корпуса (не арестованные) уехали к Деникину и Дроздовскому. Предал всех командиров 1 батальона 2 полка Бенедиктов (Барон Бек) и кадет Иванов (князь Мешков). Остальные держатся крепко, ничего не говорят и ничего не выдают. Настроение очень хорошее.

Показание Георгия Петровича Аваева (Сидоров).

В первом батальоне ком. Барон Бек, было человек от 15 до 20 чел., за половину мая деньги за 1 мес. батальон получил.

Во втором было 4 ротных, были ли взводные, не помню. Денег не получили.

Третий батальон Сашко, 6 человек; из них три ротных и три взводных. Деньги получали за вторую половину мая.

Четвертый батальон Каленко; было два ротных, денег не получали.

Команда *Кольта*—два человека.
» *Максима*—три человека.
» *связи*—четыре человека.

Показания Попова.

Первый допрос.

Я, гражданин Иван Иванович *Попов*, 52-х лет, нигде не служу. Проживаю в Казани, на Горной улице, в доме бывшего Ягенко, кв. № 5. Ни в какой партии не состою и не состоял. Я создавал организацию для помощи бедным офицерам и оружие покупалось для отвода глаз, просто для того, чтобы получить денег от мародеров. От кого деньги я получал, не могу сказать. С Винокуровым я познакомился при аресте, его лично я не знаю и не знал. Я лично никаких других организаций не знаю и не слышал, что существуют разные организации с.-р., черные точки. Все восстания семеновцев и калединцев я считаю авантюрой. Я лично борьбу террором считаю не достигающей своей цели. Валентину Никитину я лично не знаю. Наша организация ни с какими другими организациями не имела и не стремилась даже создать связь.

Гражданин И. Попов.

Второй допрос.

Допрошенный 29 июня Ф. Дзержинским, И. И. Попов показал: снова повторяю, что ни с какими другими организациями в связи я не состоял и не искал с ними связи. Ни в какой связи ни со штабом Алексеева, ни с его агентами не состоял. Я узнал из газет о размерах жалованья, положенных Алексеевым, и в таких же размерах и сам назначил жалованье. Организовал я б. офицеров только с целью помочь им. Я думаю, что большинство их знало об этих моих целях и побуждениях. От штаба Алексеева денег я не получал, исключительно собирал среди казанских жителей, главным образом, спекулянтов. С Ольгиным до ареста я знаком вовсе не был и не знал о нем. Последний раз я получил от спекулянтов деньги в начале мая месяца, я должен был перед ними отчитываться в каждом рубле и потому мне пришлось организовать покупку оружия, чтобы оправдать получение денег. Сам я лично не нуждался. На складе с закупаемым оружием я никогда не был, знал только, на какой улице находился этот склад.

Гражданин И. Попов.

Третий допрос.

В начале января текущего года организовалось общество взаимопомощи бывш. офицеров, врачей, чиновников и их семейств. Войдя в это общество, я сразу увидел, в какой материальной нужде находится большинство бывш. офицеров. Негодуя еще во время войны на возрождающуюся спекуляцию и на людей, жаждущих только одной наживы, я полагал, что нажившиеся

люди обязаны поддержать тех в нужде, кто, охраняя их шкурные интересы, бились с врагом, не щадя ни здоровья, ни самой жизни. Просить милостыню офицерам не подобало, надо было требовать, но путей для требования не было. Поэтому под видом сочувствия и содействия генералу Алексееву я решил сформировать якобы особую Казанскую организацию, дабы с ее помощью потребовать от коммерсантов поддержки материальными средствами. Маневр отчасти удался, но для того, чтобы выцарапывать от них деньги, обязан был известным отчетом и фактически должен был организовать покупку оружия, хотя и не в значительном количестве. Насколько скудна была поддержка денежная, оказываемая организации, и, следовательно, насколько мало было доверия к ее серьезности со стороны коммерсантов, можно судить потому, что за 5 месяцев было получено всего на все несколько более 50.000 руб., когда в организации состояло около 450—460 лиц. Конечно, и сам я нисколько не заблуждался в серьезности организации и других мотивов, кроме указанных мною выше (т.-е. исключительно денежной помощи буквально голодающим офицерам), для ее создания у меня не было. Для отчета я был обязан все же разбить организацию на взводы и роты и плату сообразовал с появившимся в Казани об'явлением от генерала Алексеева, т.-е. рядовой офицер получает 150 руб., взводному 200 и ротному 300. Таким образом в месячной выдаче на взвод приходилось выдавать не более 1500 руб. и не хватало не только всем, но очень малой части. Что касается оружия, то его по докладу мне лиц, получивших разновременно деньги на покупку 5—6 шт. (больше нельзя было доставать). Этого оружия собралось всего 180 винтовок и один ящик ручных гранат.

По местным условиям проверять наличность оружия я не имел возможности, да и вообще не придавал никакого боевого значения своей организации, и мало интересовался как самим оружием, так и его помещением. Когда я сообщил обо всем изложенном производящему следствие следователю Владимирову и он командировал людей для привоза этого оружия, то оказалось, что в складе было всего лишь 55 винтовок, а гранат совсем не оказалось. Это для меня было такой же неожиданностью, как и для производящего следствие, и об'яснить это обстоятельство я могу лишь тем, что лица, получавшие деньги на непосредственную покупку таковой, в действительности не выполняли, а делали мне ложные доклады, которые я принимал к учету. Других никаких складов у меня нет. Таким образом я еще раз повторяю, что я в своей организации и никаких боевых или переворотных задач не преследовал, а лишь желал косвенно помочь офицерам в большой материальной нужде. Когда их начали арестовывать за принадлежность к Алексеевской организации, я не счел себя в праве молчать о действительном положении дела.

И. Попов, 25 (VI—с. г.)

Показания Герцена (Ольгина).

Первый допрос.

Допрошенный 29 июля 1918 года Ф. Дзержинским, Вас. Ал. *Герцен* (*Ольгин*) показал: на военную службу я поступил 1 января 1916 года добровольцем. Сам я был студентом естественного факультета, не окончил по семейным обстоятельствам. Мария Владимировна была кличка какой-то дамы, которая приходила в Бристоль на свидание для связи. Адрес: «Б. Дмитриевка, № 4, Бирзе или Мурза-Мирза» получен мною от Бориса Алексеевича, для ночевки я должен был им показать значок *А* △ (в этом роде), Бирзе — это кличка какого-то анархиста. Варвара Николаевна—это жена Калинина.

Василий Александрович Герцен.

Второй допрос.

Василий Александрович *Герцен* (он же Ольгин) на допросе 13 июня с. г. показал следующее:

„Я бывший офицер 197 Лесного полка, 5 Сибирского корпуса, состоял в чине поручика. Был уволен в отпуск из полка с ноября месяца. С тех пор проживал в разных местностях России, в Киеве, Мышеловке, Двинске и суток 10 в Москве.

В Москву приехал около декабря и пробыл двое суток, потом поехал в Двинск-Рогожец; искал одного знакомого. В середине января снова вернулся в Москву и снова уехал на этот раз в Верхне-Удинск: пытался пробраться в Сибирь, но туда уже не пускали. Вернулся снова в Москву, а оттуда в Тверь и Торжок. Там я пробыл несколько дней. Около середины марта я снова приехал в Москву и остановился в разных гостиницах. Указать гостиницы я не могу, ибо не прописывался.

Не прописывался я потому, что мои документы были просрочены. В организацию «Союза Защиты Родины и Свободы» я вступил по рекомендации Бориса Алексеевича. Фамилию его не знаю. Знаю только, по его словам, что он бывший полковник пехоты. Где он живет, тоже не знаю. В Москве в организации я не работал. Борис Алексеевич мне сейчас же предложил ехать в Казань. Перед Страстной я поехал в Казань вместе с Виктором Ивановичем (это, кажется, Калинин). В Казани я попал к Иосифу Александровичу, его фамилия или Спирингович или Сплейнгович, который меня поселил у Винокурова, там я и жил. Винокуров арестован в Казани. Деньги по 20 руб. каждые 2-е суток мне давал Иосиф Александрович.

В конце мая и начале июня приехал Розанов, о котором Иосиф Алек. предупредил, как о лице, не заслуживающем доверия.

С Розановым я не познакомился в Казани. Он должен был подыскать квартиры для приезжающих из Москвы. Он был квартирьер.

Через Иосифа мы связаны с правыми с.-р.; что мы будем работать вместе с правыми с.-р., мне уже говорил Борис Алексеевич.

Какую, собственно, должность я занимал в этой организации, мне самому было не ясно, но меня командировал член штаба Борис Алексеевич. Письмо Николаю Сергеевичу и Борису Алексеевичу мое. Деньги 23 милл., которые мы собрались экспроприировать, и я поехал в Москву узнать, живет ли в Москве лицо, которое должно привезти деньги. Кто-то из Казанских должен был в Казань привезти эти деньги. Этот план строил В. Ив. Калинин, который жил в Москве под фамилией Кудрявцева. Деньги эти мы не поспели захватить ....13 июня с/г. Василий Александрович *Оленин.*

Герцен.

Третий допрос.

Показания гражданина Василия Александровича Герцена.

В организацию «Союза Защ. Род. и Св.» вступил в середине марта с. г. по рекомендации Бориса Алексеевича, с которым познакомился в ресторане, в Леонтьевском пер.

Как фамилия Бориса Алексеевича, мне неизвестно, и какое он занимает положение в организации, мне тоже неизвестно, но думаю, что он находился в близком отношении к штабу организации.

В Казань от Московской организации приходили полковники, командиры. Михаил Михайлович Войнин, другого не помню. С Марией Владимировной познакомился в кафе «Бристоль», куда был послан Борисом Алексеевичем сказать, что согласен поступить в организацию (сказать должен был Марии Владимировне). Николая Ильвовского знаю. Состоит ли в организации, не знаю.

Василий Алексеевич Герцен 15/VI с. г.

Показания Покровского.

Первый допрос.

1918 года, мая 28 дня, *Покровский* Борис Евгениевич (он же Парфенов), служащий в продовольственной милиции, показал следующее:

В Елатьме был начальником штаба отдельной дружины, которой командовал Аваев и Сидоров. Дружина состояла из 80 человек приблизительно. Арестован был по подозрению в связи с выступлением Корнилова. Комиссия нашла, что документы у меня не в порядке. Листок с заголовком «Основные задачи» принесен кем-то и положен в квартиру на стол. Очевидно, провокатор носил для того, чтобы попасть им в руки. К организации «Союза Защиты Родины и Свободы» не принадлежал. Пока

только с нею знакомился и возможно бы вступил в нее. Листовку со списком провокаторов я взял у Аваева. Я служу в продовольственной милиции, главное правление ее помещается в Английском клубе. Сколько ее всей, я не знаю.

Покровский.

Второй допрос.

Я, 22 лет, Тамбовской губ., Елатьминского уезда, дер. Михайловки, прож. по М. Левшинскому пер., в доме № 3, кв. 9, корнет 13 Драгунского полка, служу в Московской продовольственной милиции около двух месяцев, поступил на службу в продовольственную милицию без рекомендации кого бы то ни было. В «Союз Спасения Родины и Революции» вступил около полутора месяца тому назад.

Определенных рекомендаций у меня не было. Меня знал член Союза Виленкин. Слышал фамилию Фон-дер-Лауниц. Все сведения об организации я получил от Виленкина. Основные задачи нашей организации были изложены и заключались в следующем:

1) Восстановить боевую способность армии, восстановить полный порядок в стране и продолжение войны с немцами.

Мы все стояли на учете у штаба. Состав штаба мне неизвестен.

Жалованье я получал у Виленкина на квартире по Скатертному пер. Получал несколько раз по 200 руб. О средствах к достижению в осуществлении намеченных союзом задач Виленкин определенно не отвечал. На случай оккупации Москвы и возможности активного выступления союза, Виленкин полагал давать инструкции и назначения только в момент действий предполагаемого активного выступления. О связях главного штаба с Дутовым и Деникиным ничего не знаю, и этот вопрос меня мало интересовал, т/к Корнилову я совершенно не сочувствую. О том, что Виленкин состоял заведующим кавалерийскими частями, я знал, но знаю, что штатов определенных не было. Письмо от 25/IV было прислано Ремизовым, Леонидом Леонидовичем из г. Бежецка. Заявление от имени гражд. Парфенова о предоставлении места в железнодорожной милиции писал я. Рекомендовал меня член Московского Областного Совета. Познакомился я с ним в Областном Продовольственном Комитете, где он служил.

Записка на имя корнета Покровского была напечатана на память мне. В Елатьме я состоял помощником начальника дружины, начальником был штаб.-кап. Аваев, Георгий Петрович. Дружина состояла из 80 чел. приблизительно и была разоружена Сов. властями. Карточки Шамешаева, Светлова и Матвеева были присланы с просьбой о деньгах. В «Союзе Защиты Родины и Свободы» они не состояли.

Удостоверение на имя Парфенова я достал в городе Елатьме. Удостоверение № 4247 32 Туркестанского полка достал в Елать-

ме. Удостоверение В. Ц. И. К. было дано вследствие задержания меня в Петрограде за неисправность документов.

Удостоверение главной конторы Известий было выдано мне Ремизовым. Удостоверение это я пред'являл при прописке, но мне сказали, что не действительно.

Блок-нот № 29 не мой. Попал он ко мне, как видно, случайно, при обыске. Имея документы на новую фамилию, я хотел ликвидировать свое прошлое, достаточно дискредитированное историей в городе Елатьме. Фамилии, указанные в записной книжке, Аваев и др., есть фамилии арестованных в Елатьме и доставленных в Москву. С отметкой «Х» есть фамилии, убитых в Елатьме.

Подпись: Борис Евгеньевич Покровский. 31. V.

1 июня 1918 г. Таганская тюрьма.

Показания Виленкина, Александра Абрамовича.

Первый допрос.

Виленкин, Александр Абрамович, 35 лет., урож. Петроградской губ., Царского Села, прожив. в гор. Москве, по Скатертному пер., в доме № 5, в кв. 1. Со времени октябрьского переворота работал преимущественно в национальных еврейских организациях, в частности в Московском союзе евреев-воинов и, по организации Всероссийского с'езда Союзов евреев-воинов, был председателем с'езда—все резолюции представил в комиссариат по еврейским делам. До октябрьского переворота был членом Ц. И. К. Советов и председателем Армейск. Комитета V армии до 19 октября, когда на с'езде армии не было выражено одобрение деятельности армейскома и весь армейском сложил с себя полномочия. Я принимал участие в трудовой народной социалистической партии, был председателем армейской группы 5-ой армии, названной партии. В настоящий момент я твердо считаю, что спасение и Родины, и Революции заключается не в работе отдельной организации или партии, а в единении всех демократических живых сил страны. Корнета Покровского под собственной его фамилией, если это его настоящая фамилия, едва ли знаю, может-быть, знаю его под другой фамилией. Знаю очень многих офицеров кавалеристов и постоянно проповедывал необходимость возсоздания армии для спасения России от немцев. Особенно после отпадения Украины и Дона. О том, что существует организация, именующаяся Савинковской, я часто слышал, слышал о том, что есть и друг. организации еще более правые, чем я особенно интересовался в связи с неизбежными на мой взгляд погромами.

Мне известно, что есть организации Михаила Архангела, ведущая почти исключительно погромную агитацию, но добраться до корня этой организации при всем желании я не мог, агитация ведется преимущественно около церквей и явно ориентируется в сторону немцев. Слышал я и про существование «Брусилов-

ской организации», тоже немецкой ориентации, но думаю, что именем Брусилова злоупотребляют, так как слышал, что Брусилов политикой, в виду болезни, не занимается. Слыхал и о существовании якобы кадетской военной организации, но лично сомневаюсь, чтобы кадеты годились на что-либо, кроме слов. Слышал и об эсеровской военной организации, но найти таковой не мог и думаю, что, кроме комитетов, у эсеров никого нет. Вообще со всех сторон безконечное количество организаций и ничего определенного.

В Савинковской организации, в качестве члена таковой, участия не принимал. Кавалерийских отрядов не организовывал. Полагаю, что среди кавалерийских офицеров Савинков популярностью не может пользоваться.

Из командиров кавалерийских полков, находящихся в данное время в гор. Москве, никого не знаю.

Письмо, адресованное Николаю Николаевичу Неелову, было прислано моему бывшему командиру кавалерийского полка, ныне расформированного, на мой адрес в виду того, что по приезде он должен был ко мне зайти за доверенным мне пакетом с процентными бумагами, принадлежащими расформированному Сумскому полку.

Неелов находится в штабе Рязанского военного руководителя в Рязани, когда приедет в Москву, не знаю. Литеры неиспользованные остались у меня—одна с октября месяца 17 г., другая оставлена проезжавшим моим бывшим товарищем по дивизии и по армейскому комитету Н. Н. Пораделовым, ныне ревизующим Советские учреждения в составе Чрезвычайной Комиссии тов. Кедрова. Ему же адресовано и письмо, начинающееся «Дорогой Коля». Послужной список Пораделов оставил у меня на сохранение.

Ал-др Виленкин.

Письмо к Неелову.

Хочется верить, что это четвертое по счету письмо, напоминающее о существовании людей, помнящих Вас, наконец, достигнет цели.

Разве не следовало верить тому, что написали Вы в своем первом и единственном письме.

... А у меня масса хороших, хороших планов на конец мая (ст. с.) осуществляются.

Мария Ф. Рыбинск. 17. V. 1918.

Второй допрос Виленкина.

Я устраивал у себя для себя же встречи с представителями различных общественных групп. Главный предмет собеседования—информация, в основе коей лежала твердая уверенность моя в несвоевременности выступления против Советской власти и боязнь еврейских погромов в случае переворота.

Членом союза евреев воинов состою. Представитель союза входит в Советские организации, в частности, в демобилизационный отдел комиссариата по военным делам. Состою председателем Московского союза евреев-воинов. Преимущественно работал по финансовой комиссии.

Подпись: Александр Виленкин.

Очная ставка с Парфеновым.

Парфенов-Покровский: Виленкина знаю. Получал несколько раз деньги. Получал в виде субсидии. Определенного жалования не было положено. Получал у него на квартире. Что Виленкин состоял в «Союзе Защиты Родины и Свободы»—знал. Показание свое, подписанное перед этим, подтверждаю.

Виленкин. Под какой фамилией явились Вы ко мне?

Парфенов. Под фамилией Парфенов.

Виленкин. Под этой фамилией я Вас знал.

Следователь: посвящали ли Вы, Парфенов, г. Виленкина, почему пришлось Вам приехать в Москву? Парфенов: нет. Следователь: не говорили, что Вы намерены делать в Москве? Парфенов: Нет. Виленкин: рассказывали ли Вы о печальном положении елатьминских арестованных по делу Елатьминской белой гвардии ваших коллег? Парфенов: говорил. Следователь: как Вы нашли Виленкина? Парфенов: где-то с ним познакомился. Где — не помню. Следователь: как Вам рекомендовали г. Виленкина? Парфенов: как присяжного поверенного. Виленкин: когда я Вам давал деньги, для кого: для Вас лично или для Ваших товарищей? Парфенов: я брал лично для себя, но давал и товарищам. Виленкин: откуда Вы знали, что я член «С. З. Р. и С.», я Вам говорил, или говорили другие или это Ваше убеждение?—Парфенов: это мое убеждение.

Оглашается показание Парфенова.

На предложенные вопросы Виленкина о том, знал ли наверное Покровский, что Виленкин состоял в «Союзе Защиты Свободы и Родины», Покровский ответил: я был слишком маленькой величиной в «Союзе Защиты Родины и Свободы» и потому наверное этого знать не мог. Я так думал.

Виленкин: те деньги, которые я вам передавал, могли ли итти на организацию каких-либо частей или предполагались для помощи лично Вам и Вашим арестованным товарищам?—Парфенов: конечно, все деньги шли на меня и моих товарищей.

Против слова «жалованье» Парфенов возражал.

О Покровском Виленкин показал следующее: не считая себя более связанным сохранением адвокатской тайны, сообщаю, что познакомился с Покровским, пришедшим ко мне под фамилией

Парфенова, Александра Ив., с указанием, что он направлен ко мне, как к присяжному поверенному, при чем намекал на то, что ему известны мои взгляды на существующий строй. Он также рассказывал мне об елатьминском деле, при чем я обратил внимание на то, что он был вооружен. Он об'яснил мне, что служит где-то в милиции не под своей фамилией, и назвал свою настоящую фамилию. Из беседы с ним я понял, что он работает в организации, но в какой именно, он не определял. Я считал эту организацию чисто офицерской, а посему, определенно правой и при встрече он постоянно наводил разговор на эту тему. Я не считал Покровского серьезным человеком, но полагал, что через него могу получить сведения о выступлении, если таковое произойдет в Москве.

Александр Виленкин.

Показания Виталия Александровича Коленко.

Сидорова знаю. Познакомился в Красной армии в конце мая. По предложению Сидорова вступил в организацию, занял пост батальон. командира 4-го бат. Мною подысканы командиры рот 13-й Церпицкий, Барнек и 14-й роты Горский (псевдон. Игорь Викторович, Пятницкая ул., 20). Мною было подыскано только два офицера. В квартире Сидорова ни разу не был. Церпицкий до моего предложения знал организацию союза, денег от Сидорова не получал. Вступая в организацию, я знал назначение в совершенно ином смысле, а именно: что пока формируются трудовые артели, каковые затем в случае об'явления войны Россией Германии, должны вступить на защиту России против Германии. Упомянутым офицерам Церпицкому и Горскому цели организации я об'являл точно так же. Приблизительно 24—26 мая я на вопрос Сидорова, согласен ли я уехать из Москвы в другие города, заявил, что из Москвы никуда не уеду, а потому из организации ухожу. Больше ни с кем с тех пор не виделся и никакими делами не занимался.

Показания Душака.

Спрошенный сего числа Иван Георгиевич Душак, 23 лет, показал. В середине мая я был в театре, где познакомился с двумя офицерами (фамилии не знаю; один из них выглядел кавалеристом). Узнав от меня, что я без работы, предложили мне пойти в Левшинов пер. к Сидорову, который даст место. Сидоров сказал, что им, офицерам, надо сорганизоваться, чтобы добиться своего прежнего положения. Назначил меня командиром батальона, сказав, что я должен подыскать себе четыре человека, от чего я отказался, в виду отсутствия знакомства среди офицеров в Москве. Спустя дня три-четыре Сидоров ко мне прислал троих офицеров, которые назвались команд. рот 1, 2 и 3 поруч.

Чанов, прап. Филаретов и прап. Румянцев. Я им сказал, чтобы они подыскали себе четыре человека, и после этого больше их не видел, где они живут, мне неизвестно. Кто входил в организацию еще, мне неизвестно. В Москву прибыл 8/V из гор. Дорогобужа.

Душак. 9 VI. 1918.

Показания Коротнева.

1918 г. Май. Я Николай Николаевич Коротнев. В квартиру Покровского я попал потому, что там жила моя старая знакомая г-жа Голикова, к которой я иногда заходил. В заговорческой организации я не состоял и ничего не знаю. Правда, когда в декабре я приехал в Москву с фронта, то здесь были офицерские организации и было дело поставлено очень просто; брали прямо незнакомого офицера из кафэ и тащили в организацию. В квартире, где нас арестовали, мы сидели, говорили о разных новостях.

Я даю честное офицерское слово, что ни в какой противоправительственной организации не состою. Деньги, выложенные на столе, не мои, а Сидорова, что он наверное и подтвердит. Я откровенно говорю, что в январе я в организации одной состоял, но теперь она распалась давно и считаю вступление в такую организацию бесполезным.

Николай Николаевич Коротнев.

Показания Леонида Ивановича Розенфельда-Розанова.

Первый допрос.

Паспорт я получил перед от'ездом в Казань от Николая Сергеевича. В Казани через Иосифа Александровича должен подыскивать помещения для размещения 500—700 человек. Виктор Иванович перед от'ездом в Казань встретил у Николая Сергеевича, от которого, т. е. от Виктора Ивановича, я получил письмо в Казань к Иосифу Александровичу. Какое положение занимает в организации Иосиф Александрович, мне неизвестно. Ярцев послан в Казань со мною вместе с той же целью.

Л. И. Розенфельд.

Второй допрос.

Леонид Иванович Розанов, арестованный в Казани, по Пушкинской ул., в доме Попова, показал следующее: моя настоящая фамилия Розенфельд, Леонид Иванович; в Москве я проживал на Большой Пресне, в д. № 28, кв. 28, там живут мои родители. Отец мой, бывший чиновник, служил как ревизор по рыбным промыслам. Уволен в 1916 году при старом режиме за политическую неблагонадежность. Я бывший офицер, прапорщик 1 железнодорожного полка. Уволился со службы с января месяца по болезни. По окончании службы приехал в Москву, остано-

вился у родителей. Уезжал из Москвы только на Луки, а так все время жил у родителей.

Около 20 мая я пошел к доктору в Молочный пер. и там, в разговоре с доктором, последний мне предложил вступить в организацию «Спасения Родины и Революции». Я на это согласился и он мне предложил немедленно переехать в Казань и там работать для подыскания квартиры. Мой непосредственный начальник был Николай Сергеевич.

В Казани ко мне явились на квартиру с нашими значками, т.-е. треугольниками, по которым мы их узнавали.

Леонид Иванович Розенфельд. 13 июня 1918 г.

Третий допрос.

В организацию вступил около 20 мая с. г. Предложил мне вступить в организацию Николай Сергеевич, по профессии врач.

Встретился я с Николаем Сергеевичем в Москве, в лечебнице для приходящих больных в Молочном пер., недалеко от Храма Христа Спасителя. Вступая в организацию, мы вели борьбу с немцами для спасения России. В этой лечебнице я встретился с Виктором Ивановичем. От последнего я получал письма на имя Иосифа Александровича. Виктор Иванович мне сказал, что остановиться я могу у Винокурова и там можно будет встретить Иосифа Александровича. На другой день, кажется, Иосиф Александрович пришел к нам в комнату. Когда я явился в дом Винокурова, я не знал об Ольгине и Голубеве, а познакомился с ними через Иосифа Александровича.

С Ярцевым я встречался в день от'езда из Москвы, в Молочном пер. В нашу задачу входило разузнать, можно ли разместить 500—700 человек в городе Казани. Мы успели осмотреть дачи Верхнего уклона и меблированные комнаты на Устье. Нам были даны инструкции действовать через Иосифа Александровича. Иосиф Александрович приходил к нам несколько раз. В телеграмме, которую я получил на свое имя по адресу Винокурова, было указано, что «тетя Варя придет в субботу. Будьте осторожны на приемку товару». Последнее относится, вероятно, к квартирам. Валентина Владимировна нам сообщила, что в Москве арестованы некоторые лица. Основные задачи за № 17 и остальные сведения о провокаторах за № 15 я получил от Николая Сергеевича. От него же перед от'ездом я получил 600 руб. Больше ничего показывать не имею.

Розенфельд.

1-я партия приехала сюда. . . . . . 2-я партия не помню.

То, что Валентина Владимировна сказала, что она от центрального штаба—не помню. Какое количество лиц, враждебных Советской власти находится в гор. Казани, мне неизвестно.

Розенфельд.

Протокол допроса Бредиса.

Допрошенный 24 июля с. г. Фридрих Андреевич *Бредис*, проживающий по Ермолаевскому пер., № 4, кв. 7, служащий в продовольственном комитете, бывший офицер, 30 лет, семейный, Витебской губернии, показал:

«С Пинкой я был знаком уже на фронте. В Москве я с ним встретился случайно. Он предложил мне вести контр-разведку, направленную всецело на борьбу против немцев. В Казань и Пермь я ездил в начале июня с. г. для подыскания немецких агентов. Документы на проезд дал мне Бирзе. Сведения, добываемые моей контр-разведкой, я давал Пинке и Ткаченко и Бирзе. Пинка приходил ко мне раза три-четыре, я у него не был ни разу. К Ткаченко я ходил. Рубиса и Кевешана я знаю также с фронта. С Рубисом в Москве встретился случайно. После этого Рубис ко мне заходил. Кевешан знал мой адрес с полка и зашел он ко мне навести некоторые справки насчет Прибалтийского края.

Ф. Бредис.

О том, что Пинка состоит в организации, преследующей чисто политические цели контр-революционного характера, я не знал, иначе я бы не остался с ним работать. После моего приезда из Казани, когда я по газетам узнал, что это за организация, в которой я работал, и какие цели она преследует, то я бросил эту работу.

С кем Пинка имел организационные связи я не знаю. Фамилии каких-нибудь участников организации, кроме общеизвестных, назвать не могу.

Работал против немцев исключительно. Мною были даны тов. Бирзе фамилии Зборомирского, Римского-Корсакова, Аркадьева и Белорукова, как участников германской организации.

Бредис.

Статья Бредиса.

В течение трех месяцев я, как латыш, боялся коснуться в печати той страшной болезни, что переживают сейчас латышские стрелковые полки. Но язва с каждым днем росла, углублялась, ширилась и, наконец, достигла последней своей стадии. Дальше уже неминуема гибель латышских полков. То, что заработано драгоценной кровью в июльских, декабрьских боях на берегах

Двины, то теперь забыто, оплевано. Всему латышскому народу, всем латышским стрелкам наметили один позорный ярлык: «латыши изменники и предатели». Нет, народ в этом не повинен, простые стрелки и латышские офицеры еще не раз помогут России, родной нашей армии. В эту тяжелую минуту, чтобы спасти столицу, Временное Правительство должно оглянуться на северные берега Двины и твердой, решительной рукой разрубить гордиев узел, разрезать проклятый нарыв, пока еще не поздно.

Жалкая кучка провокаторов и германских наймитов, засевшая в Исполнительном Комитете латышских стрелковых полков (Искомстрел), продает латышский народ. Это отсюда 17 мая вынесена резолюция о поддержке братания в самых широких размерах и об отказе от наступления. Латышский народ, пресса, интеллигенция, офицерство и отдельные команды ответили тысячами резолюций протеста, полных скорби и гнева. А провокаторы образовали специальную немецкую секцию при Исполнительном Комитете. И началась подлая и темная работа во славу Германии.

Пропаганда нашла себе, к великому стыду латышей, благодарную почву среди темной массы. С одной стороны, крупные потери латышей в декабрьских и январьских боях и сведение нанет блестящего прорыва в родную Курляндию, с другой стороны— в латышские полки влился пришлый элемент. За два года войны потери латышей были настолько значительны, что от старой добровольческой гвардии не осталось ничего. Масса стрелков ушла по болезни. Пришлый элемент с боевым прошлым ничего общего не имел, напротив, дал полкам ряд провокаторов-большевиков. Все лучшее старое, видя злую, демагогическую пропаганду предателей, стало массами уходить или в ударные батальоны, или в русские полки. Чем дальше, тем глубже болезнь захватывала латышей. Сначала еще офицерство и более сознательные элементы боролись, и дело уже налаживалось, уже создавались крепкие демократические организации, но в этот момент чья-то злая рука швырнула латышские полки в Ригу. Здесь появились большевики: Данишевский и Риббе, их пропаганде поддался Исполнительный Комитет. Целый ряд большевистских резолюций посыпался, как из рога изобилия на полковые латышские комитеты. Серая масса заволновалась. Начались массовые эксцессы латышских стрелков, избиение «батальонов смерти», столкновения, отказ итти в окопы на смену русским полкам... Это были только первые ласточки. Развал и предательство достигли своего апогея после июльского разгрома юго-западного фронта. Латыши-большевики шли и идут сознательно на разгром рижского фронта. Братание продолжается в течение даже этой недели. Сами члены Исполнительного Комитета латышских стрелковых полков идут брататься в германские окопы. Товарищ председателя с'езда латышских стрелковых полков, большевик-прапорщик Риббе говорил германским офицерам: «мы будем приветствовать

тот день, когда Англия будет сметена с лица земли. Вы должны дать нам снаряды и орудия против Японии. Мы посмотрим, кто из наших офицеров посмеет отдать приказ о наступлении против Германии». И этот предатель осмелился выступить перед представителем демократии тов. Войтинским, с заявлением: «только через наши трупы войдут германцы в Ригу». Большевики в боях под Ригой никогда не участвовали: не славой, а позором покрыли они свой народ. И сейчас, когда только пробиваются первые зародыши возрождения нашей армии, большевики снова подняли свою голову. Вокруг латышских большевиков об'единилось 23 латышских полка. Они снова выносят свою резолюцию, снова ведут армию на край пропасти. Помогите, пока не поздно. Вожаки Исполнительного Комитета латышских стрелковых полков довели темных товарищей до измены и расстрела, а сами трусливо спрятались. В одном из латышских полков вчера приговорен стрелок к расстрелу за братание. При этом обнаружено 39 германских шинелей, адресованных во все концы России. Обнаружена идеальная организация почты между Россией и Германией. Он ушел с передового поста и теперь его расстреляют. По его словам он исполнил поручение одного из членов полкового комитета. Те, кто обманули этого стрелка, научили его брататься, благословили его, те сидят спокойно в Риге в Исполнительном Комитете латышских стрелковых полков. Они еще не расстреляны.

Второй допрос Бредиса.

Я, бывший полковник, Фридрих Андреевич Бредис, 30 лет, Витебской губ., Полоцкого уезда, Ловоржской волости. Женат, имею одного ребенка. Имею мать Юлию Григорьевну, она живет в моей волости.

С военной службы я ушел в половине ноября, или, правильнее говоря, был уволен комитетом 1-го полка потому, что во время моего отпуска полковым командиром был назначен другой. Это было до октябрьского переворота.

Примерно в конце ноября я приехал в Москву и начал лечить раненую руку. 20 января я был в комиссии Генерального Госпиталя и был уволен из военной службы без зачисления в ополчение второго разряда. Пенсию я не получал. 26 или 28 февраля я начал работать в продовольственном комитете. Туда я попал через заведующего реквизиционным отделом *Селовра.* Жалованье я получал в продовольственном комитете 500 руб. Из этих денег я поддерживал жену, которая живет в *Вигольме.* В мае месяце я ей послал 800 руб. Потом я около месяца тому назад послал жене 500 руб. В конце мая я оставил службу в продовольственном комитете. Оставил потому, что чувствовал не по силам, а кроме того, предвиделась работа в контр-разведке.

Пинку я встретил около 20 апреля, и он мне предложил работать в разведке против немцев. Пинка мне сказал, что существует какая-то организация; названия он мне не сказал, но говорил, что главные цели этой организации есть борьба против немцев. Я согласился работать в этой организации и вступил в нее, не зная ее политических целей. Название этой организации узнал после ареста Пинки и других членов „Союза Спасения Родины и Революции“. Я получил 2.000 рублей на организацию разведки на Украине и в Прибалтийском крае. Жалованье я не получал потому, что я находился на службе. В Москве организовать разведку было очень трудно. Мы хотели своих разведчиков посадить в трех гостиницах, в которых по разговору публики, явствовало, что там находятся немцы. В Национале я должен был справиться, чтобы нанять № для разведки немецких штабов. В начале мая там был слышен только немецкий разговор, и №№ были дороги и их совсем не было, так что я решил разведку в городе не вести.

Около начала июня я поехал в Казань, чтобы организовать разведчиков из немецких и австрийских пленных. В Казань я прибыл около 8 июня и остановился в гостинице Биржа. Пробыл я там около 5 дней, потом поехал в Пермь и оттуда назад в Москву.

С Бирзе я вошел в связь около мая месяца. Я ему рассказал, что я веду разведку против немцев.

Бредис.

Протокол допроса Флерова 31 мая.

Георгий Евлампиевич *Флеров*, 25 лет, секретарь транспортного отдела при М. Обл. Комитете по военным делам (Пречистенка, 11), живет в Дурном п., 6, кв. 10. По делу показал Ф. Дзержинскому следующее: Петра Михайловича лично не знаю и фамилии его никто мне не называл. Пришел я в лечебницу, как больной, по рекомендации некоего Павла Ильича, которого тоже не знаю. С Павлом Ильичем (как мне думается бывш. офицером) я случайно познакомился после Пасхи на Пречистенском бульваре. Вчера я случайно с ним встретился на Страстном бульваре, рассказал ему, что я назначен председателем комиссии по проверке документов и что назначил меня, рассчитывая на мою некомпетентность и что таким образом 600 рублей, взятых в долг заведующим Оглоблиным, будут не отмечены. Сказал я ему также, что Оглоблин с какой-то делегацией по распоряжению

Г. Е. Флеров.

Троцкого уехал, кажется, в Ряжск. Когда я ему сказал о своей болезни, Павел Ильич послал меня в лечебницу на Молочный пер., об'яснив, чтобы я спросил Петра Михайловича. По телефону я в лечебницу не говорил. Рассчитавшись с Павлом Ильичем, я зашел в фотограф. магазин за принадлежностями, откуда, не дождавшись трамвая, взял извозчика и поехал на Молочную—уплатил 20 руб. Там на Молочной я был арестован. Межаков, мой товарищ по средней школе, б. офицер, звал меня в записке к девушкам, с которыми мы условились встретиться в саду. Забрал у меня и фотогр. аппарат. Межаков служит в хозяйстве морского ведомства. Звать его Михаил Михайлович, живет где-то по М. Бронной, наверное не знаю. Я беспартийный, мои личные убеждения, что необходимо об'единение всех социалистических партий. Я—бывший прапорщик. Кончил одесские курсы. Был студентом технологического института. Мобилизован в 1916 году.

А. Кострюков.

Флеров.

Здесь приведена только часть обвинительного материала. Осень 1918 года была самым бурным периодом в работе Всероссийской Чрезвычайной Комиссии. Сотрудники не успевали справляться с чисткой городов и деревень от явно контр-революционного элемента, поднявшего голову и приступившего к активным действиям. Это было время, когда приходилось „рубить с плеча“ и не считать ни своих жертв ни трофеев. Немудрено, что при таком положении вещей растерялись многие ценные документы, показания арестованных и даже целые дела.

Здесь приведено все, что уцелело из более или менее ценного материала. Не приведены только подчас ученические писания белогвардейских авторов и воззвания, имеющие общий характер.

Но и из этого приведенного материала составляется довольно яркая картина всей организации.

Исходя из совершенно правильного расчета, что вне советских учреждений немыслимо создать серьезную боевую организацию, они начинают устраиваться в советских учреждениях.

Во-первых, они приобретают осведомителя в Кремле, в кругу Совнаркома, из близко ему стоящих лиц.

Во-вторых, они захватывают в свои руки всю военную разведку Военконтроля, во главе которой становится Бирзе, анархист, потом скрывшийся неизвестно куда. Контр-разведка переходит к Бредису, явному монархисту, с союзнической ориентацией. Он раскидывает эту сеть по Украине и Прибалтийскому краю.

Далее они начинают устраиваться в Московской Продовольственной милиции, чтобы, таким образом, иметь легальное существование боевой организации, да еще при оружии.

Намечается уже и тенденция втесаться на командные должности, дабы иметь возможность повлиять на Красную армию и располагать ею. Определенные указания имелись относительно Т. А. О. Н. и броневых частей. Но большинство участников организации все же еще или нигде не работают или работают в других Советских учреждениях.

Ставится разведка среди немецкого представительства и войск, исходя из расчета, что весьма скоро предстоит оккупация Москвы немцами и что с этого момента начинается война «верных сынов Родины» из «Союза Защиты Родины и Свободы», совместно с союзниками, с немецким империализмом. Для этого устанавливается диктаторство во главе с Савинковым и привлекаются в союз все социалистические и даже монархические партии.

Размеры организации не позволяют дольше оставаться в подполье. Поэтому необходимо устроить восстание. Оно уже намечается к 1 или 2 июня 1919 г. Но наступают тревожные сведения о немецкой оккупации, и восстание в Москве откладывается. Штаб переносится в Казань, оттуда и думают начинать.

Но тут В.Ч.К. их предупредила и расстроила все прежние планы. Часть Московского и Казанского штабов попадают в квартиры В.Ч.К.; уцелел только Центральный штаб, который переносится в Ярославль.

На основании всего вышеизложенного материала были подвергнуты наказанию нижеследующие лица:

Расстреляны:

1) *Попов*, Ив. Иванович.
2) *Виленкин*, Александр В.
3) *Ольгин* (Герцен), Вас. Ал.
4) *Коленко*, Вит. Алекс.
5) *Душак*, Иван Георг.
6) *Ильвовский*, Алекс. Сергеев.
7) *Флеров*, Георг. Ев.
8) *Парфенов* (Покровский), Б. Е.
9) *Рубис*, К. П.
10) *Никитин*, Ник. Иванович.
11) *Жданов*, Сергей Алексеев.
12) *Висчинский*, Гавр. Митроф.
13) *Полетаев*, Влад. Николаев.
14) *Лопухин*, М.
15) *Розенфельд* (Розанов), Л. И.
16) *Шингаль*, Дмитрий Ник.
17) *Сидоров-Аваев*.
18) *Оленин*, Георг. А.

Заключены в концентрационный лагерь:

1) *Соколов*, Иван Леонтьевич. 2) *Ильвовский*, Лев Сергеевич.
3) *Беляев*, Ник. Дмитриевич. 4) *Муселиус*, Борис. Алек.
5) *Кованоко*, Бор. Влад.

Бежал *Кострюков* и не разыскан.

" *Пинка*, Альфред—тоже не разыскан.

Все остальные арестованные освобождены, кто под поручительство, кто за недоказанностью обвинения, как, например, *Кропоткин*.

7. Восстания, организованные „Союзом Защиты Родины и Свободы".

Намеченное восстание в Москве, а потом в Казани было предупреждено и пресечено действиями В.Ч.К., но центр организации уцелел и продолжал работать ускоренным темпом по восстановлению организации и созданию нового плана восстания.

Время для этого было самое выгодное. Чехо-словаки подняли мятеж и под руководством правых с.-р. обосновались в Самаре и стали распространяться на восток и вверх по Волге.

На Мурмане началось наступление союзников.

Поднявшие восстание не очутились бы в одиночестве: и с Приволжья и с Севера им протягивалась бы союзническая рука помощи.

Рассчитывая на это, они рискнули и подняли целый ряд восстаний в Муроме, Рыбинске, Елатьме и Ярославле.

Об этом периоде организации «Союза Защиты Родины и Свободы» Деренталь пишет следующее:

«Как только выяснилось, что по отношению организации советский гром грянул не из тучи, немедленно было приступлено к выработке нового плана действия. Казань пришлось оставить, ибо на нее теперь было устремлено все внимание большевистских властей.

В связи с ожидаемым десантом союзников в Архангельске и для непосредственного его облегчения решено было поднять восстание на верхней Волге, Рыбинске и Ярославле и одновременно во Владимире, Муроме, где помещалась большевистская ставка и в Арзамасе. Во всех этих пунктах уже имелись местные организации Союза. Оставалось только прислать туда подкрепления из Москвы и некоторых других городов, не входящих в зону, предполагаемого восстания.

Полученные не только определенные сведения о времени высадки десанта, но и просьбы именно приурочить к нему начало открытых действий против большевиков из политических соображений, заставили назначить 6 июля днем выступления во всех вышеуказанных местах.

В ночь с 5 на 6-е город Ярославль был захвачен отрядом полковника Перхурова, начальника штаба Союза Защиты Родины и Свободы.

Героическая защита им города в течение 17-ти дней против бесгранично пребывающих сил противника общеизвестна. Здесь придется только об'яснить, почему Ярославль не получил ниоткуда помощи и был предоставлен своей собственной судьбе. Весь план восстания был основан на захвате Рыбинска и находящихся в нем огромных артиллерийских запасов. Ярославское и Рыбинское выступление организационно были тесно связаны одно с другим и одно без другого теряли самостоятельное значение. Но выступление в Рыбинске потерпело неудачу. Один из членов местной организации выдал план восстания большевикам, пришедшие ночью к артиллерийским складам отряды попали в засаду. Часть складов была все-таки захвачена, но воспользоваться ею не удалось. После нескольких часов упорного, ожесточенного боя пришлось отступить. Рыбинск остался в руках большевиков и тем предрешена была судьба, не имевшего ни снарядов, ни артиллерии, Ярославля».

Елатьминское восстание.

Восстание в гор. Елатьме, в Тамбовской губ., произошло в начале 1919 года. Оно относится еще к числу тех многочисленных организованно не связанных вспышек, которые были так часты в то время, которые являлись результатом бешеной, бессильной злобы против рабочей и крестьянской власти и которые устраивались «безумством храбрых» из белого лагеря. Но в то же время главные участники елатьминского восстания уже связаны с «Союзом Защ. Родины и Свободы», в котором они потом занимают ответственное место. К их числу относятся: Парфенов, Покровский, Сидоров, Аваев и др. Дело об этом восстании еще не извлечено из архива, но мы, для полноты картины, все же даем для настоящего обзора имеющийся на руках материал. Такого материала у нас всего два документа: показания Сидорова, помещ. в отд. 33, и заключение следственной части, которые мы и излагаем.

Заключение по делу елатьминских белогвардейцев.

Дружина, сорганизовавшаяся в гор. Елатьме в конце сентября 1917 г. исключительно для охраны порядка в городе, с декабря 1917 г. становится, благодаря разгрому арсенала, вооруженной организацией и начинает действовать во вред только что образовавшейся уездной Советской власти. К этому времени в город переехали на постоянное жительство уездные помещики. Помещики, действуя именем и авторитетом дружины, ведут телефонные переговоры с представителями уездной Советской вла-

сти, совершают экспедиции в уезд, грабят заводы, вывозят с имений инвентарь и т. п. (взгляните на отчет Земельного Комитета). Город в лице Городской думы не принимает никаких мер к обузданию геройских подвигов помещиков; более того, город распределяет между гражданами вывезенный с завода Девишева весь сухой крахмал, зная определенно, что этот крахмал взят на учет местным Земельным Комитетом. На ультимативное требование Советской власти выдать бывших помещиков и начальника Районной милиции Кошкарева, Городская дума отвечает отказом; под предлогом различных формальностей, Городская дума не принимает участия в продовольственном с'езде земельных комитетов с. Патапьева, где был ясно и определенно поставлен вопрос о признании в уезде Советской власти; в выборах уездного Совета город опять-таки из-за пустой формальности отказывается принимать участие. Городская дума не выступила бы так открыто против уездной Советской власти, если бы не чувствовала, что за ней стоит определенная вооруженная реальная сила в лице городской дружины. Отчаянное сопротивление, оказанное дружинниками советским войскам, достаточно констатирует, что город мог смело рассчитывать на реальную помощь со стороны дружины. В общем в г. Елатьме в миниатюре повторилась та же великая провокация со стороны Городской думы, которая имела место по вине гг. Судневых и Шредеров в памятные дни в Петрограде и Москве.

На основании фактов можно формулировать следующее заключение: привлечь дружинников белогвардейцев к суду революционного трибунала, пред'явив им обвинение в организации вооруженного сопротивления советским войскам; судебный приговор юридической комиссии Елатьминского уездного совдепа пересмотреть, разделить всех заключенных дружинников по степени виновности на несколько групп, приняв во внимание социальное положение каждого в обществе и участие в дружине, возраст и т. п.; привлечь к ответственности весь состав Елатьминской Городской думы, пред'явив ему обвинение в провоцировании населения слухами о дезорганизованности советских войск и т. п. в вооружении дружины оружием склада воинского начальника, в разоружении гарнизона города Елатьмы; привлечь к ответственности городскую делегацию, посланную перед сражением для переговоров к советским войскам, и сообщаемую неверные сведения, будто за городом стоят не советские отряды, а вооруженные тьмы крестьян.

Дело было передано в Ревтрибунал и о дальнейшей его судьбе пока ничего не установлено. Московские участники, фигурировавшие в деле союза Защиты Родины и Свободы: Парфенов, Покровский, Сидоров, Аваев и др., проходили по делу «Союза Защиты Родины и Свободы» и были приговорены к расстрелу.

Восстание в Муроме и Муромская организация.

Тот же Дикгоф-Деренталь о муромском восстании пишет следующее:

«Муромское выступление, имевшее по планам характер диверсии, сперва было успешно. Город был захвачен. Большевистская ставка арестована. Но в виду того, что в смежном районе, благодаря случайности, одновременно выступить не удалось, пришлось покинуть город под давлением превосходящих сил противника. Командовавший Муромской операцией полковник Сахаров во время отступления должен был слечь в больницу из-за повреждения руки и оттуда благополучно был вывезен за пределы большевистской досягаемости военным доктором Григорьевым, начальником иногороднего отдела Союза».

По документам и свидетельским показаниям восстание представляется в следующем виде:

От уполномоченного временного национального правительства к населению.

1) Все граждане, населяющие те пункты, на которые распространяется власть правительства или в районе которых происходят боевые операции войск правительства, обязаны подчиняться распоряжениям представителей правительства и начальников отдельно действующих отрядов правительства.

2) Все мероприятия правительства направлены к защите прав и жизни всего населения от грубого произвола, царившего в дни правления опричников-большевиков, защите родины от врагов, посягающих на ее свободу, и доведению страны до у ч р е д и т е л ь н о г о с о б р а н и я.

3) Самочинные аресты, а тем более убийства, столь поощряемые бывшей Советской властью, решительно и неуклонно преследуются всеми должностными чинами правительства. Виновные в неисполнении этого постановления предаются военному суду. Обыски и аресты производятся по ордерам, подписанным уполномоченными правительства или начальниками отдельно действующих частей.

4) Для упорядочения жизни в городах и селениях возобновляется работа в органах местного самоуправления. Городские и земские думы должны быть собраны в наикратчайший срок. До выбора новых представителей в думы к работе призываются члены дум и комиссары, находившиеся на своих постах при б. временном правительстве.

5) Реквизиция имущества, денег и пищевых продуктов у гражданского населения не допускается ни в коем случае. Все сделки должны быть производимы за наличный расчет и по взаимному соглашению.

6) В виду полного расстройства железнодорожных путей и надвинувшегося на центральные губернии голода все ограничения советской власти при продаже и покупке хлеба отменяются. Хлеб продается по вольной цене. Правительство в первую голову озаботится немедленной доставкой дешевого хлеба из Сибири и с юга России в голодающие губернии. Все граждане голодающих губерний могут беспрепятственно ездить за хлебом, беспрекословно подчиняясь правилам, выработанным управлениями жел. дор. Спекуляция пищевыми продуктами будет беспощадно преследоваться.

7) При первой возможности правительство будет стремиться к снятию военного положения в местностях, занятых его войсками, и к широкой амнистии всех, кто по недоразумению своему примкнул к изменникам родины—большевистским главарям.

8) Правительство ни в коем случае не стремится к ограничению прав народа. Правительство защищает родину и свободу от произвола и насилий, царивших в дни правления Советской власти. Все наветы и сплетни о походе правительства против народа, распространяемые агентами большевиков и немцев, правительство с презрением от себя отметает. Все основные законы даст нашей родине учредительное собрание.

9) Правительство обращается с призывом ко всем слоям населения помочь ему в трудном деле защиты родины и свободы русского народа от врагов внешних и внутренних. Только при поддержке крестьян, рабочих и интеллигенции возможна борьба за светлое будущее России. Правительство напоминает всем, что защита родины и свободы есть прямая обязанность и долг каждого гражданина.

Вр. исп. об. уполномоченного правительства, представитель центрального штаба при восточном отряде *Н. Григорьев.*

К рабочим и крестьянам.

Граждане! События последних дней заставляют всех любящих родину и русский народ, всех истинных защитников свободы, подняться с оружием в руках против Советской власти и свергнуть насильников, прикрывающих свои гнусные деяния именем народа.

Совет Народных Комиссаров довел Россию до гибели. Совет Народных Комиссаров вместо хлеба и мира дал голод и войну. Совет Народных Комиссаров из великой России сделал клочок земли, политый кровью мирных граждан и обреченный на муки голода. Именем народа самозванцы—комиссары отдали лучшие хлебородные земли врагу земли русской—австрийцам и германцам. У нас отторгнуты Украина, Прибалтийский и Привислин-

ский край, Кубань, Дон и Кавказ, кормившие нас и снабжавшие нас хлебом. Этот хлеб идет сейчас в Германию. Этим хлебом питаются те, кто завоевывает нас шаг за шагом и с помощью большевиков отдает нас под власть германского царя. Этим хлебом пользуется немецкая армия, избивающая наш народ в городах и деревнях Украины, на берегах Дона, в горах Кавказа, на полях Великороссии.

Совет Народных Комиссаров игрушка в руках германского посла графа Мирбаха.

Совет Народных Комиссаров предписывает декреты именем народа, но декреты эти пишет царь Вильгельм. Отвергая соглашения внутри страны с лучшими гражданами, Совет Комиссаров идет не только на соглашательство с германскими империалистами, но беспрекословно исполняет все их приказания и требования.

Совет Народных Комиссаров своей изменнической политикой, исполняя приказания графа Мирбаха, заставил подняться войска чехо-словаков, которые шли на западный фронт для борьбы с немцами. Граф Мирбах приказал разоружить 60-тысячный корпус чехо-словаков и Совет Народных Комис. покорно подчинился его требованию.

Чехо-словаки, преданность которых России была неоднократно доказана, принуждены были восстать и не позволить себя разоружить. Они знали, что разоруженных их предадут Австрии, которая не будет церемониться с ними, как со своими бывшими подданными, поднявшими оружие против австрийского императора.

Чехо-словаки истинные республиканцы и служат тому же святому делу, что и мы. Они идут войной против поработителей и не позволят задушить свободу. Народные Комиссары, зная, что гнев народа страшен, ради спасения своей жизни и, цепляясь за власть, опираются сейчас на штыки немцев и одураченных латышей, изменив давным-давно делу рабочего класса.

Народные комиссары вызвали вновь ужасную братоубийственную войну, посылая отряды красной гвардии и латышей против крестьян отнимать у них хлеб. Народные комиссары арестовывают и расстреливают рабочих, не согласных с их политикой, подтасовывают выборы и душат все гражданские свободы.

Совет Народных Комиссаров судорожно ищет хлеба—но кто даст хлеб изменникам родины. Сибирь не даст им хлеба, а теперь только Сибирь и отчасти Дон смогут прокормить нас. Сибирская железная дорога в руках восставших против Советской власти и только тогда мы получим по вольной цене дешевый хлеб, если сами свергнем насильников и изменников родины — Совет Народных Комиссаров—и присоединимся к восставшим.

К оружию все! Долой Совет Народных Комиссаров! Только свергнув их, мы получим хлеб, мир

и свободу! Да здравствуют в России единение и порядок! Прогнав Советскую власть, мы прогоним вместе с ними и гражданскую войну и снова обретем былую силу и мощь.

А тогда не страшны нам будут враги нашей родины.

Долой опричников — народных комиссаров и их приспешников.

Да здравствует грядущее учредительное собрание!

Да здравствует свободная великая родина!

Союз защиты родины и свободы.

Показания Николаева.

Допрошенный председатель Уездного Комитета партии коммунистов Никифор Николаевич Тагунов, 21 год., жив. в гор. Муроме, Полевая, д. 21, показал:

В последних числах июня 1918 года я был уездным Исполком. назначен руководителем по организации уездной Чрезвычайной Комиссии: мною был приглашен в качестве секретаря тов. Сосновский и сотрудником по организации тов. Кириллов, ныне член Уездной Чека. Пятого или шестого июля я поехал в гор. Владимир за материалами по организации комиссии, где и пробыл я по 8 июля включительно, так что во время самого белогвардейского восстания в г. Муроме я не был, но о периоде предшествовавшем восстанию я могу дать некоторые сведения. За несколько дней до приглашения мною тов. Сосновского и тов. Кириллова коммунистом тов. Машченко Николаем, в настоящее время находящемся где-то на южном фронте, было сообщено о подозрительном поведении Николая Павловича Сахарова, бывшего полковника или подполковника, хорошо не помню, часто наезжавшего в Муром к своим родителям, жившим в Спасском монастыре, а также что среди муромских обывателей ходят глухие слухи о связи Сахарова с руководителями чехо-словацкого движения на Востоке и Сибири. На основании этих данных мною было поручено военному комиссару тов. Лажкову числа 3 или 4 июля произвести обыск в семье Сахаровых в Спасском монастыре, где при обыске были обнаружены у матери Сахарова, Антонины Васильевны Сахаровой, около 130.000 руб. кредитками в ларе под иконами. Были ли они скрыты, мне неизвестно, об этом может подробно рассказать тов. Лажков, производивший этот обыск. По словам Ложкова, Сахарова заявила, что эти деньги достались ей якобы по наследству и несколько тысяч из этих денег увез в Нижний недавно уехавший туда сын ее Николай Павлович. Эти 130.000 рублей у Сахаровой отобраны. Сахарова была оштрафована с согласия уездного Исполкома на 30.000 рублей, а остальные деньги было постановлено сдать на текущий счет Сахаровой в банк, согласно бывшим декретам о хранении денег частными лицами. За болезнью Сахаровой в связи с обысками, сведения о

назначении денег Сахаровой и копию постановления о штрафе и судьбе денег получила гр-ка Петрова, домашний врач Сахаровой. Она живет и теперь в г. Муроме, но где именно, не знаю. Считая этот результат обыска весьма показательным, решено было дождаться возвращения Николая Сахарова из Нижнего. Я же через дня два поехал в Губчека во Владимир, где находились материалы по организации Чрезвычайных Комиссий и сведения о методах работы контр-революционных организаций, которые можно было бы использовать для борьбы с местными контрреволюционными организациями и пролить свет на странное появление большой суммы денег в семье Сахаровых. Во время моего отсутствия работа по борьбе с контр-революцией временно приостановилась. Во Владимире же достаточные сведения о возможности существования контр-революционных организаций в пределах губернии и в частности в г. Муроме получено не было; 8 июля вечером при посадке на поезд на ст. Владимир я был остановлен тов. Голлером, ныне губ. военным комиссаром, который мне сообщил о занятии Мурома белогвардейцами. В этот же день я выехал из Владимира в качестве политического комиссара в Муром с отрядом в 250 человек, посланным Губ. Военным Комиссариатом. 10-го мы утром были в Муроме, откуда белогвардейцы уже бежали, прогнанные местными силами, и порядок был снова восстановлен и началось преследование еще неуспевших скрыться членов белой гвардии. Я вступил в число членов Чрезвычайного Штаба по борьбе с контр-революцией, сорганизовавшегося 10—11 июля. Удалось установить по оставшимся публикациям и приказам Штаба белогвардейцев, что в Муроме действовал Восточный Отряд Северной Добровольческой армии, командующим которой был генерал Алексеев и политическим руководителем член Всероссийского Времен. Правительства Б. Савинков. Командиром восточного (Муромского) отряда был полковник Николай Сахаров и пол. комиссаром некто Григорьев Н., по многим предположениям брат жившего в 1911—1912 годах доктора Григорьева, преподававшего гигиену в муромских средних школах и выбывшего неизвестно куда. Эти лица фигурировали на всех приказах, изданных белогвардейцами во время захвата города. Этими же материалами было установлено, что белогвардейцы принялись за мобилизацию всех годных сил: как были призваны все офицеры, чехо-словаки, которые в приказах именовались «нашими друзьями», а также и добровольцы из среды населения. Сборный пункт был назначен в помещении бывшего Воинского начальника по Ивановской улице. Жалованье сулилось рядовым 300 рублей, остальным больше. Были и воззвания к рабочим, крестьянам и гражданам, воззвания были составлены в чисто левоэс-еровском духе и призывали к свержению Совета Нар. Комиссаров, который об'являлся предавшим Россию Германии. Эти воззвания были за подписью «Союза защиты родины и свободы». Все приказы и воззвания были напечатаны в Муроме в типогра-

фии бывшей Миловановой, где белогвардейцы, захватив город, заставляли силой рабочих эти приказы и воззвания отпечатать. В помещении бывшего воинского начальника помещался штаб белогвардейцев. В состав его входили: Сахаров, Григорьев и в качестве казначея местный купец Алексей Федорович Жадин, скрывшийся неизвестно куда после восстания. Были, конечно, и еще другие лица, исполнявшие руководящую работу в штабе, но я лично не помню всех данных следствий и назвать их не могу. Удалось установить, что штабом этим посылались отряды первый на ст. Новашино, Каз. ж. д., где он был разбит рабочими Судостроительной верфи Коломенских заводов (верст 12 от Мурома эта верфь). Ст. Новашино верст 12 от Мурома. Ездили белогвардейцы на паровозе с платформой впереди и двумя вагонами. Второй отряд был ими отправлен по направлению в г. Ковров. Разобрав путь в нескольких местах между ст. Селивановым и Муромом, отряд вернулся обратно. Этот отряд тоже ездил на паровозе с вагонами и, как удалось установить из опросов задержанных и свидетелей, два раза 9 июля утром и 12 вечером и во время вечерней поездки на одно из разобранных мест столкнута с целью загромоздить путь платформы. Железнодорожников заставили работать силой, но кто из железнодорожной прислуги ездил с этими поездами по принуждению белогвардейцев, установить не удалось. Удалось установить из допросов участников восстания, что организация сил началась еще с мая месяца, когда Сахаров предлагал подпоручику Дубницкому, тоже участнику восстания, впоследствии расстрелянному, как говорил сам Дубницкий на допросе, вступить ему в «Союз Защиты Родины и Свободы», куда Дубницкий согласился вступить лишь в июне или в первых числах июля 1918 года. Восстание было организовано, как силами приезжими, так и местными, так приезжали силы и из Владимира, хотя точно этого нам установить не удалось. Восстание началось вечером 8 июля. В этот вечер местное бывшие офицерство, а также приезжие пьянствовали на Окском бульваре, где они и распивали вино с собою принесенное и полученное на месте. Приблизительно в полночь через посредство своих людей из среды инструкторов Красной армии Военного Комиссариата белогвардейцам удалось обезоружить Карательную роту Красной армии, помещавшуюся в то время на Успенской улице, и вооружиться. В этот день вечером еще до разоружения роты по городу и Окскому бульвару ходили вооруженные винтовками пьяные офицеры и выстрелами в воздух разгоняли публику. Одновременно с этим происходили захваты квартир отдельных советских работников и учреждений, так что к 11 часам дня 9-го все советские работники сидели уже в тюрьмах, а город был захвачен и по нему были расклеены воззвания и приказы, о которых я говорил уже выше. Как удалось установить, отношение буржуазии к захвату власти было очень сочувственное к белогвардейцам, так торговцы снабжали их про-

дуктам, пряниками и бутербродами. Так, например, снабжали белогвардейцев колбасой торговцы Яковлевы, ныне находящиеся на свободе и живущие здесь. Духовенство тоже отнеслось сочувственно к восстанию. Так 9 днем в Соборе был молебен в присутствии всей буржуазии Мурома, где было благодарственное молебствие о освобождении города от большевиков. Принимал ли участие в этом молебне епископ Митрофан Муромский и также кто именно из духовенства сказать не могу. Из показаний же послушника епископа Митрофана Алексинского видно было, что Митрофан имел тесную связь с полковником Сахаровым и через Алексинского передал ему деньги и относился сочувственно к перевороту. Большинство белогвардейских добровольцев состояло из учащейся молодежи Мурома, пошедшей в ряды белой гвардии под влиянием своих родителей. Так, например, Василий Порфирьевич Рожков ловил на улице реалистов и направлял в штаб записываться в белую гвардию. Рожков ныне скрылся и надо думать находится на Украине. Он был преподавателем в реальном училище географии и космографии. Все белогвардейцы ходили с белыми повязками на рукавах. Из среды учителей реального училища с таковыми ходили Петр Васильевич Добролюбов, ныне скрывшийся, народный социалист, фигурировавший в списках по выборам в Учредительное Собрание от Владимирской губернии и Богоявленский, преподаватель математики, живущий в Муроме и ныне находящийся на свободе. Находящаяся в городе еврейская община, очевидно из видов самосохранения от погромов, которыми угрожали белогвардейцы на тайном собрании 9 числа, решила целиком записаться в белую гвардию, чтобы запастись для самообороны оружием, если будет погром. Группа правых местных с.-р. решила записаться в гвардию и впоследствии мотивировала свое участие «необдуманностью», чтобы с оружием в руках отстаивать интересы пролетариата и бедноты от слишком буржуазного состава белой гвардии. Такое заявление было сделано членом этой группы Николаем Андреевичем Зворыкиным, ныне находящимся на свободе и живущем по Нижегородской улице, он тоже зачислился и получил винтовку, а также исполнял поручения штаба по охране города. Меньшевики участия никакого не приняли в восстании. Широкие массы рабочих, сначала было поддавшиеся на призыв белогвардейцев против Брестского мира, после приказов появившихся через несколько часов после этих призывов, в которых упоминались фамилии ген. Алексеева и Савинкова, опомнились и стали относиться к белой гвардии резко и враждебно. Из среды инструкторов Красной армии, способствовавших восстанию, могу назвать Зимоглядова, бывшего офицера, ныне скрывшегося; Завулокова—расстрелянного, и из лиц, находящихся в Муроме, сейчас назвать никого не могу, да и остался ли кто из них в Муроме, не знаю. Скрылся также руководитель восстания бывший штабс-капитан Петров, откуда он и где он сейчас, мне

неизвестно. Тоже могу сказать о бывшем офицере Гвоздеве. Вообще список лиц, так или иначе принимавших участие в восстании, имеется в Муромской Чрезвычайной Комиссии. Более я ничего показать не имею.

Показания Кириллова.

Допрошенный Заведующий Спекулятивным Отделом Муромской Чрезвычайной Комиссии Александр Ильич Кириллов, 28 лет, из муромских жителей родом, живущий в г. Муроме, по Овражной улице, дом 60, показал:

Я прибыл в Муром из Петербурга в мае месяце 1918 года, а в июне был приглашен тов. Табуновым в качестве сотрудника по организации уездной Муромской Чрезвычайной Комиссии. Еще при приезде в Муром мне стало казаться, что здесь не все благополучно, так какие-то скрытые силы действовали против партии большевиков. Это было видно хотя бы из того, что на митингах, устраиваемых партией в разных местах, резолюции коммунистов не проходили в их целом, а некоторые лица, находившиеся на Советской службе, тоже вели себя очень подозрительно; большинство из них были бывшие офицеры. Так, например, Кравченко, бывший штабс-капитан, занимавший должность начальника милиции, был вечно пьян и делами не занимался.

Его в силу этого за неделю до восстания отстранили от должности. Тоже можно сказать о бывшем офицере, кажется, подпоручике Блескунове, занимавшем должность военного руководителя в Муромском уездном военном комиссариате. Блескунов крайне небрежно относился к своим обязанностям, его тоже недели за полторы до восстания отстранили от должности. Оба эти лица играли роль в последовавшем 8—9 июля восстании: Кривченко заведывал тюрьмой и по охране города играл большую роль, вообще был видным руководителем восстания. Он был задержан после восстановления Советской власти в г. Муроме пьяным и был расстрелян, как активный участник восстания белогвардейцев. Блескунов тоже, как говорили, участвовал активно в восстании, но задержать его не удалось и он скрылся неизвестно куда. Наконец я могу назвать еще бывшего офицера Мяздрикова, который был Председателем Союза Муромских инвалидов и который был замечен до восстания в том, что возбуждал недовольство среди них против власти Советов. О нем говорили, как о лице, тоже принимавшем активное участие в восстании и после восстания скрывшемся неизвестно куда. За от'ездом тов. Тагунова я остался за него, причем на мою задачу выпало следить за приездом полковника Сахарова, у матери котораго была найдена при обыске подозрительно большая сумма денег. Тов. Тагунов уехал, кажется, 6 июля, 8 июля, вечером, часов в восемь, я был на Окском бульваре, где гуляло много публики. Мне бросилось в глаза, что публика была крайне нервно настроена и в особенности молодые купчики и мелкая буржуазия, говорили об убийстве в Москве германского

посла и критиковали Советскую власть, но активных призывов к свержению власти Советов я не слышал; пьяных в толпе я тоже не заметил. После этого я побывал на Нижегородском бульваре, но здесь было все спокойно и я ушел домой. Придя домой, я залег спать, но около 10-ти часов вечера меня разбудила жена и сообщила, что в городе идет стрельба; действительно, я, прислушавшись, услышал сначала отдельные винтовочные выстрелы, затем несколько залпов. Я тогда пошел с своим братом по направлению к Касимовской улице, к уездному Совдепу, но по дорогѣ встретил тов. Шорина и Храмова, с Станкевичем, служивших в то время в милиции и живущих теперь в г. Муроме. Они сообщили, что творится что-то непонятное и что к зданию милиции, что на Московской улице, пройти нельзя. Какие-то вооруженные люди не пропускают. Мы все вместе пошли к военному комиссару, тов. Ложкову, живущему по Старой Банковской улице, и тут увидели, что дом его окружен вооруженными людьми, хлопавшими затворами ружей. Кто был среди этих людей, разобрать не удалось из-за темноты. Мы ушли в комитет партии, что в доме Русакова, по Касимовской улице. Придя туда, я позвонил в Совет, желая узнать, в чем там дело, но на мой вопрос ответили, что когда вас всех перережут, то вы и не узнаете «кто», и спросили мою фамилию, я им ответил, кто я, и повесил трубку, сообразив, что Совет кем-то уже захвачен. После этого мне позвонили со ст. «Повашина», желая поговорить со мною, но кто—неизвестно, так как разговор в самом начале прервался и передать мне о случившемся туда не удалось. Часу в первом ночи мимо здания фракции проехал автомобиль грузовой с пулеметом, с вооруженными людьми. Было на нем человек восемь, стрельбу они не производили. Автомобиль ехал быстро, и поэтому и также благодаря темноте разобрать, кто в нем был, не представлялось возможности. На автомобиле был белый флаг. Часам к двум ночи стрельба в городе стала затихать. Часов в 5-ть утра 9-го мимо проехало еще несколько автомобилей, тоже с белыми флагами и несколькими вооруженными людьми, лиц которых разобрать не удалось. Часов в пять я брата Бориса отправил в мастерские Казанской жел. дор. организовать защиту, а я еще остался, поджидая его возвращения. Около 6-ти часов под'ехал к зданию фракции автомобиль и окружили люди, в нем бывшие, с целью захвата нас. Я хотел было стрелять по подходившему к дому фракции гр-ну Сажину, сыну местного фотографа. Сажин был вооружен револьвером. Бывший со мною тов. Лепехин—это редактор местной газеты «Муромские Известия», он и сейчас живет в Муроме. Я перелез через забор в Полевую улицу, при чем при перелезании какой-то человек мне неизвестный дал по мне выстрелы, на которые я отвечал. Но за мною погнался автомобиль, открывший по мне стрельбу. Я отстреливаясь убегал и мне удалось от его преследования спрятаться и садами выбраться на Касимовскую улицу, откуда пробрался домой. Дома я вооружился бывшей у

меня бомбой, карабином и затем отправился прочь из города в Мельники, с целью оттуда привести отряд. Мельники отсюда в 40 верстах, 9-го вечером я был уже в Мельниках, где и собрал отряд, но в виду его малочисленности он не мог выступить и стал только охранять Мельники от какого бы то ни было пришлого из Мурома элемента. Вернулся в Муром 11-го, когда пришло известие, что порядок в Муроме восстановлен и все спокойно. Брат мой был захвачен белогвардейцами в плен и также редактор газеты товарищ Лепехин. О роли разных классов общества я могу сказать, что местное купечество, интеллигенция и духовенство отнеслось очень сочувственно к белогвардейцам и помогали им подарками, хлебом, пряниками. Духовенство же служило и молебен благодарственный о падении власти большевиков в Муроме; так, по крайней мере, передавали в народе после восстания. Учащиеся, под влиянием учителей, записывались в белогвардейцы. О роли епископа Митрофана сказать ничего не могу, кроме того, что он хорошо был знаком с руководителем восстания Сахаровым и его семейством. О том, кто именно в восстании принимал участие, я могу сослаться на списки этих лиц, имеющиеся в Чрезвычайной Комиссии, где они все названы поименно, а так я припоминать не в состоянии. После я показать ничего не имею. Добавляю, что Сажин в настоящее время скрылся, и где находится, мне неизвестно.

Показания Лепехина.

5 февраля 1918 г. допрошенный Виктор Иванович Лепехин, редактор газеты «Известия Муромского Совдепа», 38 лет, Петербургск. губ., завод Бикдиярнский, Осинского уезда, живу в Муроме. Член Комитета Партии Коммунистов.

Я состою редактором газеты „Известия Муромского Совдепа“ приблизительно более года, т.-е. иными словами с самого ее основания. Приехал в Муром 7 июля 1918 года из двухмесячного отпуска и поэтому не был в г. Муроме до 7 июля. Какие настроения были у разных классов общества до восстания, я сказать не могу. 8-го, когда начался самый переворот, я был часов до 8-ми вечера на Окском бульваре, где в виду местного праздника гуляло много публики, главным образом, из среды буржуазии, интеллигенции и учащихся. Толпа вела себя шумно, но каких-либо выпадов против Советов, каких-либо призывов к свержению власти Советов я лично не слышал. Также не видел, чтобы в толпе раздавались какие-то летучки. Погуляв я вернулся домой в помещение редакции, помещавшейся в доме Русакова, по Касимовской улице, здесь же было и фракционное бюро партий коммунистов. В часу одиннадцатом я услыхал одиночные выстрелы, но не придал им значения, полагая, что в городе где-либо «пошаливают». Часов в одиннадцать, приблизительно, пришли ко мне т. Кириллов, Александр и брат его Борис и кто-то из служивших в милиции, фамилию которого я не помню. Они спро-

сили меня, что происходит, я ответил, что не знаю. Стали звонить в милицию. Звонил я, но со станции ответили, что провод порван и соединить нельзя. Тов. Кириллов, Александр позвонил в Совдеп, но и туда было звонить поздно, так как нас не соединили, но Совдеп оказался уже занятым белогвардейцами, мы тогда решили дожидаться рассвета в доме, где находились. Часа в 4 утра 9-го тов. Борис Кириллов задумал пробраться в помещение железнодорожных мастерских Казанской ж. д., где он служил слесарем и мы все остались. В начале 5-ти часов утра, приблизительно, я увидел сновавшие мимо автомобили-грузовики с людьми, частью вооруженными, а частью нет. В автомобилях сидело человек 5—6, у некоторых были белые повязки на рукавах. На некоторых автомобилях были белые флаги; пулеметов я на автомобиле не заметил. Таких автомобилей проехало мимо несколько штук. По большей части лица, находившиеся были знакомы мне в лицо. Это были, главным образом, служащие советские—бывшие офицеры; фамилий их я не знаю; как я слышал большинство из них было после восстановления порядка расстреляно. Около четырех или пяти часов, хорошенько я теперь не помню, но до заутрени, к дому нашему под'ехал грузовик-автомобиль с шестью лицами, из них один—шоффер, трое сошло и направилось к дверям дома и дали звонок и стучали, повидимому, прикладами. В это время т. Александр Кириллов из дому ушел, намереваясь скрыться через сад, сзади дома. Я остался и решив, что сопротивление бесполезно, пошел открывать дверь, а т. милиционер (кажется его фамилия Станкевич) еще спал в комнате. Вошедшие к нам офицеры, двое учащиеся реального училища, фамилий коих не знаю, скомандовали «руки вверх», отобрали бывшее у нас оружие и захватив меня, милиционера и сторожа Данилова, ныне умершего, посадили нас на автомобиль и увезли в помещение бывшего военного комиссариата (воин. начальника) по Ивановской улице, где, как оказалось потом, был штаб белой гвардии. По дороге в штаб автомобиль останавливался около помещения пулеметной команды по Касимовской улице, д. № 25, и забрали оттуда 2 пулеметных ленты. Сопротивления, бывшие здесь два красноармейца не оказали и были также взяты в плен. Когда нас везли по Московской, из дома Яковлева, где жил обычно только домовладелец, из открытой фортки, наш автомобиль приветствовали: махали белым платком. Кто махал, разобрать было нельзя, но рука была женская. То же самое было, когда мы ехали по Ивановской улице, но из какого дома, я не помню. По приезде к штабу я заметил несколько грузовиков-автомобилей (кажется, три штуки) и пулемет, стоящий на улице Перед домом стояла группа лиц из бывшего офицерства, часть из них была с погонами и вооружена; офицерство было больше молодежь. Главную роль играл какой-то незнакомый мне офицер, лет 35—40, одетый в шинель, в накидку с целой колодкой орденов, медалей на груди. На голове у него была фуражка за-

щитного цвета, погоны же были полковничьи. У этого офицера была большая окладистая борода рыжеватого цвета. Кто он и как его фамилия, я не знаю. Нас, по его распоряжению, отвели в помещение комиссариата, где нас охранял с винтовкой бывший офицер с черной повязкой на глазу, как его фамилия я сейчас не вспомню, он и сейчас живет в Муроме. Кроме того, я заметил в автомобиле, у дома, студентов Гундобина и Сергея Белонина с винтовками. Оба они сейчас живут в Муроме. В шестом часу утра 9 июня нас отвели в тюрьму. Конвой состоял из незнакомых мне учащихся и начальником караула, бывший офицер Завулков, ныне расстрелянный. Должен сообщить еще, что в помещении комиссариата, где мы сидели минут 40, было человек с нами сорок пять, большинство красноармейцы и милиционеры. Всех нас поместили в тюрьму, где мы и просидели до 6 часов утра 10 июня, когда нас освободили пришедшие товарищи. В тюрьме мы мало обменивались впечатлениями дня. Пищу нам давали. К вечеру 9-го нам передали в тюрьму, что придет помощь из Владимира и Коврова. Более я ничего не знаю. Об отношениях местных кругов и перевороту можно сказать, что сочувственно к нему отнеслись лишь крупная и средняя буржуазия, духовенство и местная интеллигенция; рабочие же резко отрицательно. О роли духовенства и в частности епископа Митрофана во время захвата власти белогвардейцами я сказать не могу, но полагаю, что они здесь сыграли роль, как возбудители масс против народной власти—власти советов. Хорошо характеризует по-моему отношение духовенства и епископа Митрофана к Советской власти то собрание, которое было устроено духовенством еще 2 февраля 1918 года, в праздник Сретения, в церкви Ивана Предтечи, на Советской площади. Собрание это было часов в 7 вечера и я на нем был совершенно случайно. Еще подходя к церкви, я заметил экипажей семь собственных, принадлежащие буржуазии, а в церкви 600 приблизительно человек народа. Народ был всех сословий и классов. В церкви стояли столы, покрытые красным сукном, и вокруг них сидели духовенство и купечество. Около толпились дамы и более интеллигентная публика. До моего прихода говорились, очевидно, речи и начала я не застал. Епископ Митрофан был здесь и благословлял народ, стоя на амвоне. Бывший офицер Мяздриков, впоследствии принимавший видное участие в восстании 8—9 июля, читал послание патриарха Тихона, где говорилось, что Советская власть посягает на церковь и ее достояние. По прочтении послания Мяздриков говорил речь, где призывал народ сплотиться на защиту церкви, на которую посягают большевики. Говорили и другие ораторы о том, что большевики хотят обобрать церкви, притеснять веру христианскую, что власть захватили евреи и что надо твердо стать на оборону церкви. Епископ, стоя на амвоне, при мне речей не говорил, а лишь, повидимому, сочувственно слушал и время от времени благословлял народ и ораторов.

Я тоже попросил слова и с трудом его добился. Я стал говорить, что вы сами здесь оскорбляете церковь, говоря в храме молитвы слова, дышащие злобой и ненавистью к людям; мне тогда не дали говорить и возбужденная толпа стащила меня с места, где я стоял, и чуть не избила. Я их усовестил лишь тем, что, обратясь к епископу, закричал: «надеюсь, что в церкви-то у вас не будут драться». Меня отпустили и я ушел в красную гвардию, где сообщил о происходящем в церкви, но когда в церковь пришли красногвардейцы, никого уже не было и она была заперта. Отсюда видно, что духовенство и епископ Митрофан давно были враждебно настроены к власти Советов и настраивали толпу против этой народной власти рабоче-крестьянского правительства. Добавляю. что фамилия офицера, караулившего нас в помещении комиссариата, с повязкой на глазу, Коняхин. Более я ничего показать не имею.

Лепехин.

Показания Айзика Либстера.

Айзик Самуилович Либстер, 36 лет, гр-н Могилева, Могилевской губ., живу в г. Муроме по Московской ул., д. № 21, часовой мастер, председатель местной еврейской общины. Во время переворота я находился в г. Муроме и после него был арестован Советскими властями и в течение месяца просидел в тюрьме по подозрению, что участвовал в белогвардейском восстании, но затем меня сейчас же освободили, как лицо совершенно непричастное и лишь случайно по недоразумению попавшее в число арестованных. Мой арест был вызван следующим обстоятельством. 9-го числа, когда уже совершился переворот, ко мне днем, вернее в 6 часу вечера, забежала сильно взволнованная жена еврея агента уголовной милиции Горборского и просила меня, как председателя общины еврейской, пойти в штаб . . . . . говорят, что в помещении бывшего воинского начальника и посодействовать освобождению ее мужа, арестованного белой гвардией, как советского служащего. Я, конечно, в этой просьбе ей отказать не мог; в шесть приблизительно часов, несмотря на то, что был болен, отправился в штаб белой гвардии хлопотать о Горборском. По дороге мне встретились автомобили с белыми флагами и вооруженными людьми, быстро ездящие по городу, отдельные группы вооруженных людей, а у самого штаба толпы народа, главным образом, учащейся молодежи с винтовками, которых обучали военным приемам инструктора белой гвардии, повидимому, бывшие офицера. Войдя во двор, я заметил группу, повидимому, начальства, среди которой был местный купец Жадин, бывший офицер Петров и др., фамилию коих я не знаю. Все они были сильно навеселе, и многие так и прямо пьяны. Я обратился к Жадину, которого знал раньше, и стал просить его о Горборском; он после уговоров согласился отпустить последнего, если я за него поручусь; я сказал, что поручусь, и собрался уходить. В это время пришли представители от еврейской молодежи союза

Сионистов во главе с Кругликовым, председателем союза Сионистской молодежи, которые обратились к названному уже Петрову, прося дать им оружие для защиты еврейских кварталов, так как в городе ходят упорные слухи о готовящемся погроме евреев. Сначала Петров не согласился, говоря, что они-де белогвардейцы, сами охранят порядок, но затем дал 20 винтовок и немного патронов. Я вместе с этими представителями, в числе пяти человек, вышел и даже помог им нести винтовки, но, дойдя до своего местожительства, передал винтовки и пошел домой, чувствуя себя больным и разбитым еще нервными переживаниями дня и более до восстановления власти Советов на улице не был. Должен сообщить, что, действительно, едва власть захватили белогвардейцы, как местные черносотенные силы зашевелились и сначала понеслись среди евреев слухи, что готовится еврейский погром, а затем на улице все время открыто черносотенные элементы стали угрожать, что расправятся с нами—евреями. Эти угрозы я слышал, проходя улицами, и лично. Конечно, среди нас—евреев поднялась паника, а более энергичная молодежь, состоявшая, главным образом, из беженцев, решила принять меры к защите. Результатом этого решения и была делегация в штаб белой гвардии. Беженцам угрожала более всех опасность, ибо они жили на окраинах города—на Овражной, Фабричной и Никольской улицах и др. В настоящее время большинство беженцев уже раз'ехалось на родину к себе, в Ковенскую, в Виленскую и др. губернии. *Айзик Самуилов Либстер.*

Показания Владимира Розанова.

Розанов Владимир Николаевич, г. Мурома, Козмодемид. пер., д. № 11. Безработный. Живет на жалованье сестры. На военной службе не был. Был в белой гвардии. Раньше об организации не знал и с 8-го на 9-е был дома, записался 9-го утром, был на посту на мосту, потом на дворе, у воинского, потом ходил домой, ночью пришел опять туда, но увидел, что публика разбегается, бросил винтовку и пошел вдоль Оки. Пришел в Поздняково к товарищам Прол. Уезжая от Прол., был арестован в Монастырке.

В белую гвардию пошел, побуждаемый тяжким материальным положением. Показания дал *(Вл. Розанов).*

Дополнительный допрос Владимира Ивановича Алексинского.

Был на Выксе, где принимал участие и стрелял. Винтовку оставил в волсов., у гр. Андрея Кольдинова, там же винтовка Лебедева и Соколова. Сахаров жил у нас в монастыре. Сахаров часто ходил к архиерею. Сахаров с архиереем были в хороших отношениях. Накануне восстания Сахаров был у архиерея. Сахаров разговаривал и со мной, говорили, как хорошо жилось при царе и все было дешево, а сейчас мы проживаем все последнее. Большевики Россию довели до гибели и что их нужно прогнать

от власти, тогда будет нам лучше жить, они довели до того, что хлеба нет и народ голодает и все это из-за большевиков. Сахаров просил меня, чтобы во время восстания ему пособить, за что Сахаров обещал мне дать денег две тысячи. После разговора со мной Сахаров пошел к архиерею посоветоваться насчет большевиков. Архиерей сказал Сахарову, что большевиков нужно уничтожить, чтобы их не было—говорили при мне, т. к. меня архиерей любил и он мне родной дядя. Сахаров говорил, что завтра сделаем восстание, и говорил, что приехало много белогвардейцев, которые помогут сделать восстание и прогнать большевиков. Потом Сахаров ушел от архиерея и я его провожал до дому и входил с ним в его квартиру, где он меня приглашал пить чай. Я принимал участие в восстании только утром. Когда была стрельба, архиерей проснулся, но он знал, что белогвардейцы прогоняют большевиков.

Утром архиерей меня послал к Сахарову на квартиру—он жил все еще в монастыре—с словесным поручением, которое заключалось в том, чтобы передать Сахарову посылку, которая была завернута в обертку, в которой были деньги; на квартире Сахарова не оказалось; меня архиерей послал в город по Ивановской улице, в доме бывш. воин. н-ка, и там эти деньги были мною переданы Сахарову, за это Сахаров очень меня благодарил и даже приглашал кушать чай, но я отказался и спешил на свою службу; когда вернулся, то доложил архиерею, что деньги сдал Сахарову, тогда архиерей меня задержал на полчаса и сказал: иди, Володя, помогать Сахарову. После слов архиерея я пошел к Сахарову в д. бывш. воин. н-ка. Когда пришел к Сахарову, он дал мне винтовку и я пошел на 5 минут в монастырь взять припасы, т.-е. продукты и пошли к станции, наняли лошадей и поехали на Выксу вместе с Сахаровым и др. Когда заходил в монастырь за продуктами, то заходил к архиерею попрощаться и сказал, что я еду на Выксу с Сахаровым. Архиерей меня благословил и сказал: «с Богом, Володя».

Владимир Алексинский, послушник у архиерея.
9 августа 1918 г.
Город Муром, Спасский монастырь, дознания снимал
Член Чрезвычайного штаба *(Николаев).*

Показания Михаила Крякова,

Я, Кряков, являюсь в Чрезвычайную Комиссию добровольно с повинной и чистосердечно признаюсь.

9 июля, с. г., дня, я принял участие в белогвардейском восстании в г. Муроме. Это произошло таким образом: утром этого дня я узнал от своих рабочих о совершившемся в Муроме перевороте и возбужденный этим пошел на двор Управления Воин. начальника. Придя туда часов в 10 утра, застал на дворе много народа. Вошел на двор, но уйти со двора уже не удалось,

так как там было много народа. Некоторые из знакомых там посоветывали и мне записаться в белую гвардию. Знакомые—Зиновьев, Алексей Жадин, Гладков, Короткий и я записался. Записывал меня какой-то незнакомый мне прапорщик и после этого в цейхгаузе на дворе мне выдали оружие, винтовку и патроны. Тут же белым платком я обвязал рукав и вышли на улицу, и отправился сначала домой, где напился чаю, затем переоделся в солдатскую форму (которая у меня раньше имелась) и с Гладковым пошел опять к воинскому начальнику. Придя туда, мы застали, как неизвестный какой-то прапорщик производил набор отряда для посылки в Но... Мне предложено было войти в этот отряд. Я отказался. Вскоре был произведен новый набор в отряд для посылки в Ковров. Я тоже отказался. Затем троим нам—мне, Гладкову и еще товарищу, неизвестному мне со Штаба, предложено было итти в тюрьму и арестовать начальника. Приведя его в штаб белой гвардии (это было уже около 4 часов пополудни), я решил уйти домой и пошел со двора с винтовкой, но, дойдя до церкви Вознесения, раздумал, вернулся обратно, положил винтовку в помещении воин. начальника и уже вторично и окончательно ушел домой. Еще припоминаю, что меня и Гладкова посылали арестовать Большакова, но этот Большаков попался нам на улице, и мы его не арестовали, а пошли к нему на квартиру, произвели обыск и взяли там бомбу, которую Гладков унес в штаб белой гвардии и сдал там, а я отправился домой, пообедал там, а потом ходил опять в штаб, но пробыв там недолго, ушел около 5 час. снова домой и больше туда не возвращался. Ночь ночевал дома. Часа в 3 ночи кто-то с улицы постучал в окно и крикнул: «Михаил Михайлович дома? Скажите ему, чтобы спасался». Меня разбудили, я поднял своего сына Бориса и рабочего Василия Евграфова Акимова, собрались и поехали на рыбную ловлю, верст 11 по Оке—на «Гладкий яр». Там я пробыл на ловле семь суток, затем простудился и решил вернуться, но, дойдя до Якиманской слободы, остановился, слез и пришел к знакомому Ивану Яковлевичу Ратунину и жил у него 17 дней, не выходя из его квартиры никуда. О причине моего пребывания у него он не знал, а я мотивировал свою остановку в его доме болезнью. По истечении 17 дней он меня свез на лошади в Муром, в свой дом, и вот все время, с тех пор до сих, я тайно проживал дома.

Дополнительно показываю: днем 9 июля я ходил также вооруженный, помимо винтовки, револьвером, системы «Маузер», 4-зарядный. Этот револьвер мой собственный, он был вскоре после того, как я скрылся, отобран у моей жены при обыске. Петр Ив. Синицин прапорщик, заведующий типографией, мне родственник по жене. Где он скрывается сейчас и какую роль играл в восстании, я не знаю, но слышал, что недели 2 тому назад в Ряжске, Рязанской губ. Это я услышал из разговора моей жены с его женой Марией Михайловной (живет в д. Нехорошева, против реального училища). Я беспартийный. Состоял

в обществе «хоругвеносцев», но теперь не состою. Свою вину сознаю, раскаиваюсь в ней и отдаю себя добровольно революционному правосудию. Револьвер мне был разрешен на хранение при мне военным комиссаром и у меня на то есть удостоверение.

Михаил Кранов.

Следователь (подпись).
Член комиссии (подпись).

Постановление о предании суду.

1919 года февраля 8 дня, Следственная Комиссия при Владимирском Губернском Революционном Трибунале в гор. Муроме, рассмотрев следственное производство, произведенное ею о белогвардейском выступлении в гор. Муроме, имевшем место 8—9 июля 1918 года нашла, что в ночь с 8 на 9 июля 1918 года в гор. Муроме, Владимирской губернии, произошло вооруженное выступление белой гвардии, состоявшей как из местных, так и приезжих сил. Это выступление имело своим последствием свержение Советской власти и захвата города белогвардейцами, продолжавшееся ночь с 8 на 9 июля 1918 года. Это выступление белой гвардии, имевшее столь серьезные последствия, произошло, как оно рисуется данными произведенного предварительного следствия, при следующих обстоятельствах:

В городе Муроме давно уже среди местной буржуазии и интеллигенции, главным образом, бывшего офицерства, существовало глухое недовольство переходом власти в России и в частности в гор. Муроме в руки Рабоче-Крестьянского Правительства, и эти враждебно настроенные силы давно уже вели агитацию в пользу свержения этой народной власти. Так, например, 2 февраля 1918 года, как то видно из показаний свидетеля Лепехина и об'яснений епископа Митрофана с местным духовенством во главе с епископом муромским Митрофаном в церкви Ивана Предтечи, что на Советской площади, было совместно с представителями буржуазии и бывшего офицерства устроено собрание, где критиковали декрет об отделении церкви от государства, читалось послание патриарха Тихона о посягательстве Советской власти на церковь и ее достояние, при чем говорились контрреволюционные речи, призывающие к выступлению на защиту церкви. Ораторами выступали представители буржуазии и, между прочим, игравший видную роль, как один из руководителей выступления 8—9 июля, бывший офицер Мяздриков. С тою же целью духовенством устраивались крестные ходы (свид. Ердыкин). Попутно с агитацией шла подготовка к вооруженному выступлению. Так при обыске в феврале же месяце в квартире, где жила семья Сахаровых, один из членов которой Николай Сахаров, бывший офицер, оказался впоследствии душой выступления белогвардейцев 8—9 июля 1918 г. (св. Фаворский), было най-

дено 6 шашек, 2 рапиры, 5 штыков, 8 тесаков, 5 кабур, 40 пар офицерских погон разных чинов.

Весною 1918 г. было установлено (св. Фаворский), что в общественном клубе происходят какие-то собрания бывших офицеров и буржуазии.—При произведенном внезапном обыске в клубе были найдены 3 револьвера на крыше, 2 на лестнице и 4 в самом помещении клуба. На н-ка милиции Бильдина при обыске было произведено покушение. У представителя же крупной буржуазии Жадина в его квартире при обыске было найдено современное оружие, спрятанное под старинным. Приблизительно же за месяц (св. Бочкарев) до выступления белогвардейцев некоторые стали замечать, что общество футболистов тоже ведет себя подозрительно и так под видом увлечения спортом создаются сплоченные ячейки из бывшего офицерства и буржуазной молодежи. Наконец в июне месяце (св. Горбарский) стали до местных советских органов доходить определенные сведения о том, что в Мурмане существует белогвардейская организация и готовится ее выступление. Означенной организацией, как удалось установить, устраивались собрания тайные в разных местах; между прочим, такое собрание было в Карачевском овраге (графини Уваровой) 5 июня. На собрании этом присутствовали: из местных буржуа, между прочим, Жадин, из бывших офицеров Мяздриков и инструктора Красной армии из бывших же офицеров. Тут в речах призывали к свержению Советской власти, восстановлению власти Учредительного Собрания и расправе с красноармейцами, коммунистами и советскими работниками. Выступление в Муроме белых предполагалось 6—7 июня, но, благодаря своевременно принятым мерам, тогда состояться не могло.

Такое выступление, закончившееся захватом на некоторое время власти белогвардейцами, произошло, как сказано уже выше, в ночь с 8 на 9 июля 1919 года.

Незадолго до этого выступления (св. Тагунов) были получены сведения, что поведение одного из жителей, уже раньше бывшего на подозрении, а именно бывшего полковника Николая Сахарова, очень странно и что он находится в связи с руководителями чехо-славянского движения. У семьи его, жившей в Спасском монастыре, военным комиссаром Лашковым был произведен обыск, при чем была найдена спрятанная под иконами подозрительно большая сумма денег, а именно 130.000 рублей.

Николая Сахарова задержать не удалось, так как он уехал по заявлению домашних в гор. Нижний. Спустя несколько дней после этого и произошло белогвардейское выступление, во главе которого и стал Николай Сахаров совместно с контр-революционно настроенным бывшим офицерством. Еще 3 вечером во время гулянья на Окском бульваре бросалось в глаза какое-то приподнятое, нервное настроение гулявшей там буржуазной публики, среди которой много было выпивших, преимущественно из среды бывшего офицерства (св. Кириллов); Лашков и

Прохин. В толпе гулявших много говорили о Советской власти, критикуя ее. Вообще в этот день бульвар служил сборным пунктом для белогвардейских сил, при чем отсюда и началось выступление белогвардейцев (св. Лашков) 8 июля.

Поздно вечером в 10—11 (св. Кириллов) совершенно неожиданно в разных концах города, главным образом, по Московской и Касимовской улицам (свид. Ярлыкин) началась стрельба из ружей. Как выяснилось, белогвардейцы напали врасплох на караульную роту, в помещение которой предательски ввели советские служащие, инструктора роты, быв. офицеры, ранили 3 красноармейцев, одного смертельно, захватив оружие. Одновременно был захвачен Военный Комиссариат и Высший Военный Совет и Местный Совдеп и к ночи гор. Муром оказался захваченным белогвардейцами, которые тотчас же принялись за аресты советских работников и членов партии коммунистов, а также организовавших вербовку из среды населения в члены белой гвардии. 9 июля по городу были за подписью «Союза Защиты Родины и Свободы» расклеены воззвания, с призывами к свержению Советской власти, а также приказ Николая Сахарова, н-ка восточного отряда (Муромской) северной добровольческой армии об явке для регистрации офицеров в штаб белой гвардии. Штабом этим, состоявшим из Сахарова, бывшего офицера Григорьева, купца Жадина Алексея и др., посылались вооруженные отряды, первый на ст. Селиваново под начальством бывшего офицера Гольберга, второй на ст. Климово во главе с бывш. офицером Пестряковым, оба отряда для порчи жел. дор. полотна, третий отряд на ст. Новашино для боя с выступавшими на защиту советской власти рабочими. Буржуазия (св. Бочкар...), когда власть была захвачена белогвардейцами, у здания тюрьмы, почуяв свою силу, грозила приводимым в тюрьму сторонникам советской власти жестокой расправой и радовались в городе, пожимая друг другу руки, поздравляя друг друга с освобождением от большевистской власти. Однако, кроме буржуазии, духовенства и интеллигенции, никто не пошел на сторону белогвардейцев, несмотря на то, что (свид. Кириллов, Борис) последние делали даже попытку подкупить как бы рабочих, для чего из города отправлены были грузовые автомобили с мукою и хлебом для рабочих Московско-Каз. ж. д. с целью побудить последних выступить на сторону белой гвардии. Широкие массы населения отнеслись к выступлению белогвардейцев резко отрицательно (свид. Тагунов). Местным коммунистическим силам рабочим ж. д. мастерских и заводов (Навашина, Быксы, Коврова) и др. окрестных сел и деревень (свид. Лашков) удалось организовать защиту, и к утру 10 июля выступление белой гвардии было ликвидировано собственными местными силами, белогвардейцы бежали из города, успев захватить, однако, с собой около 700.000 тысяч руб. денег из Местного Совдепа, Уездного Военного Комиссариата и некоторых других учреждений (свид. Лашков и Травин), и власть

Советов в гор. Муроме была снова восстановлена. Отряд из красноармейцев и рабочих под начальством Ярлыкина 10-го к вечеру нагнали белых у станции «Домики», разбил их и прогнал дальше. Остатки белогвардейской банды были снова настигнуты красным отрядом у Ново-Дмитриевского, в ночь на 11 июля были разбиты наголову и бежали мимо Выксы к Ардатову, где следы их затерялись. Надо полагать, что беглецы разсеялись в разные стороны, при чем по последним сведениям большая часть их села на пароход и отплыла по направлению к Нижнему-Новгороду.

На основании данных, добытых Муромской Чрезвычайной Комиссией и Комиссией Владимирского Губернского Трибунала мятежников по характеру их преступной деятельности и по степени участия злой воли и ответственности надлежит разделить на четыре группы.

В первую группу необходимо выделить главных виновников преступления: инициаторов, зачинщиков, организаторов и распорядителей мятежа: бывших офицеров Николая Сахарова, Н. Григорьева, издавших приказы и стоявших во главе белогвардейского штаба, Симонова Владимира, вербовавшего белогвардейцев, Николая Петрова и Николая Гвоздева, вооружавших их, Алексея Жадина, казначея штаба, учителя Василия Рожкова, склонявшего учеников к выступлению в белую гвардию, Николая Карпинского-Гноринского, быв. начальника пулеметной команды, Гальберга и бывшего офицера Пестрякова, командовавших посылаемыми белогвардейским штабом отрядами для порчи ж. дорожного полотна и в бой с рабочими, выступившими на защиту Советской власти, сюда же входят начальствующие лица белогвардейцев: Николай Коняхин, Борис Дубницкий, Георгий Кравченко, быв. офицер Мителев, Алексей Мяздриков, Петр Дергунов, Алексей Деев, Павел Страхов, Борис Способин, Алексей Макаров, Виктор Крылевский, Григорий Поликарпов, Николай Лебедев, Константин Пестряков, Всеволод Робустов, Константин Лебедев, Карпов, Григорий. В эту же группу следует отнести приступивших первыми к мятежу советских военно-служащих и инструкторов караульной роты, бывших офицеров, предательски ворвавшихся во главе банды белых ночью в помещение—караульной роты, открывших огонь, которым было ранено четыре красноармейца, один из них смертельно и захвативших оружие, использованное затем при занятии других учреждений города. Это по показанию свидетелей Лашкова и Занозина, бывшие офицеры Василий Генисаретский, Николай Завулонов, он же был начальником конвоя при арестовываемых, Зимоглядов, Блескунов и Борис Русаков. Участвование всех этих лиц в мятеже с полным сознанием его последствий вполне и с точностью установлено, как данными дела, так и тем обстоятельством, что большинство из них, сознавая тяжелую ответственность перед народом, скрылись и остались не разысканными это—Николай Сахаров, Николай Григорьев, Алексей Жадин, Василий Рожков, Петр Добролюбов, Зимоглядов, Николай

Петров, Николай Гвоздев, Алексей Мяздриков, Борис Русаков, Константин Лебедев, Николай Гойкович, Вениамин Моисеев, Сергей Орлов, бывший капитан Зотов, Николай Фадеев. Четырнадцать человек расстреляно по постановлению В. Ч. К. и то в схватке с рабочими это — Павел Страхов, Борис Способин, Владимир Симонов, Георгий Кпавченко, Всеволод Робустов, Гирш Перкус, Николай Лебедев, Анатолий Леман, Николай Завулов, Антон Жадин, Борис Дубницкий, Василий Генисаретский, Александр Архипов и Алексей Захаров, находящийся на свободе Гальберг, проживает по сведениям в Москве.

Преступление этих лиц является тем более тяжелым, что большинство, как бывшие офицеры, являются людьми образованными, а, следовательно, мыслящими и вполне сознательными, к тому же некоторые из них состояли на советской службе.

Ко второй группе по заключению Комиссии относятся все те лица, принимающие активное участие в мятеже. Эти лица зарегистрировались в белогвардейском штабе и вооружившись исполняли различные поручения и приказания командного состава белогвардейцев, при чем одних видели раз'езжавшими с оружием на автомобиле и выполнявших различные поручения белогвардейского штаба—это Гундобин (скрылся), Сергей Беллонин, Иван Ямщиков, Абрам Эпельбаум (скрылся), Николай Плескачев (скрылся), Иван Филиппов, Николай и Аркадий Рудаковы, Еладков, Сергей Сухарьков, Борис Бородулин, Вениамин Моисеев, Иван и Михаил Тагуновы (ездили на ст. Навишино с пулеметом), Константин Барсуков, почтовый чинов. Иван Квасов, Дмитрий Балашов (участвовал в захвате почты), мясники Горшуновы (они же склоняли к вступлению в белую гвардию), Александр Новоселов, другие арестовывали советских служащих, Николай Сажин (скрылся), Петелин-Шелудяков, Николай Гайкович, Алексей Захаров, Суздальцов, Ратков, Михаил Гайкович, Василий Ершов. Третьи стояли на постах, неся караульную службу: Николай Зворыкин, Кольчугин Василий, реалист, сын священника Федор Добровольский (стоял у орудия), Федор Филиппов, Иван Барсуков, Михаил Булычев (был патрулем), Николай Галанин, Николай Яковлев. Наконец остальные, находясь в составе отдельных отрядов, разрушали железно-дорожный путь, разбирали рельсы и шпалы, дабы воспрепятствовать подвозу советских войск и принимали участие в бою с выступившими на защиту Советской власти рабочими и красноармейцами—это были: послушник Владимир Алексинский, студ. Ветер. инст. Николай Новиков, сын сторожа Иван Зайцев, реалист Робустов, сын слесаря Михаил Тагунов, реалист Борис Новоселов, реалист Александр Рождественский, Михаил Галанин, Николай Ивановский, Петр Перлов, Николай Машков, Константин Булгаков, Владимир Розанов, Сергей Филиппов, Александр Благонравов. Все эти лица действовали сообща и по одному плану, с главными виновниками мятежа, и какова бы ни была их роль и об'ем личной деятель-

ности каждого из них—они поведением своим обнаружили вполне определенный умысел низвергнуть Советскую власть, и этот умысел не встретил у них морального противовеса и был осуществлен. В третью группу входят все вооруженные участники мятежа, хотя и зарегистрировавшиеся в белогвардейском штабе и получившие оружие, но не принявшие участия в боевых действиях против Советской власти (не выполнявшие никаких поручений командного состава белых). Их видели, главным образом, в белогвардейском штабе с белыми повязками на рукавах, вооруженных револьверами и винтовками, это: Михаил Кряков, Александр Айнов, Сергей Александров, Георгий и Николай Левитские, Николай, Василий и Тихон Григорины-Григорьевы, Смольянинов, Василий, Николай и Евгений Зворыкины, Василий Корышов, Бронислав Юрковский, Алексей Карабельников, Николай Алякринский, Сергей Орлов, Сергей Меркутов, Степан Гладков, Александр Золотарский, Владимир Самарин, Николай Киселев, Константин Суздальцов, Василий Фомин, Борис Нехорошев, Василий Ершов, Петр Константинов, Николай Васильев, Михаил Коротков, Иван Масютин, Николай Гладков, Николай Зубов, Петр Бандин, Иван Шишко, Николай Яковлев, Юрий Бычков, Петр Перлов, Пантелеймон Первов, Петр Форсов, Матвей Горшунов и Андрей Зыбин.

Факт регистрации этих лиц и вооружения характеризует сам по себе высшую степень их преступной решимости и угрозу перейти к кровопролитию, а потому они нуждаются в достаточном карательном воздействии, хотя и в меньшей степени, чем участники первых групп. Комиссия считает необходимым отметить ряд участников из двух последних групп, кои действовали отчасти под давлением и принуждением захватчиков, отчасти будучи введены ими в заблуждение по неразумию и легкомыслию в виду своей молодости или невежественности—это Николай Гайкович, Владимир Гапонов (скрылся), Николай Новиков, Иван Зайцев, Михаил Тагунов, Борис Новоселов, Алекс. Рождественский, Александр Галанин и реалист Кольчугин. Лица не вполне сознавали преступность своего поведения и не предвидели его результата, находясь, однако, в таких обстоятельствах, могли, а как получившие образование, и должны были его предвидеть. Большинство их при возложении на них белыми ответственных поручений добровольно уклонялись и отступали от дальнейших действий и, оставив всякое преступное намерение, расходились, побросав оружие. Все эти лица также нуждаются, по мнению комиссии, в карательном воздействии, с целью внушить им мысль в будущем внимательно следить за собой и за своими поступками, давая отчет о своих действиях, быть более осмотрительными и внимательными и не поддаваться на хитрую удочку врагов Советской власти. Нравственный облик таких участников и мотив их деятельности ясно вырисовывается из об'яснений Кольчугина, который, узнав о перевороте, «почувствовал, какой-то

под'ем духа», что часто случается с молодежью при всяких переменах, выскочил на улицу из любопытства, бежал туда, куда бежали другие, и делал то, что делали другие (даже стоял часовым), но когда увидел, что его хотят послать в бой с рабочими, то понял преступность своих действий, ушел к себе домой и более участия в мятеже не принимал. Комиссия находит необходимым считать таких лиц участниками в мятеже по неосторожности.

Наконец в четвертую группу, привлеченных по этому делу к ответственности, следует отнести пособников при выступлении белых; такие лица, не приняв прямого участия в самом мятеже, заведомо оказали какую-либо помощь белогвардейцам, в эту группу входят: епископ Митрофан, переславший руководителю Сахарову с монахом Алексинским посылку с деньгами, купец Николай Яковлев, кормивший даром белогвардейцев колбасой, Александр Яковлев, Алексей Мазуров, Иван Сыромятников и Андрей Зыбин. К этой же группе Комиссия причисляет лиц, хотя и не оказавших помощи белогвардейцам, но в знак признания их власти, либо надевших белые повязки, либо иными поступками, напр., руганью и угрозами, обращенными к сторонникам Советской власти, удостоверивших свою полную солидарность с захватчиками и, следовательно, настроение опасное для советского прав. порядка. Это Петр Добролюбов, Николай Гундобин, Аркадий Самойлов, Петр Синицин, Сергей Никитин, Галкин, Башкиров и Федор Веревушкин (надел погоны вольно-определяющегося). Большинство опрошенных из всех привлекаемых к ответственности мятежников уличаются своими собственными об'яснениями, показаниями других лиц и данными дела.

Производство настоящего дела в части касающейся расстрелянных виновников мятежа должно подлежать прекращению. Что же касается всех перечисленных участников его, в том числе скрывшихся и не разысканных, то Комиссия приходит к заключению, что они должны подлежать обвинению в том, что 8 и 9 июля 1918 г. в гор. Муроме, с целью насильственно низвергнуть власть Советов Российской Федеративной Республики и установить образ правления, согласно видам высшего командования чехо-словацкой банды, именовавшей себя национально-добровольческой армией, участвовали в вооруженном белогвардейском мятеже, при чем белогвардейцы разграбили склад оружия и имущество советских учреждений, расхитив при этом около семисот тысяч денег, захватили власть в гор. Муроме в свои руки, разрушили ж. д. путь, арестовали многих ответственных работников и сторонников Советской власти, нарушили правильное течение работы во всех учреждениях, государственных и общественных, что в виду отсутствия Советской власти в то время в наличности достаточных вооружейных сил, вызвало для подавления мятежа и восстановления Советов и вместе с тем нарушенного порядка и спокойствия принятие особых мер.

Означенное обвинение отягчается еще тем, что насильственное посягательство белых на целость и безопасность государства не только поставило в опасность общественный порядок и произвело перерыв правильного течения Советской работы, направленной всеми своими силами на дальнейшее течение революции в интересах трудящихся масс, но это выступление контр-революционных сил произошло именно в тот момент, когда Советская власть, бросив на фронт в бой с чехо-словацкими бандами за хлеб для голодающих и пролетарские интересы почти все свои вооруженные силы, не имела под рукой войск, чтобы сразу же рассеять мятежников. И когда на фронте, почти лишенные командного состава, редеющие от потерь отряды рабочих и крестьян, истекая кровью в борьбе с чехо-словаками за хлеб и всеобщий мир, протянули руку, ища помощи,—мятежники, главным образом, бывшие офицера, действуя заодно с теми же чехо-словацкими бандами, ответили гнусным предательским ударом в спину.

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика во имя блага трудящихся масс должна оградить себя в будущем от потрясений и насильственных посягательств на ее организации со стороны предателей и изменников. На основании изложенного Следственная Комиссия постановила всех вышепоименованных лиц предать Суду Владимирского Губернского Революционного Трибунала, пред'явив им обвинение в участии в белогвардейском мятеже, в отношении же расстрелянных мятежников дело за их смертью направить к прекращению.

Председатель Комиссии (подпись).
Члены (две подписи).
Копия.

Владимирский Губернский Революционный Трибунал.

Приговор.

Именем Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

1919 года февраля 22—26 дня Владимирский губернский Революционный Трибунал, в публичном судебном заседании, открыт в гор. Владимире в составе председателя Г. К. Туркина, очередных заседателей: Спирякова, Пукалова, Данилова, Воронина, Иванова и Арефьева, при секретаре Г. Н. Крюковском, рассмотрев дело о белогвардейском восстании 8—9 июля 1918 г. в гор. Муроме, приговорил: 1) из скрывшихся обвиняемых: Николая Сахарова, Николая Григорьева, Алексея Жадина, Василия Рожкова, Петра Добролюбова, Зимоглядова, Николая Петрова, Николая Гвоздева, Алексея Мяздрикова, Бориса Русакова, Николая Гайковича, Валентина Моисеева, Сергея Орлова, бывш. капитана Зотова и Николая Фиворского—об'явить врагами народа и по

обнаружении их места нахождения расстрелять, а в отношении остальных постановить дополнительный приговор, который и об'явить 1 марта 1919 года.

2) Наличных обвиняемых: Первова Пантелеймона, Глазкова Дмитрия, Добровольского Федора, Рудакова Николая, Бородулина Бориса, Крюкова Михаила, Григорьевых Василия и Николая Михайловичей, Перлова Петра Ивановича, Деева Алексея Михайловича, Лебедева Константина Васильевича, Рудакова Аркадия, Новоселова Александра и Булгакова Константина—заключить в военно-концентрационный лагерь до окончательного прекращения гражданской войны, а при возможности сего—лишить их свободы и заключить под стражу с обязательными общественными работами—Рудакова Аркадия—на пять лет, Новосадова Александра—на пять лет, Булгакова Константина—на шесть месяцев, остальных же обвиняемых на два года.

б) Шишко Степана—об'явить врагом народа и расстрелять в течение 24-х часов от момента об'явления сего приговора.

в) Епископа Митрофана признать виновным, но за старостью от наказания освободить, лишив, однако, права проживания в Муроме и Муромском уезде. Монастырь же, как очаг контр-революционных сил, закрыть.

3) Ивановского-Новоселова Бориса, Благонравова, Розанова и Айнова Александра признать виновными, но от наказания освободить последнего в виду наличности у него туберкулеза, а остальных как учащихся, д) Алексинского, Васильева Николая Павловича, Быкова Юрия, Зыбина, Мазурова и Самойлова—оправдать, е) Горшуновых Николая и Матвея—оштрафовать по семь тысяч пятьсот рублей, Бандина Петра, Иванова на десять тысяч рублей, Яковлева Михаила Павлова на пятьдесят тысяч рублей, Яковлева Николая Васильевича на двадцать тысяч руб., Яковлева Александра Васильевича на двадцать тысяч руб. и Сыромятникова на тридцать тысяч рублей назначить на уплату недельный срок, а при неуплате лишить их свободы на два года каждого. До уплаты штрафа заключить их под стражу, т) всех присужденных к личному наказанию, не содержащихся до сего времени под стражей, немедленно арестовать.

4) Взыскать с осужденных за круговою ответственностью издержек производства дела десять тысяч рублей.

Приговор окончателен, но может быть обжалован в двухнедельный срок Кассационному отделу при ВЦИК.

Главных участников восстания изловить не удалось, так как в то время все внимание Чр. Ком. было направлено на чехословацкий фронт и на Ярославль.

Часть из них перебралась к чехо-словакам и Колчаку, как, например, Сахаров и Григорьев, часть раз'ехалась по другим городам, а большинство осталось на месте и начало создавать новую организацию. Эта организация была раскрыта ровно через

год, летом 1919 года, через шпионку этой организации, Морозову. По показаниям Морозовой эта организация представляется в следующем виде.

Протокол дознания Морозовой.

Я помощник заведующего пунктом Особого Отдела 26, дивизии 5 Иван Моисеевич, по поручению завед. пунктом составил настоящий протокол. Опрошенная гр. Морозова показала следующее:

17 апреля 1919 года я выехала из г. Мурома через Симбирск; мне хотелось прожить в Уфе до того времени, пока красные займут Златоуст, так как в Златоусте живет мой отец и там остались мои вещи. Те вещи, которые были у меня я позакладывала в ломбард в г. Владимире, мне больше нечем стало жить, вот причина, которая заставила меня из Мурома выехать и пробираться к Златоусту. 23 мая я приехала на ст. Ютаза, здесь была задержана помощником Пункта Особого отдела 26 дивизии, который, узнав, что я еду в Златоуст, предложил коменданту ст. Ютаза дать мне пропуск до гор. Самары; пропуск до Самары мне был дан, но я обратно в Самару не возвратилась, несмотря на предупреждение коменданта ст. Ютаза о том, что если я не возвращусь, то буду расстреляна.

Если вы подозреваете меня в шпионаже, то вы ошибаетесь, я не идейная шпионка и Советской власти никакого вреда не делала.

Я знаю много белогвардейцев в гг. Муроме, Казани, Москве. В гор. Муроме я знаю следующих белогвардейцев:

1) Анатолий Засухин, Сретенка, д. 20, прапорщик.

2) Владимир Иванов, Рождественка, № 7, прапорщик.

3) Константин Кузнецов, адреса не знаю, прапорщик.

4) Федор Васильев, на Мурманской ул., № не знаю, прапорщик.

5) Александр Захаров, Набережная, № 72, подпоручик.

6) Николай Васильевич Шихов, в слоб. Икиманское.

7) Иван Александрович Иванов, Вознесенская, подпрапорщик.

8) Федор Иванович Павлов, живет в городе; сам деревенский, деревни Петровка (Александровка), рядовой солдат.

9) Владимир Васильевич Александров, Воздвиженка, 11, поручик.

10) Александр Иванов, Данилов. мест., рядовой солдат.

11) Александр Ив. Васильев, Фабричная ул. (около фабрики, подпрапорщик).

12) Владимир Иванович Клюгин, Касимовская ул., около винного склада, поручик.

13) Иван Николаевич Мельцов, адр. не знаю, прапорщик.

14) Константин Павлович Засухин, Нижегородск., 5, студент.

15) Афанасий Николаевич Морозов, Набережная ул., около острога, прапорщик.

16) Михаил Васильевич Волков, г. Ковров, Вознесенская, 5, техник.

17) Федор Федорович Тобольский, в Муроме, адреса не знаю, студент.

У всех перечисленных лиц, без исключения, есть револьверы, а у многих из них есть винтовки и даже по две. У кого именно есть винтовки, я не знаю. Также есть динамит, хранящийся у Клюгина, Афанасия Александровича, живущего в мест. Штам. О том, что означенные лица—белогвардейцы, я знаю по тому, что они принимали участие в юнкерском восстании в Москве, в феврале месяце, а многие участвовали в убийстве комиссара в гор. Муроме на тракту, около Нижегородского вокзала. О том, что я знаю имена и фамилии белогвардейцев, так нет ничего удивительного, так как мои родственники белогвардейцы и все остальные части приходили к ним в гости, где говорили о восстаний против Советской власти. Также я слышала, что они хотят взорвать мост через реку Оку в том случае, когда белые будут продвигаться вперед, чтобы расстроить советский транспорт. Когда я уезжала из Мурома, то означенные здесь Васильев, Мельцев, Иванов, Захаров просили меня, чтобы я узнала, когда будут ехать обратно из г. Златоуста, какие успехи у белых, как подвигаются они вперед. Если успехи хорошие, то они постараются подобрать здесь организацию; крестьяне всего уезда в большинстве своем безусловно не пойдут за ними. Денег никаких они мне не давали, поручений к белым в Златоуст также, еще добавляю, что они в непродолжительном времени собирались устроить какую-то забастовку. В Москве из белых я знаю Владимира Васильевича Клюгина, Тверская, 37, V под'езд, № 25. В Казани—Константина Васильевича Александрова, около крепости, возле школы прапорщиков. Василий Васильевич Борисов, около психиатрической больницы, на Арском поле. Зная всех этих белогвардейцев, я не заявляла Советской власти потому, что боялась, чтобы белые мне не отомстили, да и меня это не касалось. Теперь же, когда дело коснулось меня, я их выдала. Елизавета Ивановна Морозова. 27 июля 1919 г.

Протокол допроса Конюхина Николая Никифоровича.

В 1918 году я участвовал в восстании бессознательно (примкнул случайно уже днем).

В этом восстании участвовал б. штабс-капитан Петров, Николай Михайлович, проживавший в гор. Муроме. Повидимому, он был организатор этого восстания. На меня были возложены разведочные задачи (ездил я в Арзамас, ездил со мной Железнинов, Алексей или Александр, солдат и какой-то студент).

Цель разведки—узнать, нет ли чехо-словаков в Арзамасе. Восстание было для меня непонятным (заявляли, что было от Временного Правительства и Учредительного Собрания).

Кроме Петрова, участвовали б. полковн. Сахаров, проживавший здесь в Муроме, Крыловский, б. офицер, Способин, б. оф., Рудаков, оф., и Николай, б. кап., Гвоздев Николай в Муроме (сын Егора Ивановича) из местного населения—Жадин, Алексей Федорович.

Прошу считать мое дезертирство не полугодием, а целым годом.

Конюхин Николай Никофорович.

Дополнительный допрос Конюхина.

Стулова Алексея я знаю, б. офицер, где в настоящее время проживает—не знаю. Морозову, Елизавету Ивановну, не знаю. Период от восстания до ареста я жил на средства сестры, которая служит писцом в Отделе снабжения, и матери, которая шьет белье для красноармейцев, и продажею вещей.

Я сочувствовал эс-эрам и увлекался народовольческой литературой. В партии же никогда я не состоял и не состою, только в 1906 или 1907 г. принимал участие по сокрытию литературы эс-эров.

Протокол читал и написан с моих слов верно.

Такая общая картина. Большинство из перечисленных лиц скрыто и по раз'яснениям Конюхина и др. сидят в конц. лагере

8. Ярославское восстание.

События в Ярославле развернулись следующим образом (см. «Изв.», № 156—157, 1918 г.) 6 июля, около 2-х часов утра, совершенно неожиданно для советских кругов в городе начали появляться небольшие группы подозрительных лиц. Одна из этих групп обезоружила милицию, другие же приступили к захвату важнейших учреждений: банка, почты и телеграфа, советских учреждений. Выяснивши из документов, найденных в Совете, адреса активных советских работников, белогвардейцы начали обход квартир и арест советских деятелей. Арестованных немедленно расстреляли. Так погиб председатель уездного исполкома *Закгейм*, бывший председатель Губисполкома, Доброхотов, губернский военный ко-

Лукашов.

миссар, левый с.-р. Душин, военный комиссар округа, Нахимсон и др.

Вскоре началась перестрелка. Все инструктора, бывшие офицеры, перешли на сторону белой гвардии, передав ей пулеметы и броневой автомобиль. Во главе белогвардейцев встал полковник *Перхуров*, действовавший от имени генерала Алексеева. Центром заговора было окружное Артиллерийское Управление, которое было об'явлено сборным пунктом мобилизуемых офицеров. В руках мятежников оказался еще другой броневик, неизвестно откуда полученный, так как до сих пор в городе был только один броневик, автопулеметного отряда. Обладание двумя броневыми машинами и послужило причиной столь быстрого захвата города. В подавлении мятежа вместе с советскими войсками участие принимал Интернациональный отряд и лево-эсеровская дружина.

Начался артиллерийский обстрел важнейших пунктов, как-то: монастыря, в котором были вооружены все монахи, Демидовского лицея, где расположился белогвардейский штаб, городского театра и других мест. Обстрел вызвал сильный пожар.

Во время боя в городе был совершен крестный ход, с молебствием о даровании победы белой гвардии. С прибытием из Москвы броневого поезда обстрел усилился. Большая часть города оказалась охваченной морем огня. Наши войска местами начали успешно подвигаться вперед.

К 14 июля положение у Ярославля представлялось в следующем виде. Окраины города были почти совершенно выжжены. Советских частей в это время было далеко недостаточно для того, чтобы можно было вести более или менее активную борьбу с мятежниками. Отряды наших войск, помимо своей малочисленности, были слабо вооружены и действовали разрозненно, не будучи об'единены в едином центре, который руководил бы военными операциями во всем их об'еме, во всю ширину фронта.

Напротив положение противника к этому времени сложилось благоприятно. За предшествующие 9 дней он успел прекрасно сорганизоваться в хорошо дисциплинированную воинскую массу. Во главе контр-революционных отрядов находились опытные военные руководители, которые действовали по плану и указаниям белогвардейского штаба. Кроме того, положение противника усиливалось еще тем, что ему удалось захватить арсенал, в котором среди прочего снаряжения имелось большое количество пулеметов. Этим об'ясняется то, что действия наших частей вначале не могли быть успешны. У нас было не только мало руководителей, но ощущался недостаток даже в опытных рядовых работниках, в результате чего наши отряды страдали отсутствием сплоченности и организационной спайки.

Таким образом задача осложнялась, ибо предварительно необходимо было энергично поработать над организацией и при-

ведением в стройный боевой порядок находящихся перед Ярославлем отрядов. Хромала несколько, в первое время, также и техническая часть, чего нельзя сказать о противнике, который, укрепившись на превосходных позициях, придал войне характер позиционной, имея вдобавок в своих руках ряд зданий, из коих каждое представляло для полевой артиллерии как бы особую крепость.

Притом белогвардейцы распространились далеко по левому берегу Волги; в Волжском монастыре (в 13 верстах от Ярославля)

Окопы белогвардейцев.

они обосновали свой тыловой штаб и базу для орудий и продовольствия.

Нам пришлось приспособиться к обстоятельствам и, с своей стороны, перейти к правильной осадной борьбе.

К этому времени подошел с отрядами архангельский окружный военный комиссар, тов. *Геккер*, бывший выборный командир в 8-й армии, человек с большой энергией и очень сведущий в военном деле, обладающий широкими военными познаниями. Он немедленно, по прибытии на фронт, стал зажимать вокруг мятежников кольцо с севера, постепенно взяв станцию Филино и пригородную слободку Урочь, а затем Тверцу.

В ночь на 18-е июля нашей артиллерией обстреливались важные укрепленные пункты противника.

Мельница Вахромеева загорелась, укрепившиеся там части белых выбиты и в панике разбежались. По ним открыт сильный пулеметный и шрапнельный огонь.

С 7-ми часов утра ведется артиллерийская подготовка при поддержке артиллерии Геккера, с которыми наши оперативные действия согласованы.

На фронте свирепствует сильная буря и проливной дождь.

Замкнутые в кольцо белые пытаются делать вылазки, но последние отражаются огнем.

Прибыла баржа с нашими пленными из центральной части Ярославля, бежавшими путем снятия с якоря.

Воздушная бомбардировка города.

Летчиками, прилетевшими из Москвы, согласно предписанию Чрезвычайного штаба, были совершены два полета над городом для подготовки наступления наших войск. Для этой цели за два полета было сброшено более 12 пудов динамитных бомб, большая часть которых по полученным сведениям попала в район расположения штаба противника (около бывш. губернаторского дома).

Летчиками замечены сильные повреждения зданий и возникшие пожары. Было насчитано большое число пулеметов и их гнезд, из которых производили обстрелы по аэроплану и, очевидно, по городу. Несмотря на значительную высоту (тысяча двести, тысяча шестьсот метров), около аэроплана был слышен свист пуль и замечено одно пробитие аппарата.

Артиллерийский огонь противник не открывал, ограничась одним или двумя выстрелами из мелко калиберных орудий, повидимому с броневиков.

В виду упорства противника решено было усилить бомбардировку, применяя для этой цели наиболее разрушительной силы бомбы. Одновременно по Волге нами были расставлены вооруженные сторожевые пароходы, имевшие связь с небольшими пехотными отрядами. В результате всех этих мер, проведенных быстро и решительно, кольцо наших войск вокруг Ярославля тесно сомкнулось. Такова была первая боевая задача, успешное выполнение которой уже позволяло перейти к наступательным действиям, каковые нами и были вслед за тем предприняты. Однако наши наступательные операции несколько затормозились рядом несчастных случаев с одним из наших броневиков и нашими броневыми платформами с пулеметами, которые сползли под откос и на некоторое время загромоздили собою путь. На время вследствие этого была прервана связь между обоими берегами, а тем самым понизилась необходимая подвижность наших войск.

Все эти неблагоприятные обстоятельства вынудили наше командование перенести центр тяжести на действие артиллерии,

которая начала серьезную подготовку. Особенно отличились при этом батареи одного из бронированных поездов под командой тов. *Гемизюка*, который работал самоотверженно, неутомимо, выдвигаясь на самые опасные места. Наступившая после этого пехотная атака позволила нам овладеть всеми подступами к цитадели белогвардейских мятежников, но в виду усталости частей довести в тот же день дело до конца не удалось. Однако впечатление от этого нашего наступления было столь внушительно, что белогвардейцы сознали неизбежность близкого падения и на

Окопы белогвардейцев у Спасского монастыря.

следующий день, с утра, лишь только наши части двинулись с окраины города, они решили ликвидироваться. При этом они решили прибегнуть к провокационному шагу, который мог бы быть чреват неисправимым вредом для нас. Но эта их попытка потерпела полный крах. Дело в том, что белогвардейцы, чувствуя полное свое бессилие, об'явили, что находятся в состоянии войны с Германией и, так как для них ясна безуспешность дальнейшей борьбы, то они де сдаются германской армии в лице председателя комиссии военнопленных лейтенанта *Балка*.

В результате Балк согласился и выпустил к населению нижеследующий приказ.

Гражданскому населению гор. Ярославля.

1.

Допущенная на основании Брестского договора правительством Русской Федеративной Советской Республики и уполномоченная тем же правительством Германская Комиссия № 4 в Ярославле имеет честь оповестить следующее:

Штаб Ярославского отряда Северной Добровольческой Армии об'явил 8-го сего июля Германской Комиссии № 4, что Добровольческая Армия находится с Германской Империей в состоянии войны.

Так как военные операции не привели к желательным результатам и дабы избегнуть дальнейших разрушений города и избавить жителей от неисчислимых бедствий, Ярославский отряд Северной Добровольческой Армии 21 июля 1918 г. предложил Германской Комиссии № 4 сдаться ей и выдать свое оружие.

Германская Комиссия № 4 приняла предложение.

2.

Комиссия передаст штаб в качестве военно-пленных Германской Империи своему непосредственному начальству в Москве, где дано будет все дальнейшее.

Германская Комиссия № 4 располагает сильной боевой частью, образованной из вооруженных военнопленных, и займет для поддержания спокойствия в городе Ярославле до получения решения из Москвы положение вооруженного нейтралитета.

Для соблюдения порядка и восстановления нормального течения жизни Комиссия окажет по возможности мирному населению должную поддержку.

Да займутся обыватели многострадального города вновь своими делами и заживут с полной надеждой на лучшее будущее.

Ярославль, 21 июля 1918 г.

Председатель Германской Комиссии № 4 лейтенант Балк.

Тут же наспех были вооружены германские пленные, которые заперли сдавшийся штаб белогвардейцев в здании театра и окружили последний своим караулом. Вступившие в этот участок Советские войска не встретили уже никакого сопротивления. Конечно, положение, создавшееся вследствие провокационного шага белогвардейцев, пожелавших втянуть нас в конфликт с германцами, как недопустимое с точки зрения международных отношений, не могло долго продолжаться и после недолгих переговоров по требованию Советской военной власти австро-германские пленные сложили оружие, и театр со штабом белогвардейцев очутился в наших руках.

Таков ход событий с внешней стороны. В городе же за это время творилось невообразимое. Чтобы положить конец сомне-

нию обывателей, нашим Чрезвычайным штабом был издан следующий приказ:

Приказ Чрезвычайного штаба Ярославского фронта.

Чрезвычайный штаб Ярославского фронта об'являет населению города Ярославля:

Всем, кому дорога жизнь, предлагается в течение 24 часов, со дня об'явления сего, оставить город и выйти к американскому мосту. Оставшиеся после указанного срока в городе будут считаться сторонниками мятежников. По истечении 24 часов пощады никому не будет, по городу будет открыт самый беспощадный, ураганный артиллерийский огонь из тяжелых орудий, а также химическими снарядами. Все оставшиеся погибнут под развалинами города вместе с мятежниками, с предателями, врагами революции рабочих и беднейших крестьян.

Проволочные заграждения белогвардейцев.

Зверства белогвардейцев в Ярославле.

(По рассказам бежавших из плена).

Непосредственно после захвата центра города, белогвардейцы усиленно стали разыскивать членов Губернского и Городского

Исполнительных Комитетов и выдающихся советских работников, при чем арестовали они всех, имеющих то или иное отношение к Советам.

Аресты производились на квартирах и на улицах и таким образом в их лапы попало свыше 200 чел. советских служащих, красноармейцев и интернационалистов из австрийских и германских военнопленных.

Белогвардейцы разбили всех арестованных на группы и одну из таких групп в количестве 109 чел. посадили на баржу с дровами на Волге. Этой-то группе и удалось третьего дня бежать из белогвардейского плена и то, что передают бежавшие товарищи о «прелестях» белогвардейского режима и насилия, затмевает и затушевывает все то, что мы слышали о зверствах в германском и чехо-словацком плену.

За недостатком места мы передаем некоторые, наиболее характерные проявления офицерской и буржуазной жестокости, издевательства и явно черносотенного и контр-революционного террора.

Убийство тов. Нахимсона.

По рассказам товарищей, бывших очевидцами гнусного убийства военно-окружного комиссара т. Нахимсона, т. Нахимсон был захвачен белогвардейцами в номере гостиницы «Бристоль», где он жил, и препровожден совместно с другими арестованными в 1 участок милиции, в каземат. Сюда, спустя некоторое время, явился здоровый, курчавый парень, в белой рубахе, с открытым воротом и засученными рукавами, по показанию некоторых товарищей, сыщик Греков, и спросил Закгейма и Нахимсона, не зная, очевидно, что первый уже убит.

Тов. Нахимсон назвал себя. «Ступай за мной», крикнул этот тип и повел тов. Нахимсона во двор 1 участка. Здесь уже ожидали несколько вооруженных белогвардейцев, один из которых, толстый офицер, крикнул: «сбрось пиджак». Тов. Нахимсон скинул пиджак и швырнул его в сторону командовавшего белогвардейца.

«Пли!» скомандовал последний, и т. Нахимсон упал пронзенный разрывными пулями.

Толстый офицер подошел к умирающему товарищу и выпустил в него из браунинга еще две пули. Затем убитого положили на извозчика и возили по Ильинской площади и прилегающим улицам для обозрения и удовольствия всей белогвардейской своры.

Убит ими и комиссар труда т. Работнов и тов. Суваров, старый соц.-демокр., большевик, посланный парламентером.

Убийство т. Закгейма.

Почти одновременно с захватом Дома Народа, вооруженная кучка белогвардейцев по готовому уже списку направилась прежде всего на квартиру председателя Городского Исполкома

т. Закгейма, проживавшего на Б. Рождественской улице. Они вызвали его во двор и спросили: «ты Закгейм?»—«Да—я», ответил товарищ. Не удовлетворившись этим ответом они стали будить соседей для удостоверения—что этот именно Закгейм. Окончательно убедившись в этом, предводитель банды выстрелил из револьвера в грудь т. Закгейма и последний упал. Другой из этой банды разбойников проколол его штыком. Труп убитого товарища они выволокли на улицу и выбросили у ворот.

Торговые ряды в г. Ярославле.

Труп его в течение нескольких дней валялся на улице и служил предметом посмешища и издевательства проходивших хулиганов и черносотенцев.

Сытые, толстопузые буржуи, маклаки с толкучего рынка, отставные штаб и обер-офицеры и ярославские кацауровцы, черносотенцы, проходя мимо, останавливались и злобно издевались над бездыханным трупом, плевали в лицо и, пользуясь еврейским происхождением товарища, ругали жидов и открыто призывали к погромам. Когда труп окончательно разложился, его сбросили в канаву и только затем зарыли.

Арестованные белогвардейцами товарищи подвергались всевозможным издевательствам; из квартир они захватывались в

чем попало: без шапок, без верхней одежды, иной раз в одном нижнем белье. Брошенные на баржу с дровами, наполненную на дне водой, они были обречены в буквальном смысле слова на голодную смерть.

С субботы 6 июля и до четверга 18 июля за двенадцать дней им не давали никакой пищи. Два раза за это время им приносили в баржу по два фунта хлеба на 109 чел., при чем приносившие этот хлеб—милиционер и какая-то барышня, под видом сестры милосердия, ломали этот хлеб на кусочки и как собакам бросали с лодки на баржу.

Когда начался обстрел города артиллерией, белогвардейцы перевозили баржу на места, наиболее подвергающиеся обстрелу. Благодаря этому было убито три товарища и несколько тов. ранено.

Стоявший на берегу караул не допускал подняться с баржи даже за водой и несколько человек приносивших воду были ранены. Трупы убитых товарищей и скончавшихся от ран оставались тут же (вынести их было невозможно под постоянной угрозой стрельбы) и, разлагаясь, заражали атмосферу.

Сидевшим товарищам оставалось одно из двух: или умереть голодной смертью или пойти на риск и пробраться к своим. Они решились на последнее и, улучив момент, когда патруль почему-то скрылся, спустили цепь, оборвали веревки и пустили баржу по течению.

Заметив плывшую баржу, как белогвардейцы, так и наши части подвергли ее ожесточенному обстрелу: баржа трещала от ружейных и пулеметных выстрелов, быстро наполнялась водой и только быстрое течение и самоотверженность тт. Петрова, Пудкова и др., выскочивших на верх баржи и призывавших наши части прекратить стрельбу, спасло их от гибели.

Наши части прекратили огонь и баржа благополучно пристала к берегу Коронников.

Спасшиеся товарищи были истощены до неузнаваемости, измучены и больны.

Дня за два до побега из их среды были вызваны по списку 22 чел. из членов Исполнительного Комитета и ответственных советских служащих и с ругательством, пинками и т. п. уведены неизвестно куда. В это число вошли тт. Большаков, Гарновский, Душин, д-р Контовт, д-р Троицкий, Попов, Курякин и другие.

В результате Ярославского мятежа от города Ярославля, этой красы и гордости Поволжья, особенно богатого историческими памятниками почти ничего не осталось. Вся деревянная часть города сплошь выгорела, почти все памятники старины разрушены, или изувечены. От Демидовского лицея остались буквально одни стены. Находящийся против него собор полуразрушен. Большая часть старинных церквей, памятников XV и XVI веков, или разрушена совсем, или полуразрушена. Особенно сильно пострадала церковь Николы Мокрого, хорошо известная всем

любителям старины. В самом городе не осталось ни одной, неповрежденной снарядами, колокольни. Выгорела почти вся торговая часть города, старый гостиный двор, торговые ряды, большая мельница Вахромеева. Снарядами разрушено много общественных зданий и частных домов. Редкий дом так или иначе не пострадал от снарядов. Сильно повреждено здание почтово-телеграфной конторы, здание реального училища, депо вольно-пожарного общества и проч. Всего не перечтешь...

Оставшееся без крова, имущества и пищи население выго-

Спичечная фабрика Дунаева.

ревшей половины города ютилось в течение всей осады по уцелевшим каменным домам и подвалам. Пока была возможность, очень многие убегали за город. По всем улицам валялось много неубранных трупов людей и животных. Убито много мирных жителей, вынужденных появляться на беспрестанно обстреливаемых улицах за пропитанием.

Штаб Добровольческого отряда Северной армии ежедневно выпускал победные, полные лжи, листки для обмана населения. Белогвардейцы действовали втайне от всех. В их планы посвящены были лишь некоторые эсеровские группы, примкнувшие к приехавшим со стороны белогвардейцев.

Образчик творчества ярославских белогвардейцев.

Граждане!

Власть большевиков в Ярославской губернии свергнута. Те, кто несколько месяцев тому назад обманом захватили власть и затем путем неслыханных насилий и издевательства над здоровой волей народа держали ее в своих руках, те, кто привели народ к голоду и безработице, восстановили брата на брата, рассеяли по карманам народную казну, теперь сидят в тюрьме и ждут возмездия. Люди, свергнувшие эту власть, имеют своею целью установление форм широкого государственного народоправства. Народное собрание, законно, в нормальных условиях избранное, должно создать основы государственного строя, установить политическую и гражданскую свободу и на точном основании закона закрепить за трудовым крестьянством всю землю в его собственность.

Как самая первая мера будет водворен строгий законный порядок и все покушения иа личность и частную собственность граждан, в какой бы форме это ни проявлялось, будут беспощадно караться.

Вместе с этим будут отменены все запрещения и ограничения, мешающие каждому по мере сил работать на общую пользу.

Все препятствия торговле и передвижению будут устранены и к делу снабжения населения предметами продовольствия будет привлечен частный торговый капитал.

Долгая война и владычество хулиганов истощили народные богатства, но и до сих пор у нас еще много хлеба и по Волге, и в Сибири. Чтобы получить этот хлеб, чтобы победить голод, нужен только порядок, спокойствие и трудовая дисциплина. Новая власть твердо будет требовать беспрекословное выполнение всех своих распоряжений и будет беспощадно преследовать всех нарушителей правильного хода работ во всех учреждениях и предприятиях.

То, что произошло в Ярославле, произошло в тот же день и час по всему поволжью. Мы действуем вместе с Сибирскими и Самарскими правительствами и подчиняемся общему главнокомандующему, старому генералу Алексееву. Северной Армией командует старый революционер Борис Савинков. Москва окружена теперь тесным кольцом. Еще немного усилий и предатели, засевшие в Кремле, разорившие страну и морящие народ голодом, будут сметены с лица русской земли. Все, кто способен носить оружие, пусть идет в Добровольческую Армию. Как триста лет тому назад наши предки в высоком патриотическом под'еме сумели залечить раны растерзанной родины, так и мы в дружном порыве спасем нашу родину и наш народ от позора, рабства и голода.

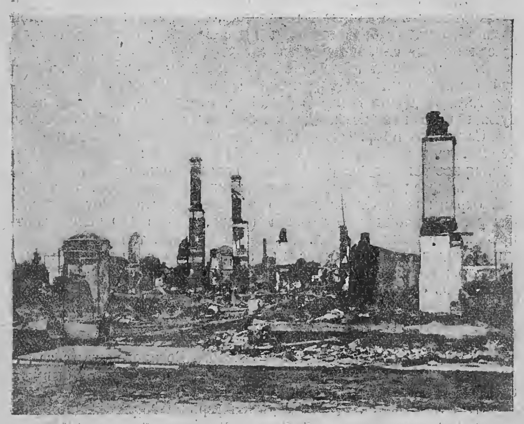
Главноначальствующий, командующий Северной Добровольческой армией Ярославского района *полковник Перхуров.*

Заместитель, помощник Главноначальствующего по Гражданской части: *Член Управления И. Савенков.*

Предатели-изменники,

В рядах советских работников оказались форменные предатели и провокаторы. Работая под флагом поборников Советской власти, они тайно подготовляли почву для прихода белой гвардии. Тотчас же по вступлении ее в город эти подлые людишки открыто перешли на их сторону и приняли горячее участие в водворении белогвардейского режима.

Комиссар губернской гражданской милиции, бывш. прапор-

После пожара.

щик Фалалеев, стал у них начальником одного из отрядов и принимал активное участие в действиях против Советских войск.

Командир Советского летучего конного отряда, бывш. прапорщик Баранов, точно так же моментально присоединился к белогвардейской швали и лично обезоруживал свой же конный отряд, который раньше водил против врагов Советской республики.

Наибольшее усердие и зверство проявил начальник команды мотоциклистов, бывш. юнкер.-матрос Ермаков, предательским выстрелом убивший т. Лютова, которого на автомобиле с несколькими красноармейцами сначала вызвали по телефону к гостинице Кокуева, под предлогом поимки преступников.

Этот Ермаков, как угорелый, метался по всем Советским войсковым частям и указывал белой гвардии, кого нужно взять и кто «неблагонадежен».

Не уступал ему в этом инспектор уголовной сыскной милиции Греков и меньшевик Мусатов, производившие обыски в квартирах советских служащих и разыскивающие их по советским учреждениям.

Про сыщика Грекова рассказывают, что он не останавливался перед расстрелами женщин и детей.

В лагерь контр-революции и белой гвардии перешли некоторые участковые комиссары милиции, командир авто-пулеметной роты Супонин с большинством пулеметчиков, а также выдающиеся правые с.-р. и меньшевики.

В штабе белой гвардии работали: меньшевик Дюшен, бывш губернским комиссаром при правлении Керенского, член Государственной Думы Савинов (меньш.), правый с.-р. Кизнер, заведующий кассой мелкого кредита, сверх-правый с.-р. Мамырин и друг.

Секретарь проф. союза печатников, меньшевик Богданов, в первый день мятежа явился было на собрание железнодорожников, приветствовал их с падением власти большевиков и предлагал присоединиться и послать своих дружинников, будто бы для охраны города, но когда его спросили, какая же будет новая власть, он уклонился от ответа и едва, набрав 100 человек, отправился с ними в город. Остальная масса т. т. железнодорожников как и вся Корзинкинская фабрика сразу же поняли, к чему все это клонится и отшатнулись от провокаторских речей прислужников буржуазии и контр-революции.

Полковник-разведчик.

В Военный комиссариат Ярославского Военного округа за несколько недель до контр-революции поступил на службу бывший начальник 12 запасн. бригады полковник Лебедев.

Этот полковник, перешедший в лагерь контр-революционеров, надев на себя солдатские лохмотья, пробирался к нашим позициям, как разведчик. На вопрос патруля: Кто идет?—Солдат—скромно ответил бывш. полковник. Препровожденный в штаб Красной армии, этот полковник был опознан и все его предательские проделки раскрыты.

Суд над активными участниками Ярославского восстания.

Для расследования дел о мятеже в Ярославле, была образована особо-следственная комиссия.

Путем тщательных допросов и всестороннего расследования Комиссия выделила из массы арестованных 350 человек, в большинстве бывших офицеров, контр-революционеров и белогвардейцев.

Расследование доказало, что все эти лица являлись активными участниками и организаторами мятежа. Они стояли во главе заговора и имели связь с чехо-словаками.

Вся эта банда в количестве 350 человек, по постановлению Комиссии, расстреляна.

Но еще до этого, вскоре после занятия города и задержания в театре вожаков мятежа, в состав которых входили почти исключительно бывшие офицеры, 57 человек было расстреляно на месте.

Самые главари — полковник Перхуров, а за ним и генерал

Владимирская улица после подавления восстания.

Карпов и капитан Альшамовский скрылись бегством, удрав на пароходе вверх по Волге.

Результаты дополнительного расследования.

Часть участников Ярославского восстания пробралась на Мурман, часть к чехо-словакам, но немало из них разбрелось по окружающим городам и селам. Мало-по-малу многие из них стали возвращаться обратно, предполагая остаться незамеченными. Но не всем это удавалось, В.Ч.К. сосредоточила свое внимание на Ярославский округ и скоро добрая половина из скры-

вающихся здесь белогвардейцев попала в руки Чрезвычайной Комиссии.

Протоколы допросов этих участников восстания проливают некоторый свет на события в Ярославле, поэтому мы здесь приводим несколько показаний самих арестованных.

Протокол допроса Ник. Ник. Работнова.

Во время начала мятежа я был в городе Ярославле и когда начался мятеж, то я записался в белую гвардию по протекции Некрасова, полковника, который меня записал и взял к себе в Отряд Особого назначения или, как он еще назывался, «Летучий Отряд». Я работал в этом Отряде до последнего дня мятежа. Я один раз получал жалованье в Комендантском Управлении белых и получил триста рублей. На обыски мне приходилось ездить с капитаном *Будзи*... и летчиком Кутейщиком; ездил я на Романовскую ул., уг. Романовской и Любимской ул. (белый дом) и по Власьевской ул., в доме против номеров „*Париж*".

Винтовки, которые у меня нашли в количестве 5 штук, я не знаю откуда они появились в доме просвещения, почему они не были внесены в книги. Всех винтовок было 9 штук, но 4 из них взяли в поезд «Карла Либкнехта», взял их комиссар Никитин, заведующий поездом. Расписок на взятые винтовки в делах тоже не имеется.

Здесь, в гор. Ярославле, сейчас находятся и служат белогвардейцы в конторе кооператива «Единение» *Юхотников*, Авенир Александрович, во время мятежа я его видел с винтовкой на Стрелецкой ул. и он мне говорил, что был на фронте возле почты; затем *Горохов*, Алексей Михайлович, тоже служит в конторе кооператива «Единение», он говорил мне лично, что был на фронте и сражался возле Волжского моста у завода Жакова. В губернском Военном комиссариате сейчас служит некто *Анбронов*, Николай, отчества не знаю, он занимается в комиссариате на должности помощника делопроизводителя в Финансовом Отделе. В Гоуездпродкоме служит некто *Шкарников*, Николай, живет он в какой-то деревне за Волгой, но я его не видел и не знаю, участвовал ли он в мятеже или нет, но думаю, что да, так как он был в школе прапорщиков.

Дополнительно опрошенный Николай Николаевич *Работнов* показал: Я знаю в кооперативе в конторе есть еще один белогвардеец *Волков*, Сергей Николаевич, быв. поручик, он участвовал в мятеже, я его видел с винтовкой в руках и он мне говорил, что был даже назначен начальником милиции 4 участка. Затем есть белогвардеец, быв. прапорщик *Новиков* Борис, он участвовал в мятеже, я его видел. Теперь он уехал на фронт, но его отец живет здесь, в городе Ярославле, и служит управляющим фабрики Вахромеева, проживает при фабрике. Его адрес может дать рабочий комитет. Затем я видел не очень давно *Жукова* Михаила

участника мятежа, сейчас он, кажется, скрывается, но семья его живет по Рождественской ул. в том доме, где кондитерская фабрика Кузнецова. Живут во дворе, в верхнем этаже (в 3 или 4-м). Жукова этого я недавно видел в Ярославле. Отец его знает, где он живет. Больше пока показать ничего не могу. Показание читал и верно.

Н. Работнов.

Опрос производил заведующий активно-часть Губский.

Уборка трупов.

Протокол допроса Германа Ивановича Комина.

Во время мятежа в городе Ярославле в июне месяце 1918 года я был в городе Ярославле, проживал все время в здании Банка, но категорически заявляю, что никакого решительно участия в мятеже не принимал, несмотря на то, что ко мне несколько раз подходили с предложениями участвовать в мятеже и даже угрожали оружием, но я все же сумел избежать этого. Добавляю только, что у белых, в бывшей нашей комнате, был продовольственный отдел, куда я и другие служащие ходили просить пищи и нас заставляли выгружать подвозимые продукты. Я знал участников мятежа: Барковскую, поручика Майорова, Азанчеева,

артиста интимного театра, полковника Николаева, затем были какие-то женщины, которые были в продовольственном отделе, но я их не знал и не знаю, где они.

Более показать ничего не могу, показание читал и верно. Герман Иванович *Комин.*

Дополнительно показываю, что во время мятежа я служил в штабе Перхурова в продовольственном отделе на должности приемщика продуктов, поступил я на эту должность добровольно и был там до последнего дня мятежа; расписка, имеющаяся в делах ярославского мятежа, была подписана действительно мною, по этой записке я получил три ящика махорки из кладовой, которая находилась в конюшне, т.-е. под навесом, где раньше стояли лошади.

В Ярославле я знаю белогвардейца *Беляева* Константина (Пошехон. ул., лавка б. Сальникова, флигель во дворе), он был на фронте у белых, он сейчас в Красной армии на фронте, был он раньше в 7 Советском полку; затем знаю *Муратова*, Александра Михайловича, который приходил несколько раз в штаб с винтовкой. Он служит в обществе потребителей «Единение», в конторе. Затем *Хватов*, Леонид (наверное не знаю имени), он служит в Губвоенкоме, дом просвещения (б. Интимный театр), его я лично не видел во время мятежа, но слыхал от Александра Михайловича Муратова; затем *Работнов*, Николай Николаевич, заведующий домом просвещения при Губвоенкоме, об этом говорил тоже А. М. Муратов; *Мушников*, имени не знаю, он скрылся и не знаю где он; затем знаю *Холмовского* Евгения, бывший кадет, где находится на службе не знаю, но несколько раз видел в городе недавно; *Александровича*, бывший ученик; затем знаю *Слежинскую*, ее же фамилия *Гнилокмикина*, служит она в кино-театре „*Аквилин*", контролерщей у белых, служила в продовольственном отделе при штабе Перхурова; затем я знаю бывшего офицера прапорщика Константина *Киселкина*, он заведывал в штабе Перхурова выдачей обмундирования и снаряжения и служил в кожевенном комитете; затем знаю, что в штабе Перхурова занимались по гражданской части домовладельцы *Лопатин*, Адольф (по сведениям в Рязанск. губ.) *Мешковский*.

Более пока показать ничего не имею, показание читал и верно, но только добавляю, что получил у белых жалованье один раз двести сорок рублей. Герман Иванович *Комин.*

Дополнительно опрошенный гр. Герман Иванович *Комин* показал: Я знаю еще одного участника мятежа, прапорщика *Сменцовского*, Полиена, который участвовал в организации белых с января месяца 1918 года г. и был во время ярославского мятежа командиром отряда; семья его живет в ограде церкви «Варвары Великомученицы», отец Сменцовского поет в хоре архиерейском; самого Сменцовского я видел после мятежа, проживавшего дома у отца, но последнее время я его не видел. Затем я знаю двух братьев Добровольских одного Сергея и другого «Адю»; во время

мятежа они оба приходили в штаб Перхурова за справками и поручениями, что повторялось ежедневно в продолжение 14 дней мятежа, проживают Добровольские у отца по Всехсвятской ул. (дома не знаю), Андрей Добровольский служит в Красной армии, ранен и собирается на Украинский фронт, в качестве помощника . . . . Сергей Добровольский служит в отделе по восстановлению гор. Ярославля. Затем знаю двух прапорщиков *Симахиных:* одного из них зовут Николаем, другого не знаю; у них есть брат гимназист, младший их брат; у них есть родители,

Зарытие трупов.

проживают не знаю где, они участвовали в мятеже, за исключением младшего гимназиста и сражались на фронте. Одного из прапорщиков *Симахиных*—Николая, я видел здесь в гор. Ярославле с месяц тому назад. Знаю также прапорщика Никольского, который у белых был командиром, какого-то артиллерийского взвода, я его видел тоже с месяц тому назад и он уехал на фронт артиллеристом на какой фронт не знаю, но где-то служит начальником артиллерии. Затем знаю Марию Константиновну Дунаеву, она развозила продукты для белогвардейцев на участки (боевые), живет она где, не знаю, но служит в конторе кооператива «Единение», возила она продукты на грузовом автомобиле и возвраща-

лась обратно. Бывала часто в штабе Перхурова. Затем знаю еще Павла Николаевича Добротина—штабс-капитана, который командовал участком белых у завода Жакова, он скрылся, куда не знаю и служил раньше в отделении государственного банка. Затем был еще некто прапорщик *Котомин*, имени я его не знаю, я его видел с винтовкой в руках, ходившего по улицам. Где он в настоящее время, я тоже не знаю. Затем должен сказать, что здесь, в Ярославле, проживает некий *Александрович*, Александр, он бывший реалист, у белых он был караульным при воротах в шт. Перхурова.

Более показать ничего не имею. Читал и верно: Герман Иванович *Комин*.

К показанному мною выше добавляю: мне известно, что в Конском запасе служит бывший фабрикант Жаков, сын которого был участник мятежа в гор. Ярославле, офицер, он находится в настоящее время на Украине, в белогвардейских рядах. Потом знаю, что в Гублесе служит Сакин, бывший купец, владелец мануфактурного магазина.

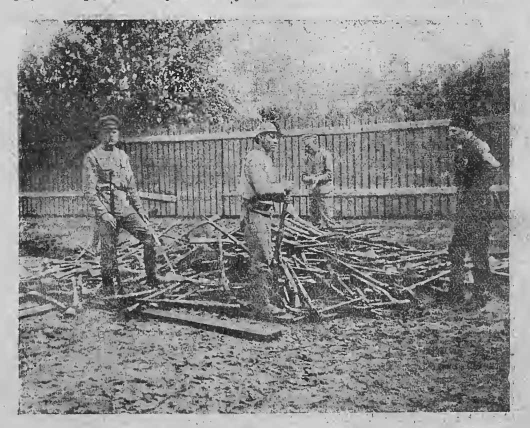
Показания читал:

Герман Иванович *Комин* *22 сентября 1918 г.*

Протокол допроса Владимира Дмитриевича Морозова. 18 лет.

Приблизительно в ноябре 1917 года зашел на квартиру к своему товарищу Виталию Шестову (юнкер, в октябре дрался против революционных войск в Москве), прожив. по Татаринск. пер., д. Тогилевского, который и предложил мне вступить в конспиративную организацию, при чем сказал, что организация задается целью свержения большевизма; я из'явил согласие и был Шестовым записан. Во главе организации стоял Александр Александрович *Кологривов*; организация была разбита на пятерки, таким образом каждый знал только пять человек; в нашем пятке стояли: Морозов, Плотицкий, Ив., Васюнкин, Алексей (семинарист), Несогнжский, Николай (юнкер) и командир Шестов. Занятия у нас происходили за рекой Окой, в сарае. Числа 3—4 июля в Калуге, на улице я встретил Ивана Плотицкого, который предложил мне поехать в Ярославль, говоря, что на-днях там должно быть восстание. Я согласился и получил от него же 750 руб. Вечером того же дня отправился вместе с Иваном Плотицким в Ярославль. По приезде в Ярославль я встретил знакомых мне по Калуге офицеров Геяровского полков., Ивановского, Кошкарева (офиц.), Афончикова (офицер), братьев Клонатских. Я и Геяровский остановились в гостинице на Власьевской улице и на следующий день пошли на бульвар. На бульваре Геяровский меня на некоторое время оставил одного, а по возвращении сообщил, что сегодня в ночь будет выступление, для чего нужно пойти на кладбище.

Ночью, придя на кладбище, мы застали там человек 30, где к нам подошел какой-то человек и сказал: подождите, сегодня, может-быть, начнется. С кладбища мы скоро ушли на пристань и уехали на Колбу в монастырь, где и пробыли до воскресенья, и когда приезжающие пассажиры нам сообщили, что в Ярославле переворот, я, Плотицкий и Гейровский поехали в Ярославль. В Ярославле я все время мятежа был в охране на пристани и ходил часто в штаб за продуктами. Гейровский находился в карауле окружного суда. Какую должность занимал Плотицкий

Винтовки, брошенные белогвардейцами.

мне неизвестно. Кто из находящихся в Коровниках принимал участие в мятеже я не знаю. Подписал: *Морозов*.

В Ярославле получил жалованье триста пятьдесят рублей от командира охраны (полковн.) Подписал: *Морозов*.

Протокол допроса Никитина.

Я, нижеподписавшийся, прапорщик Никитин, Виктор Васильевич, участвовал в отряде поручика Соколова рядовым бойцом, между мельн. Вахромеева и Америк. мостом, получил авансом 100 руб. В субботу вечером в Урочских ж.-д. мастерских был митинг, на котором выступали прав. с.-р. и меньшевики и глав.

Яр. и Урочск. мастерских, на котором призывали к выступлению для свержения Советской власти. В воскресенье вызвали меня из квартиры пришедшие два офицера и велели явиться в штаб Северн. добровольческой армии, куда я и явился после обеда и был направлен в вышеупомянутый район, в котором я и находился до последнего момента.

25 июля 1918 г. Виктор Васильевич Никитин.

Показания свидетеля Путкова—по делу Константина Никитина.

10 марта 1919 года, г. Ярославль.

Член следственной коллегии при Губчрезвычкоме допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля.

Путков, Петр Филиппов, показал:

Я повторяю, что пред'явленный мне вами сегодня, называемый Константином Константиновым Никитиным, есть действительно та самая личность, которая в первый день мятежа в г. Ярославле, когда я был арестован при каземате Управления Милиции 1 участка, привел сюда Нахимсона, и затем вскоре при мне, обратившись к Нахимсону со словами: „выходи, еврейская морда", вывели его во двор, держа наготове револьвер. Через 5 минут после этого раздались 2—3 выстрела. Из окошка каземата, выходящее во двор, мне было видно, как его здесь расстреляли и затем оттащили в расположенный рядом со двором садик. Я не могу ошибиться, что называемый вами Константином Никитиным и пред'явленный сегодня мне есть то лицо, которое принимало такое деятельное участие в расстреле Нахимсона. Только ранее он был без бороды и более бодрый, чем теперь. Более об'яснить ничего не могу. Кто были соучастники Никитина при расстреле Нахимсона и кто из них расстреливал его не видал, но только распорядителем в данном случае был Никитин.

Петр Филиппович Путков.

Протокол допроса Александра Михайловича Муратова.

Во время мятежа я находился в гор. Ярославле все время и в первый же день был остановлен белогвардейцами, которые доставили меня на квартиру, где я живу и сейчас; на квартире я находился до понедельника, т.-е. 3-го дня мятежа, когда начались в гор. Ярославле пожары и в то время образовались питательные пункты, где я и работал с самого первого дня до конца мятежа; я развозил продукты по питательным пунктам и спасал товары, которым угрожала опасность от пожара. Я был вооружен винтовкой, которую получил в штабе Перхурова, в пер-

вый раз, когда я ездил с продуктами, их расхищали, и вот завед. продовольствием белых Барковская предложила взять мне винтовку, которую я и получил в штабе по записке Барковской, все остальное время я и ездил с этой винтовкой на грузовом автомобиле с продуктами. В штабе я имел дело с Барковской, которая давала удостоверения на право вывоза товаров и продуктов.

Здесь в настоящее время в городе Ярославле я знаю белогвардейцев Работнова, Николая Николаевича, который служит заведующим домом Просвещения при Губвоенкоме, он был с винтовкой, я его видел на улице ежедневно, даже ехавшего на автомобиле. Заходил он в кооператив «Единение». Он был в команде особого назначения белогвардейцев, на его обязанности было производить обыски и аресты у граждан и большевиков, лично он мне говорил, как он делал обыски у граждан в разных местах. Командиром этого „особого отряда“ был полковник или подполковник Некрасов, который расстрелян. Затем я знаю еще Хватова, Леонида Андреевича, который тоже служит в доме Просвещения при Губвоенкоме. Он, Хватов, был одно время на службе вместе с Работновым в особом отряде. Затем охранял какое-то имущество белых в Екатерининской гимназии; его я видел с винтовкой неоднократно с Работновым, раз'езжающими на автомобиле. Дальнейшей его службы не знаю, т. к. мало с ними знаком. Комкотин (Колкотин), Павел, участвовал тоже в мятеже, был вооружен винтовкой, где он служит сейчас—не знаю, но недавно его видел в г. Ярославле с красноармейской звездой. Маркелов, Николай, тоже был в белой гвардии, гулял с винтовкой, служит он сейчас в Коллегии по устройству города Ярославля. Доброжинский, сын домовладельца, дом его по Власьевской ул., д. 55 или 53, его я видел в штабе Перхурова, вооруженного винтовкой, он бывший гимназист, находится в Ярославле. Ему лет 20, брюнет, полный, ходит в гимнастерке защитного цвета и таких же шароварах защитного цвета, в фуражке и в ботфортах.

Более показать пока ничего не имею, показание читал

А. Муратов.

* * *

Дополнительное следствие, произведенное Ярославской Губернской Чрезвычайной Комиссией, дало материал для привлечения к ответственности 65 лиц.

Из них, сообразно роли каждого из них в Ярославском восстании, приговорены:

К расстрелу:

1) *Колчанов*, Никол. Павлович.
2) *Мякин*, Владимир Николаевич.
3) *Морозов*, Владимир Дмитриевич.
4) *Шувалов*, Констан. Андреевич.
5) *Шувалов*, Александр Констант.
6) *Павлов*, Алекс. Александр.
7) *Фисун*, Филипп Кириллович.
8) *Никитин*, Виктор Вас.
9) *Никитин*, Константин.
10) *Добротин*, Леонид Никол.

К концентрационному лагерю на разные сроки:

1) *Шувалов*, Константин Констан.
2) *Работнов*, Александр.
3) *Кулер*, Оглы.
4) *Нехотников*, Ав. Алекс.
5) *Беляев*, Константин Алексан.
6) *Беляев*, Леонид Александр.
7) *Старков*, Евгений Ил.
8) *Зозульский*, Федор Еф.
9) *Курочкин*, Владимир Вас.
10) *Киселкин*, Константин Алекс.
11) *Мельников*, Констант. Иванов.
12) *Муратов*, Алекс. Михайлов.
13) *Дунаева*, Мария Констант.
14) *Соломонов*, Иван Макаров.
15) *Апраксин*, Егор.
16) *Соколов*, Николай Николаев.
17) *Хватов*, Леонид Андреев.
18) *Байбородин*, Анатолий.
19) *Слежинский*, Ал. Владим.
20) *Ломтев*, Алек. Конст.
21) *Трейлиб*, Генрих Иванович.

Высланы из пределов Ярославля под надзор:

1) *Кролин*, Николай Николаевич.

Применена амнистия:

1) *Ядров*, Михаил Иванович.
2) *Смольский*, Алекс. Адамович.
3) *Кисляков*, Мих. Сем.
4) *Кузьмин*, Ник. Алекс.
5) *Степанов*, Мар. Александр.

Освобождены, как несовершеннолетние:

1) *Ковальский*, И. Влад.
2) *Колышкин*, Ив. Евграф.
3) *Соловьев*, Марк Иван.
4) *Крылов*, Сергей Дмитр.

Все остальные за недоказанностью обвинения освобождены.

Лацис (Судрабс).

II.

МЯТЕЖ ЛЕВЫХ ЭСЕРОВ.

ОТ РЕДАКТОРА.

Мы воздержались от «предисловия к мятежу левых эсеров», во-первых, потому, что документы сами по себе достаточно красноречивы, во-вторых,—в Заключении Центральной Обвинительной Коллегии Верховного революционного Трибунала при В. Ц. И. К. (см. стр. 206) сделана обстоятельная сводка всего материала по этому делу. При чтении, с него и следует начинать.

Богатейший материал по делу левых эсеров, хранящийся в архиве Следственной Комиссии при В. Ц. И. К., нами полностью не использован, да и на суде фигурировала лишь незначительная по количеству, зато самая существенная часть, заключенная в двух об'емистых томах.

При выборке документов, памятуя о бумажном кризисе, мы руководствовались тем соображением, насколько важен тот или иной документ для выяснения общей картины мятежа: как он подготовлялся, в каких формах протекал, какова была политическая ситуация и каким образом был он ликвидирован. Наоборот, все, что в этом смысле оказывалось непоказательным, нами опущено. Так, например, мы вовсе не поместили показаний Зайцева, в виду того, что свидетель говорит исключительно о личности Якова Блюмкина, причем факты, компрометирующие личность Блюмкина, проверке не поддаются. Опущено несколько строк из показаний тов. Ф. Э. Дзержинского, в которых он передает рассказы третьих лиц о том же Блюмкине, также не поддающиеся проверке. Наконец мы старались освободиться от излишних повторений.

Чтобы облегчить читателю разобраться, мы весь материал, под соответствующими заголовками и подзаголовками, расположили во временной последовательности событий, что, конечно, по характеру самих документов выдержать вполне невозможно. Не располагать же было документы в том случайном порядке, в каком они пришиты к делам!

Остается указать на литературу, имеющуюся по вопросу о мятеже левых эсеров. Из периодических изданий — укажем на «Правду», «Известия» и «Волю труда»—орган отколовшейся сейчас же после 6—7 июля группы л. с.-р. интернац.

1) Стенографические отчеты Четвертого и Пятого С'ездов Советов раб., крестьянск., солдатск. и казач. депутатов—Издание В. Ц. И. К.

Примечание. Речи лидеров партии левых эсеров как четвертого, так и пятого с'ездов приложены к делу о мятеже левых эсеров. Четвертый с'езд содержит теоретические предпосылки восстания, пятый съезд—совпадает с восстанием.

2) *Лев Троцкий* и *Г. Зиновьев*. «Мятеж левых эсеров». Издание Петроградского Совета, 1918. Петроград.

3) *Г. Устинов*. «Крушение партии л. с.-р.». Изд. В. Ц. И.К. 1918 г. Москва.

4) *К. П. Новицкий* (К. Петровин). «От самодержавия к диктатуре пролетариата». Государственное издательство. 1920 г. Москва.

5) *М. Лацис*. «Два года борьбы на внутреннем фронте». Государственное издательство. 1920 г. Москва.

6) *Ю. Стеклов*. «Год борьбы за социалистическую революцию». Ч. II. Изд. В. Ц. И. К. 1919 г. Москва.

7) *Е. Ярославский*. «Трехсвятительская богородица Мария». Изд. В. Ц. И. К. Москва. 1919 г.

8) *К. Радек*. «Международное положение и внешняя политика Советской Власти». Изд. В. Ц. И. К. 1918 г.

9) *Его же* статья в сборнике «Октябрьский переворот и диктатура пролетариата». Госуд. Издат. Москва. 1919 г.

На этом можно бы закончить список, но для полноты мы приведем так же лево-эсеровские источники:

1) «Социалистическая Россия» («La Russie socialiste») издана в Женеве на французском, немецком и английском языках в 1918 году.

2 и 3) Резолюции Третьего и Четвертого С'ездов Партии Л. С.-Р. Первая книга вышла нелегально, вторая—издание «Рев. социализм». Москва. 1918 г.

4) *М. А. Спиридонова*. «Письмо к Центральному Комитету большевиков». Издано нелегально.

5) Сборник «Вокруг московских июльских событий», изд. «Рев. социализм». Саратов. 1918 г.

Июльские дни не остались без отклика и в белогвардейском стане. Вот книга *Д. Сидорова*: «Организованные расстрелы общественных деятелей в московской Бутырской тюрьме». (Рассказ спасшегося от расстрела поручика Д. А. Сидорова). Ростов-на-Дону. Типогр. Т-ва Обновление. 1919 г.

В этой книге любопытно указание на связь лево-эсеровских лидеров с белогвардейской организацией «Спасение России».

П. М.

---

1. Приготовления к выступлению.

I.

Протокол заседания Ц. К. 24 июня.

В своем заседании от 24 июня Ц. К. П. Л. С.-Р. интернационалистов, обсудив настоящее политическое положение Республики нашел, что в интересах русской и международной революции необходимо в самый короткий срок положить конец так называемой передышке, создавшейся благодаря ратификации большевистск. правит. Брестского мира. В этих целях Ц. Комитет партии считает возможным и целесообразным организовать ряд террористических актов в отношении виднейших представителей германского империализма; одновременно с этим Ц. К. партии постановил организовать для проведения своего решения мобилизацию надежных военных сил и приложить все меры к тому, чтобы трудовое крестьянство и рабочий класс примкнули к восстанию и активно поддержали партию в этом выступлении. С этой целью к террористическим актам приурочить об'явление в газетах участие нашей партии в украинских событиях последнего времени, как-то: агитацию кр. и взрыв оружейных арсеналов.

М. Спиридонова, член Ц. К. П. Л. С.-Р.

Время проведения в жизнь намеченных первых двух постановлений предполагается установить на следующем заседании Ц. К. партии.

Кроме того, постановлено подготовить к настоящей тактике партии все местные организации, призывая их к решительным действиям против настоящей политики С. Н. К.

Что касается формы осуществления настоящей линии поведения в первый момент, то постановлено, что осуществление террора должно произойти по сигналу из Москвы. Сигналом таким может быть и террористический акт, хотя это может быть заменено и другой формой.

Для учета и распределения всех партийных сил при проведении этого плана Ц. К. партии организует Бюро из трех лиц (Спиридонова, Голубовский и Майоров).

В виду того, что настоящая политика партии может привести ее помимо собственного желания к столкновению с п. большевиков, Ц. К. партии, обсудив это, постановил следующее:

Мы рассматриваем свои действия, как борьбу против настоящей политики С. Н. Комиссаров и ни в коем случае, как борьбу против большевиков.

Однако в виду того, что со стороны последних возможны агрессивные действия против нашей партии, постановлено в таком случае прибегнуть к вооруженной обороне занятых позиций.

А чтобы в этой схватке партия не была использована контр-революционными элементами, постановлено немедленно приступить к выявлению позиции партии, к широкой пропаганде необходимости твердой, последовательной интерн. и революционно-социалистической политики в Советской России.

В частности предлагается Комиссия из 4-х товарищей: Камкова, Трутовского, Карелина .... выработать лозунги нашей тактики и очередной политики и поместить статьи в центр. органе партии.

Голосование было в некоторых пунктах единогласное, в некоторых против 1 или при 1 воздержавшемся.

М. Спиридонова.

II.

Командир Отряда
Особого Назначения Дружины
Всероссийской Боевой Организации
партии левых социалистов революц.
(интернационал.)
При Московском Областном Военном
Комиссариате.
3-го июля 1918 г.
№ 25.

Удостоверение.

Дано настоящее удостоверение Штабом Отряда Особого Назначения при Московском Областном Военном Комиссариате члену Боевой Дружины тов. Петру *Овсянкину* в том, что он командируется означенным Штабом в г. *Витебск* для приемки, отправки, погрузки и сопровождения дружинников (400) чел. в гор. *Москву* в распоряжение Штаба отряда.

Все железнодорожные, государственные и общественные организации и учреждения просим оказывать ему (Овсянкину) всяческое содействие.

Командир Отряда.

Делопроизводитель.

Печать.

III.

Российская Федеративная
Советская Республика.
Союз Коммун Северной Области.
Отдел Наружной Охраны
Комиссариата по Внутренним Делам.
4 июля 1918 г.
№ 1086.
Петроград.

Удостоверение.

Отдел Наружной Охраны срочно командирует Отряд дружины в 80 чел. под начальством тов. *Терентьева* в Москву в распоряжение Главного Штаба боевой охраны левых с.-рев.

Комиссар-по-Внутренним делам
Союза Коммун
Северной области. (Подпись неразборчива).
Заведующий Отделом (подпись неразборчива).
Секретарь (подпись неразборчива).

Печать.

IV.

Проект формирования боевых дружин.

Все члены должны состоять в одной из боевых дружин армии по своему выбору и желанию или по месту жительства.

Вся армия членов делится на боевые дружины, число их не ограничено.

Дружина есть основная боевая тактическая революционная единица, спаянная солидарностью мысли, общностью достижения цели, товарищеской честью и дисциплиной.

В основу соединения и организации дружины положено звено из семи человек, друг друга знающих и по духу родственных товарищей членов партии.

Дружина, для лучшего управления и действия, делится на 4 взвода.

Взвод составляется из двух отделений.

Отделение составляется из двух звеньев.

Звенья, отделения, взводы и вся дружина управляется выборными начальниками, избранными общим составом дружины.

Дружина из своей среды общим постановлением повзводно выбирает и формирует:

1) отделение пулеметчиков,
2) » гранатчиков-подрывников,
3) » разведки и связи,
4) административно-хозяйственных исполнителей и руководителей дел дружины.

Штат боевой дружины.

Боевой состав.		Вооружение.
1) Командир дружины	1,	револьвер, 35 револьв. патронов.
2) » взводов	4,	» 140 » »
3) » отделений	8,	винтовки по 120 патронов.
4) Старших звеньев	16,	» » 120 »
5) Членов дружинников	96,	» » 120 »

125. 5 револьв., 175 револьв. патрон.,
120 винтовок, 14400 руж. патрон.

Пулеметное отделение.

1) Командир отделения	1,	револьвер,	35	патрон.
2) Начальников пулеметов	2,	»	70	»
3) Наводчиков	4,	карабин., по	60	»
4) Подносчиков	4,	» »	60	»
5) Помощников наводчиков	4.	» »	60	»

15 человек. 3 револьв., 105 револьв. патр.
12 карабинов, 720 ружейн. патр.

Боевое пулеметное имущество.

Пулеметов Максима	2
Коробок с лентами	20
Патронов для лент запасных	500000

Принадлежности и приборы полностью и запасные части и
Принадлежности и приборы и полностью запасн. части на каждый.

Двуколок дышловых	1.
» патронных	2.
Лошадей	5 (1 верховая).

Отделение гранатчиков.

1 командир отделения	1	револьвер	35 патронов.
Старших звеньев	2	»	по 35 »
Гренадер подрывников	12	»	» 35 »

15 чел., 15 револьвер., 315 патронов.

Все гранатчики вооружены, кроме того, бомбами по восьми штук и подрывное имущество имеют по особой табели.

Отделение разведки и связи.

1 командир отделения	1	револьв., 35	патронов	револьв.
Старших разведчиков	1	карабин. 60	»	ружейн.
Разведчиков	6	» по 60	»	»
Старший телефонист	1	револьв., 35	»	револьв.
Телефонистов	6	» по 35	»	»
Старший посыльный	1	» » 35	»	»
Самокатчиков	10	» » 35	»	»
Мотоциклистов	2	» » 35	»	»

28 чел., 21 револьв., 735 револьв. патрон.
7 карабин., 420 ружейных патрон.

Кроме карабинов, разведчики вооружены 4 гранатами.

Административно-хозяйственные члены.

Оружейные мастера:	старший	1 револьв.,	35 патрон. револьв.	
	помощн.	1 »	35 »	»

Артельщиков.

По вещевому довольствию . . .	1 револьв.,		35 патрон.	револьв.
» продовольствию	1 »		35 »	»
Кашеваров	2 »	по	35 »	»

Канцелярия.

Секретарь, делопроизводителя	1 револьв.,		35 патрон.	рев.
Писарей	2 »	по	35 »	»
Литографщиков	1 »		35 »	»

10 челов., 10 револьв., 350 патронов револьв.

Всего членов 193, 54 револьверов. 1680 патронов револьв.
139 винтовок, 15540 ружейных патрон.

Дружина формируется по следующему способу. Главный Боевой Штаб получает сведения от политического Штаба (Центрального Комитета, районных комитетов или партийного коллектива) о числе партийных работников района, месте нахождения и другие важные политические и стратегические данные, Высшая Коллегия Совета Боевого Штаба постановляет о формировании дружины и делает распоряжение о созыве собрания членов вновь мобилизуемых. Со дня первого собрания, в течение трех недель, дружина или ее основание—кадр должен быть сформирован и вполне обучен.

Дружина может только формироваться, если число членов не менее 35 человек. Члены менее данного числа Штабом приписываются и вводятся в корпорацию ближайшей дружины целой или ее части. Причисление к дружине возможно только с общего согласия заинтересованных двух сторон и засвидетельствовано их протоколами.

Основание (кадр) дружины Штабом считается и принимается, как тактическая единица, вполне готовая вести самостоятельный бой—это взвод.

После сформирования взвода объявляется о сформировании, утверждается, принимается на учет, получает свой номер, свое знамя и в дальнейшем своем развертывании действует самостоятельно, уведомляя только Штаб об успешности и о количестве своего пополнения каждовременно.

Члены района, числом в 35 человек, по вызову Штаба и под руководством его созывают общее собрание, на котором должны принять единогласно штат дружины, устав, условие службы и тогда только приступают к выборам своих руководителей: 1) одного взводного и 2) двух отделенных путем голосования, причем за каждого руководителя должно быть подано не менее двух третей голосов; тогда таковой считается избранным и Советом Штаба утверждается.

Оставшиеся члены группируются в звенья по 7 человек. Группирование должно происходить только по обоюдному соглашению и желанию совместного служения в звенье. Лица должны быть знако-

мы друг с другом, верить и надеяться друг на друга и действительно были бы товарищами в полном значении этого слова.

Выделившиеся звенья, каждое самостоятельно, из своей среды выдвигают и ставят над собой руководителя (старшего звенья). Разбивка на звенья и назначение старших помимо самого звенья ни в коем случае не допускается ни с чьей стороны. В дальнейшем звенья группируются по обоюдному соглашению, сговору и желанию в отделении. Каждое отделение принимает и ставит во главе себя для руководства одного или двух отдельных выбранных перед тем общим голосованием. Приглашение и желание работать с избранными отделенным, двумя звеньями, должно быть явно выражено и запротоколено всеми членами отделения. С этого момента отделение находится в полнейшем подчинении у своего командира в делах и интересах партии.

После принятия руководства отделением командиры запротоколивают полное свое и всех членов своих отделений принятие руководительства, дисциплины и полнейшего подчинения в целях партии своему избранному взводному командиру.

V.

Проект штатов *) отряда назначения дружины всероссийской боевой организации партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов) при Московском военном областном комиссариате.

Наименование должностей и предметов.	Количество лиц и предметов.	Примечание.
Штаб и канцелярия отряда.		
Командир отряда	1	
Помощник его	1	
Делопроизводитель	2	
Заведующий хозяйствен. отделом	1	
Помощник его	2	
Казначей	1	
Заведующий оружием	1	
Помощник его	1	
Писарей	8	
Машинистов	2	
Вестовых и канцелярской прислуги	7	
Пехота (2 роты).		
Командиров роты	2	
» полуроты	4	
» взводов	8	
» отделений	16	
Дружинников	370	

*) Временно утверждено 22/VI 1918 г. Московским Областным Комиссариатом по военным делам.

Наименование должностей и предметов.	Количество лиц и предметов.	Примечание.
Эскадрон кавалерии.		
Командиров эскадрона	1	
» взвода	2	
Дружинников конных	60	
Пулеметчиков и коноводов	20	
Лошадей	65	
Пулеметов вьючных (Кольта)	2	
Пулеметная команда.		
Командиров пулеметной команды	1	
Помощников его	2	
Пулеметчиков	56	
Пулеметов	8	
Лошадей вьючных	24	
» верховых	3	
Артиллерия (2 орудия).		
Командиров взвода	1	
Начальников орудия	2	
Орудийной прислуги	24	
Для связи, наблюдений и разведки	4	
Фуражиров	1	
Коноводов	3	
Лошадей орудийных	12	
» для зарядных ящиков	21	
» командному составу	3	
Ящиков зарядных	4	
Броневой отряд (2 бронев.).		
Броневик с орудиями и пулеметом	1	
» с пулеметом	1	
Шофферов	2	
Помощников шофферов	2	
Артиллеристов	2	
Пулеметчиков	8	
Служба связи.		
Начальников связи	1	
Телефонистов	15	
Конюхов	1	
Аппаратов	5	
Кабель на верст	15	
Катушек	5	
Двуколок телефонных	1	
Лошадей	1	
Санитарный отряд.		
Докторов	1	
Фельдшеров	1	

Наименование должностей и предметов.	Количество лиц и предметов.	Примечание.
Сестер милосердия	2	
Санитаров	8	
Санитарных двуколок	2	
Лошадей	6	

Отрядный обоз.

Заведующий обозом	1	
Конюхов	21	
Шофферов	3	
Помощников шофферов	3	
Парных патронных двуколок	6	
Фургонов парных (нем. образца)	6	
Ротных двуколок	3	
Хозяйственных двуколок парных	4	
Лошадей	44	
Автомобилей легковых	1	
» грузовых	2	
Кухонь походных двухкотловых	4	
Кипятильников	3	

Пояснительная записка.

Людей	675	
Лошадей	198	
Орудий	2	
Ящиков зарядных	4	
Пулеметов	10	
Аппаратов телефонных	5	
Кабеля на верст	15	
Катушек	5	
Двуколок телефонных	1	
» санитарных	2	
» патронных парных	6	
» хозяйственных парных	5	
» ротных	3	
Фургонов парных (нем. образца)	6	
Автомобилей грузовых	2	
Кухонь походных двукотловых	4	
Кипятильников	3	

Подписал: Военный комиссар Московского Военного Округа *Н. Муралов.*

Скрепил: Управляющий делами *Бурдуков.*

С подлинным сверял и верно:

Член Главного штаба Всероссийской боевой организации партии левых соц.-революционеров (интернационалистов)

Подпись неразборчива.

2. Мятеж.

I.

Убийство графа Мирбаха.

а) Документы, с которыми Блюмкин явился в Германское Посольство.

201.

РОССІЙСКАЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ
ФЕДЕРАТИВНАЯ СОВЕТСКАЯ
РЕСПУБЛИКА.
ВСЕРОССІЙСКАЯ
ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ КОМИССІЯ
ПО БОРЬБЕ
С КОНТР-РЕВОЛЮЦІЕЙ и СПЕКУЛЯЦІЕЙ
при совете
Народных Комиссаров

„6“ Іюля 1918 г.
№ 1428
МОСКВА, Б. Лубянка, 11
№ ТЕЛЕФ. ....

Отдѣлъ Секретный.

УДОСТОВѢРЕНІЕ.

Всероссійская Чрезвычайная Комиссія уполномачиваетъ ея члена Якова Блюмкина и представителя Революціоннаго Трибунала Николая Андреева войти въ переговоры съ Господиномъ Германскимъ Посломъ въ Россійской Республикѣ по поводу дѣла, имѣющаго непосредственное отношеніе къ Господину Послу.

Предсѣдатель Всероссійской Чрезвычайной Комиссіи: Ф. Дзержинскій

Секретарь: Ксенофонтов

Отдел Секретный.

№ 1.

Российская
Социалистическая Федеративная
Советская Республика.

ВСЕРОССИЙСКАЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ КОМИССИЯ
по борьбе
с контр-революцией и спекуляцией
при Совете
Народных Комиссаров.

6 июля 1918 г.
№ 1428.
Москва, Б. Лубянка, 11
№ телеф.

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Всероссийская Чрезвычайная Комиссия уполномочивает ее члена Якова Блюмкина и представителя Революционного Трибунала Николая Андреева войти в переговоры с Господином Германским Послом в Российской Республике по поводу дела, имеющего непосредственное отношение к Господину Послу.

Председатель Всероссийской Чрезвычайной Комиссии:

Ф. Дзержинский *).

Печать. Секретарь: *Ксенофонтов* **).

№ 2.

Аналогичный заголовок на Датском языке.	КОРОЛЕВСКОЕ ДАТСКОЕ ГЕНЕРАЛЬНОЕ КОНСУЛЬСТВО въ Москве.

№ 33529. *Москва, 17 июня 1918.*
Малый Харитоньевский пер., д. № 12.

В ВСЕРОССИЙСКУЮ ЧРЕЗВЫЧАЙНУЮ КОМИССИЮ
по борьбе с контр-революцией, саботажем и спекуляцией.

Здесь.

Настоящим Королевское Датское Генеральное Консульство доводит до сведения Всероссийской Чрезвычайной Комиссии, что аре-

---

*) Подпись тов. Дзержинского подделана, см. стр. 191 и 227. *Прим. ред.*

**) 31-го сего июля членом Особой Сл. Комиссии по делу левых эсеров В. Кингисеппом мне предъявлено удостоверение ВЧК от 6 июля 1918 г. за № 1428, уполномочиваю еще Якова Блюмкина и Николая Андреева войти в переговоры с Германским послом в Росс. Республике; заявляю, что подпись секретаря на сем удостоверении подложна: я такого удостоверения не подписывал.

31 VII 1918 г. *Ксенофонтов.*

Det Kongelige Danske Generalkonsulat i Moskva. — Королевское Датское Генеральное Консульство въ Москвѣ

№ 33529

Moskva, Москва, 17 іюня 1918.

Малый Харитоньевскій пер., д. № 12.

Въ Всероссійскую Чрезвычайную Коммиссію по борьбѣ съ контръ-революціей, саботажемъ и спекуляціей

здѣсь.

Настоящимъ Королевское Датское Генеральное Консульство доводитъ до свѣдѣнія Всероссійской Чрезвычайной Коммисіи, что арестованный офицеръ австро-венгерской арміи графъ РОБЕРТЪ МИРБАХЪ согласно письменному сообщенію Германскаго Дипломатическаго Представительства въ Москвѣ, адресованному на имя Датскаго Генеральнаго Консульства, въ дѣйствительности состоитъ членомъ семьи родственной Германскому Послу графу МИРБАХУ поселившейся въ Австріи.

(подпись)

КОРОЛЕВСКІЙ ДАТСКІЙ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОНСУЛЪ

стованный офицер Австро-Венгерской армии граф Роберт Мирбах, согласно письменному сообщению Германского Дипломатического представительства в Москве, адресованному на имя Датского Генерального Консульства, в действительности состоит членом семьи, родственной Германскому Послу графу Мирбаху, поселившейся в Австрии.

(Подпись).

Королевский Датский Генеральный Консул.

Печать.

№ 3.

Королевское
Датское Генеральное Консульство
в Москве,
Москва, 26 июня 1918.
Малый Харитоньевский пер., д. № 12.
№ 34389.

В Всероссийскую Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем.

Здесь.

Королевское Датское Генеральное Консульство настоящим честь имеет обратиться в Чрезвычайную Комиссию с покорнейшею просьбою не отказать в сообщении, согласна ли Комиссия освободить из-под ареста австрийского военно-пленного графа Мирбаха, при условии гарантии со стороны Консульства в том, что упомянутый граф Мирбах по первому требованию впредь до окончания следствия явится в Чрезвычайную Комиссию.

Королевский Датский Генеральный Консул

Подпись: *Гакстгаузен.*

Печать.

Det Kongelige Danske Generalkonsulat i Moskva.

Королевское Датское Генеральное Консульство въ Москвѣ.

№ 33441. Moskva, Москва, 15-го Iюня 1918

Малый Харитоньевскій пер., д. № 12.

Москва, 15 июня 1918 года. № 4. № 33441.

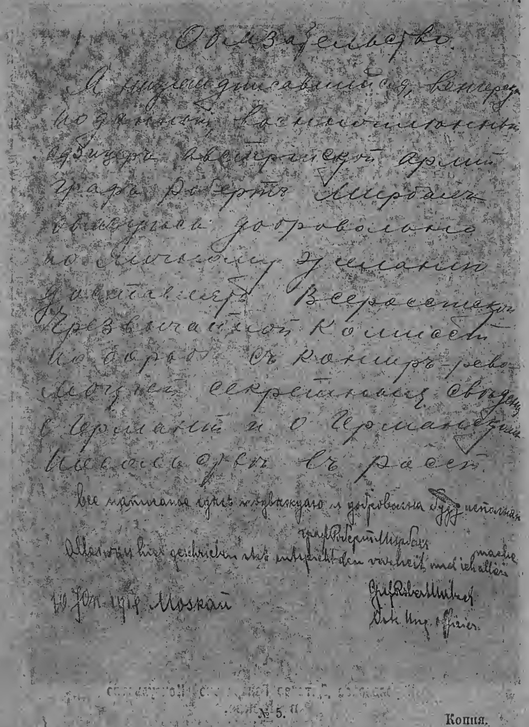
Королевское Датское Генеральное Консульство
в Москве.

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Королевское Датское Генеральное Консульство сим удостоверяет, что оно уполномочило предъявителя сего представителя Консульства господина Евгения *Янейка* вести переговоры с Чрезвычайной Следственной Комиссией по делу арестованного офицера австрийской армии графа Мирбаха.

Королевский Датский Генеральный Консул

Печать. Подпись: *Гакстгаузен.*

Обязательство.

№ 5.

Копия.

ОБЯЗАТЕЛЬСТВО.

Я нижеподписавшийся. Германский подданный, военнопленный офицер Австрийской армии *Роберт Мирбах*, обязуюсь добровольно, по личному желанию доставить Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контр-революцией секретные сведения о Германии и о Германском посольстве в России.

Все написанное здесь подтверждаю и добровольно исполнять.

Граф *Роберт Мирбах.*

На подлинном есть аналогичная надпись на немецком языке.

Подлинник хранится в несгораемом ящике при Всероссийской Чрезвычайной Комиссии.

Я. Г. Блюмкин, заведующий секретным отделением отдела по борьбе с контрреволюцией В. Ч. К.

II.

а) Описания акта.

№ 1.

1918 года июля 7 дня я, инспектор Московской Уголовно-Розыскной милиции Ксаверьев, собирая сведения по делу убийства посла Германского Правительства графа Вильгельма Мирбаха, сего числа явился в посольство, что в доме № 5 по Денежному пер., где опрашивал ад'ютанта военного агента лейтенанта Леонгарта *Мюллера* который по настоящему делу мне об'яснил следующее: Вчерашнего числа, около 3-х часов пополудни, меня пригласил первый советник посольства доктор Рицлер присутствовать в приемной при приеме двух членов из Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контр-революцией. При этом у доктора Рицлера имелась в руках бумага от председателя этой комиссии Дзержинского, которой двое лиц уполномочивались для переговоров по личному делу с графом Мирбахом. Войдя в вестибюль с доктором, я увидел двух лиц, которых доктор Рицлер пригласил в одну из приемных (малинового цвета) на правую сторону особняка. Один из них смуглый брюнет с бородой и усами, большой шевелюрой, одет был в черный пиджачный костюм. С виду лет 30—35 с бледным отпечатком на лице, тип анархиста. Он отрекомендовался Блюмкиным. Другой рыжеватый, без бороды, с маленькими усами, худощавый, с горбинкой на носу. С виду также лет 30. Одет был в коричневатый костюм и кажется в косоворотку цветную. Назвался Андреевым; а по словам Блюмкина, является предателем Революционнаго Трибунала. Когда все мы четверо уселись возле стола, Блюмкин заявил доктору Рицлеру, что ему необходимо переговорить с графом по его личному делу! Требование свое Блюмкин повторил несколько раз и, несмотря на заявления доктора Рицлера, что он уполномочен и на секретные переговоры, оставался при своем первоначальном требовании. Имея в виду сведения о покушении на жизнь графа, о чем нам было известно от Гинча, доктор Рицлер отправился к графу и в скором времени вернулся с графом. В данном случае доктором Рицлером руководило, повидимому, предположение, что приезд двух членов из Чрезвычайной Комиссии связан непосредственно с дознанием о возможности покушения на жизнь графа Мирбаха. Уж в малой приемной для меня стало известно со слов Блюмкина, что визит их связан с процессом одного Венгерского офицера графа Роберта Мирбаха и когда на слова Блюмкина посол ответил, что он ничего не имеет общего с упомянутым офицером, что это для него совершенно чуждо и в чем именно заключается суть дела, Блюмкин ответил, что через день будет это дело поставлено на рассмотрение Трибунала. Посол и при этих словах оставался пассивен; тогда сзади сидевший рыжеватый мужчина обратился к брюнету с замечанием: повидимому, послу угодно знать меры, которые могут быть приняты против

него. Повидимому, эти слова являлись условным знаком, так как брюнет, повторив слова рыжеватого мужчины, вскочил со стула, выхватил из портфеля револьвер и произвел по нескольку выстрелов в нас троих, начиная с графа Мирбаха, но промахнулся. Граф выбежал в соседний зал и в этот момент получил выстрел на пролет пулю в затылок. Тут же он упал. Брюнет продолжал стрелять в меня и доктора Рицлера. Я инстинктивно опустился на пол и когда приподнялся, то тотчас же раздался оглушительный взрыв от брошенной бомбы. Посыпались осколки бомбы, куски штукатурки. Я вновь бросился на пол и приподнявшись увидел стоявшего доктора, с которым кинулись в залу и увидели лежавшего на полу в луже крови без движений графа. Тут же вблизи на полу лежала вторая неразорвавшаяся бомба и в расстоянии примерно 2—3 шагов в полу большое отверстие — следы взорвавшейся бомбы. Оба преступника успели скрыться через окно и уехать на поджидавшем их автомобиле. Выбежавшие из дверей под'езда слуги крикнули страже стрелять, но последняя стала стрелять слишком поздно и этим дала возможность скрыться безнаказанно убийцам. Скрываясь от преследования, злоумышленники забыли свой портфель с бумагами по делу графа Мирбаха и другими документами, бомбу в том же портфеле, портпапиросник с несколькими папиросами, револьвер и свои две шляпы. Теперь скажу относительно Гинча. Это лицо занимающееся в каком-то кинематографическом деле. Недели 4—5 тому назад, а, быть-может, и больше, утвердительно сказать затрудняюсь, в посольство наше явился этот Гинч и передал заведующему канцелярией г. Вухерфенику, что на графа Мирбаха партией «Союз Союзов» готовится покушение на убийство. Об этом доктором Рицлером было сообщено в Комиссариат по Иностранным делам, который в свою очередь уведомил Чрезвычайную Комиссию. Там же не придавали этим заявлениям никакого значения. Прошло некоторое время и Гинч вновь явился в посольство с однородными сведениями. Я и Гинч ездили в Метрополь для переговоров с председателем Чрезвычайной Комиссии Дзер-

Н. А. Андреев — фотограф в секретном отделении Отдела по борьбе с контрреволюцией ВЧК.

жинским, который отнесся с недоверием к заявлению Гинча, хотя тот прямо говорил ему, что в этом деле замешаны и члены Комиссии. Не далее как вчера, 6 июля, доктор Рицлер ездил в Комиссариат по Иностранным делам и просил Карахана обратить особенное внимание на неперестающие циркулировать слухи о покушении на убийство графа Мирбаха. Это тем более являлось настоятельным в глазах чинов посольства, что дней 10 тому назад являлся тот же Гинч и говорил определенно, что между 5 и 6 июля может случиться покушение.

Лейтенант *Л. Г. Мюллер.*

Инспектор: подпись неразборчива.

Перевод.

Москва, 7/VII, 1918 г.

№ 2.

Описание покушения 6/7 июля 1918 г. в германском посольстве в Москве.

Около 1/2 3 ч. после обеда зашел ко мне советник посольства гр. Бассевитц и сообщил, что пришли двое членов Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контр-революцией, которых намерен принять тайный советник д-р Рицлер и чтобы я при этом присутствовал. Когда я встретился с д-ом Рицлером, у него в руках было удостоверение этих лиц, подписанное председателем комиссии, всемогущим Дзержинским, которое гласило, что член этой комиссии Блюмкин и член Суда Трибунала Андреев уполномочены вести переговоры с посланником по чисто личному делу.

Д-р Рицлер и я вышли в приемную, где оба лица сидели, и провели их через вестибюль и зал в приемную, где мы уселись. Блюмкин засим об'яснил, что получил от Дзержинского строгое предписание говорить по этому чисто личному делу с графом лично.

Д-р Рицлер ответил, что он в качестве первого советника посольства уполномочен вести все переговоры вместо графа, в том числе и личного свойства. Блюмкин ответил, что он обязан придерживаться определенного своего поручения, но на вопрос д-ра Рицлера, удовлетворится ли он письменным уполномочием графа, он ответил утвердительно. После этого д-р Рицлер покинул приемную и вскоре вернулся в сопровождении посла. Блюмкин после этого вынул из своего портфеля большое количество подлинных документов и об'яснил, что он должен с послом переговорить по поводу дела некоего графа Роберта Мирбаха, лично графу незнакомого члена отдаленной, венгерской ветви его семьи, за которого якобы уже ходатайствовал граф Мирбах и датский генеральный консул. Этот Роберт Мирбах будто бы

замешан в каком-то деле о шпионаже. Разговор, касающийся этого дела, продолжается около пяти минут, при чем были представлены документы, подписи коих посольству были хорошо известны, как, например, подпись датского генерального консула Гакстгаузена. Когда д-р Рицлер предложил графу Мирбаху прекратить переговоры и дать письменный ответ через комиссара Карахана, — второй посетитель, до сих пор только слушавший и сидевший в стороне, сказал, что мы, повидимому, хотим узнать, какие меры будут приняты со стороны Трибунала по делу графа Роберта Мирбаха, на каковой вопрос, при его повторении со стороны Блюмкина, граф Мирбах ответил утвердительно.

У меня теперь такое чувство, что этот вопрос явился условленным знаком для начала действия.

Со словами «это я вам сейчас покажу», стоящий за большим тяжелым столом Блюмкин опустил руку в портфель, выхватил револьвер и выстрелил через стол сперва в графа, а потом в меня и д-ра Рицлера. Мы были так поражены, что остались сидеть в своих глубоких креслах. Мы все были без оружия.

Граф Мирбах вскочил и бросился в зал, при чем его взял на прицел другой спутник; второй направленный в меня выстрел я парировал, что я внезапно нагнулся. Первый посетитель продолжал стрелять и за прикрытием тяжелой мебели бросился также в зал. Один момент после этого последовал взрыв первой бомбы, брошенной в зал со стороны окон (приемная соединена с залом большим отверстием без дверей). Оглушительный грохот раздался вследствие падения штукатурки стен и осколков разгромленных оконных стекол. Вероятно, отчасти вследствие давления воздуха, отчасти инстинктивно, д-р Рицлер и я бросились на пол. После нескольких секунд мы бросились в зал, где граф Мирбах, обливаясь кровью из головной раны, лежал на полу; в некотором отдалении от него лежала невзорвавшаяся бомба. Оказалось, что злоумышленники тем временем выскочили в окно и вскочили в ранее заготовленный и находящийся в движении автомобиль.

Мюллер.

Лейтенант запаса, прикомандированный в качестве военного атташе при немецком дипломатическом корпусе в Москве.

Перевод.

№ 3.

В субботу, приблизительно в $3\frac{1}{2}$ час. после обеда, двое уполномоченных г. Дзержинского просили о личном свидании с графом Мирбахом по личному делу. Оба были снабжены удостоверениями г. Дзержинского для их поручения. Я принял обоих в присутствии лейтенанта Мюллера в качестве переводчика. Первый из них об'яснил, что ему непременно поручено об этом деле переговорить с графом Мирбахом, так как это дело личное.

и не может уклоняться от этого приказания. Я ему ответил, что граф не принимает. Но я, как старший чин посольства, уполномочен принимать и личные сообщения. Если он требует для этого письменного уполномочия графа, то я могу ему таковое доставить. Докладчик заявил, что он согласен, еще раз получив от лейтенанта Мюллера уверение, что я и есть д-р Рицлер. Я пошел к графу и попросил его о таковом письме. Но граф решился сам выйти к ним. Мы уселись, и докладчик разложил на мраморном столе свое производство. Граф Мирбах, я и лейтенант Мюллер уселись напротив его, другой пришедший сел несколько подальше, у дверей. Докладчик, на основании некоторых документов из дел комиссии по борьбе с контр-революцией изложил дело графа Роберта Мирбаха, арестованного несколько недель до того означенной комиссией, арестован по нашим сведениям по ничтожным совершенно причинам. Хотя гр. Роберт Мирбах лично неизвестен послу гр. Мирбаху и является только очень отдаленным родственником его, посол гр. Мирбах еще до того делал со своей стороны представления об его деле. Так как мне объяснения докладчика Чрезвычайной Комиссии показались крайне неясными, то я заявил гр. Мирбаху, что лучше всего будет дать ответ по этому делу через Карахана. После краткого замечания на русском языке сидящего позади спутника докладчик быстро вынул, стоя за столом, большой револьвер и дал выстрел в графа Мирбаха и немедленно за сим несколько выстрелов в меня и Мюллера. Граф Мирбах вскочил, бросился в большой зал, куда за ним последовал спутник делегата, между тем как тогда под прикрытием мебели, продолжал стрелять в нас, а потом кинулся за графом. Один момент после этого взорвалась бомба в зале, которая, оказалось, совершенно разгромила зал. Мы бросились на пол, а через несколько секунд последовали за графом и нашли его лежащим на полу. Граф был поражен смертельно.

Рицлер.

III.

Лево-эсеровская агитация среди населения.

№ 1.

В борьбе обретешь ты право свое.

Партия левых социалистов-революционеров.

Ко всем рабочим и красноармейцам.

Палач трудового русского народа, друг и ставленник Вильгельма гр. Мирбах убит карающей рукой революционера по постановлению Ц. К-та партии левых социалистов-революционеров.

Как раз в этот день и час, когда окончательно подписывался смертный приговор трудящимся, когда германским помещикам и капиталистам отдавалась в виде дани земля, золото, леса и все

богатства трудового народа, когда петля затянулась окончательно на шее пролетариата и трудового крестьянства,—убит палач Мирбах.

Немецкие шпионы и провокаторы, которые наводнили Москву и частью вооружены, требуют смерти левым социалистам-революционерам.

Властвующая часть большевиков, испугавшись возможных

1. . . . . 2. Сирота секр. Ц. К. П. Л. С.-Р. 3. Чернявский, левый эсер, ответственный партийный работник. 4. Голубовский, член Ц. К. П. Л. С.-Р., член президиума В. Ц. И. К. IV созыва. 5. Н. Бойченко, член Ц. К. Укр. П. Л. С. С. 6. Б. Д. Камков, член Ц. К. П. Л. С.-Р. 6. И. В. Штейнберг, член Ц. К. П. Л. С.-Р. Наркомюст. 8. Карелин, член Ц. К. П. Л. С.-Р. 9, Фишман, член Укр. Ц. К. П. Л. С.-Р.

последствий, как и до сих пор, исполняют приказы германских палачей.

Все на защиту революции.

Все против международных хищников-империалистов.

Все на защиту борцов против германских насильников.

Вперед, работницы, рабочие и красноармейцы, на защиту трудового народа, против всех палачей, против всех шпионов и провокационного империализма.

Вперед к свержению германского империализма, морящего нас голодом.

Смерть всем насильникам и палачам империализма.

Позор всем, кто вместе с немецкими шпионами идут на подавление восставших против Вильгельма рабочих и крестьян.

Да здравствует восстание против палачей.

Смерть империалистам.

Да здравствует мировая социалистическая революция.

Ц. К-т партии левых социалистов-революционеров.

№ 2.

Товарищи железнодорожники.

По постановлению Ц. К. Партии Левых Социалистов-Революционеров убит палач русского народа, германский посол Мирбах и его сотрудники. Большая часть советских войск на стороне революции с нами.

Левые Социалисты-Революционеры продолжают линию октябрьской социалистической революции, борясь за свободные, независимые от цепей международного империализма Советы крестьянских и рабочих депутатов.

Лидеры большевистской партии, подпав под влияние германских капиталистов, продолжают свою преступную по отношению к трудящимся России политику.

По предписанию Ленина и Троцкого в Москве стягиваются военные отряды, для того, чтобы расстрелять всех Левых Социалистов-Революционеров.

У нас есть сведения, что против нас вооружаются германские военнопленные во всей Московской области. Может быть сделана попытка провести отряды немцев из Орши и других мест для борьбы с нами. Будьте на стороже.

Арестована т. М. Спиридонова и вся фракция с'езда Левых Социалистов-Революционеров.

Мы не хотим пролития братской крови.

Мы зовем тов. большевиков итти вновь вместе с нами по пути социалистической революции. Ц. К. Левых С.-Р. обращается к вам, тов. железнодорожники, с призывом не пропускать военных отрядов, вызванных Советом Народных Комиссаров. Вспомните, что десятки миллионов украинских крестьян, уничтожаемых беспощадно черной сотней и бандитами из Берлина и Вены, с трепетом прислушиваются к событиям Великороссии.

За них, за их страдания, убит был Мирбах.

Настал самый грозный, решительный час для революции. Будьте с нами, тов. железнодорожники.

Да здравствует власть Советов, власть рабочих и крестьян. Смертельная беспощадная борьба с международными империалистами.

Ц. К. Левых Социалистов-Революционеров.

№ 3.

В борьбе обретешь ты право свое.

Бюллетень № 1

Центрального Комитета Партии Левых Соц.-Революционеров.

В 3 часа дня 6 июля летучим боевым отрядом Партии Левых Соц.-Революционеров был убит посланник германского империализма, граф Мирбах и два его ближайших помощника в здании германского посольства.

При выполнении своего революционного долга ранен один товарищ; никто из посторонних не пострадал.

Председатель Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контр-революцией Дзержинский, явившийся производить следствие по делу Мирбаха, объявил арестованными двух членов Ц. К. П. Л. С.-Р. Прошьяна и Карелина, при чем заявил, что один из членов Ц. К. должен быть искупительной жертвой за Мирбаха. По постановлению Центрального Комитета Дзержинский задержан.

По постановлению Ц. К. П. Л. С.-Р. на время заседания Всероссийского Съезда Советов для руководства фракцией Л. С.-Р. и для защиты наших революционных позиций делегированы т.т. Спиридонова и Голубовский.

Центральный Комитет уверен, что ни одна рука рабочего и крестьянина не поднимется на личность наших товарищей.

Ц. К. П. Л. С.-Р. берет под свою защиту неприкосновенность всякого члена фракции Л. С.-Р. 5-го Съезда Советов.

Ц. К. П. Л. С.-Р. предупреждает население гор. Москвы, что всякие попытки темных и контр-революционных сил, белогвардейцев, германских и союзных провокаторов и шпионов, направленных к низвержению Советской власти, будут подавляться беспощадным образом.

Центральный Комитет Партии Левых Социалистов-Революционеров имеет в своем распоряжении данные, что гр. Мирбах пытался вооружить в Москве и провинции контр-революционные элементы и сосредоточил в Москве и Московском округе склады оружия, которым хотел вооружить военнопленных и белогвардейцев; далее гр. Мирбах пытался провести своих шпионов в советские учреждения и когда его племянник Мирбах был арестован Чрезвычайной Комиссией и увидал, что ему грозит расстрел, он предложил Чрезвычайной Комиссии свои услуги, как шпиона, между Советской властью и лагерем Мирбаха. Советская власть отклонила это предложение; в распоряжение Мирбаха был прислан из Германии известный русский провокатор Азеф для организации шпионажа, опознанный нашими партийными товарищами в Петрограде и Москве; под покровительством графа Мирбаха находились украинские провокаторы и шпионы, присланные для выслеживания наших товарищей, отправляющихся для нелегальной работы на Украину.

Эти шпионы, пользуясь полной безнаказанностью, не только систематически выслеживали все наши шаги по оказанию помощи украинским рабочим и крестьянам, но иногда и убивали наших товарищей в южных прифронтовых городах.

Советская власть оказывалась совершенно беспомощной перед шайкой Мирбаха, и Ц. К. принужден был устранить пользовавшегося безнаказанностью агента иностранного империализма,—явного контр-революционера.

Ц. К. уверен, что коммунисты, ведущие энергичную борьбу по борьбе с контр-революционерами, не станут защищать явного контр-революционера.

Спиридонова, делегированная на Съезд Советов, захвачена со всей фракцией Съезда, как заложница, и с ней многие видные члены Партии Левых С.-Р.

Боевым Штабом Левых С.-Р-ов арестованы вооруженные германские военнопленные, при допросе показавшие, что вооружение происходит в Кремле по приказанию Ленина большевиком Белокунь.

Исполнительный Комитет Партии Левых Социалистов-Революционеров имеет в своем распоряжении данные, что гр. Мирбах пытался вооружить в Москве и провинции контр-революционные элементы и сосредоточил в Москве и Московском округе склад оружия, которым хотел вооружить военнопленных и белогвардейцев; далее гр. Мирбах пытался провести своих шпионов в советские учреждения и когда его племянник Мирбах был арестован Чрезвычайной Комиссией и увидал, что ему грозит расстрел, он предложил Чрезвычайной Комиссии свои услуги, как шпиона, между Советской властью и лагерем Мирбаха. Советская власть отклонила это предложение; в распоряжение Мирбаха был прислан известный русский провокатор Азеф для организации шпионажа, опознанный нашими партийными товарищами в Москве и Петрограде; под руководством гр. Мирбаха находились украинские провокаторы и шпионы, присланные для выслеживания наших товарищей, отправляющихся для нелегальной работы на Украину. Эти шпионы, пользуясь полной безнаказанностью, не только систематически выслеживали все наши шаги по оказанию помощи украинским рабочим и крестьянам, но иногда убивали наших товарищей в южных прифронтовых городах. Советская власть оказывалась совершенно беспомощной перед шайкой Мирбаха, и Ц. К. принужден был устранить пользовавшегося безнаказанностью агента иностранного империализма, как явного контр-революционера.

Ц. К. уверен, что коммунисты, ведущие энергичную работу по борьбе с контр-революционерами, не станут защищать явного контр-революционера.

№ 4.

Воззвание Московскаго Областного Комитета Партии Левых Социалистов-Революционеров.

Фракция Л. С.-Р. и сочувствующих Всерос. Съезда Советов и В. Ц. И. К. имеет 450 человек, заявляет о своей солидарности с Ц. К. П. Л. С.-Р., в его решении не давать агентам всякого империализма свить гнезда контр-революции в пределах Советской России, в его решении бороться против осуществления германского мирного договора, который как мертвый хват душит русскую социалистическую революцию.

Фракция Л. С.- Р., состоящая из представителей с мест и представителей избранных уездными и губернскими Съездами Советов, целиком опирается на поддержку пославших их рабочих и трудового крестьянства и знает, что всякое посягательство на членов высшего органа Советской власти, стоящих за защиту социалистической революции, есть посягательство на власть рабочих и крестьян, фракция Л. С.-Р. Съезда Советов, мало заботясь о личной судьбе, с точки зрения принципиальной считает нужным заявить, что такое посягательство уже совершено: фракция взята заложником за убитого германского посла Мирбаха, арестована, находится в жандармской грубо-оскорбительной обстановке и что правительство будет за это перед трудовым народом отвечать.

Фракция Л. С.-Р. заявляет, что борьба со всяким империализмом, с военным, экономическим, политическим насилием и засилием со стороны германских, английских, французских и американских капиталистов и помещиков была и есть основной революционной задачей партии Л. С.-Р. и никакими репрессиями и казнями ее на этом пути не удержать. Сквозь строй штыков, виселицу и расстрелы проложит она свою дорогу. Теперь П. Л. С.-Р. вновь подняла разящий меч террора, но уже крепко опираясь на революционные массы—уже делая террор, вместе с классовой организацией, средством массовой борьбы и призывает к восстанию против всех насильников народных. Соглашательская политика большевистского правительства—с кем бы в союзе оно ни состояло—с капиталистами германскими, французскими, английскими, отечественными и другими—будет встречать активное противодействие. Защита большевистским правительством Советов германского империализма—Мирбаха и других; защита с оружием в руках против партии Л. С.-Р., убивающей этих Мирбахов, является роковым последствием соглашательской политики Советского правительства за последний месяц. Фракция заявляет, что братоубийственная вооруженная борьба большевиков и Л. С.-Р. лишь на руку международной и внутренней контр-революции, предлагает сделать возможное, чтобы обрушить все удары на общего всем революционным социалистам врага—помещиков, капиталистов, кулаков.

Крестьяне и рабочие! Ваша революция гибнет, хищники и насильники всего мира протянули руки к вашим лесным, водным и

земельным богатствам и к вашей свободе. Германия, Франция, Англия, сибиряки-капиталисты, Скоропадский, русские помещики и фабриканты—все кинулись на вас, схватив за горло. Союз с ними—петля для вас. Защита их и помощь им—смерть вам.

Трудовое крестьянство и рабочие! Ваше правительство запуталось в сетях международных империалистов. Оно выполняет договор с Германией, что значит уплата громадных денег, отдала на разработку капиталистам: землю, нефтяные источники и другие богатства земли, отдача железных дорог на постройку, это значит оставление Украины и Финляндии без помощи, оставление тамошнего трудового народа на вырезыванье, это значит рабство от помещиков, от купца и капиталиста. Мира нет. Идет война со всех сторон, защищайтесь все братья, крестьяне и рабочие, не давайте себя хлестать по глазам. Выдавайте, гоните отовсюду немецких, русских и всяких других капиталистов со всех мест. Помогите украинским крестьянам и рабочим, не отдавайте ни своего народного богатства, ни своей воли—воли трудящихся.

Мы не хотим быть рабом ни одного из международных империалистических хищников, и за это мы пойдем на распятье, откуда бы оно ни исходило, от капиталистов или от большевиков. И всякому покушению на Советскую власть в России мы противопоставили могущественное сопротивление пролетарско-крестьянской трудовой массы. Желтому интернационалу биржи, труда и насилия, мы противопоставляем красный интернационал труда, борьбы и социализма. Да здравствует Советская, Федеративная Социалистическая Республика. Да здравствует Интернационал! Да здравствует международное объединение всех трудящихся! Да здравствует партия Л. С.-Р.!

№ 5.

Восстание Крестьянской Секции Всероссийского Ц. И. К. ко всему трудовому крестьянству.

Небывало тяжелое время переживает русская революция.

Окруженная железным кольцом германского торжествующего империализма, задыхается Советская Россия.

Великие завоевания революции находятся в смертельной опасности.

Благодаря Брестскому миру и поистине правительственной партии большевиков, поддерживающих этот грабительский мир, трудовое крестьянство оказалось накануне возвращения всего в крепостное состояние, накануне нашего хозяйственного и политического порабощения германским империализмом.

При сохранении Брестского мира фактически отменяем «закон о социализации земли», т. к. громадное количество десятин земли оказалось фиктивно перепроданным помещикам немцам, которые требуют за возвращение земли крестьянам многомиллиардную сумму денег в качестве выкупа.

Наши природные богатства, ценою кровавых жертв отвоеванные у буржуазии, почти целиком переходят к германское владение.

Русский народ превращается в народ—нищий, народ—раб.

В самой Москве представители германской буржуазии обосновали свой контр-революционный штаб во главе с графом Мирбахом.

Этот штаб германской буржуазии поставил своею гнусною целью удушение рабоче-крестьянской революции при помощи петли Брестского мира.

Наглые ноты торжествующей германской буржуазии, предъявленные графом Мирбахом, содержат в себе категорический приказ об ограблении трудящихся, о превращении их из свободных граждан в толпу рабов.

Пылающая огнем восстания, завоеванная, но не побежденная Украина, истекающая кровью лучших своих сынов, зовет нас на борьбу за свержение самодержавного ига.

Германский империализм решил во что бы то ни стало воспользоваться своим временным превосходством и отнять у крестьян богатый урожай, который ожидается в текущем году.

Оно поможет германским насильникам собраться с силами и укрепиться для новой борьбы.

Партия крестьянства, партия левых социалистов - революционеров решила открыто выступить на защиту угнетаемых крестьян.

Партия левых социалистов - революционеров применила акт террора по отношению к представителю германских насильников, как делала это и раньше по отношению к отечественным насильникам.

Граф Мирбах был, по поручению Центрального Комитета, убит.

Представители коммунистической партии, не смогшие еще и до сих пор сбросить с себя давление тяжелой руки германского империализма, уничтожения себя перед его призрачной силой, дабы покарать защитницу прав трудового народа—партию левых эсеров, не остановились перед нарушением революционных завоеваний. Они нарушили Конституцию Советской Республики и осмелились арестовать часть 5-го Всероссийск. Съезда, представлявшую от себя делегатов трудового народа—представителей высшей власти в республике.

Их в количестве 450 человек уже второй день держат в тесном помещении, на полу, без единого стула, в грязи, при отсутствии всякого удобства, при отсутствии достаточного количества пищи.

Представителей народа, как арестантов, держали окруженными латышской стражей, грозящей насилием за каждый неверный шаг.

Крестьянская секция заявляет всему трудовому крестьянству—революция в опасности.

Трудовое крестьянство должно встать на защиту своих прав от нарушения германской, английской и французской буржуазии, ныне собирающейся напасть на трудовую Россию, и защищать своих представителей от насилий и оскорблений со стороны представителей правительственной партии.

Крестьянская секция В. Ц. И. К.

7 июля 1918 г.

IV.

На улицах Москвы 6—8 июля.

Секретаря
Организационного Отдела
Московского Окружного Комиссариата
по военным делам
Сигизмунда РУТКОВСКОГО.
„ " июля 1918 г.
№
г. Москва.

1

Военному Комиссару тов. Муралову.

РАПОРТ.

Доношу, что 7 сего июля, около 9-ти часов утра, выходя из дому и не зная о том, что в городе произошел случай восстания группы, именующей себя левыми эсерами и узнав лишь о происшедшем из рассказов лиц, стоящих у выхода на улицу, о том, что в городе произошли якобы эксцессы, и что якобы в городе захвачена власть этой группой и идет гражданская война, я тотчас же отправился в город с намерением узнать о происшедшем, направляясь прямо в штаб.

Выйдя на угол Покровки и Земляного вала, я увидел, что трамваи ходят только до Земляного вала (со стороны Лефортова), тогда я отправился пешком по Покровке, по направлению к Покровским воротам, не доходя Лялина переулка, встретил вооруженных солдат и матросов, шедших цепью по обоим сторонам улицы, предводительствуемых каким-то вооруженным штатским. Будучи вполне уверенным, что это патруль Советских войск, я обратился к ним с вопросом: «можно ли мне пройти в штаб», тогда один из матросов задал мне вопрос: «какой штаб» и большевик ли я, о чем и спрашивал меня и другой матрос, бывший с ними. Ответив утвердительно, первый велел меня обыскать и предъявить ему документы, а также спросил нет ли у меня оружия. Предъявив ему удостоверение, выданное мне комиссариатом, а также разрешение на ношение оружия от 8-го июня с. г. за № . . . заявил ему, что оружия при мне нет, но что таковое имеется у меня дома. После чего задержавшая меня группа названных вооруженных лиц, объявила меня арестованным и велела указать им мою квартиру. Подчиняясь их требованию, я под охраной четырех из них, в том числе одного матроса, последовал на свою квартиру. Подойдя к дому, двое из вооруженных солдат остановились у парадного улицы, а матрос с одним

солдатом взял револьвер на изготовку, вошел в мою квартиру, где я и отдал имеющийся у меня револьвер системы Кольта, за № . . . ; обыска в квартире они не производили, когда же я спросил у них мандат на право отбирания оружия или указания их фамилии, то матрос ответил: «там узнаешь» и спросил, для какой надобности у меня оружие, я ответил ему, что раз мне разрешено, значит оно мне необходимо, тем более, что я имею иногда казенные деньги, тогда последний вложил мне в карман брюк левую руку, держа правой угрожающе револьвер, вынул находящийся у меня кошелек с деньгами в сумме около 5.200 рублей только казенных и около 400 собственных, спрятал его в свой карман, велел мне следовать с ними (вся эта сцена произошла на глазах моей жены и ребенка).

Выйдя на улицу, названные лица повели меня по направлению к Покровским казармам. На углу Введенского и Лялина переулков двое из солдат, стоявших ранее у входа в дом моей квартиры, остановились около стоявшего на углу этих переулков патруля, а матрос с другим солдатом повели меня дальше и только в конце Введенского переулка, выходя на Покровку, матрос задал мне вопрос о том, знаю ли я, куда меня ведут; ответив ему отрицательно, он сказал, что ведут меня «в штаб левых эсеров, и тогда лишь я понял, в чем дело; последнее заявление матроса подтвердил и сопровождавший меня солдат, при чем матрос предупредил меня вскользь, что оттуда уже никто не возвращается. На что я им ответил, что же я такое сделал, ведь его предупреждение о том, что оттуда никто не возвращается, равно предупреждению о предстоящей мне смерти, и я вступил с ними в пререкание, доказывая им всю неосновательность их поступка ко мне. Дойдя до Покровских ворот, матрос остановился и, вынув из моего револьвера 9 патрон, оставив 10 в нем, предложил мне отправиться вперед, говоря: «ну, иди к товарищу Муралову, ну, пройди шага четыре» толкал меня в плечо. Угадывая цель матроса, я не отходя от него все время, доказывал ему, что он поступает несправедливо и нечестно, что, обезоружив меня и забрав все до копейки деньги, издевается надо мной. После чего матрос, оторвав от моего удостоверения о личности разрешение на право ношения оружия, отошел от меня на мостовую, подошел к группе вооруженных лиц и от них направился с несколькими другими в чайную, находящуюся у По-

кровских ворот. Стоявшая на улице вблизи нас групп прохожих лиц, не принимая никакого участия в моем положении, после ухода лишь только рассказала мне, что данный район находится во власти восставших лево-эсеровских банд. Пытаясь дать знать о случившемся по телефону в Комиссариат, я выяснил, что телефон не действует, тогда я немедленно, возвратясь домой и успокоив свою семью, отправился в Комиссариат, где и заявил о случившемся заведующему Организационным Отделом товарищу Алексееву и помощнику управляющего делами Комиссариата товарищу Добровольскому.

Донося о вышеизложенном на зависящее распоряжение об обнаружении грабителей, также прошу о разрешении мне посетить места заключения задержанных лиц, принимавших участие в восстании, для опознания бандитов, ограбивших меня, так как личности их мною хорошо запомнены и опознать я их могу в любое время.

При чем присовокупляю, что на фуражке матроса значилось «Бобр», худощавый брюнет, среднего роста, другой же, солдат полный, коренастый шатен. Запомнил я лицо другого матроса, оставшегося на Покровке при первой моей встрече с ними.

Секретарь *Рутковский.*

Заведующий
Учетным Отделом
Московского Губернского Комиссариата.
8 июля 1918 г.
№ 103.
г. Москва.

2.

Военному Комиссару.

РАПОРТ.

7 июля с. г., в 3 часа ночи, я был послан в Главный почтамт для подачи телеграммы в Уездные Военные Комиссариаты; по дороге к Главному почтамту я с автомобилем был задержан отрядом красноармейцев, как потом оказалось из отряда левых эсеров Попова. Последний спросил мой мандат, сказав, что мы Советской власти не признаем, и потребовали оружие, которое при мне имелось, согласно разрешению Военного Комиссариата, револьвер системы Кольта, за № 71579 и десять патронов; все это они от меня отобрали и повезли в штаб отряда Попова, в Покровские казармы. Там от меня отобрали все документы и деньги, данные мне на телеграммы управляющим делами тов. Спира, 1000 рублей и своих 5 рублей 30 коп., кошелек и все бумаги. За телеграмму меня выругали. Автомобиль тоже арестовали и в

получении денег комендант Попов выдал мне расписку за подписью Гончарук матрос; после всего этого меня арестовали и посадили в комнату, где уже было несколько арестованных. Когда начался бой и с нашей стороны был открыт артиллерийский огонь, то вся эта свора разбежалась, побросав пулеметы и ружья. Мы, арестованные увидели в этом свое спасение. Я увидел коменданта отряда Попова, спросил деньги и документы, но последний отделался молчанием. Во время боя мы старались среди караульных дать разъяснение данного момента, с которым последние согласились. Когда свора стала разбегаться, мы им громко крикнули «трусы», что вы наделали! Раньше этого, когда мы громко рассуждали, один из командного состава отряда Попова пришел и сказал: довольно вам митинговщики митинговать, и пригрозил расстрелом. Все мы помещались в комнате при отхожем месте. Пищу нам дали утром, чай без сахара, банку консервов на двоих, по куску хлеба. Когда прибыли латышские стрелки, мы сразу почувствовали себя на свободе, я пошел туда, где отобрали деньги и документы; денег не нашел, из документов не нашел телеграммы, билет на 4-й день съезда, мандат и некоторые мои бумажки частного характера, только нашел на полу удостоверение личности и партийный билет.

Приложение: расписка Гончарука.

Заведующий Учетным Отделом *С. Шимановский.*

С подлинным верно:

Управляющий делами Комиссариата: (подпись).

(Печать).

V.

На телеграфе.

1.

6 июля, в 8 часов вечера, я получил приказание от тов. Подбельского прекратить передачу всех телеграмм во все города Российской Федеративной Советской Республики за исключением телеграмм за подписью тов. Ленина, Троцкого и тов. Свердлова, что я сейчас же привел в исполнение. Потом пошел на Загородную телефонную станцию и велел сейчас же прекратить все переговоры со всеми городами, с которыми мы имеем телефонную связь, сказав, что если будут просить тов. Ленин, Троцкий или тов. Свердлов, то вы скажите, чтобы они звонили ко мне по телефону, а я уже вам буду говорить, что можно соединить или нельзя, я это сделал потому, что тов. Подбельский дал мне пароль и сказал, что если будут просить дать какой-нибудь город и скажут пароль, то можно предоставить. Тов. Подбельский спросил, сколько у меня находится солдат в карауле, я ему сказал, что 20 чел.

и что я затребовал еще 15 чел., тов. Подбельский сказал, что этого мало, я сейчас сделаю распоряжение, чтобы вам прислали еще 40 чел. Спустя полчаса после этого распоряжения я вышел на парадный подъезд посмотреть, не идут ли солдаты, которых обещал прислать тов. Подбельский; когда я вышел к подъезду, то увидел, что около телеграфа разъезжают верхом на лошадях вооруженные матросы—я постоял, посмотрел и только хотел итти—вдруг вижу идут солдаты и прямо направились к телеграфу, я решил подождать их и спросить, что им нужно, они как только подошли, то я сейчас же спросил, что нужно, куда посланы, кем и сколько человек. Их караульный начальник сейчас же ответил, что они присланы по просьбе комиссара для охраны телеграфа и что их 40 чел. Я предполагал, что это пришли по распоряженпю тов. Подбельского, тогда я им сказал: идем, вы мне нужны для охраны. Отвел их в караульное помещение, сам пошел в аппаратную; только подхожу к своему столу, вдруг слышу—звонит телефон; я подошел и вдруг слышу тов. Подбельский мне говорит, что мне передали, что телеграф занят отрядом Попова в составе 40 чел. Я ему ответил, что пришли солдаты в составе 40 чел., но только они сказали, что они присланы по распоряжению комиссара для охраны телеграфа, тогда тов. Подбельский сказал: узнайте, откуда они присланы, и позвоните мне по телефону, я сказал: хорошо, сейчас узнаю. Когда я спросил откуда вас прислали, они сказали, что из отряда Попова, я еще раз спросил: а для чего вас прислали. Они ответили, что для охраны телеграфа. Я пошел сейчас же в аппаратную, чтобы позвонить тов. Подбельскому. Когда я вошел в аппаратную, то увидел у моего стола стоял тов. Маслов и тов. Ефрейторов, которым я сейчас же объяснил неприятную историю и стал звонить по телефону тов. Подбельскому. Когда я ему сказал, что верно, что 40 чел. пришло поповцев, он сказал, что вы их посадите в отдельную комнату, а я сейчас пришлю вам солдат, при помощи которых вы их разоружите и арестуете, я сказал, что хорошо, жду помощи. Прошло не более как полчаса, как вдруг входят несколько солдат и матросов вооруженных, во главе которых был Прошьян, подходят ко мне и говорят: вы комиссар. Я говорю—да, а что нужно. Он говорит: соберите людей, я им объясню события сегодняшнего дня. В это время тов. Маслов и т. Ефрейторов говорят мне, товарищ Тимаков не собирайте. Я, конечно, не стал собирать, а стал говорить дежурн. чин., чтобы они сели на места и ждали бы от меня распоряжения. В это время, пока я усаживал телеграфистов, левые социал.-рев арестовали тов. Маслова и тов. Ефрейторова, а также хотели арестовать и меня, но я был в это время в другой комнате. Прошьян собрал всех телеграф. и сказал, что центр. ком. лев. соц.-рев. решил убить графа Мирбаха и сегодня привел это в исполнение. Граф Мирбах убит лев. эсерами и после этого ушел, оставив Лихобадина, которому передал заранее составленные телеграммы для передачи во все города. Когда остался Лихобадин, то ему стали говорить, что комиссар в аппаратной и будет мешать работе, так как он самый ярый большевик, его надо арестовать. Тогда Лихобадин подходит ко мне и говорит, что это комиссар, ему

ответили, что да, это комиссар, он подошел ближе ко мне и сказал: «товарищ, Вы должны удалиться с телеграфа, так как Вы большевик-коммунист, будете мешать нашей работе, мы Вам не доверяем, и я прошу сейчас же Вас удалиться, а если Вы не уйдете, то я Вас арестую и препровожу туда, где находятся все наши арестованные», и после этого он взял меня за руку и проводил вниз, где я взял свою шапку и должен был удалиться. Когда я вышел с телеграфа, то два вооруженных солдата подошли ко мне и спросили: «оружие есть», я ответил, что нет, тогда они спросили: покажите Ваши документы, кто Вы такой. Документов у меня с собой не было, так как я, предвидя всю эту историю и боясь, что по моим документам они могут сделать какую-либо подлость я их передал в телеграфе курьеру, а пароль разорвал. Когда я им сказал, что у меня документов нет, то они ответили мне, что мы Вас не пустим до выяснения вашей личности, кто Вы такой есть, и попросили на Чистопрудный бульвар, где стоял их небольшой вооруженный отряд, и здесь мне пришлось пробыть под их арестом, до прихода советских войск. Как только стали подходить советские войска, они стали отходить по направлению к Покровке, а также велели и мне следовать за ними. Я, дойдя до Покровки и видя, что они стали расходиться в паническом страхе от преследующего их оружейного и пулеметного и артиллерийского огня, повернул влево по Покровке и ушел.

Часов в десять утра я подошел к телеграфу, где стояли латышские стрелки, я объяснил караульному начальнику, что я комиссар телеграфа, тогда он потребовал от меня документы, но документов я при себе не имел. Он сказал мне, что пропустить в телеграф без документов не может. Во время моего разговора с караульным начальником вышел механик Галкин, которого я спросил, есть ли дежурный комиссар, который должен сменить меня, он мне ответил, что все в порядке, и комиссар сидит на своем месте. Я этим успокоился и пошел домой.

Комиссар телеграфа (подпись неразборчива).

Москва июля 19 дня 1918 г.

2.

Протокол показаний Самуила Львовича Пупко.

Состоял комиссаром Московской Телефонной сети с октября по март с. г. С марта по сие время состою управляющим Московской телефонной сетью.

Принадлежу к (партии) Союзу с-ров максималистов.

В конце мая с. г. был снят караул 1-го Советского полка и из 23-х лиц оставлено только семь. По чьему распоряжению был снят караул, до сих пор не выяснено.

Я неоднократно об этом говорил т. Штро, т. Муралову, т. Дзержинскому, т. Беленькому, что караула осталось только семь человек и что ответственность ляжет на них, если что-нибудь случится.

Приблизительно 1 июля т. Дзержинский говорил, что вам на-днях пришлют надежный караул. И, действительно, через день-два

после разговора был прислан отряд из Чрезвыч. Комиссии из матросов—24 человека.

В первый же день обнаружилась безнадежность этого караула, так как в разговорах кое с кем и между собою ясно можно было понять, что они представляют собой явно реакционную массу, а посему в тот же день я был в Чрезв. Комиссии и заявил т. Дзержинскому, что нежели такой держать караул, лучше вовсе без такового обходиться. Он вызвал по телефону Попова и, переговоривши с ним, сказал мне, что сейчас со мной поедет один матрос, который выяснит на месте случай.

Действительно, через несколько минут явился молодой матрос, с которым я и уехал на станцию и, по выяснению всего указанного мною на месте, матрос заявил, что он с более тяжелым сердцем уезжает со станции, как приехал, ибо он не полагал, насколько матросы действительно реакционны.

Этот караул, т.-е. из В. Ч. К., был заменен через сутки людьми из того же отряда, но фактически караул станции вербовался из того же отряда в том же количестве. О моральных и политических качествах последующих смен указать затрудняюсь, ибо никаких данных по этому вопросу у нас не было.

6 июля вечером, будучи на заседании С'езда Советов, т. Подбельский, отыскав меня, попросил зайти в кабинет Аванесова. Тов. Аванесов, об'яснив мне приблизительно сущность дела, сделал надпись на моем пропуске и просил отправиться на станцию. По приезде на станцию, я зашел к своим сотрудникам, не успев с ними поговорить, явился один вооруженный и от имени В. Чр. Комиссии заявил: он здесь будет присутствовать, чтобы номера, обозначенные на поданной им записке, функционировали, как следует быть. Когда потребовал у него мандат, на то он сказал: Дзержинский арестован, мандата никакого не имеет, а только личную записку свою. На что я ему категорически ответил, что без надлежащего мандата выполнить это требование я не могу. Тогда он хотел переговорить по телефону, но № телефона не знал он. Его записка была унесена т. Герасимовым; тут же стояло еще несколько человек из их отряда, т.-е. из числа караула, которые указали: пойдем на низ, там есть телефон и один из товарищей знает № телефона отряда. Из его слов нельзя было непосредственно вывести заключения о требовании выключения всех остальных телефонов, не обозначенных в списке. Это было в 10 часу веч.

В это время приехал т. Подбельский, который слыхал весь этот разговор. Переговоривши с т. Подбельским, мы уехали в Кремль для необходимости получения в срочном порядке смены караула, каковой после моего возвращения на станцию прибыл через 15 мин. Лично впустил латышей, поставив их в 2 ряда в под'езде, вызвал сейчас же всех несших караул и, распорядившись о разрядке оружий, отправил их со станции. Были расставлены караулы из латышей по местам, и т. Николаев, член Центр. Коллегии почт и телеграфов, и я занялись на основании директив выключением кое-каких полученных линий.

Тут же прибыл т. Волленберг и под руководством т. Николаева занялся также соответствующей работой.

На телеф. станции были 2 пулемета и 3 ящика патронов и 9 лент. Латышей пришло 75 чел., у них было, кажется, тоже 2 пулемета.

В полночь явились с мандатами от т. Подвойского еще 5 комиссаров. Станция была к тому времени почти атрофирована, потому не было никакой нужды в лишних людях и, находя крайне неосновательным на распределение занятий между советскими работниками на станции в такой ответственный момент, несмотря на мои неоднократные просьбы и обращения к т. Николаеву, я переговорил по телефону в присутствии т. Николаева с т. Подбельским, каковому и указал, что лично я нахожу для себя крайне невозможным в такой неопределенной обстановке работать, быть же слепым исполнителем не нахожу возможным, после чего я с разрешения т. Подбельского утром в воскресенье оставил станцию.

С. Пупко.

Народный Комиссар
ПОЧТ и ТЕЛЕГРАФОВ
Российской Республики.
Канцелярия.
27 июля 1918 года.
№ 4882.
Гор. Москва.

3.

В ОСОБУЮ СЛЕДСТВЕННУЮ КОМИССИЮ.

В ответ на Ваш запрос от 26 июля № 198 сообщаю:

1) Телеграф был занят первым отрядом поповцев не около часу ночи, а около 8 часов вечера при следующей обстановке: как только я освободился из-под ареста (что было недалеко от телеграфа), я прибежал на телеграф, чтобы взять десять солдат и попытаться отбить автомобиль и освободить шофера, но начальник караула телеграфа отказался мне дать солдат. Тогда я поспешил на телефонную станцию, откуда удалось отправить отряд латышей к месту моего ареста, но там уже автомобиля и шофера не оказалось—поповцы успели увести автомобиль. Как раз в это время с телеграфа сообщили, что туда явился отряд в сорок человек и, заявив, что он прислан Подбельским, вошел в помещение Телеграфа, не встретив со стороны начальника караула возражений. Я немедленно созвонился с начальником телеграфа Тимаковым, отправил его на разведку и выяснил, что отряд Попова явился без ответственного руководителя и находился совершенно не в курсе о цели своего назначения. Позон-

дировав почву, комиссар Тимаков выяснил, что отряд считает, что он прислан для охраны телеграфа и, не понимая сущности борьбы, готов подчиняться распоряжениям нашего комиссара. Воспользовавшись этим, я предложил комиссару Тимакову постараться изолировать отряд, что Тимакову и удалось сделать путем введения отряда в караульное помещение, где при помощи небольшой воинской силы его можно было обезоружить. Немедленно же я сообщил о происшедшем т. Троцкому и попросил его прислать отряд хотя бы в 50 человек верных войск. Не знаю, по каким причинам, но отряд не был послан в течение нескольких часов, хотя я после этого добивался еще несколько часов присылки его. Между тем в этот промежуток времени на телеграф уже успел явиться второй отряд Попова уже во главе с Прошьяном, который и стал распоряжаться на телеграфе.

2) Караул на телеграфе состоял от первого Советского полка. Начальник караула мне неизвестен, почему прислать его к Вам не могу.

3) Точная фамилия Члена Цикапотеля—Лихобабин, Василий Васильевич.

Народный комиссар почт и телеграфов:

В. Подбельский.

4.

Показания Александра Ильича Ермоленко *).

6 июля около 12 часов ночи нов. вр. я узнал об убийстве Мирбаха и попытках небольшого вооруженного отряда арестовать в бывшей гостинице «Прогресс» народного комиссара почт и телеграфов тов. Подбельского.

Кто убил германского посла и кто стремился к аресту Подбельского, тогда я еще не знал. Предполагая возможность крупных событий, я отправился в «Прогресс» и там узнал, что лев. с.-р. арестовывают всех видных советских работников, принадлежащих к партии коммунистов-большевиков. В «Прогрессе» в это время находился вооруженный отряд матросов 4—5 человек. Я отправился на телеграф. В Центральном телеграфе я узнал, что туда введен вооруженный отряд до 40 человек; при чем никто не знал, по чьему распоряжению явилась усиленная «охрана», как называли служащие вновь прибывший отряд. Отряд требовал себе ужина, которого администрация телеграфа не могла ему дать за отсутствием у нее продуктов. По этому поводу начальник отряда, вооруженный с ног до головы, красноармеец выражал свое неудовольствие, указывая, что они це-

*) Показания Ермоленко подтверждаются показаниями Маслова, Ефремова и др. *Прим. ред.*

лый день ничего не ели и теперь приходится дежурить здесь голодным. На вопросы, по чьему распоряжению отряд явился на телеграф, нач. отряда заявил, что пришли они по распоряжению Центрального Комитета. Какой именно Ц. К., он не указывал. Через четверть часа выяснилось, что явившиеся были из отряда Попова. В это время в аппаратную комнату вошли человек 30—40 вооруженных матросов и красноармейцев. Впереди их был гр. Прошьян. Подойдя к столу комиссара телеграфной конторы, он, ударив по столу рукой, заявил громко: «мы убили Мирбаха, Совет Народных Комиссаров арестован»,

Прошьян, член Ц. К. партии левых эсеров.

и, обращаясь к служащим, просил их собраться всех для выслушания его заявлений. О происходящем по телеграфу было сообщено в Кремль. В то же время я обратился к служащим, начавшим собираться около стола, где стоял Прошьян, и просил их разойтись, работать, оставаясь на местах. Служащие охотно разошлись по своим местам. Желая прекратить переговоры по телефону, которые пытался вести член Ц. К. П.-Т. Союза т. Ефретов, гр. Прошьян приказал арестовать Ефретова и комиссара Московского Телеграфного узла тов. Маслова, а также и меня, как призывавшего служащих оставаться на местах и продолжать спокойно работать. Нас отправили в

штаб отряда Попова, в доме Морозова, предварительно обыскав нас и отобрав оружие (револьверы). По пути всюду были расставлены патрули. В Покровских казармах горели огни, заметно было усиленное движение. Кто-то из сопровождавших сказал, что там идет митинг и что все войска, находящиеся в Покровских казармах, перешли на сторону восставших. В штабе лев. эсеров нас переписали, заявили, что многие члены Совета Народных Комиссаров уже арестованы. На ироническое замечание одного из нас, что вот-де вам еще привели контр-революционеров, сам Попов разразился бранью по адресу сказавшего, обозвав нас хулиганами. Затем нас поместили в подвал под охраной двух матросов. К утру арестованных в нашей комнате собралось около 30 человек.

Было заметно, что главные деятели отряда Попова, черноморские матросы, были не совсем в трезвом состоянии.

Главным мотивом восстания матросы указывали на сдачу и потопление Черноморского флота.

По их мнению нужно было воевать с Германией и ни в каком случае не считаться ни с какими ее требованиями. Матросы убеждены почему-то, что сил для войны с немцами у России еще хватит. Указания на то, что у нас нет ни армии, ни хлеба, не считали важным. Они начинали колебаться только тогда, когда арестованные указывали, что их восстание идет против воли большинства Всероссийского С'езда Советов.

Наши караульные сначала держались бодро и уверенно. Но с того времени, как началось наступление Советских войск и на улице послышались пулеметные и орудийные выстрелы, их настроение изменилось: стали молчаливее.

Около 2 часов дня 7 июля мы из своего подвала могли заметить, как штаб эсеров стал постепенно собираться. Мы не знали, в чем дело. Наша охрана тоже, повидимому, не знала, куда собираются уходить поповцы. Наконец шум стих, охрана тоже куда-то ушла, не заявив нам ни слова. На поверхности слышались еще выстрелы наступавших войск и уходивших, как потом сказали, к Курскому вокзалу эсеров.

Только небольшая часть матросов, повидимому, принимала решительное участие в восстании. Огромная же часть их и красноармейцев действовали крайне вяло и в большинстве случаев не знали, что им делать, зачем эти аресты и кому это все нужно. Поэтому, как только послышались первые выстрелы, красноармейцы покинули свои посты, матросы опустили руки. А сознательные повстанцы заявили: «нет, рано мы начали».

Подписал член Ц. И. К. Всеросс. П.-Т. союза *А. Ермоленко.*

13/VII 18 г.

Вместе с гр. Прошьяном и введенным им вооруженным отрядом в аппаратную комнату Центрального Телеграфа явился член Ц. И. К. Всеросс. П.-Т. союза т. Лихобадин.

Подписал *А. Ермоленко.*

5.

К сведению т. т. телеграфистов и телеграфисток.

Всякие депеши за подписью Ленина, Троцкого и Свердлова, а равно и депеши, направленные контр-революционными партиями правых соц.-рев. и соц.-дем. меньшевиков, ненавистников Советской власти, и белогвардейцев, кадетов и монархистов, провоцирующих левых соц.-революционеров, задерживать, признавая их вредными для Советской власти вообще и правящей в настоящее время партии левых с.-р. в частности.

Все задержанные депеши направлять старшему по аппаратной.

Член Цикопотеля: *Лихобадин.*

6.

Всем губернским, уездным, волостным и городским Совдепам.

По постановлению Ц. К. партии левых социалистов-революционеров убит летучим боевым отрядом представитель германского империализма граф Мирбах. Агенты германского империализма и контрреволюционеры пытаются вести агитацию на фабриках и заводах и в воинских частях. Все эти попытки встречаются единодушным негодованием рабочих и красноармейцев, горячо приветствующих решительные действия защитницы трудящихся партии левых социалистов-революционеров.

Ц. К. левых социалистов-революционеров призывает всех левых эсеров и большевиков, всех трудящихся встать грудью на защиту Советов и социальной революции, на защиту украинских рабочих и крестьян, изнемогающих в героической борьбе против империалистов.

Да здравствует восстание против империалистов!

Да здравствует власть Советов!

7.

БЮЛЛЕТЕНЬ № 1.

В 3 часа дня 6 июля летучим боевым отрядом партии левых социалистов-революционеров был убит посланник германского империализма, граф Мирбах, и два его ближайших помощника в здании Германского посольства.

При выполнении своего революционного долга, ранен один товарищ; никто из посторонних не пострадал.

Председатель Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контр-революцией Дзержинский, явившийся производить следствие по делу Мирбаха, об'явил арестованным двух членов комитета П. Л. С.-Р. Прошьяна и Карелина, при чем заявил, что один из членов Ц. К. должен быть искупительной жертвой за Мирбаха. По постановлению Центрального Комитета Дзержинский временно задержан.

По постановлению Ц. К. П. С.-Р. на время заседаний Всероссийского С'езда Советов для руководства фракцией Л. С.-Р. и для защиты наших революционных позиций делегированы т.т. Спиридонова и Голубовский.

Центральный Комитет уверен, что ни одна рука рабочего и крестьянина не поднимется на личность наших товарищей.

Временно задержан член Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контр-революцией Лацис; Центральный Комитет доводит до сведения трудящихся масс, что все товарищи коммунисты-большевики будут в ближайшее время освобождены.

Ц. К. П. Л. С.-Р. берет под свою защиту неприкосновенность всякого члена фракции Л. С.-Р. 5-го С'езда Советов.

Ц. К. П. Л. С.-Р. предупреждает население гор. Москвы, что всякие попытки темных и контр-революционных сил, белогвардейцев, германских и союзных провокаторов и шпионов, правых эсеров и меньшевиков, направленные к низвержению Советской власти, будут подавляться беспощадным образом.

По постановлению Центрального Комитета партии левых социалистов-революционеров убит летучим боевым отрядом представитель германского империализма, граф Мирбах.

Агенты германского империализма и контр-революционеры пытаются вести агитацию на фабриках, заводах и в воинских частях.

Все эти попытки встречаются единодушным негодованием рабочих и красноармейцев, горячо приветствующих решительные действия защитницы интересов трудящихся П. Л. С.-Р.

Центральный Комитет левых социалистов-революционеров призывает всех левых эсеров и большевиков, всех трудящихся вставать грудью на защиту Советов и социальной революции, на защиту украинских рабочих и крестьян, изнемогающих в героической борьбе против империалистов.

Да здравствует восстание против империалистов!

Да здравствует власть Советов!

Примечание особой следственной комиссии: утверждение, будто т. Ф. Дзержинский «заявил, что один из членов Центрального Комитета П. Л. С.-Р. должен быть искупительной жертвой за Мирбаха»—ложно.

8.

В Тулу. Клуб «Земля и Воля», Пятницкая, Титову № 3809.

Нами С'езд покинут на один день. Ситуация грозит столкновением. И. П. и Б. О. приводит в состояние готовности. Дмитрий.

Адрес отправителя. Москва, Националь. № 133.

VI.

Лево-эсеровская агитация среди красноармейцев.

1.

В следственную комиссию по делу левых эсеров.

В ночь с 6—7 июля в 10 часу вечера ко мне пришел командир I Советского Караульного полка и сообщил, что сейчас приедут в полк Черепанов и Спиридонова и будут выступать на митинге. Не

прошло минут десяти, как за мной бежит красноармеец и говорит: «тов. Шоричев, скорей, там левые эсеры агитируют за присоединение к отряду Попова». Я пришел на собрание, собрание немногочисленное, около 200 человек и слышал речь Черепанова следующего содержания: Центральный Комитет левых эсеров убил палача Мирбаха, тем самым Брестский договор не существует и за это Советское правительство хочет нас, левых эсеров, арестовать, обезоружить, убийцу требуют выдать и все это хотят проделать с помощью германского корпуса, который сейчас находится в Москве под видом конной милиции; в конце своей речи провозгласил лозунги: «долой соглашательскую мирбаховскую политику, да здравствует восстание, да здравствуют «независимые» крестьянские Советы!» Точно такого же содержания была и речь Фишмана; после их я обратился к собранию с призывом не поддаваться на провокационный призыв безответственных агитаторов и предложил Черепанова и Фишмана арестовать; тогда Черепанов с истерическим воплем обращается к собранию и подчеркивает отношение большевиков к левым эсерам. Тут произошло нечто хаотическое: крик, шум, кто за то, чтобы арестовать, кто против, и в результате мне задержать не удалось; в свою очередь, я предложил красноармейцам исполнять приказания и распоряжения только лиц, ответственных перед Советским правительством, в лице военных комиссаров, командир. полков, ротных, взводных; после моего выступления у собрания настроение начало падать, попытки Черепанова опять говорить встречены криками—долой, довольно! Что касается поведения командного состава хотя и был на месте в казармах, но влияния на красноармейцев не имел и не проявлял активности ни за, ни против. В полку 1 марта никакого командного состава в этот момент не было в казармах; солдаты отдельными группами по 5, 10 челов. выбегали с винтовками из казарм; в это время разнесся слух, что в штабе Попова раздаются консервы и публика заинтересовалась консервами, стала сновать взад и вперед из казарм туда и обратно. К вышеизложенному имею добавить, что все то, что произошло, не носило организованный сознательный характер, так как в вышеуказанных частях, включая сюда и отряд Попова, членов партии левых эсеров среди красноармейцев нет. На мой взгляд, в данном случае, сыграли роль два следующие фактора: первый, это—грязная демагогическая агитация, подействовавшая на лучшую часть красноармейцев и второе, это—на элемент, который почуял нечто в роде погромчика, хотя всего-то их не более 100 человек было участников. В 1 часу ночи я был в Комиссариате, получал телефонограммы из центра, делал распоряжения, а в 2 часа ночи приходят матросы с ордером от Попова отобрать у меня оружие (маузер); я, конечно, не подчинился, оружие не выдал, тогда они пришли вторично, с приказанием привести меня в штаб, где я находился до 2-х часов дня 7 июля; что в моем отсутствии происходило—сказать ничего не могу.

19/VI 18 г. Военный Комиссар Городского Района

Сергей Шоричев

2.

*В выборные комитеты 2-го и 3-го латышских полков *).*

Центральный Комитет Партии Левых Социалистов-Революционеров категорически заявляет, что ни к какому захвату власти он не стремится, а произвел убийство Мирбаха в целях прекратить в дальнейшем завоевание трудовой России германским капиталом. Партия коммунистов-большевиков будет играть в руку контр-революции, если будет направлять против защищающих Советский строй и Центральный Комитет партии Левых С.-Р. частей Советских войск свои обманутые части, направленные для отомщения за Мирбаха.

Центр. Ком. П. Лев. С.-Р.

Печать
Партии Лев.
Социал.-рев.
интернац.

3.

Протокол 7 июля 1918 года, показания Александра Васильевича Терентьева.

Я. А. Терентьев, начальник боевого отряда левых эсеров, организовавшегося в Петрограде штабом левых эсеров, состоявшего из Колсу, Пушинского, Трубицына и других лиц, которых я не знаю.

В дружине я не знаю количество людей, а у нас в отряде 45 человек в составе левых эсеров и беспартийных, социальное положение которых не совсем известно. Организованы мы для борьбы с чехословаками. Прибыли сегодня в $6^1/_2$ часов утра из Петрограда. На самом фронте чехо-словаков я не был, а был в Ярославле 20 июня и за ним. В Ярославле был на с'езде Советов. Ездил от Петроградского Комитета по агитационным работам по деревням и заехал на с'езд, где активно не выступал. Оттуда уехал в Петроград 25 июня, где получил отряд в свое командование. В партии социалистов-революционеров состою с 1913 года, но после раскола перешел в левые эсеры. Прямо с вокзала мы направились в Центральный Комитет партии и, проходя по Рождественскому бульвару, были задержаны встретившимся отрядом человек в 100, с пулеметом. На предложение отряда— разоружиться, я ответил: пойдемте выяснить в Совет. В Совете мне сказали, что происходят столкновения между левыми эсерами и коммунистами. О трениях, возникших теперь, ничего не знал. 1-го или 2-го мы готовились к от'езду на чехо-словацкий фронт, но за отсутствием людей и директив должны были ехать через Москву. На Николаевском вокзале нас никто не опрашивал и не задерживал. В Совете я был обыскан двумя лицами и сдал находившиеся при мне две пачки патрон. Каким образом очутилась в комнате, где я находился и 9 других арестованных, бомба на столе—я не знаю. Я отрицаю принадлежность бомбы мне. Из Петрограда выехал 5 июля с пассажирским поездом. Разрешение от коменданта имел. Письмен-

*) Рукопись.

ного документа у меня нет. Все имели билеты 3 класса. При аресте к команде меня не допустили. Телеграмму от Центрального Комитета не получал. В Москву ехали без вызова Центрального Комитета.

Показание Петровского, члена партии коммунистов № 283: Я его обыскал и нашел 2 пачки патрон. Больше, по моему мнению, не оказалось. При обыске рукава не осматривал. Резолюция: «Изолировать».

Верно. С. (подпись неразборчива).

4.

В Чрезвычайную Следственную Комиссию тов. Стучка.

От тов. коммуниста Леонида Петровича *Науман.*

ЗАЯВЛЕНИЕ.

6 июля с. г. я в 7 часов, заступив на дежурство, увидел, что в районе 3 Мясницкого комиссариата часов в 8 вечера стали бродить какие-то вооруженные с ног до головы люди; тогда я вышел из помещения и узнал, что это красноармейцы и матросы отряда Попова; когда я стал их спрашивать, по какому случаю это делается, то они ответили: «потом увидите». Через несколько времени к нам в комиссариат явились два матроса (фамилии не знаю) и заявили, что они присланы из отряда Попова для получения от нас делегации милиционеров в их штаб; тогда я им сделал заявление, что милиция должна быть нейтральной, а потому в этом им я отказал; согласившись со мной, они удалились. После этого я позвонил по телефону тов. Борщевскому, в Городской район рабочих депутатов, который одобрил мое распоряжение, подтвердив приказанием о невысылке делегации. Через несколько времени они вторично явились, требуя таковой, с предупреждением, что в противном случае мы весь комиссариат разобьем и обезоружим. Я же, в свою очередь, спросил, от кого таковое приказание у них исходит, то мне ответили, что от тов. *Комкова.* Несмотря на все их угрозы, я делегацию не выслал и никто из нас к ним не пошел, за исключением посланного мною наблюдателя за их поведением. После этого я видел, что из особняка Морозова стали итти матросы, таща с собою пулемет, который и был ими поставлен в воротах нашего комиссариата; сами они, в числе около пятидесяти человек, заняли наш комиссариат, разместившись в комнате уголовной, наружной и в канцелярии во втором этаже. Производя из нашего двора стрельбу по направлению к Хитровской площади и вытащив дополнительно из того же особняка орудие, из коего стрельба не производилась. Получив через несколько времени известие, что на них наступают латышские стрелки, они покинули помещение комиссариата, за исключением разместившихся в канцелярии, каковых я под видом скрыть их запер в одну из арестантских камер, после чего и сдал их латышскому отряду, то последний их и арестовал, отправив

их на Театральную площадь. После разоружения их, присоединившись к латышским стрелкам, я стал наступать на матросов в Мало-Трехсвятительском переулке, отняв лично от них два пулемета, сданных впоследствии в Совет рабочих депутатов Городского района.

Помощник Заведующего 3 Мясницкого Комиссариата по Наружной Охране: *Науман.*

5.

Показания Степана Павловича Баринова, состоявшего артельщиком 1-го Мартовского полка.

6 июля, около 6 часов вечера, в наши казармы пришли 4 человека, в числе которых и был Александрович. Пришедшие устроили митинг среди солдат, размещающихся в Покровских казармах. На митинге было около 2000 человек. На митинге пришедшие призывали выступить против германского милитаризма и в защиту партии левых эсеров, в виду того, что партия совершила террористический акт и большевики потребуют выдачи преступников. Агитация возбудила солдат и часть из них вышла для несения караульной службы.

Около 11 час. вечера пришли матросы и просили прийти в штаб Попова командира полка, комиссара и районного комиссара Шоричева арестовали. Пошли в штаб командир полка, комиссар Румянцев и дежурный по полку, а также командир 3-й роты и я, Баринов, кроме того, пошли взводные командиры полка. Когда мы пришли, нас попросили на заседание, где присутствовал Центральный К-т левых соц.-революционеров, а также Александрович. Нам об'яснили положение партии и сказали, что по приговору Ц. К. партии совершен акт убийства германского посла Мирбаха и призывали помочь им против большевиков.

Наши делегаты к этому предложению отнеслись отрицательно, но все-таки обещали быть готовыми.

Возвращаясь в казармы, командир полка распорядился выдать по 50 патронов и по гранате и быть в боевой готовности.

Фактически Мартовский полк нес только караульную службу В штабе Попова ночевал я, командир 3-й роты Мартовского полка и приходил дежурный по полку инструктор. Цель нашего присутствия была—не допустить пролития крови наших людей. Принадлежу я к партии коммунистов. Арестован я на улице, когда встретил Александровича, сопровождаемого патрулем. Я подошел к нему и спросил: «как ваша мирная делегация»? Патруль спросил меня: знаком ли я с Александровичем, на что я ответил—знаком, узнал у Попова.

Степан Баринов.

VII.

Отряд и штаб Попова.

1) Состав отряда Попова.

Показания некоторых свидетелей.

Нейман, Эрнст. Поступил в отряд Попова в начале июня с. г. В субботу вечером арестовали, когда я пред'явил документы о том, что состою в отряде Попова. 3—4 дня до субботы матросы стояли у ворот на карауле и никого не выпускали. У штаба все эти дни стояли пулеметы.

Тубли, Яков—эстонец, кашевар отряда Попова с апреля. Ничего существенного показать не может.

Овечкин, Иван Андреевич, 20 лет, из гор. Путивля, 2 июля поступил в отряд Попова. Я матрос Черноморского флота, получал 240 руб. Всего прибыло нас около 500 человек матросов. К нам тогда явились от Попова пригласить к себе, так как в Москве много контр-революционеров. Я был в обозе. Я считаюсь большевиком и против Советской власти не иду. Я бежал вместе с отрядом и сдался на заводе при ст. Обираловка. Я согласен поступить в армию.

Принцев, Василий Семенович, 18 л., из Красной армии, финн. 13 мая с финнами поступил в отряд Попова. До службы работал в переплетной мастерской в Петрограде. С пятницы вечером закрыли ворота и никого не выпускали. В воскресенье, когда начали стрелять, нам сказали, что наступают австрийцы, чтобы мы спасались. Я сдался на заводе с другими. Я бежал без оружия.

Куркин, Степан Николаевич. Я поступил в отряд 6 июля утром. Рекомендаций никаких я не представлял. Я беспартийный. В 6—7 вечера меня поставили дежурить к пулемету. Никто мне ничего не об'яснил. Никаких приказов не давали. По отряду ходили слухи, что убит посол Мирбаха и что немцы двигаются к нашему отряду разоружать нас.

Перегудов, Федор Иосифович, рядовой из отряда Попова, б. матрос Черноморского флота.

В отряд я поступил 2 июля с. г. По списку нас поступило в отряд Попова около 180 чел., а затем часть ушла. Из обмундировки нам выдали 2 пары белья и сукно на брюки и гимнастерку. Задержали в Богородске.

В субботу 6-го в 6 час. дня вступил в караул в Всеросс. Чрезв. Комиссии. Стояли до половина шестого. Пришедши в казармы, лег спать, а утром, до того, как началась пальба, убежал. 20 июля 1918 г.

Фоеберг, Сигульт . . . . финн, 2 роты отряда Попова.
Валас, Лаури . . . . финн, 2 роты.
Алдо, Армас . . . . финн, 2 роты.

Все они были в совершенном неведении о смысле происходящего. Ни командир роты, ни командир батальона 6 и 7 полков к ним в роту не приходили.

19/VII 1918 г.

В отряд Попова поступил около 25 июня. Раньше служил в Финляндии в Красной гвардии; о восстании ничего не знал; когда отряд Попова занял телеграф, я находился в казармах; в отряд Попова меня отправил военный комиссариат города Пуйде, где находятся много финских беженцев на Волге. Где находится Попов—не знаю; Попов и другое начальство виновато в восстании; Попов нам не говорил, что нужно будет итти против Советской власти; в субботу, когда отряд Попова начал наступать, я только узнал, что он идет против Советской власти, а все время ничего не знали, так как начальство нам ничего не говорило; в воскресенье до обеда мы ушли вместе с отрядом из гор. Москвы; мы отступали по Владимирскому шоссе; верст 16 от города нас нагнали Советские войска и мы разбежались; в следственную часть Павловского Посада пришли вместе с Noппе сегодня.

Матвей Тайнилайнен.

9/VII 1918 г.

Выдержки из показаний некоторых свидетелей.

1. Задержанный отрядом поповцев заведующий учетным отделом Московск. Губ. К-та, Т. Шимловский, пред'явил свои документы отряду, но был арестован, при чем матросы ему заявили: «*Мы Советской власти не признаем*». Шимловскому запретили разговаривать с солдатами и грозили расстрелом.

2. Выдержка из письма дружинника лев. эсеров от 4 июня: «В связи с 5 Всеросс. С'ездом Советов мы уже третьи сутки стоим в полной боевой готовности и когда и чем кончится эта волынка, никто ничего не знает.—Вечером нас никуда не пускают».

3. 4 июня отряд Попова, пользуясь Всер. Ком. по борьбе с контрреволюцией, где были представители партии левых эсеров, представил Всер. Союзу городов требование на большое количество санитарных предметов.

4. Уполномоченный Военного Контроля, арестованный поповцами, показал, между прочим, следующее: «Попов был выпивши, и кроме него еще несколько человек, которых я не знал, были тоже заметно выпивши.—Попов и другие руководители старались громко при своих солдатах говорить, что много новых частей примкнули к ним, что телеграф занят и по всей России отправлены уже инструкции. Какой-то отряд был приведен в Штаб Попова под угрозой расстрела, если они не примкнут к поповцам.

7. *Берзин, К. И.*—член Баталион. К-та. «В штабе нас окружили пьяные матросы.—Нам говорили, что многие полки присоединились к левым эсерам. Нас убеждали, что т. Ленин и Троцкий продали Россию и они, лев. эсеры, дескать, призывают теперь к восстанию против насильников».

8. *Кауров, С. И.* — слесарь, работавший при Штабе Попова: «Я заметил пьянство среди членов Штаба,—я слышал речь Попова. Он утверждал, что Ленин и Троцкий распродали Россию и теперь

отправляют в Германию мануфактуру, хлеб. Большевики продали Черноморский флот и т. д.—Меня отправили в подвал. Охрана в моем присутствии распивала водку».

9. П. *Майоров* — секретарь крестьянской секции, доставил в Следственную Комиссию документы, указывающие, что лев. эсеры без ведома секретаря крестьянской секции получали документы на получение оружия из Ярославля, куда они делегировали членов своей партии, якобы за покупкой кожи и махорки.

13. *Булочников, М. М.*, — делегат с'езда от Козьмодемьянского уезда, Каз. губ. (лев. эсер). «Все события 6 и 7 июня для меня были полной неожиданностью».

14. *Кулагин, Мих. Кон.* (член фракции лев. эсеров). «Сообщение об убийстве Мирбаха произвело на меня крайне гнетущее впечатление».

15. *Звядевич* — шоффер. Арестован поповцами. В штабе ему солдаты говорили: «сегодня будет крах большевистской власти, а потому тебе не зачем ехать в Кремль. На Кремль уже наведена артиллерия. Ты лучше оставайся у нас: мы дадим тебе жалованье и ты будешь работать на своей машине».

16. *Шилов, К. И.*, шоффер. «Я прибыл в город 7 июня в 11 час. утра на Курский вокзал. В первом часу к вокзалу под'ехал отряд Попова. Знакомый шоффер указал на меня, как на шоффера, и меня заставили ехать с человеком, которого называли Саблиным. На мои возражения Саблин пригрозил мне расстрелом. При этом он сказал, что мне бояться нечего, т. к. он, Саблин, по приказу т. Троцкого назначен Комиссаром охраны гор. Москвы».

17. *Швехгемер, В. И.*, председ. полк. ком. 1 Латышского стр. полка, был арестован и доставлен в Штаб Попова, где Попов говорил, что по постановлению Ц. К. партии с.-р. убит германский посол Мирбах и мы требуем немедленного выступления против германцев. «Мы не против Советской власти, но такой, как теперь, не хотим», говорил Попов. Теперешняя власть—соглашательская шайка во главе с Троцким и Лениным, которые довели народ до гибели и почти ежедневно производят расстрелы и аресты рабочих. Если теперешняя власть не способна, то мы сделаем, что можно будет выступить против германца.—Далее указывает Попов, что все воинские части на стороне эсеров. Только латыши не сдаются. «В крайнем случае,—говорил Попов, «мы сметем артиллерийским огнем Кремль с лица земли».

2) В штабе Попова.

1.

Народному Комиссару по военным делам тов. Троцкому.

Комиссара Латышской Стрелковой
Советской див. К. Петерсона.

ДОКЛАД.

Только что явился к комиссару дивизии стрелок 3 Лат. Стр. Сов. полка Вилис Вийтин, который во время разведки был захвачен «в плен» восставшим отрядом Попова. Тов. Вийтин передал следующее:

Около 10 час. утра его задержали и повезли в Штаб Попова на ул. Трехсвятителей, д. 362. Его допрашивали Карелин, Комков и другие, которых товарищ не помнит. Вместе с другими арестованными там же содержался тов. Дзержинский и Лацис. Тов. Вийтина отпустили, чтобы он передал полковому комитету приложенные при сем листки «Ко всем рабочим и красноармейцам» и писанный рукою листок с печатью Ц. К. левых с.-р. Настроение среди стрелков хорошее и ликвидация восстания подвигается успешно. Из отряда Попова к комиссару дивизии явились два делегата, по их словам, коммунисты и заявили, что большинство отряда против этой авантюры и просили, чтобы мы отправили своего делегата раз'яснить им из-за чего происходит обстрел. Мы им все об'яснили и одного делегата отправили обратно, заявляя, что мы своих делегатов к ним не пошлем, а если они решили сдаться, то пусть присылают полномочных парламентеров, которых мы направим к тов. Подвойскому.

В районе Штаба восставших свидетель Вийтин видел и французских солдат, но без оружия.

Приложения: Один печатный лист прокламации и писанный рукою листок, предназначенный для 3 Лат. полка.

Комиссар Лат. дивизии *К. Петерсон.*
Свидетель Стр. III Лат. полка *Вийтин.*

2.

Показания Одинокова, Павла Ивановича, делегата Гжатского Совдепа,

Я с двумя товарищами поехал ночью 6—7 июня в 12 часов в Лефортовский район по поручению фракции комм. на извозчике. Около почтамта, на Мясницкой, нас остановил отряд вооруженный из 8 человек. Спросив нас, кто мы и получив ответ, что делегаты, отряд отобрал у двоих из нас оружие и на ответ наш, что мы коммунисты, нас задержали и отвезли нас в штаб. В штабе Попов спросил отряд, кого он привел, а на ответ, что это коммунисты, распорядился отвести нас туда же, где и прочие арестованные коммунисты. Его остановил Карелин со словами, что раньше надо допросить. И действительно, он стал меня расспрашивать, что было на с'езде, что думает предпринять фракция большевиков, а на мой ответ, что я не знаю, об'яснил, что такие же отряды, как арестовавший нас, стоят по всей Москве, власть большевиков пала, Ленин и Троцкий арестованы, Карелин ответил за предательство России Германии. На наш вопрос, в чем это предательство, Карелин об'яснил, что странно, если мы этого не знаем, ибо они отвезли 46 вагонов хлеба и на 3 миллиарда мануфактуры в Германию и уплатили за социализацию земли Германии 30 миллиардов. В дальнейшем Карелин об'яснил, что Ц. К. партии постановил убить Мирбаха, чтобы вызвать войну. А когда я об'яснил, что мы сейчас ведь не можем воевать, ответил: «ну, что же, если и нас победят, мы вместе с Украиною будем бороться партизанскими отрядами». Еще Карелин прибавил, что он арестовал Ленина и Троцкого за приказ расстрелять левых с.-р. «Раньше, чем расстрелять наших, мы их

расстреляем». Дал на руки листовки, одну печатную, как Вы показываете, (показана прокламация, начинающаяся словами «палач трудового народа»), и 2 листовки на машинке печатаны. Когда у меня в кармане нашли еще два патрона, хотели расстрелять и только Попов удержал словами, что это наши, которые не были даже на фракционном собрании. Нас отпустили.

Подписал *П. И. Одиноков.*

3.

Показание Александра Войновского,

красноармейца, состоящего в распоряжении рев. Трибунала г. Москвы, Солянка, № 1.

6 июня в 9 часу вечера мы шли в Замоскворецкий партийный комитет на собрание. Недалеко от Устинского моста меня задержал конный патруль—4 чел., там же был вооруженный грузовик. Потребовали пред'явления документов. Я пред'явил свой партийный билет члена большевистской партии. Один из патрульных сказал: «а, большевик, вас-то нам и надо!» Нас задержали и препроводили в Штаб Попова. Там нас обезоружили, отняли револьвер. Расписки не дали. Под угрозой расстрела отняли и ремень. Меня посадили в подвал. Матросы, которые нас караулили, хвастались что Кремль взят, Ленин в плену, все арестованы, латыши отказались драться с матросами. Нас было 27 чел. в плену. Когда поповцы бежали, мы были освобождены.

Войновский.

4.

Протокол допроса.

Витковского Филиппа Сидоровича, прож. на Солянке, д. № 1 Москов. Рев. Триб., задерж. во время левоэсеров. мятежа отрядом Попова 6 июля в 9 ч. вечера и освобожденных Советскими отрядами 7 июля в 3 часа дня.

6-го мы, по поручению партийного комитета, отправились в Замоскворецкий район на партийное собрание. На Солянке патруль из 12 человек нас пропустил. Нас было двое: я и т. Войновский. Около Устинского моста патруль из 12 ч., пропустивший нас, снова нас догнал и задержал. На вопрос, куда идем, мы ответили: на партийное

Попов.

собрание. Они спросили нас, кто мы, и потребовали документы. Когда они просмотрели наши документы, то заявили: «ага, большевики, вас-то нам и нужно!» Они потребовали оружие. Мы отказались отдать им на улице. Нас привели в Штаб. В Штабе сидели т.т. Дзержинский, Лацис и секр. Муралова. Попов, по нашем прибытии в Штаб, потребовал оружие, угрожая в противном случае поставить к стенке. Револьвер отобрали. Квитанцию дать мне отказались. Документы я не отдал. После этого нас отвели в подвал, где нас было 24 человека. Матросы, когда нас привели в подвал, говорили нам: «это ленинцы, кот. целуются с Мирбахом. Троцкий, Ленин—продажные шкуры. Они продали всю Россию и Украину немцам». Когда мы пытались им возражать, то они отвечали нам: «ладно, мы с вами расправимся». Они угрожали нам бомбами и обещали взорвать нас, когда им придется отступать. Утром 7 июля они утверждали, что дело левых эсеров подвигается вперед, а именно, к лев.-эсерам присоединились Советские полки. Через 2 часа они заявили нам, что они разбиты. Матросы стали нам говорить, чтобы мы или шли за ними, или уходили. Мы ответили отказом, указывая, что будем ждать своих товарищей. Нам пригрозили бомбами. Через несколько времени они побежали и нас освободили наши товарищи латыши, с которыми прибыл начальн. 16 Летучего отряда Винглинский. В отряде Попова дисциплины никакой не замечалось: почти все были выпивши, постоянно ругались матер. словами и угрожали бомбами. Мы видели, что им раздавали баранки, сапоги и др. имущество. На шкапу я заметил бутылку спирту. Мы забрали винтовки и ушли на улицу.

Витковский.

Мой револьвер за № 58294.

5.

Показания члена Всер. Ц. И. К. Ивана Абрамовича Заводского.

В ночь с 6 на 7 июля 1918 г., по постановлению фракции коммунистов, я был делегирован в Городской Районный Совет, вместе с другими т. делегатами 5 Вс. С'езда. Около 2 ч. ночи 7 июля Городской Районный Сов. получил сведения, что часть войск Покровских казарм под влиянием лево-эсеровской агитации колеблется переходить на их сторону. Гор. Р. Совет в экстр. своем заседании решил послать в Покр. казармы ответственного политического комиссара, который бы и раз'яснил солдатам сущность лево-эсер. авантюры.

Политическим комиссаром назначен был я. По дороге в Покровские казармы я был арестован Поповским патрулем. Обстоятельства ареста были следующие: на вопрос встретившихся патрулей: «куда мы идем и кто мы», я и двое товарищей, посланных со мною из Гор. Р. С., пред'явили им свои мандаты, в том числе я пред'явил свой мандат члена В. Ц. И. К. и делегатский билет Влад. Губ. С. Несмотря на пред'явленные документы, патруль обыскал нас и отобрал имеющееся у нас оружие, об'явил, что мы арестованы, повел нас в Военный Штаб отряда Попова.

По дороге в штаб (в Трех-Святительском пер.) нам удалось скрыться, благодаря замешательству патрулей от неожиданно открывшейся пулеметной стрельбы.

Кто стрелял и в кого—узнать не пришлось.

12 июля 1918 г.

Член В. Ц. И. К. *И. Завадский.*

3. Ликвидация мятежа.

I.

Выписка

из Журнала заседаний 7 VII 1918 года В. Ч. К.

Слушали:	Постановили:
О мятежниках из отряда Попова.	Смертный приговор В. Ч. К., утвержденный В, Ц. И. К. о 1) А. А. Филонове, 2) Ф. Н. Кабанове, 3) С. Н. Пиысине, 4) М. Д. Кострюке, 5) И. А. Кузине, 6) И. С. Буркине, 7) М. С. Загорине, 8) А. Д. Лопухине, 9) Вл. Немцеве, 10) А. Е. Жарове, 11) Н. В. Воробьеве, 12) А. И. Юшманове и 13) Александровиче—привести в исполнение.

II.

Всем Районным Советам Рабочих Депутатов.

Немецкий посол Мирбах убит членом партии Левых Социалистов-Революционеров Блюмкиным, который явился в посольство с документом, с подделанной на нем подписью тов. Дзержинского. Убийство Мирбаха является непосредственным продолжением политики левых эсеров и буржуазных партий—втянуть Россию в империалистическую войну. На предложение Совета Народных Комиссаров выдать убийцу левые эсеры, не отрицая того, что убийство совершено Блюмкиным, ответили отказом. Для убеждения их был послан представитель Совета Народных Комиссаров, т. Дзержинский, который был по приходе к ним арестован вооруженными людьми. Левых эсеров поддерживали ничтожные части вооруженного отряда, состоявшего при Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контр-революцией. Этими отрядами была сделана попытка занять почтамт и были арестованы т.т. большевики—Лацис и Беленький. И кроме того, левые эсеры предприняли и другие меры для организации вооруженного сопротивления Советской власти и защиты своей политики немедленной войны с Германией.

Моск. Сов. Раб. Депутатов предлагает всем Районным Советам немедленно предпринять самые решительные меры к подавлению

попыток левых эсеров к низвержению Советской власти, в чем бы эти попытки ни выражались. При осмотре патрулями на улицах и в подозрительных домах должны быть обезоружены все лица, которые не являются вполне надежной опорой в политике Совета Народных Комиссаров. При малейших попытках лево-эсеровских кругов поднять рабочую массу на свою защиту со всей решительностью, необходимо об'яснить всем рабочим и гражданам Москвы, что нападение левых эсеров на Советскую власть об'ясняется исключительно тем, что они вопреки воле народа и постановлений С'езда Советов поставили своей задачей спровоцировать новую войну с Германией. Необходимо призвать массы рабочих немедленно раздавить эту попытку восстания левых эсеров, в которой их могут поддерживать все буржуазные и белогвардейские группы. В распоряжение районов будут посланы группы т. т. с Всероссийского С'езда Советов для агитации и содействия районам во всей их работе по борьбе с восстанием. Районы обязаны о всем происходящем немедленно извещать Центральный Совет Рабочих Депутатов по следующим телефонам: 64—20, добавочные: 18, 50, 29, 54 и по прямому 3—97—51.

Настоящее об'явление не подлежит пока опубликованию, а предназначается исключительно для внутреннего употребления.

Все телеграммы и распоряжения Президиума должны проверятся по этим же телефонам.

Член Президиума.

III.

В Совет Народных Комиссаров.

Доклад т. т. Подвойского и Муралова.

Совнаркомом нам было поручено взять на себя непосредственную организацию и руководство операции по подавлению восстания левых эсеров.

К организации операций мы приступили в 17 часов 6-го сего июля.

Немедленно же нами даны были следующие распоряжения:

1) районным военным комиссариатам—быть наготове всем вооруженным силам, выставить заставы в разных местах и занять мосты,

2) стянуть войска из лагерей.

После этого приступили к тщательному выяснению состояния и количества наших сил и сил противника и их расположения. Мы считали необходимым выяснить характер наших сил по трем категориям (безусловно преданные части, неопределенно настроенные и ненадежные). Далее приступили к разработке плана операции (разбивка Москвы на боевые районы, разработка как общей операции, так и задач по отдельным районам). Для разработки общего плана операции, по предложению товарищей-латышей—Пече и Козака и после запроса т. Петерсона, был приглашен начальник латышской дивизии т. Вацетис, совместно с которым и был разра-

ботан план и программа военных действий. Для выполнения плана был вызван начальник латышской бригады, т. Дудин, которому и было поручено непосредственное командование 1-ой группой. Тов. Чебышеву было поручено самым спешным порядком доформировать 2 запасные Советские батареи, а тов. Элихову—батарею из слушателей I-х Советских инструкторских курсов; т. Прозоров был послан в Люблино за кавалерийскими частями.

К 20-ти часам был выработан общий план сосредоточения наших сил: предположено было наши силы сосредоточить в двух исходных пунктах: 1) в районе Военного Комиссариата и Храма Спасителя и 2) в районе Страстной площади. В первом районе сосредоточены были: I-й латышский стрелковый полк, образцовый Советский полк, батарея латышской дивизии, рота I-х инструкторских курсов и одна броневая машина, во втором районе—один батальон 2-го латышского полка, батарея из I-ой Советской запасной бригады, батарея I-х инструкторских Советских курсов и две броневые машины. Команда разведчиков 3-го латышского полка в 42 чел. и две броневые машины были оставлены на Арбатской площади. Кроме того, было предписано свести из состава I-ой Советской дивизии—2 роты. которые оставить в районе Арбатской площади в резерве. Численность наших сил к 4-м часам утра достигла следующих цифр: 720 штыков, 12 орудий 3-дюймовых, 4 броневика, команда конных разведчиков в 72 чел. и пулеметная команда в 40 ч. Эти силы предположено было стянуть к району боевых действий к 2-м часам ночи. Командование первой группой, сосредоточенной у Храма Спасителя и Военного Комиссариата, было поручено, как выше указано, т. Дудину. 2-ой группой, сосредоточенной у Страстного монастыря, командовал тов. Рекст. Войска, сосредоточенные в районе Арбатской площади,—оставались в резерве.

Но к двум часам ночи ни одна группа не была на указанном месте. Личный об'езд т.т. Вацетиса и Подвойского с 12-ти часов ночи показал, что войсковые части сосредоточатся в указанных местах не ранее рассвета, что впоследствии и оказалось и, таким образом, уже был проигран ночной характер операций и операции должны были принять характер дневного боя.

В течение ночи точно было установлено, что главные силы левых эсеров были сосредоточены в районе Трехсвятительского пер., имея впереди на большом расстоянии отдельные заставы с пулеметами. Подступы к главным их силам были заграждены окопами (со стороны Покровской площади). Орудия их были наведены в разных направлениях подступов к штабу, а одно орудие—на Кремль. Общие силы противника составляли: от 6 до 8 орудий, 4 броневика, кавалерийский отряд в 80 человек, стрелков до 1800 штыков, при 48-ми пулеметах и при большом количестве ручных бомб и других взрывчатых веществ.

Для проведения операций был дан каждой группе подробный план действий: группе Дудина приказано было действовать с фронта: Устинский мост—Красная площадь в общем направлении на М. Трехсвятительский пер. Группе командира 2-го полка т. Рекст приказано было действовать окружным путем по трамваю линии «А», по Чистым

Прудам, к Покровским казармам и далее к М. Трехсвятительскому пер., держа связь с группой т. Дудина и оставив на Страстной площади прикрытие для артиллерии.

16-му летучему отряду т. Винглинского и Военному Комиссариату железнодорожного района указано было оборонять подступ Курского вокзала против захвата подвижного состава и зданий вокзала отрядом Попова и для преграждения путей отступления.

Около 6-ти часов утра первая группа т. Дудина пошла в наступление, группа командира 2-го полка начала наступление около 4-х часов утра. К этому же времени одна батарея со Страстной площади была переведена к Храму Спасителя.

Первые наши действия сводились к выяснению группировки отрядов Попова, что приводило к столкновению наших отрядов с заставами противника на разных улицах всего фронта. Столкновения с противником выяснили, что отряд Попова занимает фронт от Чистых Прудов до Яузского бульвара. Передовые заставы противника под давлением наших сил постепенно стали отходить к Трехсвятительскому пер., где были сгруппированы главные его силы. По выяснении, решено было подвести артиллерию на руках на самое близкое и возможное для стрельбы расстояние и раздавить мятежников артиллерийским огнем. Эта задача была возложена на 1-ю латышскую батарею I инструкторских Советских курсов. Крайне рискованная и тяжелая задача была выполнена с неподражаемой лихостью. На предложение о сдаче—поповцы прислали своих парламентеров во главе с ад'ютантом Попова, что они не сдадутся и будут сражаться до последнего. После этого, указанные батареи, подведя скрытно орудия на 200 шагов, около половины двенадцатого дня, начали обстрел гранатами. Прежде всего разгромлен был штаб Попова, а затем и еще 2 дома, где помещались силы постоянно квартировавшего в этих домах отряда Попова. Эти удачные в высшей степени действия артиллерии, разгромившей прежде всего штаб, вызвали суматоху во всем отряде и полное расстройство управления.

Захваченные противником наши пленные нам сообщили: когда разгромленный штаб, спасаясь бегством от артиллерийского огня, был замечен окружающими солдатами Попова, то последние со словами: «что ж штаб бежит, а мы будем оставаться»—частью обратились в бегство.

При дальнейших артиллерийских атаках и нашем пулеметном огне остатки мятежников не выдержали и стали, спасаясь поодиночке, бросая оружие, убегать. Группа их направилась Дегтярным переулком с двумя орудиями на Курский вокзал, но там встретила отпор со стороны поставленного нами эскадрона конницы. Бросив артиллерию, она отправилась на ст. «Москва 2-я» и, захватив подвижной состав, стала нагружаться, но это им не удалось, благодаря близости наших войск и благодаря тому, что путь был захвачен посланными нами латышскими стрелками на 2-х грузовиках. Видя окончательную неудачу и этого рискованного маневра, эта кучка, которая состояла из главарей и матросов, главным образом, черноморцев, бросая свой нбагаж

и своих соратников, направилась к северу по направлению к Сокольникам. Она уже не представляла организованной силы, а лишь спасающихся от поимки.

Для преграждения пути было организовано преследование эскадроном конницы, стрелками латышского полка, инженерного батальона с пулеметами, группами железнодорожной охраны, отрядом Пресненского района, отрядом т. Эйдука и продовольственными отрядами т. Зусмановича.

Для об'единения деятельности всех отрядов, преследующих бегущего противника, нами был назначен тов. Антонов, который отправился на автомобиле сначала к Курскому вокзалу, а потом по пятам бегущего противника, по Владимирскому шоссе, по направлению к Богородску. Ему были отданы свободные грузовики для перевозки отрядов и один броневик.

В 18-м часу дня тов. Антонов с небольшим отрядом т. Эйдука и с подходящими частями Пресненского района под'ехали к станции «Москва 2-я», Курской ж. д. Получив сведения о направлении бегущих и о количестве их (до 300 человек), тов. Антонов двинулся по направлению Владимирского шоссе с отрядами Яшвили на 2-х грузовиках Эйдука, часть отрядов т. Зусмановича отправилась на ст. Перово. Тов. Моисеев с 70 чел. занял ближайшие станции по Нижегородской дороге. Выяснилось, то поповцы двигаются по Владимирскому шоссе. На 12-й версте этого шоссе т. Антонов обнаружил взорванный броневик «Гарфорд» с орудиями. На 30-й версте Владимирского шоссе были настигнуты отряды противника, здесь было взято в плен свыше 10 человек, орудия, бомбы, винтовки и автомобили. Одновременно с преследованием по шоссе в г. Богородск послан был броневой отряд под командой т. Ветошкина для того, чтобы не дать возможности бежавшим мятежникам прорваться через Богородск. Ранее этого были посланы комиссары в Богородск для принятия мер против отступающего противника.

На Владимирском шоссе и на флангах его, по предварительным сведениям, нами взято в плен около 300 чел. 8-го сего июля пленных взято свыше 400 человек, к сожалению, рядовых членов партии, а из главарей арестован был только один Александрович (Пресненским Районным Советом). Там же арестован весь районный комитет эсеров, у которых было отобрано двести пятьдесят винтовок и множество бомб.

Сведений определенных об убитых противниках не имеется. Сколько раненых и убитых с нашей стороны, еще не выяснено. Называют пока единичные случаи.

Подводя итоги нашей деятельности в боевой части по ликвидации мятежа, мы считаем необходимым указать, что почти все наши предположения не были осуществлены так планомерно и так быстро, как того требовали обстоятельства.

Причины этого таковы:

1) переформированное наше военное управление находится в стадии развертывания;

2) непосредственное управление войсками находится в не вполне подготовленных руках;

3) боевая подготовка воинских частей только что начата и не везде проходит планомерно, не говоря уже о том, что нигде еще она не доведена до должной высоты;

4) слабость дисциплины нашей молодой армии;

5) связь как в отдельных воинских частях, так и между воинскими соединениями недостаточна: отсутствие самокатов, автомобилей, мотоциклов, лошадей, неисправность телефонов и сплошь и рядом плохое состояние проводов.

К причинам случайного характера, сильно влиявших на операцию, следует отнести:

1) совпадение восстания с кануном большого праздника (Иванова дня), когда многие солдаты были отпущены по домам;

2) расположение большинства частей в лагерях, на большом расстоянии от Москвы;

3) отсылка в тот же день в Ярославль некоторых частей для подавления мятежа, а накануне в Тамбов тоже для той цели, не говоря уже о большом отливе наиболее подготовленных воинских сил на чехо-словацкий фронт.

Содействовали операциям:

1) Присланные Ц. К. нашей партии в распоряжение командования в значительном количестве наши партийные ответственные товарищи, которые были назначены нами комиссарами вокзалов, полков, рот, районных комиссаров, казарм и служили нашей связью, как с районами, так и с действующими воинскими частями и были лучшей нашей разведкой.

Наши упущения:

1) Нами не была своевременно достаточно усилена охрана телеграфа: караул телеграфа из 20-ти солдат был усилен нами только на 15 человек.

2) В тыл противника было послано малое количество партийных комиссаров, которые могли бы проверять и исполнять наши распоряжения по организации завесы на пути отступления противника.

3) Вполне об'яснимая для нас нервность из Кремля, покоющаяся на желании самым быстрым путем подавить восстание, нервировала и нас и иногда выбивала нас из планомерной работы.

Подробный доклад будет представлен нами дополнительно.

Н. Подвойский.

Н. Муралов.

IV.

Сводному отряду Кр. армии под общим командованием начальника караульной команды Красной армии Рогожско-Симоновского района т. Логофета, отправившемуся с согласия народного комисс. тов. Антонова по линии Нижег. ж. д. в целях перерезать путь отсту-

пления отрядам, взбунтовавшим Ц. К—ом левых с.-р.

Вступать в бой с этими отрядами не пришлось, главным образом, потому, что, доходя до линии Ниж. ж. д., войска эти более не представляли из себя даже какого бы то ни было подобия воинских частей. Это были отдельные группы людей, об'единенные лишь общим безумным ужасом перед преследующими их советскими частями. Это было паническое безумное бегство. Грязные, многие без сапог для облегчения бега, большинство без винтовок, некоторые бегущие лево-с.-р.-овские части бросали по дороге в лесу в канавах, часто отдавали встречавшимся обывателям. Некоторые из этих бывших красноармейцев были уже наполовину в штатском. Безумие паники бегства, боязнь потерять каждую лишнюю минуту были так велики, что встречались беглецы, скакавшие на артиллерийских лошадях из-под орудий и зарядных ящиков, некоторые так торопились, что теряли всякую способность соображать и вместо того, чтобы снять хомут или хотя бы отвязать или обрубить постромки, они, боясь потерять на это время, оставляли их болтаться и тем задерживали ход лошадей, калечили их, резали постромками ноги. Беглецы сдавались без всякого сопротивления каждому, кто только хотел их брать. При беглом допросе арестованных подавляющее большинство и говорит, что они ничего не знали, что были одурачены, главным образом, Поповым, что, если бы знали все, то никогда не пошли бы с ним вместе, так как ни в коем случае не хотели выступать против Советской власти. Большинство их называет себя беспартийными, многие большевиками или сочувствующими большевизму. . . . .

Около двенадцати часов дня и ранее, 7-го июля небольшие группы взбунтовавшихся с.-р.-овских частей бродили в некоторых частях Рогожского района, обезоруживали отдельных попадавшихся им красноармейцев, издеваясь над последними и над жидовской, как они говорили, красной звездой красноармейца. Кричали группам рабочих о том, что пришел конец большевистской власти, в других местах старались распространить слухи о том, что уже арестованы видные большевики и т. д. Когда после этого были высланы сильные советские патрули, бродившие с.-р.-овские банды сразу исчезли, их почти не удалось даже встретить. Они, очевидно, разбежались, услышав об этих патрулях от обывателей.

Что можно отметить, как на более отрадное, это горячее участие рабочих с заводов и фабрик в защите Советской власти, что факту реальной победы дает огромную моральную силу. Очень недурно было также впечатление колоссально по сравнению с прежним возросшей военной силы Советской красной армии. Так, по Нижегородской ж. д. контр-революционная обывательская масса за несколько часов до прихода Советских воинских частей, вслух мечтавшая о перспективах будущей расправы с большевиками, после прихода их, видя маневрирование отдельных отрядов красноармейцев, подло заискивала перед ними и лебезила.

Член Военного Комиссариата Рогожско-Симоновского района

(подпись)

4. Следствие и суд.

1) Следственная Комиссия.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ.

Образованная постановлением Совета Народных Комиссаров от 7-го июля с. г. Особая Следственная Комиссия по расследованию контр-революционного выступления партии левых социалистов-революционеров против Рабоче-Крестьянского Правительства, в составе: П. И. Стучка, В. Э. Кингисен и Я. С. Шейнкмана, установила следующее:

1) Стремясь, вопреки ясно выраженной 5-м С'ездом воле рабочих и деревенской бедноты, втянуть Советскую Республику в кровавую войну с Германией, Ц. К. партии л. с.-р. постановил убить германского посла гр. Мирбаха. Постановление это было приведено 6 июля в 3 часа дня в исполнение членами партии левых с.-р. Блюмкиным и Андреевым.

2) С тою же целью вовлечения России в войну Ц. К. партии л. с.-р. сделал 6 и 7 июля попытку захватить власть в свои руки путем вооруженного ниспровержения Рабоче-Крестьянского Правительства, для чего: 1) член партии левых социалистов-революционеров отправил накануне убийства Мирбаха телеграмму в Тулу, призывавшую к боевой готовности, 2) состоящий из левых с.-р. отряд Попова поднял восстание в городе Москве и пытался захватить правительственные учреждения, 3) лево-с.-р. отряд произвел арест Председателя Московского Совета Смидовича, председателя Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контр-революцией Дзержинского, Заведующего отдел. по борьбе с контр-револ. (тов. народного комиссара вн. дел) Лациса и др., также пытался арестовать народного комиссара почт и телеграфов Подбельского и др., 4) вызвали вооруженный отряд для тех же целей из Петрограда, 5) послали за подписью л. с.-р. Лихобадина циркулярную телеграмму, в которой от имени якобы правящей партии приказывалось—телеграфные приказы за подписью Ленина, Троцкого, Свердлова задерживать.

На основании изложенного Особая Следственная Комиссия постановляет: подвергнуть задержанию всех членов Ц. К. партии левых с.-р.

Особая Следственная Комиссия обязывает каждого гражданина задержать и препроводить в Особую Следственную Комиссию следующих скрывшихся членов партии левых с.-р.: Карелина, Камкова (Каца), Черепанова, Голубовского, Саблина, Трутовского, Прошьяна, Магеровского и Фишмана.

7-го июля 1918 г. Председатель *П. Стучка.*
г. Москва. Члены: *В. Кингисен.*

Адрес Особ. Следствен. Комиссии: Москва, Кремль, комн. 37

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Следственной Комиссии при В. Ц. И. К., рассмотрев следственное производство:

1) по делу *А. Шейнкман, М. Л. Спиридоновой, Голубковского, Майорова*,

а) в составлении тайного заговора для вовлечения Российской Советской Федеративной Социалистической Республики путем убийства германского посла графа *В. Мирбаха*—в войну с Германией вопреки воле подавляющего большинства рабочих и беднейших крестьян, выраженной 5-м С'ездом Советов;

б) в попытке путем вероломства, лжи, клеветы и вооруженного выступления свергнуть Рабоче-Крестьянское Правительство, творящее волю большинства Советов Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих Депутатов, и захватить власть.

2) По делу *Блюмкина* и *Андреева*,

а) по обвинению их в руководстве вооруженным выступлением для захвата власти.

б) По делу *Мирбаха* обвиняемых в убийстве германского посла графа *В. Мирбаха*.

И признав, что данными следствия все выше поименованные лица вполне изобличаются в инкреминируемых им преступлениях.

Привлечь в качестве обвиняемых следствие заключить и следствен. материал передать в обвинительную Коллегию Трибунала при В. Ц. И. К.

Е. Розмирович.

2) Показания об убийстве Мирбаха и о мятеже левых эсеров.

а) Показания свидетелей.

Постановила:

1.

Показания Ф. Дзержинского по делу убийства германского посланника гр. Мирбаха.

Приблизительно в половине июня т. г., мною были получены от тов. Карахана сведения, исходящие из германского посольства, подтверждающие слухи о готовящемся покушении на жизнь членов германского посольства и о заговоре против Советской власти. Членами германского посольства был дан список адресов, где должны были быть обнаружены преступные воззвания и сами заговорщики; кроме того списка был дан в немецком переводе текст двух воззваний. Это дело было передано для расследования т.т. Петерсу и Лацису. Несмотря, однако, на столь конкретные указания, предпринятые комиссией обыски ничего не обнаружили и пришлось всех арестованных по этому делу освободить. Я был уверен, что членам германского посольства кто-то дает умышленно ложные сведения для шантажиро-

вания их или для других более сложных политических целей. Уверенность моя опиралась не только на факте, что обыски не дали никакого результата, но и на том, что доставленные нам воззвания нигде в городе распространяемы не были. Затем в конце июня (28-го) мне был передан тов. Караханом новый материал, полученный им из германского посольства, о готовящихся заговорах. Сообщалось, что, вне всякого сомнения, в Москве против членов германского посольства и против представителей Советской власти готовятся покушения и что можно одним ударом раскрыть все нити этого заговора. Необходимо только сегодня же, т.-е. 28 июня, вечером в 9 часов ровно послать верных людей (неподкупных) для обыска по Петровке 19, кв. 35. Необходимо исследовать самым тщательным образом абсолютно все находящееся в квартире: каждый клочок бумаги, книги, журналы и т. д. Если найдется что-либо шифрованное, необходимо доставить в посольство—там сейчас же расшифруют. Хозяином квартиры д—р И. И. Андриянов, у которого живет англичанин Ф. М. Уайбер, главный организатор заговора. Получив такие сведения, т.т. Петерсом и Лацисом был послан в указанное место и время (точно) наряд товарищей, заслуживающих полного доверия—для обыска. Было задержано несколько лиц, в том числе учитель английского языка Уайбер. У него было найдено на столе, в книге—шесть листков шифрованных. Ничего больше, что могло бы его компрометировать, обнаружено не было. Гр. Уайбер на допросе заявил, что он политикой не занимается и что он не знает, каким путем попали в его книжку шифрованные листки и что он сам недоумевает по этому поводу. Один из найденных листков, начинающийся шифром, был передан тов. Караханом членам германского посольства для расшифровки по имеющемуся у них ключу. Они отослали нам этот листок обратно уже расшифрованным, а также и самый ключ. Остальные листки расшифровали уже мы (я, Карахан и Петерс). Ознакомившись с содержанием этих листков, я пришел к убеждению, что кто-то шантажирует и нас, и германское посольство и что, может-быть, гр. Уайбер жертва этого шантажа. Для выяснений своих сомнений я попросил тов. Карахана познакомить меня непосредственно с кем-либо из германского посольства. Я встретился с доктором Рицлером и лейтенантом Миллером. Я высказал им все свои сомнения и мою почти уверенность, что кто-то их шантажирует. Д—р Рицлер указал, что трудно предполагать, так как денег дающие ему сведения лица от него не получают. Я указал, что могут быть и политические мотивы предполагаемой мистификации, как например—желание врагов направить наше внимание на ложные следы. Что здесь какая-то интрига я тем более был уверен, что я получил вполне достоверные сведения, что именно д—ру Рицлеру сообщено, будто бы я смотрю сквозь пальцы на заговоры, направленные непосредственно против безопасности членов германского посольства, что, конечно, является выдумкой и клеветой. Этим недоверием к себе я об'яснил тот странный факт, связывающий мне руки в раскрытии заговорщиков или интриганов, что мне не было сообщено об источнике сведений о готовящихся покушениях; этим недоверием, кем-то искус-

ственно поддерживаемым, я об'яснил и тот факт, что нам сразу не был прислан ключ к шифру и что нужно было убеждать д—ра Рицлера дать нам этот ключ к шифру заговорщиков и что он предлагал первоначально весь материал найденный отправить в посольство. Очевидным для меня было, что это недоверие было возбуждено лицами, имеющими в этом какую-либо цель помешать мне раскрыть настоящих заговорщиков, о существовании которых на основании всех имеющихся у меня данных я не сомневался. Я опасался покушений на жизнь гр. Мирбаха со стороны монархических контр-революционеров, желающих добиться реставрации путем военной силы германского милитаризма, а также со стороны контр-революционеров—савинковцев и агентов англо-французских банкиров. Недоверие ко мне со стороны дающих мне материал связывало мне руки. Результаты обыска и содержание шифрованных листков и сам способ шифрования (шифр детский—каждая буква имеет один только знак, слово отделяется от слова, употребление знаков препинания и т. д.) и неизвестность источника не давали мне никаких нитей для дальнейшего следствия. Опыт же мне показал, что неизвестным источником, безнаказанным и не подлежащим проверке—доверять ни в коем случае нельзя. Кроме того, в данном случае нельзя было доверять тем более, что упоминаемая в шифрованном письме некая Бендерская, видимо, соучастница заговора, была, как мне и (тов. Карахану) было сказано д—ром Рицлером, одновременно и осведомительницей посольства и было высказано со стороны д—ра Рицлера пожелание не арестовать ее немедленно, так как тогда она не сумеет узнавать больше и осведомлять о ходе заговора и чтобы с арестом ее повременить. Я должен отметить, что в расшифрованном в немецком посольстве первом листке фамилия «Бендерская» была заменена точками (..........) (этот расшифрованный листок я отдал при свидании д-ру Рицлеру). Я попросил д-ра Рицлера спросить своего осведомителя, откуда он знает, что можно обнаружить материал, произведя обыск ровно в 9 часов, не раньше и не позже, откуда он получил шифр, какое было назначение найденных шифрованных листков, кого он знает из заговорщиков и т. д. Через тов. Карахана я потом настаивал, чтобы меня лично свели с осведомителями. Фамилия главного осведомителя мне не была названа, что касается Бендерской, то было сообщено, что когда она пришла в посольство в первый раз, у нее был замечен и отобран револьвер. (Бендерская была недавно перед обнаружением шифрованных листков приведена к нам в комиссию по какому-то маловажному делу и была сейчас же отпущена). Следствие вел следователь Визнер, заведующий уголовным подотделом. Д-р Рицлер, наконец, согласился меня познакомить со своими осведомителями. За пару дней до покушения (дня точно не помню) я встретился с ним. В начале нашей беседы присутствовал и лейтенант Миллер. Я стал расспрашивать осведомителя и с первых же ответов увидел, что сомнения мои подтверждаются, что ответы его неуверенны, что боится меня и путает, одновременно старался, видимо, посеять ко мне недоверие со стороны лейтенанта Миллера, чтобы обезопасить себя от меня. Оказалось, что это

он давал первый раз адреса и указания и вот стал при мне же говорить, что по этим адресам были обнаружены нами воззвания, но почему-то дела мы не возбудили. Лейтенант Миллер был недолго при нашей беседе и когда стал уходить, осведомитель вскочил встревоженный тоже уходить и только заверение лейтенанта, что ему нечего опасаться, что с ним ничего не случится—успокоило его немного и он остался. Рассказал он мне следующее (восстанавливаю по памяти и отрывочным своим заметкам, записанным во время разговора с ним). Называется Владимиром Иосифовичем Гинчем (адрес свой указать отказался, хотя я не настаивал). Русский гражданин, в Москве живет около 7 лет, кинематографист. Организация, в которую вступил, называется «Союз Союзников», т.-е. С. С. (см. шифров. листки) или «Спасение России». Обыск по указанным им германскому посольству в первый раз адресам не дал достаточных материалов потому, что надо было его произвести с субботы на воскресенье, а произведен был со среды на четверг (раньше чем нужно). Во время обыска по указанному им адресу в доме Нирензее (Б. Гнездниковский, 10) были найдены воззвания начальником отряда, производящим обыск, Кузнецовым. Он сам был через некоего Мамелюка (француза), с которым случайно познакомился введен в боевую пятерку «С. С.». Савинков организует пятерками (это неверно, Савинков организует четверками, по схеме военной. Примеч. мое. *Ф. Д.*). В пятерку эту входили: Мамелюк, Олсуфьевский, 3 служит. на фабрике (Плющиха, 19), 2) Моране, 3) Фейхис (Петровка, 17, кв. 98 или 89), который, как он знает, Комиссией будет освобожден, как и Уайбер, что отпущены на его освобождение громадные деньги, адвокат получил 50.000 рублей (в списках арестованных я такого не нашел. *Ф. Д.*), 4) Бютель (Большая Дмитровка, 20 или 22, угол. Столешникова, кв. 8). Заговорщические воззвания печатались в 7 типографиях. Между прочим, на Никитской, 4, что там Комиссией были найдены воззвания, в Коммерческом пер., в Серебрянниковском пер., № 5, у Антоновой, где Мамелюка заказывал воззвания. Из этой последней типографии он от мальчика получил 2—3 уже отпечатанных воззвания, передал их в посольство, от мальчика, а не от Мамелюка потому, что его заметили, как он ходит в посольство и перестали доверять. Когда его приняли в «пятерку», потребовали присягу, он дал слово-клятву, что пойманный не выдаст никого из «пятерки», иначе сам будет убит. Заговорщики должны были давать ему воззвания для распространения, для этого дали ему зашифрованный адрес, но потом отобрали. Дали ему 20.000 рублей за участие в Союзе и за то, что ездил с ними на ст. Фили, оттуда на извозчике куда-то поехал и привез в Москву 4 ящика. Много воззваний печаталось на пишущих машинах, где-то на Лубянке. Шифр он получил таким образом: недели 3 тому назад был у Мамелюка, на столе у него был шифр, сам Мамелюк на несколько минут ушел из комнаты, тогда он переписал его себе. В расшифровке письма, найденного у Уайбер, помогал германскому посольству. Об Уайбере узнал у Бендерской. Вошел в ее доверие, она проболталась. Просил ее не арестовать, по крайней мере до субботы, она нужна. Показал ее письмо, писанное к нему, где

говорит о каких-то 800 рублях (спросил меня предварительно, знаю ли я почерк, так как она была нами арестована) и о том, что ее задержали и отпустили. Письмо было помечено 28 VI. В письме был указан ее адрес—я сказал ему, что запишу этот адрес, он просил этого не делать, так как до субботы, по крайней мере, будет не нужен. Адрес ее я все-таки записал, так чтобы он не заметил, что это адрес. После свидания с этим господином, у меня больше не было сомнений, для меня факт шантажа был очевиден. Не мог только понять цели—думал, что «сбить Комиссию и только» и занять не тем, чем нужно. Забыл еще отметить, что в конце разговора, когда я встал, чтобы итти, он просил меня пропуска в Комиссию (что он несколько раз был там со сведениями, но его не хотели выслушивать, что был и в отряде Попова, но тоже толку не добился). После этой встречи я через товарища Карахана сообщил германскому посольству, что считаю арест Гинча и Бендерской необходимым, но ответа я не получил. Были арестованы оба только в субботу после убийства графа Мирбаха.

Александрович был введен в Комиссию в декабре месяце прошлого года в качестве товарища председателя по категорическому требованию членов Совнаркома левых с.-р. Права его были такие же, как и мои, имел право подписывать все бумаги и делать распоряжения вместо меня. У него хранилась большая печать, которая была приложена к подложному удостоверению от моего якобы имени, при помощи которого Блюмкин и Андреев совершили убийство. Блюмкин был принят в Комиссию по рекомендации Ц. К. левых с.-р. для организации в отделе по борьбе с контр-революцией контр-разведки по шпионажу.

. . . .

Сведения об убийстве графа Мирбаха я получил 6 июля, около 3 часов дня от председателя Совета Народных Комиссаров по прямому проводу. Сейчас же поехал в посольство вместе с товарищем Караханом, с отрядом, следователями и комиссарами для организации поимки убийц.

Лейтенант Миллер встретил меня с громким упреком, «что Вы теперь скажете, господин Дзержинский?» Мне показана была бумага—удостоверение, подписанное моей фамилией. Это было удостоверение, написанное на бланке Комиссии, дающее полномочие Блюмкину и Андрееву просить по делу аудиенции у графа Мирбаха. Такого удостоверения я не подписывал, всмотревшись в подпись мою и товарища Ксенофонтова, я увидел, что подписи наши скопированы, подложны. Мне все сразу стало ясно... Партию левых с.-р. я не подозревал еще, думал, что Блюмкин обманул ее доверие. Я распорядился немедленно разыскать и арестовать его (кто такой Андреев, я не знал). Один из комиссаров, товарищ Беленький, сообщил тогда мне, что недавно, уже после убийства, видел Блюмкина в отряде Попова. Между тем сам распорядился о немедленном аресте Гинча, который предлагал до субботы (роковой) не арестовывать Бендерской и эту последнюю. Беленький вернулся с известием, что Попов ему сообщил, будто Блюмкин уехал в больницу на извозчике (Блюмкин, как говорили, там сломал себе ногу), но он, Беленький, сомневался в правде слов Попова, что он скрывает

его из товарищеского чувства, тогда я с тремя товарищами (Трепаловым, Беленьким и Хрусталевым), посоветовавшись с председателем Совнаркома, а также и с председателем В. Ц. И. К.—поехал сам в отряд, чтобы узнать правду и арестовать Блюмкина и укрывающих его. Приехавши в отряд, я спросил Попова, где Блюмкин, тот ответил, что уехал больной на извозчике; я спросил его, кто видел это, тот указал на заведующего хозяйством. Призвали его, он подтвердил. Я спросил его, в какую больницу он уехал, ответил незнанием. В ответах был развязным, видимо, лгал. Я потребовал, чтобы привели постовых солдат, которые подтвердили бы, что видели Блюмкина уезжающим—таких не нашлось. А надо сказать, что солдаты, вооруженные с ног до головы, видимо, были демобилизованы, толпились в штабе и перед штабом, что постовые всюду расставлены. Я потребовал от Попова честного слова революционера, чтобы он сказал, у него Блюмкин или нет. На это он мне ответил: «даю слово, что не знаю, здесь ли он» (шапка Блюмкина лежала на столе). Тогда я поступил к осмотру помещения, оставив при Попове товарища Хрусталева, и потребовал, чтобы все оставшиеся оставались на своих местах. Я стал осматривать помещение с товарищами Трепаловым и Беленьким. Мне все открывали, одно помещение пришлось взломать. В одной из комнат товарищ Трепалов стал расспрашивать находящегося там финна и тот сказал, что такой там есть. Тогда подходят ко мне Прошьян и Карелин и заявляют, чтобы я не искал Блюмкина, что граф Мирбах убит им по постановлению Ц.К. их партии, что всю ответственность берет на себя Ц. К. Тогда я заявил им, что я их об'явлю арестованными и, что если Попов откажется их выдать мне, то я его убью, как предателя. Прошьян и Карелин согласились тогда, что подчиняются, но вместо того, чтобы сесть в мой автомобиль, бросились в комнату штаба, а оттуда прошли в другую комнату. При дверях стоял часовой, который не пустил меня за ними—за дверями я заметил Александровича, Трутовского, Черепанова, Спиридонову, Фишмана, Камкова и других неизвестных мне лиц. В комнате штаба было около 10—12-ти матросов, я обратился к ним тогда, требуя подчинения себе, содействуя в аресте провокаторов. Они оправдывались, что получили приказ в ту комнату никого не пускать. Тогда входит Саблин, подходит ко мне и требует сдачи оружия, я ему не отдал и снова обратился к матросам, позволят ли они, чтобы этот господин разоружил меня—их председателя, что их желают использовать для гнусной цели, что обезоружение насильственное меня, присланного сюда от Совнаркома—это об'явление войны Советской власти. Матросы дрогнули, тогда Саблин выскочил из комнаты. Я потребовал Попова, тот не пришел, комната наполнялась матросами, подошел тогда ко мне помощник Попова—Протопопов, схватил за обе руки и тогда меня обезоружили. Я обратился снова к матросам. Тогда входит Спиридонова и по-своему об'ясняет, почему нас задерживают—за то, что мы с Мирбахом. Между прочим, Трепалов говорил мне, что его обезоружила собственноручно Спиридонова, т.-е. матросы держали его за руки, а она вынула из кармана револьвер. Обезоружив нас, к нам приставили караул, а сами устроили рядом

митинг, где слышен был голос Спиридоновой и хлопки. Надо было с себя и с матросов снять тяжесть измены (это все чувствовали во время нашего обезоруживания) при помощи их фраз и выкриков. Должен еще отметить, что Попов в комнату явился только после того, как мы были обезоружены, и когда я ему бросил «изменник»—сказал, что всегда выполнял мои приказания, а теперь действует по постановлению своего Ц. К. Стал бросать потом обвинения, что наши декреты пишутся по приказанию «его сиятельства гр. Мирбаха», что мы предали черноморский флот. Матросы же обвиняли в том, что отнимаем муку у бедняков, что погубили предательски флот, что обезоруживаем матросов, что не даем им ходу, хотя они на себе вынесли всю тяжесть революции. Единичные голоса раздавались, что обезоружили их, анархистов, расстреляли в Бутырках больше 70 человек, что меня, напр., Советская власть в Орле посадила на 3 месяца на Пасху, что в деревнях повсюду ненавидят Советскую власть. Потом пришли Черепанов, Саблин. Этот первый, потирая руки, радостно говорил: «у Вас были октябрьские дни—у нас июльские», за мной 12 лет научной работы (говорил это, упоминая и опровергая Демьяна Бедного). Мир сорван и с этим фактом вам придется считаться, мы власти не хотим, пусть будет так, как на Украине, мы пойдем в подполье, пусть займут немцы Москву. Попов говорил, что с чехо-словаками теперь не придется воевать. Потом привели арестованными Лациса, Дабаля и др., потом Жаворонкова (секр. Муралова, члена Морской коллегии, по фамилии не знаю), ночью Смидовича, Винглинского и др. Попов радостный прибегал к нам часто со сведениями: отряд Винглинского присоединился к нам, Покровские казармы арестовывают комиссаров и присоединяются к нам, латыши к нам присоединяются, все Замоскворечье за нами, прибыло 2.000 донских казаков из Воронежа, Муравьев к нам едет, Мартовский полк с нами. У нас уже шесть тысяч человек, рабочие шлют нам делегации. Их радужное настроение испортило известие, что Спиридонова и фракция их арестованы. Попов влетел: «за Марию снесу пол-Кремля, пол-Лубянки, пол-театра». И действительно были нагружены людьми автомобили и уехали для выручки. Раздавались консервы, сапоги, провиант, достали белье, баранки. Замечалось, что люди выпили. Из разговоров наших с матросами видно было, что чувствовали свою неправоту и нашу правду. Очевидным было, что там не было никакой идейности, что говорило через них желание нажиться людей, уже оторванных от интересов трудовых масс, солдат по профессии, вкусивших сладости власти и полной беззаботной обеспеченности в характере завоевателей. Многие из них—самые пьяные—имели по 3—4 кольца на пальцах.

Как случилось, что такие попали к нам в отряд? Это дело Александровича, Попова и Ц. К. левых с.-р. Александровичу я доверял вполне. Работал с ним все время в Комиссии и всегда почти он соглашался со мною и никакого двуличия не замечал. Это меня обмануло и было источником всех бед. Без этого доверия я не поручил бы ему дела против Блюмкина, не поручил бы ему расследовать жалобы, которые поступали иногда на отряд Попова, не доверял бы ему, когда он

ручался за Попова в тех случаях, когда у меня возникали сомнения в связи со слухами о его попойках. Я и теперь не могу помириться с мыслью, что это сознательный предатель, хотя все факты налицо и не может быть после всего двух мнений о нем. Отряд же его превратился в банду следующим образом: после посылки финнов на чехо-словацкий фронт осталось их в отряде немного, из оставшихся более сознательных Попов стал увольнять и набирать новых уже для определенной цели. Александрович стал туда постоянно ездить. Пришли черноморцы, я получил о них сведения от т. Цюрюпы, что это банда. Велел Попову сделать разведку. Отряду Попова всегда поручалось разоружение банд и он всегда блестяще выполнял такие поручения, в результате без ведома комиссии он принял до 150 чел. в свой отряд, принимал также и балтийцев по собственному почину и для своих целей. За 2—3 дня до роковой субботы Попов держал свой отряд в полной боевой готовности, нервируя всех «данными» своей разведки, что немецкие контр-революционеры собираются разоружить отряд и арестовать самого Попова. В ночь с пятницы на субботу Попов забил особенную тревогу, что якобы нападение готовится в эту ночь. Верность своих данных подтверждал тем уже не измышленным фактом, что получил от комиссии повестку явиться для допроса в субботу в 2 часа дня. Повестка была послана Комиссией по делу обвинения его в злоупотреблениях при получении с интендантства консервов. Получал гораздо большее количество, чем имел на то право. Оставшиеся финны в большинстве своем остались нам верны до конца.

Должен добавить еще, что из видных эсеров, находясь в помещении, я видел Магеровского. Он пришел к нам в комнату и просил одного из заключенных ими наших латышских разведчиков пойти к нашим и сказать, что все это недоразумение. Александрович, как оказалось, теперь, получив для сдачи в кладовую пятьсот сорок четыре тысячи рублей, отобранных у арестованного—передал эти деньги в Ц. К. своей партии. Кроме того, он старался посеять к Заксу недоверие, заявив мне, что Ц. К. его—не доверяет ему.

Ф. Дзержинский.

10 июля 1918 г.

2.

Показания М. Лациса.

Я, Мартин Янович *Лацис*, заведующий отделом по борьбе с контрреволюцией при Вс. Чр. Комиссии, показываю:

О смерти Мирбаха я узнал в Комиссариате Вн. Дел в $3^1/_2$ часа дня. Сейчас же я отправился во Вс. Чр. К., где узнал, что т. Дзержинский подозревает в убийстве Мирбаха—Блюмкина, заведующего секретным отделением контр-рев. отдела Вс. Чр. К. Самого тов. Дзержинского уже не застал. Он отправился на место преступления. Оттуда меня запрашивали, кончилось ли у нас дело Мирбаха, племянника посла и у кого оно находится, ибо оно обнаружено на месте преступления. Дело Мирбаха было взято у меня Блюмкиным в 11 час. утра 6 июля для наведения какой-то справки. Обратно уже я его не получил. Отсюда мне стало ясно, что покушение на Мирбаха произ-

ведено действительно Блюмкиным. Я немедленно отправился в театр, на заседание с'езда, где застал других членов Вс. Чр. К. из большевиков, Петерса, Фомина и Полукарова. Петерс передал, что Троцкий ему сообщил, что Дзержинский арестован в штабе Попова. Мы немедленно направились обратно в Комиссию и в присутствии тов. Урицкого стали обсуждать создавшееся положение. Запросив по телефону в Штаб Попова, чтобы вызвали к телефону тов. Дзержинского, получили ответ, что этого сделать они не могут. На вторичный вызов к телефону подошел Александрович и тоже сказал, что он Дзержинского вызвать не может. На третий наш запрос он прямо заявил, что он действует по приказанию Ц. К. партии л. с.-р. и вызывать к телефону не может.

Тогда же Троцкий сообщил по прямому проводу, что он уже распорядился двинуть артиллерию и другие части, что я назначаюсь председателем на место Дзержинского, что комиссия распускается, а работников я набираю по своему усмотрению. Тов. Фомина он назначил начальником наружной охраны Большого театра и просил меня написать эту телефонограмму-приказ, что я и исполнил. Мои дальнейшие шаги были следующие:

Тов. Петерс направился вместе с тов. Полукаровым на с'езд усилить внутренний надзор. Распорядился сменить выставленный Поповым караул и поставить на место его самокатчиков. В это время я получил предписание Совнаркома, через Троцкого, арестовать всех л. с.-р. членов комиссии и держать их заложниками. В комиссии в это время присутствовал Закс, который выражал свое полное недоразумение о всем происшедшем. Зная Закса, как человека, которому Ц. К. до этого вынес порицание за участие в решениях о применении расстрелов я, посоветовавшись с другими тов., решил его пока оставить на свободе. Но сейчас же в комиссию заглянул Емельянов. Я немедленно распорядился его арестовать, что и было исполнено. Через несколько минут, это было в часу шестом или в начале седьмого, ко мне забегает тов. Вороницкий с сообщением, что в коридоре наши комиссары арестованы караулом. Я поспешил туда, чтобы выяснить дело, которое мне показалось недоразумением, ибо я предполагал, что караул успел смениться и поэтому наши самокатчики не могли в серьез арестовать наших комиссаров. Но в коридоре меня остановил матрос Жаров с револьвером в руке и скомандовал «руки вверх». Имевшийся с ним отряд солдат медлил меня арестовать и осторожно обыскивал карманы. Жаров скомандовал следовать за ним, спросив предварительно мою фамилию. Узнав, что я, Лацис, он сказал: «его-то мне и надо» и торопил меня и караул уходить. Но я был без шляпы и попросил разрешения сходить за ней. Это было мне как будто разрешено. Я воспользовался моментом, когда арестовывали еще одного из наших комиссаров и забежал в комнату президиума, где по прямому проводу сообщил в Кремль, что меня сейчас арестовали и уводят куда—не знаю.

Нас повели в штаб Попова на Трехсвятительском пер. С нами шел Емельянов. На все мои вопросы о причине, об источнике распоряжения я встречал молчание. По дороге, у Покрова, их караулом были вырыты

окопы и караул пропускал по бульвару только под строгим контролем. В штабе меня встретил Попов и спросил, кто распорядился арестовать Емельянова. Я ответил, что арестовал его я по предписанию Совнаркома. На это последовало заявление Попова, что я по постановлению Ц. К. Л. с.-р. арестован. Начались горячие упреки, что мы заступаемся за мерзавцев Мирбахов и арестовываем тов., которые нас избавили от этого мерзавца. Матросы пришли в раз'яренное состояние и заговорили о моем расстреле. Тогда подошел бритый и бледный Александрович и унял разгоряченных матросов словами: «убивать не надо, отправьте дальше».

Меня повели по коридору, где я наткнулся на бледного, как смерть, Карелина и смеющегося Черепанова. Я обратился к ним с просьбой принять все меры для того, чтобы контр-революционеры не воспользовались нашим инцидентом и не подняли бы восстания против Советской власти. На это мне ответили, что все уже предпринято, а Александрович обещал отправиться в Комиссию, чтобы направить ее работу.

Из боковой двери выглядывал Трутовский и молчал. Меня ввели в комнату Попова, где уже сидели тт. Дзержинский, Трепалов и др. Их охранял караул из матросов-черноморцев, вооруженных с ног до головы. Матросы были в новых ботинках и у каждого еще имелась новая пара сапог. Из разговоров явствовало, что из цейхгауза раздают всем солдатам по две пары сапог и усиленную порцию хлеба и консервов. Матросы закусывали баранками. В нашу комнату часто заглядывал Прошьян и Попов. Попов распространялся о том, что все полки в Москве за ними, что и фронт Муравьева за них и что из Воронежа приехали 2 тыс. казаков. Скоро нас перевели в другое помещение, куда потом стали вводить новых арестованных, между которыми я узнал Вингли́нского и т. Смидовича. К утру начался обстрел штаба нашей артиллерией. Первые два снаряда упали в штаб, после чего все заседавшие там стали разбегаться. На наши выкрики, что они трусы, они молчали и скоро, час. к 11, исчезли. Скоро снаряды стали попадать и в наше помещение. Благодаря охранявшему нас караулу, мы перешли в автомобильную мастерскую, где пробыли до нашего освобождения.

Отряд Попова состоял сплошь из людей, терпимых Поповым. Все большевистские элементы оттуда удалялись. В штаб Попова не допускались даже более революционно настроенные с.-р., как, например, Гуркин. О новом составе штаба я ничего не знал. О присутствии черноморских матросов я тоже не знал. Накануне я был уведомлен, что в отряде Попова ведется им же противосоветская агитация. Я тогда распорядился усилить там разведку и доложить Комиссии, но события меня предупредили. Содержание отряда шло на счет интендантства. Отряд находился в распоряжении президиума, но фактически им ведал и распоряжался Александрович.

Блюмкин начал работать в комиссии в первых числах июня месяца. Он был откомандирован Ц. К. П. Л. С. Р. на должность заведующего «немецким шпионажем», т.-е. отделением, к.-р. отдела по наблюдению за охраной посольства и за возможною преступною

деятельностью посольства. Блюмкин обнаружил большое стремление к расширению отделения в центр Всероссийской контр-разведки и не раз подавал в комиссию свои проекты.

Но там голосами большевиков были провалены. В моем отделе я Блюмкину не давал ходу. Единственное дело, на котором он сидел — это дело Мирбаха - австрийского. Он целиком ушел в это дело, просидев над допросами свидетелей целые ночи. Дело Мирбаха возникло в связи с самоубийством Ланстрем. Я Блюмкина особенно недолюбливал и после первых жалоб на него со стороны его сотрудников решил его от работы удалить. За неделю до 6-го июля Блюмкин уже у меня в отделе не числился, ибо отделение было расформировано по постановлению комиссии, а Блюмкин оставлен без определенных занятий. Это решение Комиссии должно быть запротоколировано в протоколах Комиссии в первых числах июля или в последних числах июня.

Теперь я вспоминаю, что Блюмкин дней за десять до покушения хвастался, что у него на руках полный план особняка Мирбаха и что его агенты дают ему все, что угодно, что ему таким путем удастся получить связи со всей немецкой ориентацией. Блюмкин набирал служащих сам, пользуясь рекомендацией Ц. К. л. с.-р. Почти все служащие его были с.-р., по крайней мере Блюмкину казалось, что все они с.-р.

Блюмкин особенно настаивал на устройстве фотографии при его отделении и рекомендовал своего фотографа Андреева.

Андреев за неделю до покушения тоже покинул работу, заявив, что Ц. К. с.-р. его командирует на другую работу.

Блюмкин первое время проживал в помещении Ц. К. л. с.-р. по Леонтьевскому пер., 18. Где он жил в последнее время не знаю.

16 июня 1918 г. *Лацис.*

3.

Особой следственной комиссии по делу левых с.-р.

В ночь с 7-го июля с. г., по назначению фракции коммунистов Всер. С'езда Советов, в связи с выступлением левых с.-р., я ехал на советском автомобиле из Совета в Сокольничий район. Проезжал по Мясницкой, у входа в телеграф, на главном почтамте я был задержан группою вооруженных лиц, требовавших пропуска и оружия. Лестницы телеграфа были наполнены вооруженным отрядом солдат. По проверке пропуска и после моего заявления, что я, как председатель Московского Совета, никому не должен давать отчет о том, имею ли оружие, мой автомобиль под конвоем двух солдат был отправлен в штаб Попова, в Трехсвятительском переулке.

Здесь меня встретили очень любезно, не обыскали, провели в комнату, где совещались Прошьян, Черепанов, Саблин, Магеровский и др., которым фамилии не знаю. На улице, в проходах, внутри здания было много вооруженных людей, все в военной форме. Прошьян начал мне об'яснять, что меня задерживают, как заложника, в виду того,

что по распоряжению Совнаркома задержана Спиридонова и ряд других членов партии с.-р. Это об'явление я оборвал тем, что вышел в соседнюю комнату. Создавшееся положение было тягостно и для меня, и для всех присутствующих. В это время, судя по отдельным фразам, происходило продвижение левых с.-р. к театру. Здесь настроение было бодрое, ожидались какие-то подкрепления. Черепанов спросил меня: «что, разве не похоже на октябрьские дни»?—«Совершенно то же самое», ответил я иронически.—«Вы в октябре осмелились сделать переворот, а теперь осмелились мы». И еще:—« Мирбах убит. Брестский мир во всяком случае сорван. Теперь все равно война с Германией и мы должны итти против нее вместе».

Из этих и других фраз и отрывков фраз у меня создалось представление, что совершена попытка ниспровержения существующего правительства для замены его другим,—каким,—это им самим было неясно. Полагаю, что люди эти не управляли ходом событий, а логика событий захватила их и они не отдавали себе отчета в том, что они сделали. Ни системы, ни плана у них не было.

Меня отвели в комнату другого здания через улицу, где я встретил Дзержинского, Лациса и друг. человек двадцать. Вскоре привели и Винглинского.

В нашу комнату все время входили и выходили матросы и солдаты. Первые относились враждебно, сдержанно и молчаливо. Вторые, наоборот, много говорили и слушали и склонялись или становились на нашу сторону. Но здесь все время царила растерянность, обнаруживалось сплошь полное непонимание того, что происходило. С первыми орудийными попаданиями паника охватила штаб и совершенно расстроила ряды солдат и матросов.

После перехода в другое, менее опасное, как нам казалось, помещение, не нас уже охраняли, а старались приходящие к нам группами солдаты у нас найти защиту от предстоящих репрессий.

Петр Смидович.

Показания о выступлении лев. с.-р. члена Комитета баталиона связи латышской стрелковой советской дивизии Карла Ивановича Берзина.

В субботу 6-го числа я услыхал об убийстве графа Мирбаха и в тот же вечер я отправился к товарищу на Красносельскую улицу, где и ночевал. На другой день, когда мы отправились в штаб, то слышали отдаленную стрельбу. Мы вернулись опять к товарищу на квартиру, он взял свою винтовку и пошли с ним в штаб. У Земляного Вала мы встретили вооруженную толпу матросов, которые стреляли по домам и заставляли закрывать окна. Заметив нас, они стали нас спрашивать: «кто мы». Мы с товарищем ответили: «свои». Они приказали поднять руки вверх и предложили отдать винтовку и удостоверение на право ношения оружия. Мы стали их спрашивать, в чем дело. Они ответили: «в штабе вы расскажете все», и повели в штаб Попова.— В штабе нас окружили пьяные матросы и несколько армейцев. Нас спросили, из какой мы части. Мы ответили. Затем они дали нам их

прокламацию, составленную левыми эсерами, с требованием восстания. и проч. Окружившие нас матросы и армейцы говорили нам, что многие полки присоединились к ним и что только Латышские полки не присоединяются. Говорили также, что Ленин и Троцкий продали Россию и мы требуем восстания против насильников. Я им ответил, что наши полки всегда стояли на защите Советской власти и будут стоять до последнего.

После этого разговора нас ввели в отдельную комнату, где молодой человек, одетый в штатское стал нам раз'яснять их программу и подговаривать присоединиться к ним. В это время на улице открылась сильная стрельба и вбежавший матрос приказал находящимся матросам в комнате выходить скорей на улицу и принимать участие в стрельбе, а мне проговорил, чтобы не проливать напрасно крови поезжайте в свою часть с нашими представителями и переговорите там, чтобы скорей присоединялись к нам, а товарищ останется у нас заложником. Был подан автомобиль с белым флагом. В автомобиль сели: я, казак и матрос, которые были вооружены. Я им предложил оружие оставить. Они оставили. Около почтамта нас остановили солдаты, спросили об оружии, и убедившись, что такового у нас нет, сел с нами один комиссар и мы отправились в штаб батальона связи. По приезде туда я обо всем доложил командиру батальона, который возмутился поступком эсеров и сказал им, казаку и матросу, что если они не отпустят товарища, оставленного заложником, то мы сейчас же с вами посчитаемся, как всегда считались с контр-революционерами. Они стали говорить командиру, что они сами не понимают, зачем их вводят в заблуждение. После разговоров командир приказал ехать в штаб дивизии и все рассказать. Мы поехали в штаб дивизии. Там нас встретили наши комиссары, которые заявили казаку и матросу, что вести переговоры с вами мы не желаем, пришлите уполномоченного от Попова, тогда мы с ним поговорим, а до того мы продолжаем бомбардировать отряд. Матросу предложили остаться в штабе дивизии до приезда уполномоченного от Попова. Мы с казаком и комиссаром поехали в штаб отряда Попова. Приехав туда, я увидел, что орудия и пулеметы увозят и слышал голоса: собирайтесь скорей, мы переходим на новые позиции к Курскому вокзалу. Мы с казаком вошли в штаб и передали находящимся там лицам то, зачем приехали. Меня попросили выйти из комнаты, а казак остался там. Через несколько минут меня позвали туда и указали на одно лицо, сказав: «вот человек уполномочен от имени Попова вести переговоры с комиссаром, который с вами и поедет». Я и уполномоченный поехали на автомобиле в штаб, но по дороге предложил уполномоченному заехать на почтамт, чтобы пригласить комиссара. Он, уполномоченный, предложил мне: лучше ухать прямо к Муралову, но я ему ответил, что к Муралову не поеду, пока не будет доложено комиссару на почтамте. Он согласился. Прибыв на почтамт, я передал по-латышски своим товарищам на почтамте, что отряд Попова отступает. В это время комиссар пригласил уполномоченного к себе и арестовал его..

Берзин.

б) ПОКАЗАНИЯ ОБВИНЯЕМЫХ.

Показания Спиридоновой, Марии Александровны.

Я состою членом Ц. К. партии левых эсеров. У нас состоялось постановление о необходимости убить германского посла графа Мирбаха, в осуществление принятого нами плана—расторгнуть Брестский мирный договор. Ц. К. партии выделил из себя очень небольшую группу лиц с диктаторскими полномочиями, которые занялись осуществлением этого плана, при условиях строгой конспирации. Остальные члены Ц. К. никакого касательства к этой группе не имели. Я организовывала дело убийства Мирбаха с начала до конца. Узнав о совершенном убийстве, я отправилась с докладом об этом на С'езд Советов, для об'яснения этого акта и для принятия ответственности перед лицом всех трудящихся и перед Интернационалом. Убийство агентов германского империализма, свивавших гнездо контр-революции в самом центре Р. С. Ф. С. Республики, есть только один из частных актов борьбы нашей партии со всяким империализмом и с его представительством, борьбы против всяких соглашательств и союзов с каким бы то ни было империализмом. С негодованием отвергаю распространяющееся обвинение Ц. К. партии в вольном или невольном союзе с английской, французской и всякой другой буржуазией. Программа нашей партии и пути ее ясны и прямы. Через отказ от всяких соглашательств и коалиций с каким бы то ни было империализмом, чрез классовую борьбу трудящихся, против классовых врагов—помещиков и капиталистов, через восстание и через Интернационал—к победе над войной и над эксплоатацией мировой буржуазии, к завоеванию социализма.

Считаю нужным заявить, что тов. Мстиславский не состоит членом Ц. К. партии с.-р. После 2-го и 3-го С'езда партии, никакого участия в активной партийной работе не принимал, а заведывал исключительно газетой. О постановлении Ц. К. о Мирбахе не знал. С постановлением Ц. К. партии об убийстве Мирбаха связаны только постановившие и выполнявшие это постановление. Партийный с'езд дал директивы Ц. К. всемерно способствовать расторжению Брестского договора, не предрешая ни одной формы такого расторжения. Фракция С'езда Советов, приняв резолюцию С'езда партии, также ни принципиально, ни практически не входила в обсуждение форм

расторжения Брестского мирного договора. Во всех постановлениях Ц. К. партии свержение «большевистского» правительства ни разу не намечалось. Все происшедшее является результатом стремительной защиты русским правительством убитых агентов германского империализма и самозащиты Ц. К. партии, совершившего это убийство.

Ц. К. партии выделил для приведения в исполнение решения Ц. К. «тройку», фактически же из этой тройки этим делом ведала я одна. Блюмкин действовал по поручению моему. Во всей инсценировке приема у Мирбаха я принимала участие, совместно обсуждая весь план покушения с т.т. террористами и принимая решения, обязательные для всех. Блюмкин должен был говорить с Мирбахом о деле племянника Мирбаха. Ввиду того, что у нас были опасения, что немцы, имея связь с Мирбаховскими военнопленными (вооруженными) могут сделать внутреннюю оккупацию Москвы и что к ним примкнут белогвардейские элементы, мы приняли меры к мобилизации лево-эсеровских боевых сил. Думаю, что телеграф был занят для использования его для осведомления об убийстве Мирбаха и об'яснения этого акта.

М. Спиридонова

10 июля 1918 г.

Показания Юрия (Георгия) Владимировича Саблина.

Я был опознан председателем Царицынского Совдепа, лично мне неизвестным, Ерманом, во вторник 16-го июля вечером на пароходе, шедшем из Саратова в Царицын, в момент отхода парохода из Саратова. В Камышине я был сдан в штаб чрезвычайной комиссии по борьбе с контр-революцией. Это было 17-го.

Я член партии левых эсеров с момента ее основания. Членом Ц. К. партии и в каких-нибудь иных партийных комитетах не состою. В последнее время был военным комиссаром обороны Московского района, по назначению народного комиссариата по военным делам.

Пред'явленное мне постановление Ц. К. П. Л. С.-Р. от 24 июня с. г. мне не было известно.

Партийный с'езд продолжался дня четыре и закончился, кажется, 1-го июля.

В первый день с'езда Советов мне стало известно, что из состава Ц. К. П. Л. С.-Р. выделено бюро с чрезвычайными полномочиями; во время перерыва, после внеочередного заявления Троцкого, Камков мне сообщил о возможности ареста Ц. К. П. Л. С.-Р. и даже фракции, в связи с возможным обострением отношений с большевиками на этом вечернем заседании; в этом разговоре, ставшем общим, я и вынес впечатление о существовании бюро. Во время этого разговора мне было предложено установить связь с лево-эсеровским отрядом Попова. В тот же вечер я сейчас же поехал к Попову в целях установления этой связи.

6-го утром происходило заседание фракции; не помню там ли, или в ином месте мне сказали, чтобы я ехал в отряд Попова. Я прибыл

туда во втором часу. Там были некоторые из членов Ц. К.—Камков, Черепанов, Карелин и Прошьян. Мне тут сообщили, что сейчас должен произойти террористический акт—убийство Мирбаха. Мне было предложено остаться в распоряжении Ц. К. здесь же.

После этого я на полчаса уехал, был у себя в Метрополе, взял на всякий случай маленький чемоданчик со штатским костюмом и пальто и вернулся.

Когда я вернулся, мне сообщили, что Мирбах уже убит и что совершившие террористический акт находятся здесь. Зайдя в последнюю комнату, я увидел Блюмкина и Андреева, которых я раньше хорошо знал, как товарищей по партии. Мне было сказано о том, что Блюмкин, раненый, вошел в комнату к Попову, когда там находился тов. Беленький и что Беленький после этого уехал. От Блюмкина я узнал, что выданные ему документы на его настоящее имя, остались в кабинете у графа Мирбаха. Таким образом мне стало ясно, что в ближайшем же будущем следует ожидать чьего-либо посещения с целью розыска Блюмкина в отряде Попова. Об этом я доложил Центральному Комитету.

Было решено ожидать. Приехавши, Дзержинский в соседней комнате потребовал у Попова выдачи Блюмкина. Попов заявил о незнании местонахождения последнего. Тогда Дзержинский пошел его разыскивать. Попов доложил об этом Ц. К. Ц. К. решил об'явить Дзержинскому, что террористический акт совершен по постановлению Ц. К. Камков и Карелин пошли в соседний двор, где находился Дзержинский и заявили ему об этом. Когда они втроем вернулись обратно, то Дзержинский совершенно бледный, крайне взволнованным голосом начал требовать, чтобы к нему привели Попова. Камков в это время прошел в комнату Ц. К. и заявил, что Дзержинский грозит арестовать его и Карелина. Тогда в целях самозащиты Ц. К. решил задержать Дзержинского, Беленького и приехавшего с ними еще одного комиссара, что и было приведено в исполнение, несмотря на протесты т. Дзержинского, потребовавшего от солдат подчинения ему и приказывавшего им арестовать всех нас.

После этого М. А. Спиридонова отправилась на с'езд для оглашения декларации Ц. К. П. Л. С.-Р.

Вслед за этим тайная разведка донесла, что арестованы матросы, сопровождавшие в автомобиле Марию Александровну. Затем, что выход из Большого Театра закрыт; позже о том, что Спиридонова и вся фракция арестованы. По телефону нам был передан текст правительственного сообщения об убийстве Мирбаха. Для нас было ясно, что аггрессивные действия против нас начаты.

Это подтвердилось появлением вблизи отряда Попова патрулей, остановкой автомобильного движения, кроме тех, кто имел специальный пропуск, подписанный Лениным, Троцким и Свердловым.

Тогда нам было приказано, вернее Поповым, задерживать все автомобили, проезжающие в районе расположения отряда и его патрулей. Таким образом был задержан тов. Смидович, трое спутников которого, по моему приказанию, были освобождены. Было приказано

спрашивать документы у всех проходящих. Среди них оказалось около 20-ти членов С'езда Советов—фракции большевиков. Все они были немедленно отпускаемы после стереотипного вопроса о судьбе фракции левых эсеров. Позже был задержан ад'ютант т. Муралова, тов. Жаворонков.

Были приведены арестованными тов. Лацис и, кажется, два комиссара. По чьему приказу они были арестованы—я не знаю.

После митинга в Покровских казармах первый Мартовский полк заявил о своей солидарности с отрядом Попова и прислали арестованным военного комиссара гор. района т. Шоричева. То же самое сделал отряд Винглинского. Из его отряда прибыла делегация, которая просила арестовать Винглинского, мешающего им присоединиться к отряду Попова. Незадолго перед этим сам Винглинский был в отряде Попова. На расспросы он ответил, что рад убийству Мирбаха, что будет помогать отряду Попова в случае попытки разоружения этого отряда, что он только что был у Муралова, что тот настроен против немцев и против отряда Попова ничего предпринимать не собирается. Это было около полуночи. Всем его ответы показались подозрительными. Поэтому когда пришла делегация из отряда Винглинского, то Попов сейчас же послал несколько матросов, которые вместе с делегацией арестовали Винглинского и привели его и часть его отряда к отряду Попова.

В. Саблин.

Относительно эпизода с телеграфом мне известно следующее:

Ц. К. выработал текст телеграмм. На телеграфе стоял караул из Покровских казарм. Тов. Прошьян взял с собой около 10 человек из отряда Попова и 5 человек из Покровских казарм для того, чтобы эти последние об'яснили караулу на телеграфе, который был из их же части, смысл происходящих событий. 10 же человек из отряда Попова были взяты для охраны по пути. Как мне известно, караул на телеграфе свободно пропустил т. Прошьяна, который, отправив телеграммы, вернулся обратно в штаб Попова.

В ответ на все поступавшие к Ц. К. предложения об активном поведении по отношению к Совнаркому, предпринимавшему явно враждебные к Ц. К. и отряду Попова шаги, Ц. К. отвечал заявлениями о необходимости придерживаться строго оборонительных действий,

ни в коем случае не выходя из пределов обороны района, занятого отрядом. Таким образом совершенно неиспользованными остались караул на телефоне, телеграфе и Вс. Чрезвычайной Комиссии. Также неиспользованными остались предложения о захвате Кремля и центра города. По заявлению Попова, в его отряде было около 800 чел., по-моему же, не более 600. Что касается присоединившихся частей, то ничем, кроме заявлений, они своего присоединения не выявили.

Лишь из отряда Винглинского перешло к Попову около 50 человек.

С утра 7-го числа началась перестрелка между передовыми частями отряда Попова и противника. К 10-ти часам перестрелка (ружейная и пулеметная) достигла своего максимума. Затем несколько стихло. Отряд Попова потерял к этому времени около 2—3 убитых и 20 раненых. В этот момент Попов, явившийся на заседание Ц. К., об'явил о необходимости немедленного отступления. Решение об отступлении было принято. Это совпало с начавшимся крайне удачным обстрелом штаба Попова из орудий. Я занялся эвакуацией раненых. Когда весь отряд уже ушел, ко мне подбежал один из часовых при задержанных и спросил, что с ними сделать. Я велел отпустить, когда все уйдут. Затем сел в автомобиль и нагнал ушедший отряд. Первая группа ушла в 11-ом часу вместе с Поповым, последняя приблизительно через час.

Юрий Владимирович Саблин.

Дополнительное показание по делу левых с.-р., данное на основании прав, предоставленных мне декретом Рев. Трибунала от 4 мая с. г. (согласно раз'яснению обвинительной Коллегии в отношении ее за № 267).

В дополнение к показанию моему от 22 июля показываю:

Насколько мне известно формирование «отряда особого назначения» было предпринято Всероссийским штабом л. с.-р. по предложению т. Муралова (отряд должен был находиться в его распоряжении) о чем в 20-х числах июня им был отдан приказ, а 22 июня были утверждены штаты отряда (смотри страницу 26 вещественных доказат.).

Для сформирования этого отряда вызывались боевые дружины из Витебска и других мест. Ко времени событий 6—7 июля отряд находился еще в периоде формирования и ни один человек из его состава в событиях 6—7 июля участия не принимал.

Считаю своим долгом указать на то, что ни следственная комиссия, ни обвинительная коллегия не уделили никакого внимания участию в событиях 6—7 июля—германских и австрийских военнопленных.

Участие их устанавливается:

1) Показанием Николая Ефретова (на стр. 87а, т. I).

Упомянутые в этом показании военнопленные были допрошены и показали, что они из части сформированной Белла Кун и, что, посылая их против левых с.-р., им об'яснили: что это такие люди, что

хотят убить всех австро-германцев, подтверждая эти слова ссылкой на убийство левыми с.-рами графа Мирбаха.

2) Об участии военнопленных в процессе отмещения за голову графа Мирбаха писал на страницах «Известий» (или «Правды») и Белла Кун—о занятии ими утром 7 июля здания почтамта и телеграфа.

3) Об этом же говорил мне и следователь Кингисен при допросе 22 июля и даже собирался вызвать для одновременного со мною, допроса гр. Белла Кун, чтобы выяснить степень участия военнопленных, для меня, недостаточно ясную.

Не вдаваясь по существу в содержание обвинительного акта, считаю себя в праве коснуться здесь тех странных, чтобы не сказать более, «ошибок», на которые мне пришлось наткнуться при первом же просмотре обвинительного акта.

1) После 4-го С'езда Советов фракция Ц. И. К. имела не 20 мест, а 47.

2) Ваше указание на то, что в распоряжении левых с.-р. было 1700—1800 человек, ошибочно, ибо, как я уже указывал, ни один человек из формируемого «отряда особого назначения» участия в событиях 6—7 июля не принимал, в отряде же Попова было около 600 человек, из которых активное участие принимало не более 200—300 человек, остальные же или были заняты на постах в городе, или отдыхали после дежурства, или просто шатались, ничего не делая.

3) На странице 11-ой обвинительного акта, цитируя показание т. Дзержинского, говорится: «Черепанов и Саблин с торжеством заявили ему (Дзержинскому) «вот де у вас были октябрьские дни, а у нас будут июльские» и т. д.

В действительности в показаниях Дзержинского на стр. 65, том I говорится. «Потом пришли Черепанов и Саблин. Этот первый, потирая руки, радостно говорил «у вас были октябрьские дни, у нас будут июльские» и т. д. всю фразу до конца.

Как будто Дзержинским определенно говорится, что эта фраза была произнесена не мною.

Доказывать правильность последнего мне представляется излишним. Довольно того, что октябрьские дни я имею право больше называть своими, чем многие другие из говорящих это.

Право это закреплено за мною хотя бы постановлением В. Ц. И. К. 2-го состава (в заседании не то 3, не то 4 ноября 1917 года) о посылке мне в Москву приветственной телеграммы по поводу моей борьбы на октябрьских баррикадах и моего ранения от руки «рудневцев».

Из остальных «ошибок», бросившихся в глаза, укажу еще на следующие:

4) На стр. 14-ой обвинительного акта говорится о том, что из своего показания явствует, что приказание о задержании всех автомобилей было отдано мною. Если же вы возьмете на себя труд взглянуть в подлинный текст моего показания на стр. 106, то увидите, что подобное ваше заключение не соответствует действительности.

5) К числу подобных же «ошибок» относится приписка мне а) агитации среди воинских частей за вооруженное выступление и свер-

жение Советской власти—о чем ни в одном показании нет ни малейшего указания и в) «руководства» военными операциями, ибо вряд ли руководство эвакуацией раненых подходит под столь громкое название.

Что же касается обвинения «в укрывательстве от ареста Блюмкина», то на столь циничный призыв выдавать на расстрел товарища по партии—я не считаю возможным что бы то ни было отвечать.

Ю. В. Саблин.

3) Заключение обвинительной коллегии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Обвинительной Коллегии Верховного Революционного Трибунала при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете Советов по делу о контр-революционном заговоре Центрального Комитета партии Левых Социалистов-Революционеров и других лиц той же партии против Советской Власти и революции.

Мощным напором революции рабочий класс, солдаты и крестьяне России низвергли в октябре 1917 года господство буржуазии и, вырвав власть из рук временщика Керенского, передали ее Советам; они открыли этим эру социалистического переустройства России и в качестве выразителя воли II Всероссийского С'езда Советов во главе страны поставили Совет Народных Комиссаров Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

Неимоверно тяжелые условия, в которых оказалась Советская власть с первых же пор своего существования, потребовали от новой власти максимального напряжения всех ее творческих сил и одновременно при неуклонном стремлении ее к достижению поставленных целей, потребовали величайшей осторожности и осмотрительности в тактике, дабы не подвергнуть излишним опасностям республику, на которую история возложила величайшие задачи и у которой было слишком много врагов. Совет Народных Комиссаров, состоя в подавляющем большинстве своем из представителей политической партии большевиков, нуждался в это время, более чем когда-либо в поддержке и помощи со стороны тех элементов населения, которые, не будучи чисто пролетарскими по своему составу, все же могли бы быть в состоянии понять и величие стоящих на очереди задач и оценить трудности, которые также предстояли на новом пути. Политически так выразилось в блоке партии коммунистов-большевиков с партией это называемых «Левых Социалистов-Революционеров», отколовшихся от старой партии эс-ров незадолго до октября 1917 г. и окончательно сблокировавшихся с большевиками после их победы в октябре. Экономически блок основывался на глубоком убеждении Совета Народных Комиссаров, что многомиллионная трудовая крестьянская масса пролетариата не менее кровно заинтересована в осуществлении в полной мере лозунга «вся власть советам» и на этом пути будет итти вместе с рабочим классом в его борьбе.

К сожалению, политическая деятельность показала, что солидарность крестьянских масс с революцией и солидарность политической партии левых соц.-революционеров с революционной пролетарской тактикой далеко не представляли собою безусловно великих вещей.

IV Всероссийский С'езд в этом отношении окончательно поставил все точки над и. Вопрос о ратификации мирного договора с Германией, подписанного нашей делегацией в Бресте 3 марта 1918 года, был тем вопросом, по которому тактическое расхождение большинства С'езда, большинства Совета Народных Комиссаров и партии коммунистов с партией левых эсеров сделало невозможным всякий дальнейший блок и дальнейшую совместную работу в правительстве.

Подавляющим большинством в несколько сот голосов IV Всероссийский С'езд ратифицировал договор с Германией и это голосование разрешило вопрос. Левые эсеры вышли из состава правительства и заняли скамьи оппозиции. С'езд признал невозможность в тех условиях для России далее продолжить войну, признал об'ективную неизбежность полного поражения русской революции в случае продолжения войны, а, следовательно, и неизбежность ее гибели под сапогом германского империализма, одновременно с восстановлением власти буржуазии при помощи германских штыков. Но, приняв мир одновременно с этим, С'езд постановил использовать в связи с брестским миром возможность выиграть время, использовать для воссоздания армии передышку, которая, благодаря миру, проистекала для русской революции, хотя бы на одном из фронтов, использовать ее для укрепления революции внутри страны, для сохранения Советской России, как очага мировой революции. С'езд учел и понял, что вести войну против воли народа есть безумие и преступление со стороны народной власти и еще горшая авантюра, чем все войны царской монархии.

Партия левых соц.-революционеров отказалась ратифицировать мир. Вышедшая из недр той самой старой партии соц.-революционеров центра, которая с самого начала революции в своей подавляющей массе заняла откровенно буржуазную позицию, партия левых эсеров не могла окончательно порвать с породившей ее средой и унаследовала от нее и веру в революционную фразу, и теорию героев и толпы, и неумение, и бессилие подняться выше в нужный момент над интеллигентским преклонением перед словесным фетишем. Полные неверия в революционные творческие силы народа, способного вынести все испытания, посылаемые историей, вожди партии левых эсеров, как и подобает «героям», предпочли проповедь словесной «беспощадной борьбы до конца» революционному служению народа в неимоверно тяжелых условиях реальной действительности. Устами своего лидера гражданина Камкова партия проповедывала войну «покуда крестьянство трудовое, покуда пролетариат не раздавлен, растоптанный в крови международным империализмом» и устами Штейнберга— «восстание повсеместное для оказания помощи трудовым массам». (См. стеногр. отчет речей Камкова и Штейнберга т. 2-ой следств.

материала). «Создание миллионной социалистической армии» и надежда, «что передышкой будет достигнута национальная мощь» являлось — по словам Камкова — «одной из худших утопий». В то же время тот же Камков стремился убедить С'езд, что «вопрос о поднятии революционного движения в других странах является вопросом нескольких дней, быть-может, часов» и делал из всего этого неожиданный вывод, что «те, кто ратифицирует мир... ставит крест над русской революцией» (там же). С'езд по достоинству оценил эту революционную декламацию лидеров. Партия коммунистов с тех пор осталась одна во главе управления, повела и провела республику среди тысяч опасностей невредимой до настоящего времени, привела ее к мировой революции, привела, создав миллионную армию, которая делом доказала, что она умеет не только сражаться, но умеет и побеждать.

Маленькой интеллигентной группой ушла со С'езда партия левых эсеров, партия, имевшая почти 6 мест в правительстве, теперь едва имела 20 мест в Ц. И. К. Своим выходом из правительства партия левых эсеров избавила Правительство от излишнего балласта, тормозившего его деятельность, но, однако, она не перешла все же открыто в лагерь его врагов. Ко времени V С'езда положение переменилось. Твердость коммунистов при проведении политической линии, порученной им волею рабочих и крестьян, не оставляла левым эсерам сомнения в том, что на почве лойяльной оппозиции они не выиграют ничего; с другой стороны им было не менее ясно, что с ними не будут больше считаться, как с политической величиной и не будут считаться не только в центре, но и на местах. Бездействие грозило превратиться в смерть. Одна из цитат речи Камкова на V С'езде лучше всяких доказательств покажет, на какой путь решила теперь встать партия для достижения своих целей, чтобы вернуть прежнее положение. Обращаясь непосредственно к дипломатической ложе, где сидели представители империалистической Германии, Камков произнес: «они (солдаты) не будут молчаливыми свидетелями того, как рукой германского разбойника, рукой палачей, которые сюда явились, рукой тех мерзавцев, грабителей, разбойников...» шум не позволил ему закончить своей фразы (стенографический отчет речи Камкова).

Только сознание своей полной бесточвенности в смысле отсутствия какой-либо опоры в рабочих массах, сознание того, что впереди у них нет надежды на проведение своей линии путем планомерной и политической борьбы, а кругом нет сторонников, могли толкнуть эту партию нервических интеллигентов на заборный жаргон в политических выступлениях и избрать в качестве тактического приема политическое хулиганство и провокационные выкрики авантюристов, для которых все остальные средства борьбы явились уже исчерпанными и уже проигранными.

Действительность, однако, обнаружила, что партия левых эсеров шагнула в этом отношении еще дальше, чем это могло казаться и что Камковские выходки и его заборная литература были только прелюдией к дальнейшим подвигам партии. Кроме интеллигентской привязанности к фразе и веры в нее, в партии жили еще традиции старой

кружковщины и вера в возможность сразу путем исторических экспериментов изменить ход истории.

Упомянутые речи и были произнесены лидерами партии в заседании С'езда 5-го июля, 6 июля был убит граф Мирбах и, в ночь на 7-е, было поднято левыми эсерами их безумное восстание, быстро ликвидированное советскими войсками к 2-м часам дня того же 7-го числа.

Партия левых эсеров, как политическая величина, перестала существовать, но тем не менее опасность, которой они подвергли республику, была велика. Назначенная постановлением Совета Народных Комиссаров Особая Следственная Комиссия под председательством Народного Комиссара Юстиции тов. Стучка выяснила следующую дополнительную картину подготовки событий 6—7 июля, их кратковременное развитие и ликвидацию.

Камков.

Партийный С'езд левых эсеров дал, согласно показаниям *Спиридоновой*, директивы Ц. Комитету «Всемерно способствовать расторжению брестского договора, не предрешая, однако, форм такого расторжения» (лист 67 на обороте, том 1-ый). На основании этого решения Центральный Комитет на заседании от 24-го июня принял следующее постановление:

«Обсудив настоящее положение Республики Ц. К. нашел, что в интересах русской и международной революции необходимо в самый короткий срок положить конец так называемой передышке, создавшейся благодаря ратификации большевистским правительством брестского мира. В этих целях Центральный Комитет считает возможным и целесообразным организовать ряд террористических актов в отношении виднейших представителей германского империализма. Одновременно с этим Ц. К. партии постановил организовать для проведения в жизнь своего решения мобилизацию надежных военных сил и приложить все меры к тому, чтобы крестьянство и рабочий класс примкнули к восстанию и активно поддерживали партию в этом выступлении... Время проведения в жизнь намеченных двух постановлений предлагается установить в следующем заседании Ц. К.... Осуществление террора должно произойти по сигналу из Москвы, хотя это может быть заменено другой формой. Для учета и распределения всех партийных сил при проведении этого плана в жизнь... партия организует бюро из трех лиц— Спиридоновой, Голубовского, Майорова. В виду того, что настоящая

политика партии может привести ее помимо желания к столкновению с большевиками, Ц. К. партии обсудив это, постановил следующее:

а) Мы рассматриваем свое постановление и свои действия как борьбу против настоящей политики Совета Народных Комиссаров и, ни в коем случае, как борьбу против большевиков. Однако в виду того, что со стороны последних возможны агрессивные действия против нашей партии, постановлено в таком случае прибегнуть к вооруженной обороне занятых позиций. В частности предлагается комиссии из 4-х товарищей Камкова, Трутовского, Карелина... выработать лозунги нашей тактики и очередной политики».

Противоречивый характер последнего абзаца, ясно показывающего, что авторы постановления отнюдь не додумывали до конца принятых решений, не остановил их, однако, от приведения в исполнение задуманного. Легкомысленно, по-детски, но как бы то ни было, партия встала на путь вооруженной борьбы.

Согласно обнаруженному проекту «формирования боевых дружин» последние должны были формироваться партией л. эсер. из «людей друг друга знающих и по духу родственных товарищей, членов партии». Каждая дружина должна была насчитывать не менее 35 человек, по 7 человек в «звено», и выделяла из себя отделение пулеметчиков, гранатчиков, связи и административно-хозяйственное. Боевой состав дружины числил 193 человека, в том числе 139 винтовок, 54 револьвера при 15.540 руж., патронах и 1. 680 револьверных, 2 пулемета с 500.000 патрон., 15 гренадер и связь всех родов.

Этот общий план имел место и проводился в жизнь до постановления Ц. К. от 24 июня, «мобилизация» стала проводиться после постановления. В Ярославль от имени крестьянской секции Ц. И. К. был послан гр. Петров. к начальнику Ярославского гарнизона с предписанием выдать Петрову 40 пулеметов с соответствующим запасом лент, 1000 винтовок с 100.000 патронов к ним, 4 легких и одну гаубичную батарею. 10.000 ручных гранат.

Означенное оружие, как говорилось в препроводительной бумаге (т. 2-й. лист 6 вещ. доказательств) должно было якобы затем быть направлено в один из уездов Смоленской губ. угрожаемый немцами. На другой препроводительной, выданной от имени той же крестьянской секции тому же Петрову, говорилось, что он командируется в Ярославль для закупки кожевенных изделий, табаку, махорки в количестве 15 пудов для крестьянской секции. Отношение датировано 1 июля. В помещении крестьянской секции обнаружен точно так же подлинник извещения от комиссара по внутренним делам Коммун Сев. Области от 4 июля, что им командирован в распоряжение Главного Штаба боевых дружин л. эс.- р. отряд в 80 человек под начальством Терентьева. Наконец обнаружен отпуск отношения командира отряда особого назначения дружины Всероссийской боевой организации л. эс.-ер. при Московском Военном Окружном Комиссариате от 3 июля за № 25 на имя Овсянкина с извещением, что Овсянкин командируется в Витебск для приемки погрузки и сопровождения отряда дружинников в 400 человек в Москву в распоря-

жение штаба дружин. Обнаруженные приказы по Главному Штабу всероссийской боевой организации партии левых эсер. устанавливают, что в состав главного штаба входили и как представитель Ц. К. партии Магеровский. При штабе существовал сверх того отряд особого назначения. К организации и формированию этого отряда было приступлено, как это явствует из приказа по штабу 24 июня (сравни дату постановления Ц. К. партии о терроре и мобилизации сил). Организация была поручена Орешкину, Согласно требовательной ведомости в Московский Комиссариат от 29 июня (т. 2-ой, стр. 29) отряд насчитывал по списку на довольствии 675 чел., на содержание которых того же числа было испрошено 244.425 р. Несмотря на то, что правильность этих цифр возбуждает ряд сомнений, так как в приказе от 22 июня по главному штабу указано на довольствии всего 132 человека, следствию не удалось выяснить, существовали ли физически остальные 543 дружинника, на которых испрашивались Орешкиным деньги, обмундирование и снаряжение, или нет и насколько действительная быстрота мобилизации военных сил левых эсеров могла дать указанную цифру дружинников. Деятельность главного штаба, как это доказывает ряд документов, была в достаточной степени энергична и разнообразна. Так отношением от 5 июля за № 31 командир отряда озабочивается получением пароля от Областного Комиссариата Москвы за № 32, требует отпуска конфет, шоколада, монпасье, какао и варенья для нужд главного Штаба из расчета на 200 человек (стр. 53) и за № 34—100.000 гильз для тех же 200 человек. Обеспокоенный, видимо, этими требованиями, ответным отношением от 6 июля, Военный Комиссариат предписал влить эти 200 человек в общий список 2-й дивизии, на общих красноармейских основаниях. Эта благоразумная мера, к сожалению, запоздала.

Карелин.

Параллельно с этими отрядами, партия левых эсер. мобилизовала и еще один боевой центр. Таковой составил из себя боевой отряд Попова при Всероссийской Чрезвычайной Комиссии, который сам Попов в своем отношении в Военный Комиссариат для зачисления отряда на довольствие исчислял в 1000 человек (стр. 60), требуя отношением от 30 июня на его содержание 206.698 р. Численность отряда, как потом было засвидетельствовано Саблиным, и тут была сильно преувеличена и едва ли превышала в общей сложности 600 человек при двух батареях. Одновременно отношением от 2 июля Попов затребовал

от Военного Комиссариата для нужд своего отряда с р о ч н о 20 штук санитарных носилок, 12 санитарных сумок, 40 больших лубков и 25 малых, 40 нарукавников красного креста и 10 флагов, 2 медицинских таза, два ведра и т. д. зондов, игол кишечных, зажимов, пинцетов, скальпелей и т. д., видимо, предвидя возможность боевых «операций». Общее количество лево-эсеровских сил таким образом, едва ли превышало 1700—1800 человек, даже если верить официальным цифрам *Попова и Орешкина*

С такими силами партия левых эсеров решила приступить к спасению мировой революции.

В нарушение и бесстыдно циничное игнорирование определенно выраженной голосованием 5 июля воле Всероссийского Съезда Советов, партия левых эсеров привела в исполнение в 3 часа дня террористический акт против Мирбаха во имя срыва Брестского мира и вовлечения России в войну с Германией.

Это уже была не игра. Согласно показаниям доктора Рицлера, первого советника посольства, и лейтенанта Мюллера убийство германского посла произошло при следующих обстоятельствах:

Около 2 с половиной часов дня в помещение посольства явилось два неизвестных человека, назвавшиеся—один членом В. Ч. Комиссии Блюмкиным и другой—Председателем Революционного Трибунала Андреевым, и, предъявив удостоверение на бланке и за печатью В. Ч. К., за подписями Председателя Комиссии тов. Дзержинского и секретаря Комиссии тов. Ксенофонтова, и попросили личного свидания с посланником для переговоров с ним по личному делу. После настоятельных просьб Блюмкина о личном свидании, граф Мирбах согласился выйти к просителям. Все пятеро—Мирбах, Рицлер, Мюллер, Блюмкин и Андреев—уселись в приемной и Блюмкин, разложив имеющиеся при нем документы, посвятил графа в дело некоего гр. Роберта *Мирбаха*, якобы скомпрометированного в деле о шпионаже в пользу Германии. После ответа Мирбаха, что вся эта история его очень мало интересует, на вопрос Андреева: «видимо, графу интересно, какие меры будут приняты с нашей стороны», вопроса, повторенного Блюмкиным, один из посетителей вскочил и, выхватив револьвер, выстрелил в Мирбаха. Его спутник открыл одновременно огонь в Рицлера и Мюллера. Не потерявшийся Мирбах бросился в другую комнату, куда за ним последовал Блюмкин, в то время как Андреев продолжал стрелять в присевших к земле Рицлера и Мюллера. В это время в соседней комнате раздался оглушительный взрыв. Когда Рицлер и Мюллер опомнились и бросились в зал, там на полу, пораженный пулей в голову, лежал Мирбах, на полу среди обломков штукатурки, в паркете был глубокий выем от разорвавшейся бомбы, другая неразорвавшаяся валялась тут же, оба же посетителя, в суматохе, успели скрыться через окно и уехать на ожидавшем их автомобиле, оставив свои шляпы и портфель с бумагами (стр. 54 и 57, т. 2-й).

В тот же день Центральным Комитетом Партии левых эсеров было выпущено следующее воззвание: «Ко всем рабочим и красноармейцам».

«Палач трудового русского народа, друг и ставленник Вильгельма, граф Мирбах убит карающей рукой революционера по постановлению Ц. К. партии левых эсеров. Как раз в тот день и час, когда окончательно подписывался смертный приговор трудящимся, когда германским помещикам и капиталистам отдавалась в виде дани земля, золото, леса и все богатства трудового народа, когда петля затянулась окончательно на шее пролетариата трудового крестьянства—убит палач Мирбах. Немецкие шпионы и провокаторы, которые наводнили Москву и частью вооружены, требуют смерти левым соц.-революционерам. Властвующая партия большевиков, испугавшись возможных последствий, как и до сих пор исполняет приказы германских палачей... Да здравствует восстание против палачей. Позор всем, кто идет вместе с немецкими шпионами на подавление восставших против Вильгельма рабочих и крестьян!»

Одновременно, однако, с помещением в этом воззвании грязных инсинуаций Центральный Комитет партии выносит, видимо, «на всякий случай» следующее постановление, которое отправил через одного из стрелков в Латышскую дивизию:

«Ц. К. П. Л. С.-Р. категорически заявляет, что ни к какому захвату власти он не стремился, а произвел убийство Мирбаха исключительно в целях прекратить дальнейшее завоевание трудовой России германским капитализмом. Партия коммунистов большевиков будет играть в руку контр-революции, если будет направлять против защищающей советский строй центр. комитет партии левых эсеров части советских войск, свои обманутые части, направленные для отомщения за Мирбаха. Ц. К., П. Л. С.-Р.».

Оба документа взаимно дополняют друг друга. Партия усвоила, видимо, к этому времени окончательно специфические методы борьбы с политическими противниками путем распространения клеветы и лжи и в то же время стремилась трусливо забежать вперед дабы обеспечить себе смягчающие вину обстоятельства. С общим тонусом поведения партии вполне гармонирует и «творческая личность» самого исполнителя—Блюмкина.

Блюмкин, как это установлено предварительным следствием, революционер, не знавший революционной работы до революции, начал работать в В. Ч. К. с июня месяца и был откомандирован по рекомендации Ц. К. партии левых эсеров на должность заведующего немецким шпионажем (см. показания Лациса стр. 129 т. I-й), но проработал недолго. Вскоре на него стали поступать жалобы настолько компрометирующего характера, что постановлением Комиссии от 1-го июля (т. 2-й стр. 191) он был отстранен от работы и весь его отдел закрыт.

По показаниям Дзержинского, последним был возбужден вопрос через члена В. Ч. К. левого эсера Александровича о предании Блюмкина суду за его художества, что было отсрочено до получения ответа и отзыва от эсеровского Ц. К.

Ц. К. партии левых эсеров вместо этого счел возможным именно ему поручить честь совершить «освободительный» террористический акт.

В ответ на воззвание левых эсеров Совет Народных Комиссаров разослал во все районы предложение всем районным Совдепам быть наготове, мобилизовать партийных работников порайонно, установить патрули на улицах, призвать массы рабочих немедленно подавить эту попытку восстания л. с.-р., которой могут воспользоваться все буржуазные и белогвардейские группы. (стр. 83 т. 2-й).

Отступление для левых эсеров было отрезано. Дальнейшее развитие событий представляется в следующем виде:

По показаниям Дзержинского, уже в 3 часа он узнал об убийстве Мирбаха по прямому проводу из Совета Народных Комиссаров. Отправившись в посольство и с первого взгляда установив, что подпись на удостоверении, представленном Блюмкиным, была подложная, Дзержинский отправился лично в штаб отряда Попова, куда ему донесли скрылся Блюмкин. В штабе Попова Дзержинский после первых расспросов принялся за осмотр помещения, когда вошедшие Прошьян и Карелин сообщили ему, что Мирбах убит по постановлению Ц. К. партии и что Блюмкина искать нечего. В ответ на это Дзержинский об'явил их арестованными. В соседней комнате Дзержинский заметил Трутовского, Черепанова, Александровича, Фишмана, Камкова, Спиридонову. Все были вооружены. В это время в комнату вошел Саблин и потребовал от Дзержинского сдачи оружия. Тот отказал, но был моментально окружен наводнившими комнату матросами и обезоружен. Трепалова, прибывшего вместе с Дзержинским, обезоружила Спиридонова лично. На устроенном тут же митинге Спиридонова, Попов и другие обвиняли Советскую власть в предательстве Мирбаху, матросы обвиняли ее за то, что отнимают муку у бедняков, при чем Черепанов и Саблин с торжеством заявили ему, что «вот де у вас были октябрьские дни, а у нас будут июльские», что «мир все равно сорван», что они власти не хотят, пусть немцы займут Москву,—и у нас будет так, как на Украине—они же опять уйдут в подполье».

Попов добавлял, что теперь не придется воевать с чехо-словаками. Такова была запротоколированная вождями программа движения. Затем стали приводить арестованных Лациса, арестован в Комиссии матросом Жиро, Смидовича, арестованного на улице Винглинского, арестованного в своем отряде, всего человек 27. Из других видных эсеров Дзержинский видел там Магеровского Настроение было у всех радужное, постоянно передавались известия о присоединении к повстанцам ряда полков, о помощи от Муравьева с фронта, о приходе рабочих делегаций и т. д. (стр. 65 и сл. т. I). Приблизительно в тех же красках передал события Саблин, Смидович и др. передающие то же содержание речи Черепанова, что и Дзержинский (стр. 103 на обор. т. I) Саблин также подтверждает присутствие в штабе Попова тех же Камкова, Прошьяна, Спиридоновой, а также факт, что в штабе скрывался первое время Блюмкин. Численность отряда Попова Саблин определяет всего в 600 человек, количество перешедших к повстанцам солдат из отряда Винглинского всего в 50 человек. По показаниям Саблина, арест Дзержинского и Смидовича был произведен

для самозащиты в качестве заложников, т. к. все время Ц. К. рекомендовал придерживаться строго оборонительных действий. Поведение Ц. К. не изменилось даже, когда пришло известие об аресте отправившейся на С'езд Спиридоновой и всей с'ездовской фракции левых эсеров. Для захвата телеграфа Прошьян взял с собой только 10 человек, чтобы отправить телеграмму, текст которой был выработан Ц. К. Боевые действия фактически развернулись только утром на следующий день (стр. 107).

Текст и одной, и второй телеграммы, отправленных по всем городам России с датой 7-го VII 3 часа ночи, первой—под заглавием «бюллетень № 1» и второй—«всем совдепам», приблизительно аналогичен. Агрессивного характера по отношению к Советской власти они не носят, за исключением клеветнического выпада в бюллетене, что де при аресте Дзержинский заявил, что пришел арестовать Прошьяна и Карелина, из которых, мол, один должен пасть искупительной жертвой за Мирбаха. Телеграмма об'являет, что задержанные большевики будут освобождены и что партия надеется, что они будут вместе с ними в борьбе против мирового империализма (стр. 110 и сл. т. 2-й). Телеграмма Совдепам также содержит экивок об «агентах германского империализма, ведущих агитацию на фабриках и в воинских частях», но также кончается призывом к совместной борьбе (стр. 163 и сл.).

За ночь, однако, положение изменилось.

Занятие телеграфа было последним успехом повстанцев. По показаниям свидетелей Тимакова, Маслова, Подбельского, Ермоленко, Ефретова, телеграф был занят отрядом человек в 40, не знавших точно, зачем они пришли и отвечавших, что для охраны. Лишь второй отряд, предводимый Прошьяном, об'явившим, что Совет Народных Комиссаров арестован, был настроен более воинственно. Прошьян арестовал комиссаров Ермоленко, Маслова и Ефретова и отправил их в штаб Попова. Тогда же член Ц. К. П. и Т. Лихобадин отправил телеграмму, в которой предписывал задерживать и не передавать телеграмм за подписями Троцкого, Ленина и Свердлова. В этой телеграмме (стр. 105 т. 2-й и сл.) партия левых эсеров впервые названа «правящей ныне партией».

Показаниями Пупко, Янчевского и Герасимова установлена картина, имевшая место на телефонной станции. Явившаяся группа лиц потребовала включения выключенных по приказанию Аванесова комиссаром Пупко телефонов штаба Попова. Но пока пришедшие искали других телефонов явившиеся новые отряды советских войск заняли вновь телефонную станцию и время было повстанцами упущено. Свидетели занятия телеграфа и телефона, точно так же как и многие из арестованных в штабе Попова, все удостоверяют, что солдаты поповцы—матросы и красноармейцы очень смутно понимали, в чем дело, из занимавших же телеграф многие были в явно нетрезвом состоянии. В штабе Попова солдатам все время раздавали сапоги, баранки, консервы.

Показания свидетелей из 1-го Советского полка, отряда Попова, отряда Винглинского показывают, как произошло «присоединение» к повстанцам этих частей. В отряд Винглинского явился Черепанов и Камков, в результате Винглинский был отправлен в штаб Попова и оттуда после обратно, где, однако, опять был арестован. Число перебежавших, по показаниям Саблина, не превышало 50-ти.

В 1-й Мартовский полк в Покровских казармах явился Александрович по показаниям Баринова (стр. 167). В результате агитации пришедшие матросы арестовали комиссара Шоричева. Делегаты полка были приглашены на заседание Ц. К. Л. С.-Р и отнеслись к предложению выступить отрицательно, ограничившись только несением караульной службы. По показаниям Румянцева, всего в полку в ту ночь налицо было 140—150 человек.

Наконец, солдаты из отряда самого Попова показывают, что там агитировал лично Попов, говоря, что Ленин и Троцкий продали Россию и т. д. Охрана их постоянно распивала водку (123). По показаниям Страшинского, он находился в патруле в ночь на 7-е, с приказом задерживать автомобили. Встретившись с патрулем латышей, он вступил в переговоры и, наконец, решил итти спать, что и исполнил. Другой поповец, Куличев, поступивший в отряд, чтобы не итти на фронт, участвовал во «взятии» телеграфа. Отпросившись затем у Прошьяна, он отправился в штаб Попова, где получил две банки консервов и столько хлеба, «что не могли его поесть» (стр. 71). От выступления Советской власти он, по его словам, уклонился.

Самые военные действия следующего утра описываются многими свидетелями также в одних тонах. Наиболее обстоятельно они переданы Саблиным. Уже в первый день С'езда ему стало известно, что из состава Ц. К. выделена тройка с чрезвычайными полномочиями. После выступления на С'езде Троцкого, Камков заявил ему о возможности ареста Ц. К. партии, при чем ему было предложено установить связь с отрядом Попова. На следующий день 6-го, он был с утра в штабе свидетелем описанных выше событий. После получения известий об аресте Спиридоновой, с'ездовской фракции и появления первых патрулей советских войск, по приказанию его, Саблина и Попова было отдано распоряжение о задерживании всех автомобилей. Митинги в Покровских казармах имели своим результатом упомянутое «присоединение» полков Советского Мартовского и отряда Винглинского. Занятие телеграфа было неожиданностью для самого Саблина. Присоединившиеся ничем, кроме заявления о присоединении себя, по словам Саблина, не проявили. С утра началась перестрелка оружейная и пулеметная, достигшая своего максимума часам к 10. Отряд Попова потерял 2-х убитыми и 20 ч. ранеными. С момента начавшегося очень удачного обстрела штаба из орудий, Попов об'явил о необходимости отступления; к 11 часам ушла первая группа, через час—вторая. Перед уходом Саблин распорядился освободить арестованных, когда все уйдут, и уехал сам. По показаниям арестованных, «уход» был довольно своеобразен—через окна и заборы в довольно беспорядочной форме под звуки рвущихся снарядов и крики арестованных «трусы»...

Отступавшие направились к Курскому и Нижегородскому вокзалам и по Владимирскому шоссе. Во время боя имел место обмен парламентерами в лице арестованного накануне члена батальонного комитета латышской дивизии Берзина, отправленного с двумя повстанцами в латышскую дивизию на автомобиле, с белым флагом. Приехавшим в комитет повстанцам было заявлено, что если они сейчас же не отпустят арестованного вместе со свидетелем, товарищи с ними посчитаются; в штабе дивизии им заявили, что с ними разговаривать не будут, а пусть они привезут уполномоченного. Вернувшись к штабу Попову, увидели, что там уже снимают орудия и собираются уходить. «Уполномоченный» поехал с свидетелем обратно и по приезде был арестован (стр. 120 и сл.). Согласно показанию помощника комиссара Мясницкого участка, расположенного около штаба Попова, его комиссариат был также занят повстанцами, которые, однако, по мере усиления огня наступающих, стали уходить; часть их свидетель запер в арестантской, под предлогом большей безопасности от огня, сдал латышам и сам стал наступать вместе с милиционерами. По показаниям шоффера Шилова, он застал поповцев уже у Курского вокзала, куда Попов поехал с артиллерией и броневиками. Свидетеля заставили управлять машиной и поехали к Рогожской заставе, при чем Саблин грозил его расстрелом. Попортившаяся машина стала, матросы бросились уходить, а свидетель поехал в город (стр. 134).

По показаниям того же поповца Струнинского, он с отрядом двинулся к Москве-Рогожской, а оттуда по Владимирскому шоссе; на 17 версте они были настигнуты советскими войсками. Боя не было, отряд в панике разбежался, я, свидетель с еще тремя поповцами явились в следственную комиссию Павловского Посада... Поповец Куличев показывает,—также участвовал в отступлении, но, на 10 версте от Москвы, «как борец за все декреты», сдал винтовку в приезжавший автомобиль, шашку «наган» и сел на лужайку ждать, когда пройдет весь отряд. Когда отряд прошел, то «вернулся в Москву и лег спать». На следующий день прочел о следственной комиссии и явился дать показания (стр. 72).

Так кончилось выступление левых эсеров.

Ряд свидетельских показаний о насилиях и грабежах, чинившихся поповцами над безоружными (Войновского) стр. 84), Виктовского, Заводского, Клановского, Левит и в особенности Рутковского (стр. 11) свидетельствует о борьбе партии левых эсеров в защиту революции.

По мере неудач падало и настроение руководителей восстания и одновременно росло стремление поправить дела всеми средствами, какие только подвернутся под руку. Наглядное доказательство этому, выпущенный 7-го листок «К железнодорожникам», в ответ на слухи о стягивании С. Н. Комиссаров войск против повстанцев.

Листок начинается с извещения об убийстве Мирбаха и сообщения, что «большая часть советских войск на стороне революции, с нами»... Далее идут сообщения следующего характера:

«По предписанию Ленина и Троцкого к Москве стягиваются военные отряды для того, чтобы расстрелять всех левых соц.-революционеров... У нас есть сведения, что против нас вооружаются все германские военнопленные по всей Московской области, может быть сделана попытка провести отряды немцев из Орши и других мест. Будьте настороже... Мы обращаемся к вам с призывом не пропускать отрядов, вызванных Советом Народных Комиссаров... Будьте с нами, т.-е. с независимыми советами. Да здравствует беспощадная борьба с международным империализмом... Ц. К. П. Л. С.-Р. (стр. 89. том 2-й).

Наконец, особое, печатное типографским способом, издание Бюллетеня №1 в расширенной редакции, датированное уже 7 июля, помимо содержания, приведенного в ночной телеграфной редакции, в дополненном и исправленном виде ряда других измышлений гласило: «Боевым штабом левых эсеров арестованы вооруженные германские военнопленные, при допросе показавшие, что вооружение происходит в Кремле по приказанию Ленина большевиком Белаьун».

Бывшие соратники перещеголяли в клевете под влиянием опасения за свою шкуру своих прежних друзей—правых соц.-революционеров Алексинских и меньшевиков. Несмотря на весь свой революционный пыл, об'ективно и суб'ективно, партия оказалась в одном лагере с врагами революции, с контр-революционерами всех оттенков и лишь революционная стойкость русских рабочих и выдержанность их помогла им пройти счастливо мимо еще одной из бесчисленных опасностей, уготованных им на этот раз левыми социалистами-революционерами...

На основании всего вышеизложенного ПРЕДАЮТСЯ СУДУ ВЕРХОВНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА при ВС. Ц. И. К. СОВЕТОВ граждане: Мария Александровна Спиридонова, Майоров, Прошьян, Фишман, Камков, Карелин, Трутовский, Магеровский, Голубовский, Черепанов, по обвинению в том, что они, будучи членами Центрального Комитета партии левых социалистов-революционеров и в качестве таковых ответственными вождями своей партии, пользуясь определенным влиянием в среде своей партии, умыслили, вопреки ясно выраженной воле Верховного органа власти Российской Федеративной Советской Республики—Всероссийского С'езда Советов IV созыва, расторгнуть насильническим путем заключенный в г. Бресте 3-го марта 1918 года мирный договор с Германией, ратифицированный С'ездом Советов 16-го марта того же года; для вовлечения этим России в войну с Германией; для чего на заседании того же Комитета от 24 июня постановили учинить против виднейших представителей германского империализма в России террористический акт, не без основания полагая, что этим способом неукоснительно дадут повод германским хищникам вторгнуться в пределы Советской Республики и тем самым поставят революционные массы трудового населения и Советское правительство перед фактом войны и срыва Брестского договора.

2. Что одновременно на том же заседании постановили мобилизовать все имевшиеся в распоряжении партии военные силы для актив-

кой поддержки движения и «вооруженной обороны занятых позиций» в случае агрессивных действий со стороны Советского Правительства против партии левых эсеров, за ее провокационную по отношению к войне деятельность, для чего вызвали через особый, имевшийся в распоряжении партии главный штаб боевых дружин из Витебска, Петрограда и Ярославля партийные боевые дружины, а также при помощи и от имени Крестьянской секции, обманным путем воспользовавшись ее именем, затребовали из Ярославля не соответствующий запас военного снаряжения, а также привели в боевую готовность боевой отряд, состоявший при В. Ч. К. под начальством *Попова* и отряд особого назначения при том же Главном Штабе боевых дружин под начальством *Орешкина*, что вошли во исполнение тех же целей в сношения с гражданами *Блюмкиным* и *Андреевым*, на предмет исполнения последними террористического акта против Мирбаха, разработав совместно с последними план исполнения этого акта, обманным путем добывши для этого печать В. Ч. К. и подделав подписи ее председателя и секретаря тт. Дзержинского и Ксенофонтова.

I. Граждане *Спиридонова, Черепанов, Камков, Карелин, Магеровский, Фишман, Саблин* и *Попов* в том, что после исполнения террористического акта над *Мирбахом* укрыли от ареста *Блюмкина*.

II. Граждане *Андреев* и *Блюмкин* в том, что приняв указанное поручение от членов Ц. К. партии левых эсеров, заведомо сознавая все значение совершаемого ими акта и возможные проистекающие из него последствия, таковое поручение приняли и постановление об убийстве Мирбаха привели в исполнение, проникнув для этого в помещение посольства и добившись свидания с Мирбахом путем предъявления подложного удостоверения с незакономерно использованной печатью В. Ч. К. и подделанными подписями тт. Дзержинского и Ксенофонтова.

III. Те же граждане члены Центрального Комитета партии в том, что после убийства Мирбаха и затем, по мере развития дальнейших событий, составили, напечатали и распространили ряд печатных воззваний, листков и бюллетеней, в которых от имени Ц. К., извещая о состоявшемся убийстве Мирбаха, распространяли гнусные клеветнические измышления про Советское Правительство и его отдельных членов, обвиняя их в соглашении, попустительстве германским империалистам и предательстве революции, призыве вооруженных военнопленных для расстрела членов партии левых эсеров и призывая народные массы к восстанию, на защиту партии левых эсеров, а следовательно и против Советского Правительства.

IV. Граждане *Спиридонова, Карелин, Фишман, Камков, Трутовский, Прошьян, Магеровский, Черепанов, Попов* и *Саблин*, в том, что после убийства Мирбаха агитировали среди обманутых ими воинских частей, в том числе отряда *Попова*, части отряда Винглинского и частей 1-го Советского полка, а также латышских частей за вооруженное выступление и свержение Советской власти, сопротивление наступающим для усмирения мятежа советским частям и руководстве таковым сопротивлением в ночь на 7-е июля и утро 7-го

июля, при чем *Саблин* и *Попов* фактически руководили этим сопротивлением, в результате чего явились ранения и смерть ряда лиц, как с той, так и с другой стороны.

V. Гражданин *Прошьян*, кроме того, в том, что по поручению Ц. К. своей партии захватил путем применения вооруженной силы телеграф и арестовал находившихся там при исполнении своих обязанностей комиссаров, отправил во все города Советской России телеграмму об убийстве Мирбаха, с извещением и призывом о поддержке начатого левыми эсерами преступного выступления.

VI. Те же граждане и особенно *Карелин*, *Прошьян*, *Саблин*, *Попов* и *Камков* в том, что подвергли задержанию и обезоружению находившихся при исполнении своих обязанностей государственной важности председателя В. Ч. К. т. Дзержинского, его товарища Лациса, председателя Московского Совета тов. Смидовича, начальника отряда Винглинского и ряд иных лиц, а также отдали распоряжение в качестве руководителей движения о задержке и аресте видных советских работников, в результате чего был задержан и лишь благодаря случайности избег ареста Народный Комиссар Почт и Телеграфов Подбельский.

VII. *Саблин* и *Попов* в том, что после проигранного выступления руководили отступлением своих частей от помещения Поповского штаба по Владимирскому шоссе, оказывая или пытаясь оказать вооруженное сопротивление советским войскам тогда, когда его полная безнадежность была совершенной очевидностью.

VIII. Все вышеуказанные лица, наконец, в том, что с преступным легкомыслием, хотя и руководимые ложным пониманием своих обязанностей борьбы за великие цели революционного освободительного мирового движения рабочих и крестьян убийством Мирбаха поставили Советскую Республику и Российскую революцию под угрозу величайшей опасности быть раздавленной превосходными силами буржуазного империализма Германии в момент, когда собственные военные силы Республики не были еще в состоянии оказать должного сопротивления, подвергли этим опасностям русский пролетариат и крестьянство очутиться под властью буржуазии, восстановленной при помощи немецких штыков, в чем названные лица ясно и определенно отдавали отчет; и затем путем вероломства, лжи и клеветы еще более усугубили ту же опасность, предоставив таким образом для всех контрреволюционных сил удобный момент для своего, в свою очередь, выступления против Советской власти, в союзе с русской буржуазией и для удушения революции и всем этим подвергли опасности и приближавшуюся мировую революцию, объективно оказавшись сами тем самым в рядах врагов революции в качестве их деятельных помощников и наиболее активных пособников.

Составлено 16 ноября 1918 года.

Москва, Центр. Обвинит. Коллег.

Протокол заседания революционного трибунала при В. Ц. И. К.

1918 года ноября 27 дня, Революционный Трибунал при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете в открытом заседании в составе:

За Председателя Трибунала—
Заместителя Председателя тов. Карклина,

Членов:
- тов. Веселовского,
- » Галкина,
- » Платонова,
- » Петерсона,
- » Томского,
- » Сельтенева,

при секретаре » Зыбно.

разбирал дело о контр-революционном заговоре Центрального Комитета партии «левых социалистов-революционеров» и других лиц той же партии против Советской власти и революции.

Из всех обвиняемых в заседание Трибунала доставлены: *Спиридонова* и *Саблин;* остальные обвиняемые: *Майоров, Прошьян, Фишман, Камков, Карелин, Трутовский, Магеровский Голубовский, Черепанов, Попов, Блюмкин* и *Андреев* от суда скрылись.

На вопрос Председателя Трибунала, как имя, отчество и сколько лет, обвиняемая Спиридонова заявила, что пока ей не будет дано слово для предварительного заявления, на вопросы отвечать не будет.

В предоставленном затем Спиридоновой слове для заявления, последняя заявила, что по постановлению партии левых соц.-революционеров и по своему личному убеждению, она отказывается принимать участие в том, что здесь происходит. В этом зале происходит суд одной партии над другой, что совершенно недопустимо. Нашу междоусобицу, наш спор может решить только III Интернационал, так как это все делалось по постановлению Ц. К. партии, поэтому она покидает зал суда.

Обвиняемый *Саблин* —он тоже целиком присоединяется к заявлению тов. Спиридоновой.

Обвинитель Крыленко заявил, что данный суд вовсе не есть суд одной партии над другой, а это есть суд, установленный Конституцией Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, поэтому он просит в ходатайстве обвиняемым отказать и дело слушанием продолжать, не мешая обвиняемым апеллировать к III Интернационалу.

ТРИБУНАЛ ПОСТАНОВИЛ: Об'явить перерыв на 10 минут.

После перерыва, заседание об'явлено продолжающимся. Рассмотрев заявление подсудимых *Спиридоновой*, и *Саблина* по делу о контр-революционном заговоре Ц. К. партии «левых социалистов-революционеров» и других лиц той же партии против Советской власти и революции, Трибунал ПОСТАНОВИЛ: дело слушать, хотя обвиняемые и отказываются присутствовать в зале заседания.

Обвинитель Крыленко заявил, что поскольку показания тов. Дзержинского, вызванного в качестве свидетеля, имеются в деле, постольку надобность в допросе теперь последнего не встречается.

ТРИБУНАЛ ПОСТАНОВИЛ: вызванного в качестве свидетеля тов. Дзержинского не допрашивать.

Обвинитель Крыленко—партия левых эсеров, вышедшая из недр той же самой партии социал-революционеров в настоящее время умерла, но остались определенные лица, с которыми необходимо бороться, когда они становятся вредными. поэтому он настаивает, чтобы Верховный Трибунал отнесся к обвиняемым со всей строгостью, в особенности, по отношению к *Попову*, как начальнику выступления 6—7 июля, по разыскании он должен быть расстрелян. В отношении же *Блюмкина* и *Андреева*, совершивших террористический акт. но не принимавших активного участия в восстании, удалить навсегда из пределов Советской Республики, а в отношении же остальных обвиняемых, за исключением *Спиридоновой* и *Саблина*, применить строгие меры наказания, заключив под стражу с высылкой из пределов Советской Республики не менее на 5 лет и принимая во внимание прежние заслуги перед революцией *Спиридоновой* и *Саблина*, выслать на 5 лет.

Трибунал удалился на совещание.

После совещания, Председателем оглашен публично приговор.

Председатель Трибунала: подпись

Члены: подписи

Секретарь: Зыбно.

ПРИГОВОР.

Именем Р. С. Ф. С. Р. Революционный Трибунал при Всероссийском Ц. И. К. Советов, в заседании своем от 27 ноября 1918 года, заслушав и рассмотрев дело Марии Александровны *Спиридоновой, Саблина, Попова, Прошьяна, Камкова, Карелина, Трутовского, Магеровского, Голубовского, Черепанова, Блюмкина, Андреева, Майорова* и *Фишмана* по обвинению их в контр - революционном заговоре Центрального Комитета партии левых социалистов - революционеров против Советской власти и революции—признал пред'явленные им. Спиридоновой, Саблину, Попову, Прошьяну, Камкову, Карелину. Трутовскому, Магеровскому, Голубовскому, Черепанову, Блюмкину, Андрееву, Майорову и Фишману, обвинения в заключении обвинительной коллегии при Революционном Трибунале В. Ц. И. К. доказанными и постановил:

Попова об'явить врагом трудящихся, стоящим вне закона, и как такового при поимке и установлении личности расстрелять. Прошьяна, Камкова, Карелина, Трутовского, Магеровского, Голубовского. Черепанова, Блюмкина, Андреева, Майорова, Фишмана—заключить в тюрьму, с применением принудительных работ на три (3) года;

Спиридоновй и Саблину, принимая во внимание их особые прежние заслуги перед революцией, смягчить меру наказания и заключить в тюрьму сроком на один год.

27 XI—18 г. Председательствующий: Карклин.

Члены: Веселовский, Галкина, Платонова, Петерсон, Томский. Сельтинев.

5. После суда.

Выписка из протокола заседания Президиума В. Ц. И. К. от 29 ноября 1919 года.

1.

Применить амнистию к М. А. Спиридоновой и Саблину и освободить их из заключения.

Председатель: *Я. Свердлов.*
Секретарь: *А. Енукидзе.*

2.

Показания Я. Блюмкина.

Мне были поставлены вами четыре вопроса:

1) Как был убит граф Мирбах.
2) Как мне удалось бежать,
3) Где я скрывался и
4) что меня вынудило явиться в Ч. К.

Даю на эти вопросы необходимые и, в этом смысле, по возможности достаточно полные и ясные ответы.

Германский посланник в Советской России, граф Вильгельм Мирбах, был убит в Москве, в Денежном переулке, в одной из гостиных посольского здания, около 3-х час. дня 6 июля 1918 года.

Убийство было совершено при посредстве револьвера и толовой бомбы мной, бывш. членом В. Ч. К., членом партии левых соц.-револ. Яковом Блюмкиным и фотографом подведомственного мне Ч. К. Отдела по борьбе с международным шпионажем, также членом названной партии Николаем Андреевым.

Политическое происхождение этого террористического акта в кратких чертах таково:

Третий Всероссийский С'езд партии левых соц.-рев., заседавший в Москве в первых числах июля 1918 г. (почти одновременно с 5-м С'ездом Советов) постановил по вопросу о внешней политике Советской власти—«разорвать революционным способом, гибельный для русской и мировой революции, Брестский договор». Исполнение этого постановления С'езд поручил Ц. К. партии.

Все политическое содержание решения С'езда и яркое обоснование его можно увидеть в принятой им резолюции по текущему моменту, и, главным образом, во всей деятельности и революционном содержании партии левых соц.-рев.

Выполнить волю С'езда и стоящих за ним трудящихся масс Центральный Комитет решился путем совершения акта индивидуального террора над одним из наиболее активных и хищных представи-

телей германских империалистических вожделений в России, графом Мирбахом.

Я считаю нужным для исторической ясности обстановки акта 6 июля отметить, что до С'езда Советов С'езд партии, как и Ц. К., не предполагали что-либо предпринять для подобного расторжения Брестского мирного договора.

Массы партии и ее верховный орган были вполне уверены, что на 5-ом С'езде Советов Правительство и его партия под натиском революционного настроения трудящихся, идущих за партией лев. с.-р. вынуждено будет изменить свою политику.

На сколько мне помнится, с таким твердым убеждением закончился 3-й С'езд партии и был встречен 5-й С'езд Советов. Но уже после 1-го его заседания, 4 июля, стало ясно, что правительство не только не думало переменить направления своей политики, но песклонно было даже подвергать его элементарной критике. Тогда-то и Ц. К. решился выполнить приказание Партийного С'езда.

Вся организация акта над г. Мирбахом была исключительно поспешная и отняла всего 2 дня, промежуток времени между вечером 4-го и полднем 6 июля.

Это есть еще одно условие акта, которое крайне важно отметить, так как именно из-за того, что оно было неизвестно, правительство, его партия и пресса в своем отношении к акту и его исполнителям часто впадало в грустную историческую ошибку. До сих пор было утверждено, подобно незыблемой истине, что убийство германского посла подготовлялось исподволь, что Ц. К. уже в мае мес. 1918 г. при делегировании меня в В. Ч. К. дал мне приказание его организовать; что партия лев. с.-р. действовала как коллективный—Азеф. Об этом говорила статья Р.-Д. в изв. Ц. И. К. напечат. 7-го или 6 июля и подвергнут. критике в заседан. С'езда Советов Интернацион. Лозовским, речи тов. Троцкого и Зиновьева на 5-м С'езде Советов и чрезвычайном заседании Петрог. Сов., статьи в «Правде» и «Бедноте».

Все это опровергается фактами, отчасти уже приведенными, отчасти следующими:

Еще 4 июля, утром, я передал тов. Лацису, Зав. Отд. по борьбе с контр-рев. В. Ч. К., то самое нашумевшее дело арестованного мною в середине июня немецкого шпиона г. Роберта Мирбаха, племянника германского посла, которое 6 июля послужило мне предлогом для свидания с гр. Вильгельмом Мирбахом. Таким образом вне всякого сомнения, что за два дня до акта я не имел о нем ни малейшего реального представления. Кроме того, вся моя работа в В. Ч. К. по борьбе с немецким шпионажем, очевидно, в силу своего значения, проходило под непрерывным наблюдением Предс. Комиссии тов. Дзержинского и тов. Лациса. О всех своих мероприятиях (как, например, внутренняя разводка в пос.) я постоянно советовался с Президиумом Комиссии, с Комисс. по Иностранным делам тов. Караханом, • Предс. Пленбежа тов. Уншлихтом.

4 июля, пред вечерним заседанием С'езда Советов, я был приглашен из Большого театра одним членом Ц. К. для политической

беседы. Мне было тогда заявлено, что Ц. К. решил убить гр. Мирбаха, чтобы апеллировать к солидарности германского пролетариата, чтобы совершить реальное предостережение и угрозу мировому империализму, стремящемуся задушить русскую революцию, чтобы, поставив правительство перед совершившимся фактом разрыва Брестского договора, добиться от него долгожданной об'единенности и непримиримости в борьбе за международную революцию. Мне приказывалось, как члену партии подчиниться всем указаниям Ц. К. и сообщить имеющиеся у меня сведения о гр. Мирбахе.

Я был полностью солидарен с мнением партии и Ц. К. и поэтому предложил себя в исполнители этого действия. Предварительно мной были поставлены следующие, глубоко интересовавшие меня, вопросы:

1) Угрожает ли, по мнению Ц. К., в том случае если будет убит Мирбах, опасность представителю Советск. России в Германии, тов. Иоффе.

2) Ц. К. гарантирует, что в его задачу входит только убийство германского посла.

Ночью, того же числа, я был приглашен в заседание Ц. К., в котором было окончательно постановлено, что исполнение акта над Мирбахом поручается мне, Якову Блюмкину, и моему сослуживцу, другу по революции, Николаю Андрееву, также полностью разделявшему настроение партии. В эту ночь было решено, что убийство произойдет завтра, 5-го числа. Его окончательная организация, по предложенному мной плану, должна была быть следующей. Я получу обратно от тов. Лациса дело гр. Роберта Мирбаха, приготовлю мандат на мое и Никол. Андреева имя, удостоверяющий, что я уполномачиваюсь В. Ч. К., а Николай Андреев, Рев. Трибуналом войти в личные переговоры с дипломатическим представителем Германии. С этим мандатом мы отправимся в посольство, добьемся с гр. Мирбахом свидания, во время которого и совершим акт. Но 5 июля акт не мог состояться из-за того, что в такой короткий срок нельзя было произвести надлежащих приготовлений и не была готова бомба. Акт отложили на 6-е июля. 6-го июля я попросил у тов. Лациса, якобы для просмотра, дело Роберта Мирбаха. В этот день я обычно работал в Комиссии. До чего неожидан и поспешен для нас был июльский акт говорит следующее: в ночь на 6-е мы почти не спали и приготовлялись психологически и организационно. Утром 6-го я пошел в Комиссию; кажется, была суббота. У дежурной барышни в общей канцелярии я попросил бланк Комиссии и в канцелярии отдела контр-револ. напечатал на нем следующее: «Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контр-револ. уполномачивает ее члена, Якова Блюмкина и представителя Рев. Триб. Николая Андреева войти непосредственно в переговоры с господ. германским послом в России гр. Вильгельмом Мирбахом по делу, имеющему непосредственно отношение к самому господину германскому послу.

Председатель Комиссии:

Секретарь:

Подпись секретаря (т. Ксенофонт.) подделал я, подпись председателя (Дзержинского)—один из членов Ц. К.

Когда пришел, ничего не знавши, т. председат. В. Ч. К. Вячеслав Александрович, я попросил его поставить на мандате печать Комиссии, кроме того, я взял у него записку в гараж на получение автомобиля. После этого я заявил ему о том, что по постановлению Ц. К. сегодня убью гр. Мирбаха. Из Комиссии я поехал домой, в гостин. Элит, на Неглинном проезд., переоделся и поехал в первый дом Советов. Здесь на квартире одного члена Ц. К. уже был Николай Андреев. Мы получили снаряд, последние указания и револьверы. Я спрятал револьвер в портфель, бомба находилась у Андреева, также в портфеле, заваленная бумагами. Из «Националя» мы вышли около 2-х час. дня. Шоффер не подозревал, куда он нас везет. Я, дав ему револьвер, обратился к нему, как член Комиссии тоном приказания:— вот вам кольт и патроны езжайте тихо, у дома, где остановимся, не прекращайте все время работы мотора, если услышите выстрел, шум, будьте спокойны». Был с нами еще один шоффер, матрос из отряда Попова, его привез один из членов Ц. К. Этот, кажется, знал, что затевается. Он был вооружен бомбой. В посольстве мы очутились в 2 часа 15 мин. На звонок отворил немец-швейцар. Я плохо и долго об'яснялся с ним на ломанном немецком языке и, наконец, понял, что теперь обедают и надо подождать 15 мин. Мы присели на диванчике. Через 10 минут из внутренних комнат вышел к нам неизвестный господин. Я предъявил ему мандат и об'яснил, что являюсь представителем правительства и прошу довести до сведения гр. о моем визите. Он поклонился и ушел. Вскоре, почти сейчас же вслед за ним, вышли 2 молодых господина. Один из них обратился к нам с вопросом: «вы от тов. Дзержинского».—«Да».—«Пожалуйста».—Нас провели через приемную, где отдыхали дипломаты, через зал, в гостиную. Предложили сесть. Из обмена вопросами я узнал, что разговариваю только с уполномоченным меня принять тайным советником посольства, доктором Рицлером, позже зам. Мирбаха и переводчиком. Ссылаясь на текст мандата, я стал настаивать на необходимости непосредственного личного свидания с гр. Мирбахом. После нескольких взаимных раз'яснений мне удалось вынудить доктора Рицлера возвратиться к послу и, сообщив ему мои доводы, предложить принять меня. Др. Рицлер почти сейчас же вернулся вместе с гр. Мирбахом. Сели вокруг стола; Андреев сел у двери, закрыв собой выход из комнаты. После 25-ти мин., а может и более продолжительной беседы, в удобное мгновение, я достал из портфеля револьвер и, вскочив, выстрелил в упор, последовательно, в Мирбаха, Рицлера и переводчика. Они упали. Я прошел в зал. В это время Мирбах встал и, согнувшись, направился в зал, за мной. Подойдя к нему вплотную, Андреев, на пороге, соединяющем комнаты, бросил себе и ему под ноги бомбу. Она не взорвалась. Тогда Андреев толкнул Мирбаха в угол (тот упал) и стал извлекать револьвер. В комнаты никто не входил, несмотря на то, что, когда нас проводили, в соседней комнате находились люди. Я поднял лежавшую бомбу и с сильным разбегом швырнул ее. Теперь

она взорвалась, необычайно сильно. Меня отшвырнула к окнам, которые были вырваны взрывом. Я увидел, что Андреев бросился в окно. Механически, инстинктивно подчиняясь ему, его действию, я бросился за ним. Когда прыгнул, сломал ногу; Андреев уже был на той стороне ограды, на улице, садился в автомобиль. Едва я стал карабкаться по ограде, как из окна начали стрелять. Меня ранило в ногу, но все-таки я перелез через ограду, бросился на панель и дополз до автомобиля. На ул. никто не выходил. Часовой, стоявший у ворот, вбежал во двор. Мы от'ехали, развили полную скорость. Я не знал, куда мы едем. У нас не было заготовленной квартиры; мы были уверены, что умрем. Нашим маршрутом руководил шоффер из отряда Попова. Мы были взволнованы и утомлены. У меня мелькнула усталая мысль: надо в Комиссию... заявить. Наконец, неожиданно для самих себя очутились в Трехсвятит. пер. в штабе отряда Попова. Сделаю короткое, но нужное, отступление:

Думали ли мы о побеге? По крайней мере, я—нет... нисколько. Я знал, что наше деянье может встретить порицание и враждебность правительства и считал необходимым и важным отдать себя, чтобы ценою своей жизни доказать нашу полную искренность, честность и жертвенную преданность интересам Революции. Перед нами стояли также вопрошающие массы рабочих и крестьян—мы должны были дать им ответ. Кроме того, наше понимание того, что называется этикой индивидуального террора, не позволяло нам думать о бегстве. Мы даже условились, что если один из нас будет ранен и останется, то другой должен найти в себе волю застрелить его. Но напрашивается лукавый вопрос:

А почему мы приказали шофферу не останавливать мотор? На тот случай, если бы нас не приняли и захотели проверить действительность наших полномочий, мы должны были скорей поехать в Ч. К., занять телефон и замести следы попытки. Если мы ушли из посольства, то в этом виноват непредвиденный, иронический случай.

2) Как мне удалось бежать.

Я оказался раненым в левую ногу, ниже бедра. К этому прибавлялись полученные при прыжке из окна надлом лодыжки и разрыв связок. Я не мог двигаться. Из автомобиля в штаб отряда Попова меня перенесли на руках матросы. В штабе я был острижен, выбрит, переодет в солдатское платье и отнесен в лазарет отряда, помещавшийся на противоположной стороне улицы.

С этого момента я был предоставлен самому себе и все, что происходило 7 июля, мне стало известно только в больнице, из газет и гораздо позже, в сентябре, из разговоров с некоторыми членами Ц. К.

Я пережил в лазарете и сознательно помню только один момент—приезд в отряд тов. Дзержинского с требованием выдачи меня. Узнав об этом, я настойчиво просил привести его в лазарет, чтобы предложить ему меня арестовать. Меня не покидала все время незыблемая уве-

ренность в том, что так поступить исторически необходимо, что Советское правительство не может меня казнить за убийство германского империалиста. Но Ц. К. отказался выполнить мою просьбу. И даже в сентябре, когда июльские события четко скомпановались, когда проводились репрессии правительства против лев. с.-р. и все это сделалось событием, знаменующим собою целую эпоху в Русской Советской Революции—даже тогда я писал к одному члену Ц. К., что меня пугает легенда о восстании и мне необходимо выдать себя правительству, чтобы ее разрушить. 7 июля при отступлении отряда Попова из Трехсвятительского пер. я был забыт во дворе лазарета. Отсюда меня, вместе с другими ранеными, увезла на автомобиле в первую городскую больницу одна неизвестная сестра милосердия. В больнице я назвался Григорием Беловым, красноармейцем, раненым в бою с поповцами В больнице я пролежал, кажется, до 9 июля. 9-го вечером мне был устроен моими внепартийными друзьями, извещенными случайно о моем пребывание в больнице, побег. Я говорю побег потому, что больницам и лазаретам был отдан приказ, неизвестно откуда, не выпускать под угрозой расстрела ни одного раненого в эти дни. Я скрывался в Москве несколько дней, в лечебнице и частных квартирах. Кажется, 12-го я кое-как уехал и после полосы долгих скитаний попал в Рыбинск.

3) Где я скрывался.

В Рыбинске я пробыл под фамилией Авербаха до последних чисел августа, вылечивая ногу. В начале сентября, очень нуждаясь, я работал под фамилией Вишневского, в Кимрах, в Уездном Комиссариате Земледелия, давал уроки. Все это время я был абсолютно оторван от партии. Она не знала, где я нахожусь, что со мной делается. В сентябре я случайно завязал сношение с Ц. К., я обратился к нему с предложением спешно отправить меня на Украину в область германской оккупации для террористической работы. Мне было приказано выехать в Петроград и там выжидать отправки. Я жил в окрестностях Петрограда, очень замкнуто, в Гатчине, в Царском Селе и др., занимаясь исключительно литературной работой, собиранием материала об июльских событиях и писанием о них книги. В октябре я самовольно, без ведома Ц. К., поехал в Москву, чтобы добиться скорейшей командировки на Украину. Недолго жил в Курске, и 5-го ноября я был уже в Белгороде, в Скоропадчине. Я не могу не сказать нескольких слов о своей работе на Украине. По ряду причин мне нельзя еще говорить о ней легально, подробно. Скажу только следующее: я был членом боевой организации партии и работал по подготовке нескольких террористических предприятий против виднейших главарей контр-революц. Такого рода деятельность продолжалась до свержения гетмана. При правительстве Директории, в период диктатуры кулачества, офицерства и сечевых стрелков, я работал для восстановления на Украине Советской власти. По поручению партии, организовал, совместно с коммунистами и другими партиями, на

Подолии ревкомы и повстанческие отряды, вел советскую агитацию среди рабочих и крестьян, был членом нелегального Совета Раб. Депутатов Киева,—словом, посильно я служил революции.

4) Что меня привело к Ч. К.

Вокруг убийства Мирбаха образовалась сложная, совершенно неясная трагическая атмосфера. Этого акта не поняли или не хотели понять коммунисты и, что было важно, вследствие этого, информированные ими некоторые социалисты Запада, работники Интернационала, например, голландская соц.-демокр. Генриета Роланд-Гольц называла его даже гнусным (ее статья в Московской «Правде» в сент.). Советская власть и коммунистическая партия утверждали и думали, что выстрелы в Денежном пер. были сигналами к восстанию лев. с.-р. против Революции и ее власти, что исполнители акта «агенты англо-французского капитала, раньше служившие Советской власти и теперь продавшиеся ему» (приказ Ц. И. К. за подписью тов. Свердлова от 6 июля), а председатель Совета Народных Комиссаров тов. Ленин лаконично об'явил меня и Андреева просто «двумя негодяями» (приказ Совнаркома от 3-х час. дня 6 июля). Такая версия о московском акте старательно внедрялась в головы раб. и крестьян. То, что произведено в Трехсвятительском пер. и на телеграфе, было, понятно, названо мятежом лев. с.-р. За голову Мирбаха, этого титулованного разбойника, упало много мужественных, честных и преданных Революции голов, матросов, рабочих—лев. с.-р. Партия была изгнана из Советов, загнана в подполье, разгромлена, во многих местах Республики, об'явлена вне закона. Правительство возненавидело нас, Центральный Комитет и исполнителей акта предали суду Революционного Трибунала, как преступников и даже провокаторов. Каждую нашу элементарную попытку опровергнуть возводимые на нас незаслуженные обвинения пресекали в корне, считали новым походом против Советской власти. В таком положении было много трагичной безысходности. Апелляция к массам была немыслима, ибо тогда разводился красный террор, как система. В Советской конституции есть пункт, по которому Российская Республика об'является прибежищем каждого политического изгнанника из буржуазных и монархических стран, по которому государство рабочих и крестьян оказывает почетное гостеприимство защитникам Интернац. А мы, интернационалисты, участники октябрьского переворота, не имели прибежища в творимой и нами социалистической Республике. Так долго не могло продолжаться.

Я понимаю, что в июле объективные условия заставляли Советскую власть относиться к убийству Мирбаха и его исполнителям резко и определенно отрицательно, но с июля мес. произошли события, совершенно изменившие все недавние политические комбинации и постройки. Грянула германская революция—она разгромила оковы Бреста и отношение Советской власти к нам, взрывавшим Брест, должно было утратить все свое актуальное содержание. А

когда в Венгрии государство попало в руки раб. и крестьян, резко обозначилась перспектива мировой револ., которой, и только которой, была посвящена голова Мирбаха. Вернусь к существу. Остается еще невыясненным вопрос о том, действительно ли 6 июля было восстанием. Мне смешно и больно ставить себе этот вопрос. Я знаю только одно, что ни я, ни Андреев ни в коем случае не согласились бы совершить убийство германского посла в качестве повстанческого сигнала. Обманул ли нас Ц. К. и за нашей спиной произвел попытку восстания? Я ставлю и этот вопрос, ясный для меня, чтобы остаться честным до конца. Мне доверяли в партии, я был близок к Ц. К. и знаю, что подобного действия он не мог совершить. Партию, ее сознательные массы всегда занимала мысль о том, что необходимо во что бы то ни стало, в интересах Революции, найти способ об'единения с коммунистами. Все сознательные работники и такие члены партии, как М. А. Спиридонова, тогда искали этого об'единения и если не нашли его, то не по своей вине.

В Трехсвятительском пер. 6-го и 7-го, по-моему, осуществлялась только самооборона революционеров. Да и ее не было бы, если бы Ц. К. согласился меня выдать власти. Вот в этом я вижу всю его огромную историческую ошибку. Вся перестрелка, захват телеграфа, арест поповцами тов. Дзержинского и Лациса, также как и арест правительством М. А. Спиридоновой и лево-эсеровской фракции С'езда не что иное, как результат напряженности момента, вызванной сильным неожиданным впечатлением от убийства Мирбаха. Восстания не было. До сих пор я, один из непосредственных участников этих событий, не мог в силу партийного запрета явиться к Советской власти, довериться ей и выяснить, в чем она видит мое преступление против нее. Я, отдавший себя социальной револ., лихорадочно служивший ей в пору ее мирового наступательного движения, вынужден был оставаться в стороне, в подполье. Такое состояние для меня не могло не явиться глубоко ненормальным, принимая во внимание мое горячее желание реально работать на пользу Революции. Я решил явиться в Чрезв. Комиссию, как в один из органов власти (соотв. случаю), Советской власти, чтобы подобное состояние прекратить.

Гражданин Р. С. Ф. С. Р. *Яков Блюмкин.*

Киев 17—19 апреля 1919 года.
К. Г. Ч. К.

На вопрос, по каким мотивам явился в распоряжение тов. Лациса, председателя Украинской Ч. К., отвечаю следующее: прежде, чем привести мотивы моей явки, я для большей ясности хочу об'яснить побуждения мои, руководившие мною в совершении убийства графа Мирбаха. Я лично полагал, что убийство Мирбаха не вызовет войны с Германией и послужит только к вящшему выявлению того надломленного состояния германского империализма, который, по моему глубокому убеждению, в то время имел место. Ц. К. партии левых с.-р., конечно, считал, что акт убийства Мирбаха может вызвать

войну и она была бы принята массами, шедшими за партией левых с.-р. Последнее утверждение я делаю на основании резолюции, принятой 3-м С'ездом левых с.-р., и постановления лево-эсеровской фракции 5-го С'езда Советов. Решение совершить убийство графа Мирбаха было принято неожиданно 4 июля 1918 года. Причиной, ускорившей принятие этого неожиданного решения, послужило: 1) то, что на первом заседании с'езда Советов (5-го) правительство обнаружило твердое желание продолжать мирную политику в отношениях с Германией, 2) пламенный призыв о помощи украинских крестьян в лице их представителя на 5-ом С'езде Советов тов. Александрова и 3) выступление также тов. Троцкого с внеочередным заявлением о событиях на Курском участке украинского фронта. На том заседании Ц. К., которое приняло решение убить гр. Мирбаха, я не присутствовал; меня пригласил к себе один из членов Ц. К. вечером 4 июля, после вторичного заседания С'езда Советов, на котором было выступление Троцкого, и попросил сообщить все сведения о Мирбахе, касающиеся образа жизни его, которые были у меня в качестве члена В. Ч. К., заведывавшего отделом по борьбе с немецким шпионажем, при чем мне было заявлено, что эти сведения необходимы для совершения убийства Мирбаха. Вместо представления этих сведений я предложил себя в исполнители акта. Общего вопроса о последствиях убийства графа Мирбаха во время беседы моей с упомянутым членом Ц. К. не подымалось; я же лично поставил резко два вопроса, которым придавал огромное значение и на которые требовал исчерпывающего ответа, а именно: 1) угрожает ли, по мнению Ц. К., в том случае, если будет убит гр. Мирбах, опасность представителю Советской России в Германии тов. Иоффе и 2) гарантирует ли Ц. К., что в его задачу входит только убийство германского посла. Меня заверили, что опасность тов. Иоффе, по мнению Ц. К., не угрожает. Вопрос о гарантии Ц. К., что в его задачу входит только убийство графа Мирбаха, я задал потому, что вокруг подготовки убийства создалась непроницаемая обстановка и, кроме того, столкновение на 5-м С'езде Советов партии левых с.-р. с правительственной партией сгустило атмосферу политических отношений и я боялся, что акт над Мирбахом может быть превращен Центральным Комитетом в акт партийной оппозиции правительственной партии. В ответ на второй вопрос мне было официально и категорически заявлено, что в задачу Ц. К. входит только убийство германского посла с целью поставить советское правительство перед фактом разрыва Брестского договора. Переходя затем ко второму вопросу о причинах моей явки в распоряжение власти, заявляю следующее: убийство Мирбаха совершилось совершенно неожиданными политическими последствиями. Из акта протеста против вожделений германского империализма, из акта революционной самозащиты Советской России убийство Мирбаха было превращено в акт партийной вражды левых с.-р. с коммунистами и в действие, враждебное Советской власти. Мало того, этот акт был истолкован Советской властью, как сигнал к восстанию левых с.-р. против нее. Вместо выступления против германского империализма он был превращен в вооруженное столкно-

вение двух советских партий—коммунистов и левых с.-р. И вот это ненормальное и совершенно неожиданное последствие и является главной причиной моего прихода в Киевскую Ч. К. Я имел в виду рассеять всю ту неясность и об'яснить, как понимал я лично и как, судя по сделанным мне официальным заявлениям, понимал и Ц. К. акт убийства Мирбаха. Кроме того, мной руководило желание дать политическое объяснение тому столкновению между левыми эсерами и правительством, которое произошло в результате убийства Мирбаха в отряде Попова, в Трехсвятительском переулке. Прежде всего я хочу объяснить причины вооруженного выступления отряда Попова. Выступление этого отряда произошло потому, что представители власти, узнав о том, что я после совершения убийства укрылся в этом отряде, потребовали у него выдачи меня. Лично я на этой выдаче перед Ц. К. настаивал. Я считал это необходимым сделать для того, чтобы предотвратить возможность столкновения партии с властью. Центральный Комитет отказался меня выдать и приказал мне подчиняться его директивам. Вокруг вопроса о моей выдаче правительству и началось вооруженное столкновение. С этого момента все действия Центрального Комитета я не разделял и ответственность за них нести не мог. Арест т. Дзержинского, захват почтамта и посылка телеграммы по линии, стрельба по Кремлю и бегство из отряда Попова,—все это происходило в моем отсутствии и без моего участия. Все эти факты были теми непредвиденными последствиями акта, которые я имел в виду, когда просил Ц. К. гарантий, что в его задачу входит только убийство Мирбаха. В продолжение целого года мне приходилось, в силу партийной дисциплины, покрывать молчанием все то, что произошло в Трехсвятительском переулке и с убийством Мирбаха ничего общего не имеет. Ныне я решил явиться к Советской власти и разъяснить все истинное предназначение и сущность акта 6 июля. Было бы крайне ошибочно рассматривать мой приход, как отказ от акта, исполнителем которого я был, равно как и отказ от моего эсеровского понимания революции и Советской власти. Я попрежнему остаюсь членом партии левых социалистов-революционеров, попрежнему расхожусь во многом в политике Советской власти и именно это побуждает меня вполне честно рассеять все то запутанное, трагичное положение, которое создалось благодаря отказу Ц. К. выдать меня в результате убийства Мирбаха. В подтверждение моих заявлений, что убийство Мирбаха было организовано крайне поспешно, в два дня, что находится в противоречии с особым приготовлением бомб, заявляю, что бомбы были приготовлены заранее в числе бомб, приготовлявшихся специально для Украины, где партия вела боевую террористическую работу, ознаменованную убийством палача украинской революции ген. Эйхгорна, идеолога немецкой оккупации.

Член партии левых социалистов-революционеров

Яков Блюмкин.

Москва 8-V 1919 г.

Следственная комиссия.

3.

В президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

Особо Следственной Комиссии по делу
Я. Г. Блюмкина.

ДОКЛАД.

Допросив Якова Григорьевича Блюмкина, явившегося в распоряжение Советской власти после состоявшегося приговора Верховного Трибунала о заключении его, Блюмкина, за убийство германского посла Мирбаха в тюрьму на три года, Следственная Комиссия усматривает:

1) Блюмкин по его утверждению полагал, что убийство Мирбаха не вызовет войны с Германией и послужит только к убеждению масс в бессилии германского империализма.

2) Перед совершением убийства Мирбаха Блюмкин потребовал от партии левых эсеров гарантий, что этот акт окончится только убийством и никаких шагов против Советской власти в связи с этим убийством не произойдет, в чем ему членами Ц. К. партии было дано категорическое обещание.

3) Поднятый партией левых эсеров после убийства Мирбаха мятеж против Советской власти он, Блюмкин, осуждает и категорически отмежевывается от тех преступных действий, которые были совершены партией, вопреки данного ему обещания.

4) Причиной, побудившей его, Блюмкина, явиться в распоряжение Советской власти, прежде всего послужило желание рассеять оскорбительное для него, как исполнителя террористического акта против Мирбаха, мнение, в результате коего он был назван в «Известиях Ц. И. К.» «негодяем», и разъяснить Советской власти, как он понимал это убийство.

На предложение Следственной Комиссии представить доказательства этим утверждениям (каковыми доказательствами могли служить письма Блюмкина, написанные им Прошьяну с требованием объяснений поведения партии после убийства Мирбаха, ответные письма Прошьяна, а также письма, которые получил Блюмкин от членов партии, будучи арестован в Киевской тюрьме) Блюмкин заявляет, что самый факт его явки должен служить уже достаточной гарантией правдивости его слов.

Таким образом, если верить утверждениям Блюмкина, что никакой связи с действиями обманувшей его партии левых эсеров, воспользовавшейся фактом убийства Мирбаха с целью восстания против Советской власти, у него, Блюмкина, не было, то он должен нести ответственность только за совершение террористического акта по отношению к Мирбаху, каковая ответственность, во всяком случае, не может вызвать необходимости содержания Блюмкина в тюрьме.

Но в виду того, что Блюмкин категорически отказывается представить доказательства своим утверждениям о полной непричастности и отрицательном своем отношении к поднятому вслед за убийством Мирбаха партией левых эсеров мятежу, Следственная Комиссия не находит возможным, имея в виду политику левых эсеров в настоящее время, придавать его словам, не подтвержденными никакими доказательствами, безусловное доверие, а потому полагала бы:

1) Блюмкина из-под стражи освободить,

2) заменить ему трехлетнее тюремное заключение отдачей его на этот срок под контроль и наблюдение лиц, по указанию Президиума ВЦИК и

3) в случае уклонения Блюмкина от Контроля над своими политическими действиями, или в случае совершения каких-либо новых действий во вред Советской власти немедленно привести в исполнение состоявшийся по делу об убийстве Мирбаха приговор Революционного Трибунала при ВЦИК.

4.

Постановление президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 16 мая 1919 года об освобождении из заключения Якова Григорьевича Блюмкина.

В виду добровольной явки Я. Г. Блюмкина и данного им подробного объяснения обстоятельств убийства германского посла гр. Мирбаха, Президиум постановляет Я. Г. Блюмкина амнистировать.

Секретарь В. Ц. И. К. *А. Енукидзе.*

III.

ВЗРЫВ

В ЛЕОНТЬЕВСКОМ ПЕРЕУЛКѢ

25 сентября 1919 года.

ОТ РЕДАКТОРА.

Первая глава—обстоятельства взрыва 25 сентября, сведения о погибших и пострадавших товарищах—составлена на основании данных, собранных Московским Комитетом Р. К. П., материалы для следующих двух глав—литература анархистов подполья и следственный материал по делу анархистов подполья—нами добыты из архива М. Ч. К.

П. М.

I.

1. Обстоятельства взрыва 25 сентября 1919 года.

25 сентября в помещении Московского Комитета Р. К. П. (по Леонтьевскому пер.) собрались партийные ответственные работники Москвы, представители районов, лектора, агитаторы и пр. для обсуждения вопроса о постановке агитации и выработки плана работы в партийных районных школах. Собралось около 100—120 товарищей. Присутствовали представители всех районов, кое-кто из высшей партийной школы, видные лектора и агитаторы нашей партии. Вся эта масса тесно разместилась в небольшой комнате. После доклада тов. Бухарина, Преображенского и Покровского собрание стало разбирать представленный план организации школ. Когда приступили к обсуждению этого вопроса, часть собравшихся стала расходиться. Движение и шум мешали вести заседание, а потому желающим уйти председатель собрания т. А. Ф. Мясников предложил выйти поскорее. В это время, приблизительно со стороны предпоследнего ряда, близ окна в сад, раздался звучный треск, наподобие выстрела. Присутствующие шарахнулись к дверям, где моментально образовались пробки.

По словам очевидцев, тов. Загорский (секретарь М. К.) из-за стола Президиума бросился в сторону выстрела, к месту падения снаряда, с целью предотвратить опасность; на ходу он крикнул: «спокойнее, ничего особенного нет, мы сейчас выясним, в чем дело». Этим он, повидимому, внес некоторое успокоение, чем были предотвращены сутолока и давка. Значительная часть присутствовавших успела выйти из комнаты. Все это заняло около 45 секунд, и едва тов. Загорский договорил последнее слово, как раздался оглушительный взрыв. Как только рассеялось первое впечатление, сейчас же было дано знать о случившемся в Московский Совет, во все районы, Ч. К., были потребованы кареты скорой помощи, медицинский персонал и пожарные. Через 15 минут уже кипела работа по извлечению трупов, тяжело раненых и отправки в лазареты и госпитали. Легко раненым здесь же были сделаны перевязки. Работа длилась всю ночь. Больше всех пострадали товарищи, сидевшие в средней и задней части комнаты; товарищи, сидевшие в передовых рядах и в Президиуме, отделались незначительными ушибами и контузиями.

На место взрыва вместе с другими, стремившимися оказать помощь пострадавшим, явился почти в полном составе пленум Московского Совета.

Дом, в котором помещался Моск. Комитет партии, двух'этажный особняк, бывш. графини Уваровой. Раньше здесь помещался Моск. Ком. и Ц. К. Партии левых эсеров. Бомба была брошена с самой удобной и подходящей стороны—со стороны Бол. Чернышевского пер., от которого дом отделяется небольшим садом. С этой же стороны дома, во втором этаже, находится тот большой зал, где происходило заседание. Преступник, прекрасно знакомый с помещением, бросив бомбу как раз в средину собрания со стороны сада, скрылся в сторону Чернышевского пер. через единственную калитку, которая оказалась выбитой.

Фасад помещения Моск. Ком. по Леонтьевскому пер.

Жуткую картину разрушения представляет этот дом после взрыва. Фасадная часть дома, выходящая в Леонтьевский пер., сравнительно мало пострадала, хотя и здесь выбиты все стекла, местами вырваны рамы, сорваны двери и у наружной стены дома целые кучи мелкого

битого стекла. Сравнительно мало пострадала широкая лестница, ведущая из фасадного вестибюля наверх, но зато в задней половине дома, наверху, почти ничего не осталось целым. В полу большого зала бомба пробила громадную брешь, арш. 4 в шир. Какова была сила взрыва, можно судить по тому, что в полу оказались переломленными 2 толстые балки по $^1/_2$ арш. в квадрате. Вся задняя часть дома вывалена в сад вместе с отброшенной туда железной крышей. В саду—громадные куски железа и груды разных обломков, отброшенные почти до самой задней стены сада. Все говорит за то, что была брошена бомба неимоверно разрушительной силы, и двойной удар об'ясняется очевидцами тем, что бомба взорвалась не сразу. Сначала раздался треск ударника, после чего послышалось шипение как бы горючих веществ и между ударом ударника и взрывом бомбы прошло 30—40 секунд.

Еще накануне тела погибших товарищей были перенесены из Моск. Совета и больниц в Дом Союзов. Среди огромного зала с декорированными красными и черными колоннами, на специальном возвышении утопали в цветах и венках 9 цинковых гробов. Вокруг них неподвижно выстроился, со знаменами в руках, почетный караул из рабочих и красноармейцев. Все люстры, канделябры и свечи были зажжены. До поздней ночи приходили в зал отдать последний долг павшим товарищам.

28 сентября одна за другой с музыкой и знаменами стали подходить, согласно намеченному плану, рабочие организации, представители районов и воинские части. Надписи на знаменах ярко иллюстрируют настроение московского пролетариата в тот момент.

«Ваша мученическая смерть—призыв к расправе с контр-революционерами!»

«Ваш вызов принимаем, да здравствует беспощадный красный террор!»

«Бурлацкая душа скорбит о вашей смерти, бурлацкие сердца убийцам не простят!»

«Не будем плакать об убитых, тесней сомкнем свои ряды!»

«Вас убили из-за угла, мы победим открыто!»

С раннего утра Колонный Зал постепенно наполнился родственниками, знакомыми и товарищами, пришедшими проститься с погибшими. Присутствовали представители В. Ц. И. К., Р. К. П., Московского Совета и мног. др. организаций, среди них: тт. Калинин, Троцкий, Каменев, Покровский, Бонч-Бруевич и мн. других.

От Дома Союзов до самой Красной площади растянулась процессия. Впереди гробов несли бесчисленное множество венков, за гробами потянулись родственники, затем представители В. Ц. И. К., Совнаркома, Ц. К. Р. К. П., Московск. Совета, а дальше—нескончаемое число рабочих организаций.

Стройными рядами выстроились представители всех военных курсов и всех частей московского гарнизона.

Гробы с телами мучеников за коммунизм были опущены в общую братскую могилу, после чего выступил с речами ряд ораторов: тт.

Каменев, Троцкий, Калинин, Зиновьев, Мясников, Балабанова и Садуль.

По случаю гнусного убийства во всех районах Москвы были устроены митинги, на которых были вынесены резолюции протеста против покушения на лучших представителей московского и всероссийского пролетариата, с выражением соболезнования Ц. К. и

Место взрыва.

М. К. Р. К. П. Телеграммы и целый ряд резолюций были получены также с фронтов и провинций, в которых красноармейцы и рабочие выразили глубокую скорбь по утрате стойких борцов за социализм, призывая к красному террору, клянясь за каждую голову наших вождей снять тысячи вражеских голов.

Настроение—смелое и твердое, взгляд—бодрый и уверенный, сердце, полное ненависти к врагам, рука, крепко сжатая для сокрушительного удара,—вот результат подлого проявления бессильной злобы и остервенения белогвардейцев и их сознательных и бессознательных пособников.

2. Сведения о товарищах, убитых при взрыве 25 сентября 1919 года.

1. Волкова, Мария, сотрудница Губкома Р. К. П.

Скончалась 29 сентября от ран.

Работала с ранних лет на фабрике Прохоровской мануфактуры. В 1918 году вступила в партию коммунистов. Приехавши в мае 1919 года с восточного фронта, где пробыла 6 месяцев, она была делегирована в Центральную партийную школу, где мечтала подготовиться к партийной работе, но 25 сентября была тяжело ранена в обе ноги, в левую руку, потеряла левый глаз, получила сильную контузию, осложнившуюся воспалением легких, печени и мозга. Находясь в больнице, она говорила: «это пустяки, я скоро поправлюсь и с одним глазом еще злее буду преследовать белогвардейцев».

2. Игнатова, Ирина Матвеевна, работница Хамовническаго района Р. К. П.

Тов. Игнатова работала в красильне Лямина, затем в нескольких местах—прислугой. В период войны она поступила кондуктором трамвая. Во время переворота 17 года, в октябрьские дни она работала на улице, не спала по ночам и тогда же вошла в партию большевиков. Последнее время она отдала себя целиком работе среди женщин.

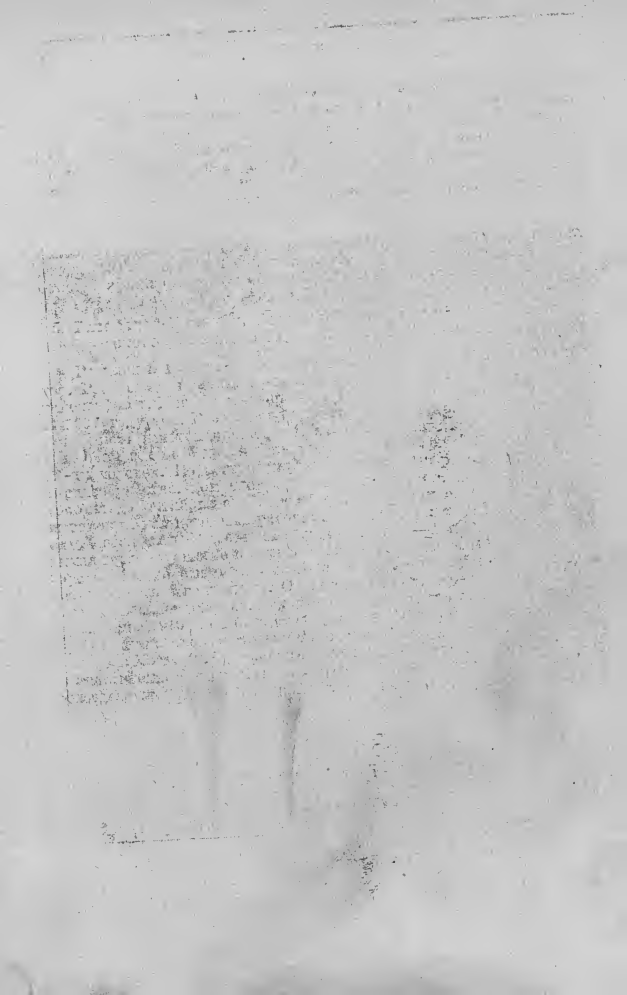
Она ни минуты не думала о себе, все отдавала революции, но рука преступника прервала ее жизнь.

3. Загорский, Владимир Михайлович, секретарь Моск. Комитета Р. К. П.

Тов. Загорский, партийная кличка Денис, родился в 1883 году в Нижнем-Новгороде. С 19-летнего возраста он был вовлечен в революционную борьбу. Первое его выступление было связано с демонстрацией Сормовских рабочих и учащейся молодежи Нижнего-Новгорода, где он был арестован, судился и был сослан в Енисейскую губ. В 1904 году он бежал в Швейцарию, где примкнул к большевистской организации. В начале 1905 года вернулся нелегально в Россию, участвовал в революции, после чего остался жить в Москве в качестве партийного профессионала. Провал Московской организации вынудил его в 1908 году уехать в Англию, откуда он вернулся в Россию в 1910 году. Новый провал Саратовской организации пере-

Тов. Загорский.

бросил его в Германию. В конце войны России с Германией В. М. возвращается в Россию и назначается в состав нашего посольства в Берлине. Летом 1918 года он снова работает в России в качестве работника Московского К-та Р. К. П. (большевиков). Далее он выбирается секретарем М. К. и до последнего времени работал энергично, не покладая рук, с утра до глубокой ночи. Он умер на своем посту бесстрашно, пожертвовав собою ради спасения других.

Женщина—т. Николаева, мужчина—т. Сафонов.

В момент взрыва тов. Загорский быстро ринулся в сторону выстрела, где шипела и дымилась брошенная бомба. Он распростер руки и крикнул: «Товарищи, успокойтесь, это случайный выстрел из кармана». Он успел приблизиться к месту, откуда раздавалось шипение, шага на полтора от него, и едва только произнес последнее слово, раздался оглушительный взрыв.

Так погиб революционер под обломками рухнувшего графского дома, до последнего момента самоотверженно оставшийся на посту,

не только пренебрегая опасностью, но первый устремляясь в нее с безумной отвагой.

4. Николаева, Анфиса Федоровна, секретарь железнод. райкома Р. К. П.

Тов. Николаева недолго работала в железнодорожном районном комитете. Раньше она была в Рогожском районе. Удивительно чуткая и безукоризненно внимательная вообще ко всей своей работе, она была отзывчива к каждому товарищу, обращающемуся к ней с деловыми или личными вопросами. На мертвом изуродованном лице остался яркий отпечаток оборванной спешной работы.

5. Разоренов-Никитин, Георгий Никитич, раб. Ал.-Ростокинского районного Комитета Р. К. П. (агитатор).

Родился в 1886 году, по профессии цинкограф. Еще в 1903 году тов. Разоренов принимал горячее участие в первой забастовке типографов г. Москвы и участвовал в боях на баррикадах в 1905 г. В 1907 году тов. Разоренов был избран секретарем профессионального союза печатников Москвы, за что впоследствии был арестован и выслан вместе с другими товарищами из газеты «Правда» в числе 27-ми человек. По возвращении из ссылки Разоренов опять принял горячее участие, как член партии меньшевиков. В этой партии он состоял до октябрьского переворота, когда вышел из партии меньшевиков и, как истинный рабочий, вступил в ряды Р. К. П. С ноября он работал в Ал.-Ростокинском районе, затем—при Р. Ч. К., где принимал горячее участие в борьбе с контр-революцией. В 1918 году т. Разоренов был делегирован от района в Мопленбеж в агитационный отдел на должность заведующего. Он принимал горячее участие в издании газеты «Военнопленный», редактором которой состоял до весны 1919 года. В мае 1919 г. он был делегирован в Гомель и считался одним из видных агитаторов и организаторов в Белоруссии и Украине. По приезде в Москву т. Разоренов остался при районном комитете Р. К. П. в агитационном отделе, в качестве агитатора, главным образом в подотделе женщин-работниц, на каком посту и погиб от предательской бомбы.

6. Титов, Григорий Васильевич.

Г. В. Титов (Александр Игнатьевич Кудрявцев) родился в 1886 г. в дер. Верещагино, Солигаличского уезда, Костромской губ. После смерти отца, мать отдала его 12-летним мальчиком на «ученье» к подрядчику в Петербург, где он изучал малярное ремесло. В Петербурге тов. Титов очень рано становится сознательным рабочим и 1905 г. встречает его вполне подготовленным. С 1912 г. он уже в рядах партии. С 1915 г. он ведет активную работу, как профессиональную, так и партийную в Москве. Под его руководством печатаются

и распространяются прокламации с протестом против империалистской войны. Он организует много рабочих кружков, главным образом, в Лефортовском районе. До октябрьской революции и во время ее т. Титов очень много работает по заготовке оружия, по вооружению рабочих, по укреплению района, устройству окопов и, наконец, мы его видим с винтовкой в руках при взятии Алексеевского училища.

Внизу—т. Кваш, повыше—т. Кропотов.

В декабре 17 года, в качестве красногвардейца, т. Титов отправляется на Украину против гайдамаков, в феврале 18 г. против немцев в Оршу. По приезде с Украины т. Титов снова собирается в поход, в нач ле лета 18 г. отправляется с отрядом (20-м сводным полком) на Урал, против Дутова. Там их застигает чехо-словацкое восстание и они оказываются отрезанными от центра. С большими трудностями пробиваются остатки полка через Оренбургские степи и Туркестан—в Москву к концу августа. Но и тут тов. Титов не засиживается. В Москве организуется рабочая дивизия и т. Титов снова на фронте, против Краснова, в качестве комиссара одного из рабочих полков. По очищении неприятелем казачьих местностей он деятельно работал по

организации местной власти. Прослышав, что Виленский полк отказался выступать против большевиков и вернулся в свою станицу во главе с казаком Фоминым, тов. Титов еще с двумя товарищами, совершенно безоружные, решили пробраться через фронт в станицу Вешинскую, чтоб окончательно разложить полк, разоружить его. И действительно, рискуя попасть в лапы верных Краснову войск, он пробрался в станицу, 2 дня митинговал, привлек окончательно на свою сторону Вешинский казачий полк, выпустил воззвание к населению и, закончив с успехом свою задачу, благополучно вернулся в свой полк. Результаты этой геройской экспедиции не преминули сказаться: после Вешинского полка стали сдаваться и другие казачьи полки и мы почти без боев прошли большую часть Донской области. Тов. Титов первый произвел опыт, давший впоследствии прекрасные результаты—навербовал из перебежчиков колчаковцев-добровольцев полк в несколько тысяч, оказавшихся беззаветными бойцами.

Маляр и пильщик по профессии, тов. Титов был революционером по призванию и за время революции вырос в большого организатора и стойкого борца за идеалы коммунизма.

7. Халдина, Аня, сотрудник Московского Комитета Р. К. П.

Аня из буржуазной среды. Революция застала ее почти ребенком на институтской скамье. Чуткая и отзывчивая, она с жадностью глотала слова о великой борьбе рабочего класса, исходившие из уст одного из ее учителей, старого революционера, вместе с ней погибшего т. Кропотова. Революционные события захватили ее. она по ночам стала читать марксистскую литературу. Все больше и больше начинает она тяготиться домашней обстановкой. Разногласия на политической почве начинают принимать все более резкий характер и она, 16-летняя девочка, воспитанная няньками и мамками, не приученная ни к какому труду, уходит из дому. Последний год она буквально голодала, но никто никогда не слыхал от нее ни одной жалобы. Последнее время она рвалась на фронт. «Величайшим для меня огорчением было бы умереть просто, по-мещански. Уж если погибать, так в революционной борьбе», нередко говорила она.

Ее желание сбылось: она погибла на своем революционном посту.

8. Кропотов, Николай Николаевич, член Московского Совета.

Тов. Кропотов родился 8 ноября 1873 г. В 1894 г. он кончил Седлецкую гимназию, в 1909 г.—Московский университет по юридическому факультету. Адвокатурой, однако, он не занимался, а пошел в педагоги. Преподавал русский язык, латынь и историю в разных учебных заведениях сначала в провинции, а с 1913 г.—в Москве.

За участие в студенческих волнениях 1899—901—902 гг. был арестован и сидел в тюрьме. По освобождении тов. Кропотов, как социал.-демократ, руководит рабочим движением в Орехове-Зуеве,

где на фабрике Морозова он работал в качестве статистика. Снова последовали арест и тюрьма.

С 1905 г. тов. Кропотов — большевик и теснейшим образом связан с Московским Комитетом партии.

Внутри помещения М. К. после взрыва.

После поражения рабочих в 1905 г., тов. Кропотов, не порывая связи с партией, отстраняется от непосредственной активной работы и лишь революция 17 года вновь захватывает его.

Мы его видим в Московском Совете то в качестве комиссара таможни, то члена Дежурной Коллегии Совета.

Перед кончиной тов. Кропотов вел занятия в партийных школах, организованных Московским Комитетом Р. К. П., и, как лектор, был приглашен на заседание 25 сентября.

9. Александр Сафонов.

Тов. Сафонов родился в 1875 году, в Костромской губ., Галичского уезда, в дер. Фроловское.

13-ти лет его привезли в Москву и отдали в ученье на экипажную фабрику, где в течение 3—4 лет он «специализировался» по окраске экипажей. После выучки земляки устроили его на Курские мастерские, в малярный цех. Поработав года два, он уезжает в Ригу па ту же работу в вагонных мастерских. Тут же принимается за самообразование. Солдатчина отрывает его от занятий па четыре года. Далее он проходит целый ряд учреждений в г. Ярославле в качестве смотрителя детского приюта, конторщика, счетовода на городском водопроводе. Все это время он продолжает работать над собой. Ему удается сдать экзамен на звание домашнего учителя. С 1904 г. он вступает в с.-д. организацию г. Ярославля, 1905 г. захватывает его целиком. Он выступает на собраниях, принимает живейшее участие в издающейся там газете. В 1906 году его арестовывают на одном из собраний и ссылают в Архангельскую губ. на два года. Однако при первой же возможности он уезжает в Питер, где сейчас же приступает к работе. При тогдашних условиях он в продолжение года был четыре раза арестован, каждый раз под новой фамилией, раз даже в одном и том же участке. После этого стало невозможным дальнейшее пребывание в Питере. Он переезжает в Москву и работает в окружной организации. Вот что рассказывает тов. Бубнов об этой поре революционной работы А. Сафонова: «к концу года нам удалось созвать областную конференцию и провести выборы на предполагавшуюся конференцию всероссийскую, но никто из нас, выбранных, на нее не смог выехать из Москвы,—за всеми уже шла самая усиленнейшая слежка. В ноябре месяце последовал один провал за другим, был арестован и тов. Сафонов... В долгие месяцы таганского сидения тов. Александр принимает на себя обязанности Центрального старосты, принимает живейшее участие в с.-д. фракции Таганской тюрьмы, пишет в наших тюремных сборниках и ведет непрерывную дискуссию по волновавшим тогда партию философским вопросам... На суде в 1910 г. он признает себя членом партии и получает каторгу; выносит долгие годы безобразнейшего каторжного режима и после февральской революции выходит на волю и снова бросается в работу...» Он ставит партийную и Советскую работу в Тамбовской и Рязанской губерниях, берется за банковое дело, при национализации банков, и в апреле, при мобилизации коммунистов, работает в качестве члена Реввоенсовета XII армии. 25 сентября, получив другое назначение и проезжая через Москву, тов. Сафонов в свободную минутку пошел повидать «свою публику». И тут, как будто в мирной обстановке, насильственно и преждевременно оборвалась нить его жизни.

10. Кваш.

Тов. Кваш прибыл в Москву из Украины приблизительно в августе 1919 г. Он быстро зарекомендовал себя трудоспособным, методичным работником и всей душой отдался делу организации субботников, был первым секретарем Бюро Субботников при М. К. П. Тов. Кваш, по словам знавших его по работе товарищей, был скромный работник и одинокий, замкнутый человек. Он знал только свое дело. Вот почему никаких сведений, касающихся прошлого и его личной жизни, нам собрать не удалось.

11. Танкус *), Соломон Натонович.

Слушатель Центральной школы партийной работы.

12. Колбин *).

Слушатель Центральной школы партийной работы.

---

*) К сожалению, нам не удалось раздобыть сведения о жизни тт. Танкуса и Колбина. Оба товарища были слушателями Высшей партийной школы. Первого из них я знал лично, а про второго слышал, как о способном ученике и хорошем товарище. Что же касается т. Танкуса, то на занятиях в Высшей партийной школе он выделялся. Его товарищи к нему относились с уважением и с полным доверием, давали ему ответственные поручения и выбирали в различные коллективы.

На моих лекциях (по программе партии) и курсах (по организации партии), помню, он неоднократно выступал с вопросами, предложениями, а также референтом. Во всяком случае, он был одним из видных и подающих надежду слушателей партийной школы. Он одновременно вошел в курс московской партийной работы и часто посещал собрания в районах и в центре.

Оба товарища, и Танкус, и Колбин, в числе других, кажется, 25 слушателей партийной школы по предложению М. К. Р. К. П. были делегированы на собрание 25 сентября с целью ознакомления с постановкой партийных школ в районах.

Прим. А. Мясникова.

3. Список товарищей, пострадавших при взрыве 25 сентября 1919 года.

1. **Бухарин, Ник. Ив.** Член Ц. К. Р. К. П. Ранен в руку.

2. **Бакинский.** Лектор партийной школы. Ранение правой ноги и повреждение уха.

3. **Бахина.** Слушат. центр. шк. парт. раб. Контузия головы и ушибы груди и ног.

4. **Белов.** Раб. Сущевско-Мар. района. Продав. грудная клетка.

5. **Буйволов, Вл. Серг.** Сотруд. Сокол. района. Легкая контузия головы.

6. **Боярский.** Сотрудник Хамов. района. Легкое ранение.

7. **Белая Катя.** Организ. Басм. района. Легкое ранение.

8. **Бродская.** Сильная контузия и повреждения бар. переп.

9. **Выропаев, Фед. Гр.** Сотр. ж.-д. р. РКП. орг. п/р. Ряз.-Ур. и Ал. ж. д. Общее контуз.

10. **Вегман.** Бывш. редакт. газеты „Знание и Революция" в Томске. Общее ранение лица.

11. **Глускина, Анна Ар.** Секрет. Сущ.-Мар. р., бывш. секрет. Лефорт. райкома. Сильная контузия.

12. **Гайле.** Комис. I Моск. артил. курсов. Легкое ранен.

13. **Голованов.** Орган. Комис. связи с фронтом (Бутырск. района). Легкое ранение.

14. **Голубев, Ник. Тим.** Орган. Комис. связи с фронтом (Бутырск. района). Легкое ранение.

15. **Гричманов, Ал. П.** Слушат. центр. шк. парт. раб. Помята грудн. клетка и общая контузия.

16. **Гаптман.** Слушат. центр шк. парт. раб. Рост. р. Легкое ранен.

17. **Гринштейн, М. Л.** Сотрудн. Агит. отд. М. К. Контузия головы.

18. **Дианов, Вас. Игнат.** Организ. парт. п/р. Винд. ж. д. Контуз. головы.

19. **Иванов, Влад. Иван.** Раб. Басман. р. Перелом кисти, контузия и ранение головы.

20. **Иванова, Е.** Хамов. района. Легкое ранение.

21. **Кицис.** Раб. Сущ.-Мар. района. Легкое ранен. в голову.

22. **Крюков.** Сотруд. Ал.-Рост. р. Ранен в голову и плечо; общая контуз.

23. **Котлин, Леон. Ив.** Слушат. центр. шк. парт. раб. Легкое ранение.

24. **Коробочкин, И. Г.** Член Прав. М. П. О. (Бут. р.) Контуз и ранен. лица.

25. **Кучинский, Д. Д.** Зав. Агит. Отд. Бутыр. района. Легкое ранение правой стороны лица.

26. **Колотов, Степ. Серг.** Зав. Жил. Зем. Отд. Бутырск. Совдепа. Легкая контузия головы.

27. **Куранова, Ек. Як.** Зав. Отд. Соц. обесп. и член През. парткома (Леф. района). Трещина ножной кости и общее ранение ноги.

28. **Кузнецов, Н.** Хамов. района. Легкое ранение.

29. **Левитас, Евг. Рув.** Секр. парт. комитета Леф. р. Легкое ранение. Сильный ушиб ноги и головы.

30. **Люблин.** Раб. Хамовн. р. Легкое ранение.

31. **Лебит, Петр Григор.** Председ. Райпрофсожа (железно-дор. района). Общая контуз. и общее ранение лица.

32. **Мороскин, Вас. Вас.** Член Исполкома Преснен. Совета. Легкая контуз.
33. **Модлин.** Слушат. центр. шк. парт. раб. Роста. Легкое ранение.
34. **Мясников, А. Ф.** Член В. Ц. И. К. Контузия и легкое ранение.
35. **Никольский, Л. В.** Предс. Центр. Норм. к. Общая контузия.
36. **Ольминский.** Легкое ранение.
37. **Огильба.** Раб. Ал.-Рост. района. Отравление газами.
38. **Павлович, Н. П.** Член В. Ц. И. К. Легкое ранение в голову.
39. **Пельше.** Член Правления М. П. О. Тяжело ранен.
40. **Розенштейн, М. А.** 7 дней, как вернулся с фронта, где был ком. (Леф. района). Легкое ранение глаза и левой части головы.
41. **Рябчаев.** Раб. Ал.-Рост. района. Легкое ранение.
42. **Сафаров, Георгий.** Член В. Ц. И. К. Тяжелое ранение.
43. **Сычева. Варв. Фил.** Раб. Ал.-Рост. р. Ранен. головы и общ. контузия.
44. **Сазонов.** Работник Ч. К. Хамов. района. Повреж. бараб. перепонки.
45. **Сазонова, Мария.** Раб. Хамовн. р. Легкое ранен. (оказана амбул. п.).
46. **Стеклов, Ю. М.** Редактор „Изв. ВЦИК.". Воздуш. контузия, разрыв обоих барабанных перепонок и кров. в ухе.
47. **Самарин-Никифоров, Григор. Игнатьевич.** Член През. Ал.-Рост. Совдепа Зав. Упр. дел. Легкая контуз. головы и ранен. ноги.
48. **Савин.** Раб. Хамовн. района. Общая контузия.
49. **Слуцкий.** Легкое ранение головы.
50. **Тютин (кл. Анатоль).** Железнодорожный рабочий. Контузия головы и ранение правой руки и ноги.
51. **Фонченко, Вас. Н.** Орган. п/р. К.-В. ж. д. р. Чл. Исполк. ж. д. Извлечен из-под облом., пролом головы и тяжелая контузия.
52. **Шищенко, Вас. Тим.** Слушат центр. шк. парт. раб. Легкое ранение.
53. **Шляпников, Я. Е.** Зам. Зав. Жил.-Зем. отд. (Бутыр. район). Легкое р. (оказана амбул. помощь).
54. **Ярославский, Ем.** Член В. Ц. И. К. Легкое ранение.
55. **Ямпольская, Р. Н.** Раст. сухож.

Где власть—там нет свободы!

Выпуск 3-й.

ГДЕ ВЫХОД?

Правда о Махновщине.

Извещение.

ГРАЖДАНЕ И БРАТЬЯ!

Литература анархистов подполья.

II.

«Граждане и братья!

Вечером 25 сентября на собрании большевиков в Московском Комитете обсуждался вопрос о мерах борьбы с бунтующим народом. Властители большевики все в один голос высказались на заседании о принятии самых крайних мер для борьбы с восстающими рабочими, крестьянами, красноармейцами, анархистами и левыми эсерами, вплоть до введения в Москве чрезвычайного положения с массовыми расстрелами».

Дальше:

«Наша задача — стереть с лица земли строй комиссародержавия и чрезвычайной охраны и установить Всероссийскую вольную федерацию союзов трудящихся и угнетенных масс. Нечего ждать прихода белой деникинской реакции и ухода красной—комиссарской. Мы сами должны установить свободный строй в стране теперь же, немедленно, не дожидаясь окончательной гибели завоеваний октябрьской революции. Близится третья социальная революция».

Наконец:

«17 июня с. г. Чрезв.-Воен.-Революц. Трибунал расстрелял в Харькове семь повстанцев: Михалева-Павленкова, Бурбыгу, Олейника, Коробко, Костина, Полунина, Добролюбова и затем Озерова. 25 сентября с. г. революционные повстанцы отомстили за их смерть Московскому Комитету большевиков. Смерть за смерть! Первый акт совершен, за ними последуют сотни других актов, если палачи революции своевременно сами не разбегутся».

Цитируемое «извещение» подписано:

«Всероссийский Повстанческий Комитет Революционных Партизан».

В № 2 «Анархии» от 23 октября 1919 года (орган Всероссийской и Московской Организации Анархистов Подполья), в статье, озаглавленной «Только начало», мы читаем:

«Взрыв в Леонтьевском переулке—это очевидное начало новой фазы борьбы революционного элемента с красными политическими авантюристами.

То, что случилось, следовало ожидать. Наглость комиссаросамодержавия—причина случившемуся.

Нельзя не приветствовать этот акт. Слишком уж обнахалились «коммунисты» комиссары. Издевательством над всем частным и революционным, а также садистическими расстрелами подготовлена основательная почва для террора слева.

Нет никакого сомнения, что вслед за актом в Леонтьевском переулке другие акты последуют. Они неизбежны. Слишком развратили лидеры партию коммунистов, чтобы она могла понять задачи момента и воскреснуть от политического дурмана...

...Для экономии революционной энергии в настоящее время возможна лишь борьба с динамитом. Политическая саранча разлетится от взрывов, массовое же пролетарское движение впоследствии завершит начатое дело...

Поэтому очередным вопросом подполья является организация динамитной борьбы с режимом Совнаркома и чрезвычайками и организация массового движения там, где это возможно для создания новых форм общественно-экономических организаций по принципу безвластия.

Комиссары и генералы снова загнали нас в подполье. Анархическое движение лишено свободы слова.

А коли так, так мы с комиссарами и генералами отныне начнем разговаривать на языке динамита!

Посмотрим: кто кого распорет!»

Из примечания к листовке «Медлить нельзя» мы узнаем:

«Повстанческий Комитет Революционных партизанов входит во Всероссийский Орган Анархистов Подполья».

Итак, взрыв Московского Комитета Р. К. П. дело рук анархистов подполья.

За каких-нибудь 3—4 месяца своего вольного существования в подполье эти динамиторечивые парни успели выпустить в свет 4 прокламашки: 1) «Медлить нельзя». 2) «Правда о махновщине». 3) «Извещение». 4) «Где выход» и два номера «Органа Всероссийской и Московской организации Анархистов Подполья»—«Анархия».

Мы уже имели выдержки из этой «литературы». Чтобы исчерпать все идейное убожество наших авантюристов, приведем еще два образчика. Одна статья «Мы отмежевываемся» содержит политическое самоопределение этих зажигателей моря, другая—«Декларация анархистов подполья»—заключает в себе их политическое «кредо». Обе статьи перепечатываются полностью.

1) Мы отмежевываемся.

Маленькое введение.

На одном собеседовании, возражая предыдущему оратору меньшевику, докладчик большевик говорил приблизительно следующее:

— Вы, меньшевики, хороши лишь, пока критикуете других. Посмотрите, что делается там, где в ваши руки попадает руководство над обществом. Вот теперь в Германии правительство Эберта—Шейдемана. Это же настоящая меньшевистская власть! И что же? Наемный труд, основное зло капитализма, сохранен. Фабрики не переданы в руки рабочих, земля не передана в руки крестьян. Голод, безработица, войны,—все это еще хуже, чем прежде. Под предлогом необходимости потерпеть, пока не оправится страна, сохранена армия и бюрократия, ограничена свобода стачек, собраний, слова и печати. Под тем предлогом, что все это делается для осуществления социализма в будущем, вы расстреливаете тех, кто восстает, чтобы его осуществлять сейчас же. Вы скажете, что все же рабочему классу лучше, потому, что он стал у власти, к которой его не допускала буржуазия, но это неверно. Шейдемановская власть правит именем рабочих, но им от этого не лучше. К власти же пришел не рабочий класс, а отдельные рабочие, которые при этом оторвались от рабочего класса. А то, что бывшие рабочие стоят у власти, это лишь перемена лиц, но система капитализма остается та же. Это все равно, как если бы несколько бывших рабочих стали капиталистами: рабочий класс должен против них бороться, как и против другого предпринимателя.

И, так как меньшевик развил своеобразную теорию, что социализм так выгоден для всех слоев общества, не только для рабочих, что можно убедить буржуазию также стать социалистами, так как.

несмотря на отказ капиталов, им все же в новом обществе будет житься лучше, чем теперь, то большевик продолжал:

— Да, верно, что при переустройстве общества на трудовых началах производительность так повысится, что все будут пользоваться большим благосостоянием, чем теперь буржуа, так что им было бы выгодно примкнуть к социализму. Но они этого никогда не сделают вследствие своей косной классовой идеологии. И мы не

Пожарные на месте взрыва.

можем ждать, пока они согласятся сами, а должны силой их экспроприировать...

Тогда, как анархист, я ответил:

— Пока вы спорите с меньшевиками, вы правы, потому, что они стоят на точке зрения постепеновщины, а вы на точке зрения социального максимализма, немедленного общественного переустройства. Но власть вас делает теми же постепеновцами, хуже меньшевиков. Вы у власти в России, но что же изменилось? Фабрики и земля не в руках трудящихся, а в руках предпринимателя — государства. Наемный труд, основное зло буржуазного строя, существует,—поэтому неизбежны голод и холод и недостаток рабочих рук при одно-

временной безработице. Ради «необходимости потерпеть» для лучшего будущего, ради «защиты уже достигнутого», сохранена армия, бюрократический аппарат, отменено право стачек, слова, собраний, печати. Вы создаете красный шовинизм милитаризма, но что же защищать рабочему? Вы скажете—за то буржуазия отстранена, а рабочий класс у власти, но я скажу то же, что вы про меньшевиков: у власти лишь отдельные рабочие. Они теперь лишь бывшие рабочие, оторванные от своего класса. Угнетенные по существу не могут быть у власти: если же власть называет себя «пролетарской», то это даже худший обман. Вы будете возражать, что вы тоже хотите анархию, но нужно сначала сломить врага, а потом власть сама по себе упразднится. Но это—тот же меньшевизм. Я верю, что у вас лично, суб'ективно, могут быть хорошие намерения, но об'ективно, по существу, вы представители класса чиновничьей бюрократии, непроизводительной группы интеллигенции. Даже вам анархический строй даст большее благосостояние, чем теперь, но за своей наглой классовой чиновничье-государственной идеологией люди, стоящие у власти, никогда от нее не откажутся. Поэтому, как нельзя ждать примирения буржуазии с социальной революцией, а нужно применить силу, так нельзя ждать примирения властителей с анархией, а нужно сейчас же силой разрушить власть.

А ссылка на фронт—любимый прием постепеновцев. Так Керенский, сохранив в России капитализм, звал рабочих вместе с Корниловым итти на фронт защищать «свободу», так и вы, создав «безкомитетную», с царским офицерством милитаристическую Красную армию, зовете не бунтовать против нового гнета, а итти на фронт защищать «уже достигнутое».

Мы смотрим не на красную вывеску, а на факт: и мы видим, что ваша политика, как и в свое время союз Керенского с Корниловым, ведет к неизбежной реакции внутри. Ничего еще не достигнуто и нам нечего защищать.

Мы зовем к немедленному восстанию за хлеб и за волю, а потом будем защищать свободу оружием свободы, а не рабства.

Только такой, мне кажется, и может быть позиция анархиста по отношению к «революционной власти». Ведь в этом-то и состоит отличие анархизма от социализма, что он считает, что ничего не изменилось, пока существует власть. Большевики прекрасно понимают это. Так в брошюре «Анархизм и Коммунизм» Е. Преображенский пишет, что лишь те анархисты, которые столько же непримиримо относятся к «Советской власти», как и ко всякой другой, сохранили верность своему учению, хотя, конечно, Преображенский считает это учение «книжным» и «контр-революционным».

Со времени того собеседования прошло полгода. Большевики пошли дальше по наклонной дорожке—твердой власти («революционной»). Мы же, последовательные анархисты, видя, что под красной вывеской социализма скрывается лишь самодержавие чрезвычайки, ушли в подполье, чтобы иметь возможность продолжать всякую борьбу за свободу. В наших подпольных листах мы зовем

угнетенных на борьбу против контр-революции всех цветов, на восстание за хлеб и волю. Нетерпимые ко всему неподвластному им большевики тем временем предпочли сдать Украину белым, лишь бы задушить анархистское повстанчество. Восстановив столыпинские военно-полевые суды (чрезвычайный и революционный трибунал), они расстреляли наших братьев борцов за свободу. И с новым самодержавием мы повели ту же борьбу, что и со старым, мы отве-

Работа по извлечению трупов.

тили смертью за смерть. В течение двух лет революция шла на убыль; но по мере контр-революционных верхов, как это всегда бывает, массы вновь революционируются — и, как поворотный пункт, как начало нового нарастания революционной волны, является борьба 25 сентября.

И, начиная борьбу за новую революцию с новым самодержавным государством—капиталистом, мы ожидали, что как в свое время при царском строе будет запрещена не только деятельность, но и сочувствие анархистам; что, как при царизме, будут взяты все анар-

хические книги, что не только не допустят никакой анархической легальной организации, но и что называться анархистом будет столь же опасно, как и до февральской революции, что вся казенная печать начнет идейную борьбу с анархизмом, в то время, как для практической борьбы с ним будет введено военное положение и состояние чрезвычайной охраны; мы сознательно шли на все это потому, что мы должны быть с загнанной в подполье революцией, чего бы это ни стоило.

Но честность—плохая политика для угнетения, в особенности для власти «революционной», которая более всякой другой держится на обмане. Для практической борьбы с нами власть прибегла к испытанным приемам охранки, но в области идейной она придумала нечто новое. Прекрасно сознавая, что именно мы поступаем как анархисты (плох или хорош анархизм, это другой вопрос, но мы от него не отступили), власть предпочла умолчать это перед массами. Большевики повторяли провокацию апрельских дней. Они дали патент на идейность тем соглашателям, которых они по праву презирают, как отплывших от берега анархии и не прилипших к берегу государства, нас же всячески стараются изобразить как бандитов, не то как белогвардейцев, не то вовсе о нас умолчать.

Большевики не могут не писать в своих газетах, что вот, мол, выступили анархисты подполья, которые считают, что у нас теперь в «Советской» России самодержавно-капиталистический строй и, собственно, с этим ведут борьбу, а большевики, мол, считают, что у нас в России свобода и анархистам бороться не за что, потому что если бы они изложили открыто их и нашу позицию, то народ бы сразу разобрался в истине. Это умолчание—логический вывод из идеологии нового самодержавия, тем оно и отличается от царизма, что пытается уверить пролетариат, будто действует для его блага. С большевиками мы ведем борьбу, они наши враги, и мы не можем заставить врага применить честные способы борьбы.

Пусть себе пишут, что никакие анархисты не участвуют в «Анархии», пусть себе уверяют, что это белые взрывают, предатели революции, пусть доказывают, что это буржуазия борется против великого сохранения капиталистического строя — у нас есть своя бесцензурпая печать, и мы сможем бороться с обманом.

Но в этом вопросе есть еще одна сторона, и для того, чтобы покончить с ней раз навсегда, я принужден был так подробно определить нашу позицию.

Эта сторона позорная роль легальных, так называемых анархистов, от анархо-большевиков, до «склонных к подполью», но только ле теперь, их престыдное пособничество казенному обману. Именно они виноваты в том, что в течение двух лет самодержавцы могли безнаказанно морочить массы, указывая, что анархисты идут в Красную армию и в советские учреждения, даже анархисты признают, что Советская власть защищает интересы трудящихся, именно они дали большевикам возможность писать, что «никакая анархическая

группа, не причастная к листовке «Где выход», что «никакая анархическая группа не ведет террора против властителей».

Именно эти анархисты около двух лет мешают нам вести анархическую борьбу против власти, пугая, что в ответ на подпольную деятельность большевики расправятся со всеми им известными (значит легальными анархистами), когда же мы указывали, что существование

На месте взрыва.

кучки отступников не может заставить нас отказаться от анархического образа действия, когда мы им предлагали, если они не могут работать подпольно, то пусть они просто очистят политическую арену, то они отвечали: «Пусть нас расстреляют, но мы не уйдем в подполье».

Приравнивая большевиков к самодержавию, заняв сами всегдашнюю непримиримую позицию анархистов, к кому мы можем приравнивать тех, кто занимает посты на службе у власти, кто идет в бессильную перед миром правителей «Государственную думу» (ВЦИК) для «пропаганды анархизма»?

Мы их можем приравнять—разве только к кадетам или октябристам! И так же мало, как считались бы безмотивники 1905 года с «товарищем», который полез бы для информации и некоторых заявлений в Государственную Думу, так же мало можем мы считаться с новыми «октябристами» (не от 19, а от 25 октября), лезущими в ВЦИК.

Самодержавие не потерпело бы, чтобы кто-нибудь назвался анархистом, но оно могло терпеть октябриста; большевистское правительство может терпеть существование, литературу и даже деятельность нового октябриста (легального «анархиста»), но не может терпеть даже названия анархиста, а тем более анархиста подпольного.

Начиная нашу великую борьбу, мы не ждем от власти честных приемов борьбы, но от «анархистов», хотя бы в ковычках, мы требуем, чтобы они не помогали обману власти, предоставляя к ее услугам свое анархическое имя.

Наступает полное размежевание власти и анархизма; власть не может больше терпеть анархизма, грозящего самому его существованию; поэтому мы предупредили легальных «анархистов», чтоб дать им возможность приготовиться к контр-атакам власти.

А они, не желая понять, что анархизм гигантская вековая борьба, где нужно ставить на карту не только спокойное прозябание но и жизнь, хотят во что бы то ни стало продолжать интеллигентную игру бирюлью группой, голосований резолюций!

Синдикалисты клеймят безумную попытку и зовут чрезвычайку к беспощадной мести; остальные же отмежевываются от воплощения слов в дело и думают, что так и впредь им удастся избежать барской немилости.

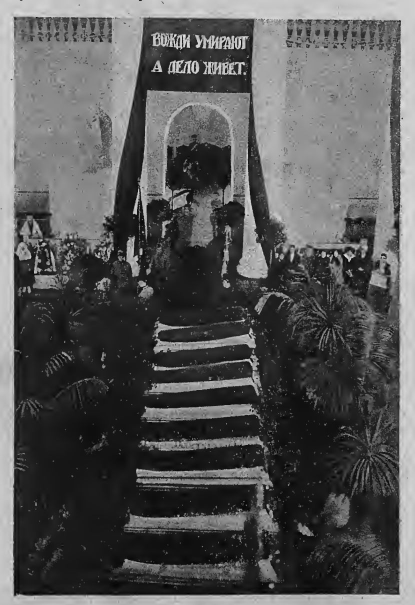
Перед лицом угнетенных всего мира мы отмежевываемся в последний раз от пособников нового самодержавия и говорим: мы не виноваты, что часть наших угнетателей и обманщиков, так или иначе стоящих около власти, назвали себя «анархистами» — не к этому анархизму мы вас зовем; анархисты те, что всегда с угнетенными и которые будут загнаны властью в подполье, пока власть не уничтожит нас, или мы не уничтожим власть.

«Анархистам» же в ковычках мы в последний раз напоминаем, что анархизм и безопасность несовместимы и что в гигантской борьбе между вновь возрожденным царизмом и угнетенными им придется стать на ту или другую сторону. Пока мы ей не мешали, власть нас терпела, но скоро, очень скоро белая и красная власть, все равно, которой удастся восторжествовать, как во время реакции 1916—1918 годов, не потерпит черного знамени даже над простоквашными лавочками, не потерпит слова «анархист», даже в ковычках.

Если они не способны бороться, то пусть уйдут от политики к частной жизни. В этом мы им всячески поможем. Но болтаться в рядах борющихся—это не допустит ни власть, ни анархисты.

Если же они хотят итти с нашими врагами, то пусть знают, что участь власти—будет их участь. Но партийные комитеты (хотя бы они и назывались «анархо-синдикалистическими коммунистами»), ко-

торые солидаризуются с комитетом большевиков, призывая к мести и предлагая усмирить чрезвычайке в целях раскрытия нашей организации, пусть остерегутся, чтобы их не постигла та же участь, что и тех, кому они «соболезнуют».

Тела жертв взрыва в Доме Союзов.

Чтобы отмежеваться от нас перед властью, «анархисты» в кавычках собрали подписи полдюжины групп, все существование которых выражается в штампе и печати; чтоб отмежеваться перед лицом угнетенных от позорных союзников угнетения, нам достаточно одной подписи:

Мы анархисты подполья.

Высшая свобода—свобода личности. *Где власть—там нет свободы.*

Орган Всероссийской и Московской Организации Анархистов Подполья.

АНАРХИЯ

№ 2 (101). Четверг 23-го октября 1919 года. № 2 (101).

КО ВСЕМ РАБОЧИМ, КРЕСТЬЯНАМ и КРАСНОАРМЕЙЦАМ.

Где власть—там нет свободы. *Высшая свобода—свобода личности.*

АНАРХИЯ

Орган Всероссийской и Московской Организации Анархистов Подполья.

№ 1 (100). Понедельник 29-го сентября 1919 г. № 1 (100).

Декларация Анархистов Подполья.

Угнетенные всех стран: рабочие, крестьяне, солдаты, женщины и дети!

Свободолюбивые творцы новых ценностей: изобретатели, мыслители, поэты!

Все стремящиеся к свободе, справедливости и предоставлению каждому человеку наилучших условий его всестороннего выявления и развития.

...

К подполью.

...

2) Декларация анархистов подполья.

Угнетенные всех стран: рабочие, крестьяне солдаты, женщины и дети!

Свободолюбивые творцы новых ценностей: изобретатели, мыслители, поэты!

Все, стремящиеся к свободе, справедливости и предоставлению каждому человеку наилучших условий его всестороннего выявления и развития.

Все, кому тесны рамки современного строя угнетения и унижения, кому претит издевательство человека над человеком и реки крови и стоны насилия, производимые современным государством

и капиталом,—всем вам шлет свой братский привет и призыв Всероссийская Организация Анархистов Подполья!

За короткое время перед глазами человечества прошла ужасающая картина безумия и озверения современных государств, истребляющие человека человеком. Война, небывалая война, на которую пошли все завоевания науки и техники, война, бросившая угнетенных всех стран друг на друга и приведшая всюду к голоду и экономической разрухе.

Это процесс об'единения внутри воюющих стран привел нас к картине обобществления, ограничения прав частной собственности и перехода части прав над производством к общественным органам в Италии, Франции, Англии, Германии и России.

Наконец перед нами поразительная картина целого ряда революций—ускорения этого процесса обобществления, наиболее яркое в России.

За чрезвычайно краткое время Россия пережила переход от самодержавия к буржуазной республике, к социалистическим министерствам говорунов и подошла к октябрьской революции.

Все ужасы самодержавия, всю низость и лицемерие и бессилие республиканства буржуазии и предательство министров-социалистов за короткое время изведало русское крестьянство и русский пролетариат.

Ни одна из этих форм не может быть принята угнетаемыми. Возмущенные, голодные рабочие и крестьяне совершили октябрьский переворот во имя всеобщего Братства народов и Свободы.

Увы, кричавшие об этих высших заветах человечества, возмущавшие рабочих против смертной казни, эксплоатации и войны большевики,—ныне царствующая самодержавная коммунистическая партия,—воспользовавшись доверием рабочих, захватила всю власть в свои руки, насадили Чрезвычаек (охранников), отняли у трудящихся все их завоевания, все фабрики, заводы, земли, и расстрелами, голодом, пытками и всеми орудиями полицейского гнета задавили всякое право человека, всякую свободу, всякую независимость. Арестовали, расстреляли и разогнали всех революционеров Октября, превратили Советы и Правления производственных Союзов в своих лакеев, задушили всякую мысль и, установив рабовладельческий строй, превратили всех в безгласных, бесправных рабов, а сами, завладев фабриками и заводами, хлебом и всем, чем владела буржуазия и чем можно владеть,—стали неограниченно властвовать.

Никогда еще буржуазия, помещики, бюрократы и военщина не обладали такой беззастенчивостью в угнетении всех остальных, и никогда они не имели наглости прикрывать свое угнетение именем попранной рабоче-крестьянской массы. И никогда еще не было такой противоположности угнетателей и угнетенных, как теперь!

Так, раз и навсегда была самой жизнью опровергнута теория Маркса и идея государственного социализма.

Процесс обобществления и централизации всего в одних руках произошел в первую очередь в стране наименее развитого капитализма и в силу обеднения страны, а не так, как говорил Маркс.

А диктатура пролетариата оказалась не больше, как способ наиболее беззастенчивого издевательства над правами человека и угнетенных.

Надеяться, что новые об'единенные помещики, фабриканты, бюрократы, военные диктаторы—господа комиссары, вдруг окажутся филантропами и перестанут угнетать и эксплоатировать трудящихся, это гораздо более наивная и бесплодная утопия, чем мечта Сен-Симона, Фурье и т. д. убедить буржуазию перестать быть эксплоататорами.

Так окончательно вскрылся обман всякой власти и всякого государственного социализма в XX веке,—обман, обнаружившийся и раньше во всех революционных движениях.

Власть—не только орган угнетения,—но самая основная причина экономического гнета, сама рождает из себя и содержит в себе эксплоататоров.

И вот перед угнетенными России, перед угнетенными всех стран, освобождающимися окончательно от обмана власти, стоит задача новой мировой революции во имя безвластного и внеклассового общества, о котором мечтали все лучшие люди революции, идущие не путем захвата власти и диктатуры, а свержения власти и укрепления безвластия.

И в России на развалинах белогвардейской и красноармейской принудительной армии образуются вольные анархистские партизанские отряды.

На севере, на юге, на востоке,—всюду образовались они и всюду веет идея безвластного общества.

Мы, Всероссийская Организация Анархистов Подполья, толкаемые всеобщим возмущением угнетенных России, вступаем решительно на путь борьбы за освобождение человечества.

Наши главные задачи заключаются:

в организации нового безвластного общества,

в помощи всем угнетенным всего земного шара в деле освобождения от власти капитала и государства и

в создании мировой конфедерации труда и развития.

Окруженное со всех сторон государственниками, белыми и красными, безвластное освободительное движение победит, когда все угнетенные сольют все свои усилия в одно целое.

Перед об'единением угнетенных ничто не может устоять.

Вперед же, товарищи, руку друг другу, и мы победим!

Долой всякую власть—источник угнетений!

Долой ложь государственного социализма, диктатуры пролетариата и других диктатур!

Долой смертную казнь, физическое насилие государства и все формы гнета!

Долой гнет капитала!

Все для всех на равных правах.

Все богатства и блага, находящиеся в распоряжении человечества для всех на одинаковых основаниях.

Пусть будет каждый обеспечен средствами производства, насколько он умеет их производительно использовать, независимо от других или совместно с другими, по его воле.

Всякому трудоспособному наилучшие условия труда.

Похороны погибших товарищей.

Всякому наилучшие условия развития и обеспечения на время образования.

Всякому нетрудоспособному обеспечение прожиточным минимумом и независимость.

Долой буржуазную ложь и ложь государственных социалистов о свободе, равенстве и братстве.

Всякий только тогда свободен, когда может быть обеспечен вне договора с обществом и тогда, когда свободно заключает договор.

Долой принудительные группировки государства: коммуны, школы, казармы, принудительные армии и т. д.

Да здравствуют вольные, договорные отношения независимых личностей!

Да здравствует свободная инициатива в строительстве жизни!

Да здравствует действительная возможность проявлять себя устным и печатным словом!

Пусть каждый выберет себе форму ко всем отношениям и свое общество.

Да здравствуют федерации всех трудящихся: 1) транспортников, 2) почт и телеграфа, 3) сельского хозяйства, 4) добывающей и обрабатывающей промышленности, 5) работников снабжения, 6) вольных партизан и 7) федерация развития—науки, искусств и образования.

Да здравствует их вольная конфедерация!

Пусть все средства производства поступят в распоряжение федераций, их обслуживающих: железные дороги—железнодорожникам, земля—обрабатывающим землю, и т. д.

Долой все комиссариаты и министерства!

Долой все органы власти, неспособные организовать производства! Долой наемничество и ложь выборного начала!

Нам бесполезны властнические Советы, Правления и Комитеты.

Все сделают сами рабочие федерации.

Да здравствует единое, свободное, вневластное человечество и свободный, обеспеченный трудом человек!

Да здравствуют местные и мировые вольные конфедерации труда и развития.

Вперед, товарищи! На бунт, на борьбу!

Зажигайте всюду пожарища новой революции!

Да здравствует мировое об'единение всех угнетенных против всех угнетателей!

Да здравствует Всероссийская Конфедерация Труда!

Долой Совнарком с Комиссариатами!

Да здравствует анархия!

Всероссийская Организация Анархистов Подполья.

Вот как толкуют наши ребята. В комментарии и полемику входить мы не будем. Обратимся теперь к их делам и на основании их собственных показаний постараемся уяснить себе их подлинный политический лик.

III.

Следственный материал по делу анархистов подполья.

После акта в Леонтьевском переулке, как мы уже видели, шайка в 25—30 лиц, устами своих коноводов—агентов штаба Махно—задорно восклицала: «посмотрим, кто кого распорет!»

Сейчас же после «акта» за них взялась М. Ч. К. и теперь уже не приходится говорить о том, кто кого распорол.

Главные вдохновители и организаторы контр-революционеров разбираемого толка—Казимир Ковалевич и Петр Соболев—погибли при

Казимир Ковалевич.

Петр Соболев.

аресте. Оба они отстреливались из револьверов и бросили по бомбе. Наши товарищи из М. Ч. К. счастливо отделались лишь легкими поранениями.

Далее, на даче в Краскове, которая ими самими была взорвана, когда была оцеплена нашими, погибли: 1) Яша Глагзон, 2) Вася Азов (Азаров), 3) Митя Хорьков, 5) Захар (хромой), 6) некто по имени Мина и 7) Таня (Дедикова). Находился на даче также Барановский, но успел уйти до взрыва и был арестован в засаде.

Расстреляны по постановлению М. Ч. К. 8 человек: 1) Гречаников, 2) Цинципер, 3) Барановский, 4) Домбровский, 5) Восходов, 6) Николаев, 7) Исаев и 8) Хлебныйский.

— Первый акт совершен, за ним последуют сотни других актов,— вещали воины черного знамени.

Теперь можно сказать, что М. Ч. К. ликвидировала их осиные гнезда не только в Москве, но и в провинции.

Следственный материал дает ясную картину о происхождении честной компании, организации и художествах. Многочисленные экспроприации в Москве и провинции, иначе говоря ограбление народных денег—Советских учреждений—самая обыкновенная уголовщина. Любопытно, что все это проделывалось не без участия эсеров-максималистов и левых эсеров. Меньшевик пришел им на подмогу в высоко культурном их деле—печатания прокламашек. А лев. эсер Черепанов был одним из главных руководителей взрыва в Леонтьевском переулке, где прежде помещались Ц. К. и М. К. лев. эсеров, благодаря чему Черепанову известны все ходы и выходы в этом доме.

Из сотни обещанных художеств очередное подготовлялось ко дню второй годовщины Советской власти *). Но к этому времени они уже погибли, «аки обры».

Показания Михаила Васильевича Тямина.

I.

Сегодня в четыре часа пополудни я был арестован по Большой Александровской ул., в д. 22, куда я зашел к некоему Саше, где надеялся узнать адрес моего брата Афанасия. К Саше я пришел со своим знакомым Филей, которого я сегодня встретил случайно недалеко от Курского вокзала.

Адрес Саши указал мне еще в Харькове Володя Малютин, не называя фамилии Саши. Фамилии Фили я тоже не знаю. Из взятых моих документов признаю подложными: 1) Союза матросов и солдат г. Севастополя от 9-го июня с. г. № 713, 2) Ячейки «ЕРО» от 18-го июня с. г. за № 118 и 3) удостоверение Союза матросов и солдат г. Севастополя и 4) членский билет № 786 Всероссийского Профессионального Союза коммерческих служащих и рабочих Московско-Курской, Нижегородской, Муромской и Окружной ж. д.

3 ноября 1919 года. *Михаил Васильевич Тямин.*

Приехал в Москву из Харькова приблизительно два месяца назад. Приехал к брату, найти заработок. По приезде я зашел прямо с вокзала на Арбат, 30. Этот адрес дал мне Бжостек в Харькове. На Арбате я встретился с Казимиром (Ковалевичем), с которым я был знаком с Харькова. Он мне устроил на Арбате свидание с моим братом Михаилом. Я ходил получить работу на Бирже Труда, но документов

---

*) См. Известия № 293 (845) от 28 декабря 1919 г. № 1 от 1 января 1920 «О раскрытии заговора анархистов подполья» (отчет М. Ч. К.).

и аттестатов о прежней работе не имел и поэтому работы получить не мог. Тогда Ковалевич предложил мне работать в одной организации анархистов по связи с рабочими. Я вынужден был согласиться. Тогда он мне дал адреса рабочих, по которым я и разносил даваемую мне литературу. Каждый раз Ковалевич мне давал удостоверение приблизительно такого содержания: «Окажите содействие: К. Ко-

Дача в Краскове после взрыва.

валевич». В Московскую организацию анархистов подполья входило всего приблизительно человек 20—25. Основание ее заложено Ковалевичем, приехавшим вместе с 20-тью другими (в этом числе были человек 12 латышей) с юга после того, как Махно разорвал с большевиками. Организация была построена таким образом: 1) литературная группа, в которую входили Ковалевич, Марков (он сейчас уехал, не знаю куда) и другие, имен которых не знаю; 2) боевая группа, в которую входили Соболев, Гречаник, Михаил, Барановский, Петр (из Нижнего, фамилии не знаю) и другие, имен которых не знаю;

3) типография, в ней работали Хиля Цинципер, Митя (из Брянска, фамилии не знаю), Паша (из союза молодежи, был арестован МЧК на С'езде, фамилии его не знаю); 4) адские машины изготовлял Азов один на даче, там жила его женщина. Литературная группа обслуживала статьями газету «Анархия» и члены ее писали листки. В задачи боевой группы входило устройство экспроприации (в Народном Банке на Дмитровке, в Народном Банке на Серпуховской площади), организация и выполнение покушений (взрыв на Леонтьевском пер. Моск. К-та РКП), участвовали в нем Соболев (руководитель), Барановский, Гречаник и еще трое, фамилий которых не знаю, организация покушений была поставлена очень конспиративно и я во все время не знал, какие покушения они еще готовились предпринять, знал только, что они что-то готовят к октябрьской годовщине, об этом они часто говорили. Взрыв на Леонтьевском был ими решен внезапно по предложению одного левого эсера, который пришел на Арбат, 30 часа в 3 того же дня, в который произошел взрыв. Ковалевич мне передавал, что этот левый эсер тогда же и предложил устроить взрыв Моск. К—та. Вообще анархисты подполья имели тесную связь с организацией левых эсеров через Ковалевича. Этого эсера я узнаю, если мне его покажут. Боевики также разбрасывали литературу по улицам. Бомбы и материал для адских машин привозили из Брянска (Бежицы). Хозяйка квартиры на Арбате, 30, знала, что живут у нее анархисты, но об их работе она не знала ничего. Платил ей Ковалевич очень хорошо. Жили там одно время Вася Азов, затем с месяц тому назад переехал на дачу, жили Таня Дедикова и я. Меня о засаде предупредил Цинципер, тогда я стал ночевать у Натальи Ивановны Сыровеж, дом № 7 по Второй Мещанской ул. Это моя тетка, человек совершенно непричастный к делу. Литературу я передавал только в три места— 1) в Обозную мастерскую, около Донского монастыря, Морозову (его вызывал в контору), 2) на Рогожскую станцию Курской ж. д. в склад товаров Степанову и 3) на Курский вокзал, паровозное депо, Яковлеву (старик туда ходил вместе с Ковалевичем) вместо Дормидонтова, которого не было, уехал за хлебом. Расшифровку адресов № 1 было на особом листе. Адреса № II не знаю, иногородние. Ковалевич был особенно озабочен подысканием квартир и рабочих, могущих распространять литературу. Но почти везде он получал отказ. Из-за недостатка квартир они принуждены были переехать на дачи. Дачи были две, на одной была типография, на другой изготовляли адские машины. Может-быть, и то и другое было на одной из дач. Лев Черный иногда заходил на Арбат. Он в организацию не входил и все время резко спорил с Ковалевичем, абсолютно отрицая методы, которые применяли анархисты подполья. Живет Лев Черный на Зацепе, дома и квартиры не знаю. Печати и бланки они хранят на даче. Билет партийный Рассказовской организации Ковалевич получил, как он рассказывал, от легальных анархистов. Шура в Рассказове моя знакомая еще с Харькова. С ней не виделся года два, к анархистам она не имеет никакого отношения.

Михаил Тямин.

Где находится Михаил Тямин, я не знаю. Он, если не ошибаюсь, обслуживает связи с рабочими.

Афанасий Тямин.

В виду потери своего документа я взял часть документов брата и по ним жил. Часть же документов на Михаила Тямина мои личные, как-то: из штаба Бакинск. Военкома и др. Причина та, что не любил своего имени Афанасия и переименовал сам себя в Михаила.

Афанасий Тямин.

Дополнительно показываю: В I Троицком пер., в доме № 5, во дворе, 1-й этаж, живет Шурка-боевик. Кроме него, может еще быть Дядя-Ваня. Брать надо осторожно, ибо возможно вооруженное сопротивление. Адрес этот я получил от Ковалевича на случай провала наших постоянных конспиративных квартир. Затем в доме Бахрушина, на Тверской ул., ход с переулка, часто собираются анархисты подполья. Там живет боевик Сашка под фамилией Розанов. К нему могут зайти и Барановский, и Соболев. Типография, а может быть и адские машины находятся на даче в Краскове по Казанской ж. д. Эту дачу дал подпольникам некто Педевич, служащий Продпути (у Ильинских ворот). Вероятно, на даче есть Таня (жила на Арбате, 30, 58), затем наборщики Паша, Митя, может быть Соболев, Азов, Барановский. Прислуживает на даче девушка, которая не связана совершенно с подпольниками и находится лишь в услужении. Знаю еще, что Ковалевич, по его словам, был тесно связан с левым эсером Крушинским. Живет он на Арбате, в кв. Корневой, бывал часто. Он высокого роста, плотный, волосы русые, борода окладистая, лет 36-ти.

Афанасий Тямин.

II.

Тов. Манцев [1]), почему вы не хотите предоставить мне свободный проход через ворота Комиссии, т.-е. дать мне пропуск? вы опираетесь на тот факт, что несвоевременным моим освобождением я могу повредить самому себе, т.-е. дать некоторые основания к подозрению. Некоторым лицам из числа легальных анархистов и нелегальных л. эсеров—это далеко не так. Никакого подозрения у них возникнуть не может и если бы я думал, что таковые подозрения возможны, то поверьте, что я не просил бы вас об освобождении. Второе ваше предположение, что меня могут видеть входящим или выходящим из здания Ч.К., так же мало вероятно по той причине, что я буду сторожем в своих посещениях Ч.К.

Третье Ваше предположение, что своим посещением квартиры л. эсера я могу внести некоторое подозрение (тем более, что узнать там что-либо определенное навряд ли удастся), весьма вероятно, и

[1]) Тов. Манцев—б. председатель М. Ч. К., который вел дело анархистов подполья. Прим. ред.

поэтому я до приезда Розанова нахожу необходимым от всяких посещений, куда бы то ни было отказаться, так что все ваши предположения неосновательны. Но у вас, мне кажется, имеется еще одно четвертое предположение, которое менее всего вероятно, но которого вы, не знаю почему, не хочете высказать. Четвертое предположение то, что пользуясь свободой, я могу предупредить л. эсеров и до приезда Розанова они могут скрыться. Вот это-то предположение для меня важнее всего. Для вас это предположение является ни более ни менее, как тормозом к удовлетворению моей просьбы. Для меня же это гораздо больше: оно говорит мне о многом, оно показывает мне совершенно другие стороны в жизни людей, а в частности и в тех допросах, которым подвергаюсь я. Для вас это «исполнение служебных обязанностей», формалистика, не более. Для меня это вскрывает совершенно иные области в жизни человека, показывает, до какой нискойстепени опустился нравственный уровень человечества.

Становится больно, поймите же. Нестерпимо больно за незаслуженную пощечину. Больно за то, что, подходя к людям с чистыми чувствами, с чистой юношеской, наивной верой, ты замечаешь, что все эти искренние молодые порывы бессмысленно и жестоко забрасываются грязью, оскорбляются ни на чем не основанными подозрениями и отсутствием доверия там, где оно должно быть. Для вас все мои показания ни более, ни менее, как «шкурный вопрос», для меня они вызваны не жаждой жизни, а сознанием всей важности переживаемого революционного момента и жаждой революционной творческой работы. Вы наверное поставите себе вопрос, где же было мое сознание в тот момент, когда я работал с ними. Оно было со мной и работа с «ними» была вызвана желанием что-нибудь делать. Несмотря на те глубокие разногласия, которые существовали у меня с их методами борьбы, я все-таки работал потому, что не мог отдаться спокойному созерцанию борьбы двух миров: мира отжившего, мира кровавой вакханалии и опричнины и мира нарождающегося, мира свободной яркой мечты действительности, мира социалистического. Тем более, что в их действиях я не видел ничего контр-революционного, за исключением «акта», которого ни я, ни они впоследствии не оправдывали. И если не ошибаюсь, я уже писал вам о тех некоторых порывах, с доносом на имя которых у меня не один раз появлялись. С доносом не для того, конечно, чтобы их расстреляли, а для того, чтобы на время гражданской войны их изолировали от общества. Ибо они все-таки были революционеры, они будировали мысль общества, они не давали массам уснуть, отдаться апатии и каждым своим словом (листовкой) они пробуждали, толкали вперед человеческую мысль. Здесь нет места контрреволюции. Ведь для каждого сознательного человека ясно, что в общем итоге их листки ничего не давали массам и все их призывы и лозунги были не более, как разгоряченным бредом их фантазии. Ведь они видели индиферентность масс, они больше чем кто-либо не верили в возможность восстания, им больше удовольствия доставляло (как они выражались) «бесить большевиков», чувствовать, что они неуловимы, что даже В. Ч. К. не знает ничего об их местопребывании

Но, тов. Манцев, они ли виноваты в том, что им пришлось сталкиваться и жить в условиях, толкнувших их на этот путь, на путь бессмысленного и бессильного возмущения против действий большевиков. Виноваты ли они, что среди членов Р.К.П.Б. есть люди, занимающие ответственные посты—далеко не революционеры, которые своими действиями толкают всех честных людей или вправо, или влево, или к пошлой обыденной жизни мещан. Для революционера путь один—влево и они пошли. До этого большинство из них работало рука об руку с большевиками. Вы спросите, почему они ушли от партии, видя в ней людей далеко не революционных, трудно сказать, но мне кажется, что потому, что люди они все с горячими темпераментами, не привыкшие ни к каким критическим анализам. Привыкшие в действиях одного видеть действие всех. И отчасти потому, что были оторваны от внутренней организации и жизни ваших учреждений. Видите ли, прочитав данные вами мне журналы Красный Пахарь, я совершенно другую картину увидел, я знал, что, несмотря на все трудности переживаемого момента гражданской войны, партией большевиков очень много сделано в смысле организации народного хозяйства и правильной постановки Советских учреждений, те факты дали мне гораздо больше, нежели какая-либо агитация. Из них я узнал, что партия большевиков многое сделала, что она взяла довольно правильный путь к достижению намеченной цели. И в этот день я ясно и определенно поставил себе вопрос: революция или контр-революция, прогресс или регресс действия б. и ответил: революция. А если так, то всякие другие действия каким бы именем они ни прикрывались, под каким бы флагом идеи они ни проходили, есть преступление по отношению к революции. И вот тут-то, сидя в руках с Красным Пахарем, я сказал себе: я с революцией, с партией Б. за укрепление завоеваний и за организацию экономической жизни страны. В организационном смысле трудовой народ в лице Р.К.П. найдет незаменимого честного работника в моем лице. Потом столкнулся я с жизнью. Увидел Брянскую Ч.К., Тульскую и стало больно: везде видишь не революционеров дела, а жалких карьеристов, которым свое положение в партии важнее всякого дела, а в Брянской Т.Ч.К. находятся люди, не только ничего общего не имеющие с революцией, а даже и не знакомые с целями и путями революции, просто хулиганы. И вот когда видишь, что сильные, смелые люди, способные на высокие поступки и сильные переживания, идут по неправильному пути в своих чувствах и стремлениях, желающие и стремящиеся к полному торжеству революции, но в своих действиях бессознательно способствуют гибели революции и торжеству темной реакции, как неудержимо хочется крикнуть им: «Остановитесь, безумцы! Что вы делаете? Одумайтесь!» Да, больно видеть такой факт и еще больнее, почти невозможно примириться с таковым явлением. Но вдвойне больнее уничтожать таких людей или видеть их геройскую, но бессмысленную смерть от рук революционеров. И способствовать, помогать этому ничто не в силах заставить, всякие шкурные интересы отпадают сами собой. И только вернувшееся сознание, только желание торжества революции, только

сознание своих ложных путей, по которым следовали мы, заставляет исправить свою ошибку и показать точно, как все дело протекало. Показать не для того, чтобы вы всех расстреляли, а для того, чтобы выяснить те пути, то заблуждение, по которому шла организация. И поставить перед вами, революционерами, вопрос: за что погибли одни и держатся другие под арестом. За контр-революцию? Ее не было. За преступление? Его тоже не было. Было заблуждение, была ошибка, была оторванность от жизни и работы партии Б. Судите же за ошибки, за заблуждение, не приписывая им контр-революционных дел. Для них революция была так же дорога, как и вам. Все мысли их были вечно заняты борьбой за революцию, за счастье народа. Даже и сейчас возможно перед своей смертью они останутся честными революционерами. Они вам не дадут честного слова, которого они бы не исполнили, ибо это идет в разрез с их человеческими убеждениями, даже ценой своей жизни они не продадут честного слова. Но, судя их за ошибки, не забудьте, тов. Манцев, принять во внимание то, что эти ошибки порождены вами же или, вернее, условиями; «акт» был также порождением провокационных сведений, будто бы должен был обсуждаться вопрос о репрессивных мерах по отношению к рабочим и о введении в Москве осадного положения. Вся работа была сплошным заблуждением, но... однако я немного отвлекся, простите.

Так вот, тов. Манцев, обидно, когда приходится быть одураченным, когда на тебя смотрят, как на дойную корову, которую под каким-то страхом думают использовать, выдоить у тебя необходимые им сведения. И совершенно не верят, что все эти сведения даются не благодаря давлению замка, под которым находишься, а под влиянием иных впечатлений и той веры, с которой относишься к людям. Хорошо: я вам дам необходимые сведения. Но если вы боитесь открыть свои ворота для свободного хождения, то я верю, что на 3—5 дней вы меня отпустите из Комиссии под честное слово, что я не убегу и никого из работников л. эсеров посещать не буду. Если вы мне верите, то я надеюсь в пятницу 28 ноября быть свободным до определенного вами срока.

Мне необходимо получить белье, сходить в баню, все эти дни я буду находиться у своей тетки.

Вот все, что я могу предложить вам. С приветом NN.

Могу сделать и еще одно предложение. Пусть оно не покажется вам ужасным или бессмысленным. Оно заключается в следующем:

Отпустите некоторых арестованных на свободу под честное их слово, что они будут работать с вами. Пусть не агитация, а сами факты, сами действия говорят за вас. Агитация не достигает цели, она слаба, между тем, как действия дают многое.

Что вам или революции в смерти или в уничтожении каких-нибудь 6—8 человек заблудившихся революционеров или не знающих еще жизни молодых голов? Ничто! Что достигнете вы расстрелом этих 6—8 человек? Уничтожите опасность? Ее и так не будет, если они дадут слово. Удовлетворите чувство мести за «акт»? Но ведь они раньше ареста раскаялись в своем поступке. Это была, правда, тяже-

лая, но смелая ошибка,—ошибка революционеров по отношению к революционерам. Здесь не должно быть чувства мести за экспроприацию. Ведь все те деньги шли на работу для революции. Пусть это заблуждение, но они же так думали, они этим жили. Я вам указывал на факт с Соболевым, когда он из несколько сот тысячной суммы пожалел отдать за штаны 1000 руб., которые ему были необходимы. Да неужели же эти несчастные деньги должны иметь какую-либо цену для революции. Неужели они дороже той работы, которую могут сделать эти люди, будучи освобождены. Вы поймите же, какое громадное моральное значение будет иметь этот акт освобождения в глазах рабочих, красноармейцев и тех же махновцев, ведь всякий расстрел кого бы то ни было действует разлагающим образом. А расстрел революционеров или рабочих, тем более. Вы соприкоснитесь с массой красноармейцев или рабочих и вы увидите, какой нездоровый для революции след оставляет весть о расстрелах, в их ушах, в их чувствах и, наоборот, какой здоровой струей входит в их сердце весть о помиловании (как наблюдалось, напр., при помиловании Миронова). Так что уничтожение 6—8 человек не достигнет цели и для революции, для ее торжества ничего не даст, кроме лишних бессмысленных кровавых страниц, вписанных в историю великой революц. борьбы пролетариата, да антиморального разложения в массе рабочих и красноармейцев. Между тем как сохранение их жизней, предоставление им свободы внесет здоровый, оздоровляющий дух в среду трудящихся, послужит наилучшей агитацией для всех людей. И для революции даст незаменимый честный и необходимый ей революционно-творческий элемент. Такие работники, тов. Манцев, в нашем поколении исчисляются десятками, может-быть, они нужны революции, они полезны ей, они ведут ее к полному торжеству. Незаменимы они будут и как «боевики» и как здоровый честный элемент, как «организаторы» экономической жизни, и как работники в тылу неприятеля и на фронте. Дайте некоторым из них организацию какой-либо отрасли нашей жизни, и вы будете поражены теми результатами их работы—все это творческий элемент.

Итак, их освобождением вы получите незаменимых работников, революция получит новых борцов этим актом освобождения, вы вернете их на правильный путь, по которому первое время они шли, сохраните несколько молодых жизней, внесете здоровую струю в фабрично-заводскую и казарменную и фронтовую жизнь, не говоря о махновцах, которым этот акт даст новую мысль, новое понятие о партии Б.

Дать честное слово и не исполнить его они не могут. Но даже если и так, если даже они не пойдут по новому пути, а пойдут по старому, то у вас будет всегда иметься возможность арестовать их. Все сведения об их планах, работе и местопребывания вами будут получаться. Но это не может случиться, им смерть не страшна и ценою честного слова они не купят жизни, если остались при своих взглядах.

Самый революционно-творческий элемент: М. Гречаник, Цинципер, Барановский, Восходов, Петя, эти пять человек для революции

будут стоить дороже сотни революционных карьеристов. А Деникину обойдутся в несколько десятков взрывов и убийств золотопогонников.

III.

Вместо предисловия.

Февральская революция застает меня за работой в типографии «Печатник» и впервые пробуждает меня к жизни (до этого я был занят всецело сам собой, самообразованием). Все свободное время, начиная с первых дней революции, было отдано на организацию рабочих клубов, библиотек и т. д. вплоть до октябрьской революции, когда я бросил работу и пошел на фронт, на борьбу с юнкерами на Дону. Одно время работал с Антоновым в полевой контр-разведке, потом перешел в отряд Петрова, с которым работал вплоть до июля 1918 г., когда я был арестован в Баку англичанами и впоследствии расстрелян. В это-то время своих молодых, безудержных порывов я и познакомился со многими анархистами и л. эсерами, которых в то время особенно было много на всех фронтах, в том числе и в штабе Антонова и в штабе Петрова.

Уезжая из Баку с тремя из сотрудников Петрова (анархистами), мы думали пробраться на Украину и вести борьбу с гетманом. Проездом через Брянск остановились временно там, в надежде получить кой-какие связи с Украиной. В виду отсутствия знакомств остановились в федерации, и когда произошла в Брянске траги-комедия, названная восстанием против Советской власти, мы, как жившие в федерации, были задержаны и арестованы. Просидев 2 месяца, мы по суду были оправданы и освобождены. после чего я направился на станцию Зерново, где находился тов. Борисов, и был откомандирован им на Украину по организации восстаний и террора, где я работал в этом направлении вплоть до декабря 1918 года, после чего я приехал в Глухов и работал в отделе Народного Образования и вел организацию по селам библиотек, театров и т. д. вплоть до февраля 1919 года. После чего я почувствовал себя уставшим и поехал к родным в Харьков, где поступил в типографию П. О. Ю. Р. и работал вплоть до прихода Деникина в Харьков, не ведя никакой политич. и культурн.-просветительной работы, за исключением выступлений на сценах при рабочих клубах и народном доме. Не желая оставаться в Харькове при Деникине и не имея возможности выехать из него, я принял предложение Ковалевича (который незадолго до этого прибыл в Х.) ехать с ним до Киева. В Киев попасть нам не удалось и мы окружным путем через Смоленск попали в Москву. Знакомств никаких не было, работы найти не удавалось. Моя попытка работать в «Цекультуре» потерпела фиаско, потому что на бирже труда от меня потребовали аттестат (о моей прежней работе), которого у меня не было. Время от времени Ков. снабжал меня финансами, потом предложил походить по рабочим, узнать их мнение, потом давал поручения, письма и

своим знакомым, в смысле подыскания комнат, типографий для печатания листков и т. п., потом... потом арест, что будет потом—не знаю. Но теперь моя физиономия для вас ясна и я предлагаю освободить меня, ибо я прямо и честно говорю, что я желаю работать с вами, говорю это не потому, что мне важно освобождение, а потому, что хочу работать.

IV.

Открытое письмо к анархистам подполья всех городов России.

Дорогие друзья!

Позволяю себе обратиться к вам с настоящим письмом. С тем, чтобы пробудить в вас задавленное вашими чувствами возмущения сознание,—сознание искренних людей, стремящихся к полному торжеству революции. Ошибочно, конечно, говорить, что вы работаете на средства Деникина, ибо я знаю вас, так же, как и вы меня, и знаю, что многими из вас руководят чистые искренние порывы возмущения против некоторых действий (не власти и не партии), а некоторых лиц, стоящих у власти и состоящих членами Р. К. П. (больш.).

Но, друзья, в семье не без урода, это вы знаете и по составу своих федераций, для того, чтобы искоренить все позорные явления и действия некоторых партийных работников, для этого не нужно слишком далеко отходить от жизни и деятельности партии, не нужно закрывать глаза на те условия, в которых приходится вести работу коммунистической партии, а нужно войти в ряды партии и всеми силами противодействовать разложению партии. Прав был тов. Рощин, говоря: «Почему вы не работаете с большевиками? Если бы вы работали с ними, мы бы перевернули весь мир». И действительно приходится сожалеть, что такие люди, полные силы, энергии и храбрости,—люди, которые во все века числились десятками, гибнут бесцельно, загораясь своими искренними, но ошибочными чувствами возмущения, отбрасывая в сторону всякие критические, здоровые размышления, не желая сознать ошибочности своих чувств и своих действий, нет ошибки в том, что своими действиями вы играли на руку Деникина. Вы шли с ним за контр-революцию, против народных завоеваний. Пусть нет по вашему революции, нет свободы, но есть народные завоевания, есть улучшения народного быта в областях политических и экономических, пусть нет революции, но мы неуклонно идем в царство социализма, правда, медленно, но все же идем, правда, вы не замечаете этих частичных улучшений, ибо вы оторваны от жизни, от массы, правда, вы не замечаете революции, так же как не замечал ее и я, работая с вами, но мы были оторваны от революции, мы избрали неправильный путь для борьбы. Мы взяли на себя задачу защиты угнетенного на наш взгляд рабочего, но мы ошиблись. Большего счастья при современной разрухе, которая вызвана войной, дать невозможно. Ни вы ни сам народ, пока есть фронты, не могут добиться лучшего существо-

вания, ибо разрушено производство, все силы, способные поднять его, отданы фронту, существует блокада и проч., и пр., и пр. Все это исчезнет с прекращением войны и все-таки, несмотря на все эти дефекты, несмотря на неудачные условия, в которых приходится вести строительство новой жизни, несмотря на многие ошибки, все-таки многое сделано в смысле организации политической и экономической жизни страны. Ошибочно думать, конечно, что партия больш. творит жизнь страны, нет, творит ее сам народ непосредственно, партия б. является ни более, ни менее, как руководительница, как чертежник, дающий народу определенный план. Народ же проводит этот план в жизнь. Здесь нет власти, здесь опыт, знание, все, что хотите, но не власть. Что же касается политической жизни страны, здесь да, есть власть, но эта власть—временная власть, на время революции, на время гражданской войны. По окончании войны она сама по себе сойдет на-нет, сама изживет себя, ибо будет бесполезной. А в данный момент, в момент, когда вся контр-революционная свора опричников хватает за горло, хочет задушить революцию,—в этот момент каждый здравомыслящий человек скажет: «да, власть необходима», и множество фактов подтверждают необходимость власти во время революции; кто не слеп, тот в этом сознается. Я не взял на себя задачи сагитировать вас, нет, я поставил себе скромную цель сказать вам, что мы все заблуждались, что анархия хороша—это факт, но что она придет не через индивидуальные бунты, восстания и терроры, а через эволюцию умов, через революцию интеллекта человека—это тоже факт.

Я хочу сказать, друзья, возьмите свои чувства в руки, оставьте всякие попытки к восстанию, ибо это грозит всем завоеваниям революции. Я знаю, что тяжело видеть задавленного человека, но его задавили условия, а не партия. Ведь мы сами говорили, что, переменив условия, переменится и человек, но в том-то и беда, переменить условия жизни в данный момент бессильны кто бы то ни был, ни партия, ни народ, ни анархисты, ибо весь творческий элемент на фронте, весь народ там. Оставить фронт, значит, подписать себе и завоеваниям смертный приговор. Возможно я заблуждаюсь, не знаю, но кто думает иначе, кто верит, что анархия придет не благодаря эволюции умов и культ.-просветит. раб., а через восстания, пусть выступит на страницах этой газеты в дискуссионном порядке, не подписывая своей фамилии. Безразлично легальные ли анархисты или подпольники всевозможных городов России, я знаю, что во мне ошибки быть не может, ибо много материала видел я по организации жизни рабочего класса. Многое уже в жизни, многое проводится, а еще больше проведется, когда кончится война. Медлительность проведения в жизнь улучшений жизни страны об'ясняется не индиферентностью партии, а условиями гражд. войны.

Я верю, друзья, в проблеск вашего сознания, я верю, что вы поймете ложность выбранного вами пути, ибо наше заблуждение стоило жизни К. Ковалевичу, Соболеву, В. Азарову и многим другим. Вам известны эти лица, эти наивные дети, готовые для революции отдать свои жизни. За что погибли они? За то, что они жили искренними

чувствами. Их сознание было поглощено чувствами. Но чувства хоть и искренние, но большинство ошибочны.

Я знаю, что представлял из себя Соболев, человек безумной храбрости, способный сам индивидуально перевернуть многое. Вся работа его была направлена на торжество революции. Бескорыстная натура. Имея в своем распоряжении сотни тысяч и когда у него порвались солдатские штаны, он пошел на Сухаревку, желая купить другие. И когда он узнал, что цена штанам от 1.000 до 1.500 р., ему стало жаль денег и он не купил; так и умер в старых, грязных, солдатских штанах. Человек, выбрасывающий для работы не задумываясь десятки и сотни тысяч, пожалел 1.000 руб. на покупку штанов и такие-то люди гибнут жертвой своего заблуждения, которые не видели выхода, но могли узнать, где же действительно торжество революции, торжество завоеваний рабочего класса. За что погибли? За заблуждение. Зачем оно? Одумайтесь!

С товарищеским приветом *Миша Т.*

V.

Вы просите песен, их нет у меня, но что знаю о жизни и деятельности организации я сообщу, основываясь на личном наблюдении и на тех сведениях, которые слышал от К. Ков.

Начало этой организации положил, по сведениям Ков., некто Бжостек, выпустив 1-ю листовку к 1 мая. Потом недостаток средств и людей заставил на время прекратить работу, уехать на Украину, найти средства и людей для работы; там он и затерялся, не найдя ни средств, ни людей. После долгого ожидания, приблизительно двух месяцев, Ков. поехал вслед за ним на Украину с тем, чтобы разыскать его; доехал он до Харькова, Бжостека там не нашел, дальше ехать не захотел и остался в Харькове. Когда Деникин стал подходить к Харькову, он, получив от какой-то группы средства и подобрав себе публику (латышей часть), выехал с ней из Харькова. По приезде в Москву Ков. взялся за установление связи с рабочими, а остальная публика села в ожидании у моря погоды. Когда средства стали подходить к концу, они решили их пополнить и взяли (первое их дело в Москве), если не ошибаюсь, в Отд. Нар. Банк. на Серпуховской площ. 2-е дело я не знаю где они брали, 3-е Нар. Банк., Б. Дмитровка. После чего все латыши из Москвы уехали. В Москве осталась незначительная группа под руководством П. Соболева, которая незадолго до ареста сделала еще где-то экспроприацию. Потом они куда-то уезжали. Когда они вернулись, я не знаю, ибо вплоть до своего ареста я их ни разу не видел. За все время своего нахождения в Москве они выпустили след. листки:

1) «Правда о махновщине», 2) «Где выход», 3) «Извещение», 4) «Декларация», 5) N 1 газеты «Анархия», 6) «Медлить нельзя» и 7) N 2 газеты в следующем количестве: 1) количество не знаю, 2) 15.000, 3) не знаю, 4) не знаю, 5) не знаю, 6) 30.000 и 7) приблизительно 3.000, при

чем печатались они в следующих местах, 1) и 2) через Молчанова, который по просьбе Ков. нашел типографию, 3), 4), 5) и 7) в подпольной типографии и 6) в одной типографии, которую по просьбе Ков. нашел некто Мухин, к взрыву в Леонтьевском пер. предшествовали следующие обстоятельства. В тот же день 3 час., по рассказу Ков., явился на Арбат один л. с.-р., который сказал якобы, что вечером состоится собрание комитета Р. К. П. (б.), на котором будут все видные представители партии и будут обсуждать вопрос о введении в Москве осадного положения и о борьбе с анархистами подполья, о которых комитет якобы имел уже некоторые сведения, об ее работе, об ее количестве. В тот же день вечером акт был сделан. Кто принимал в нем участие, точно не знаю, но знаю, что там были Соболев, Барановский, Миша Гречаников, кто бросил бомбу, не знаю, но факт тот, что дело, сделанное под влиянием чувств, им самим не доставило никакого удовлетворения, они сами испугались своего акта, когда узнали, что большинство погибших там рабочие. Чем и можно объяснить тот факт, что «Извещение», выпущенное после акта, было подписано не организацией, а каким-то несуществующим Повстанческим Комитетом. По всему вероятию, и они боялись взять на себя ответственность за дело, которое впоследствии они же сами ничем не могли оправдать и не оправдывали, и если впоследствии они опять кричали в своей газете о том, что сделали они, то я лично думаю, что это вызвано не сознанием самого акта, а скорее их упрямством, их нежеланием сознаться в своей ошибке, короче, желанием остаться правыми в своих действиях. Вот все, что можно сообщить о жизни и деятельности организации анархистов подполья.

Что касается отношения большинства членов этой организации к большевикам, то оно было отрицательным потому, что, по их мнению, в партию вошло много элементов, ничего общего не имеющего с рабочим классом и с революцией.

Отношение к тов. Ленину и Луначарскому было самое хорошее. Несколько раз некоторые из них высказывались, что, если бы им предоставилась возможность без всякого риска убить Ленина, они бы его не убили потому, что уважали его, как революционера.

Приблизительно в апреле месяце, некто Бжостек, которого я не знаю, приехал в Харьков на розыски Василия Соболева и на подыскание надежной публики на взятие в Москве в каком-то учреждении 40 миллионов. Соболева он не нашел в Х. и поехал дальше в царство Махновщины в Гуляй-Поле. Встретил он там Мар. Никиф. и остался там, не найдя ни публики ни Соб. После отстранения Махно от должности «комдив»—а, части анархистов приехали в Харьков, где в это время был уже и Ков., который приехал в поиски Бжостека. После расстрела штаба Махно приехавшая публика, которая работала у Махно, возмутившись актом расстрела, решила отомстить за смерть махновцев смертью лиц, принимавших участие в вынесении приговора о расстреле: Пятакова, Раковского и др. Но страсти остыли, и решено было начать бить по центру, т.-е. Москве, откуда якобы исходит все зло.

Этот план поддержал Ков., который давно мечтал о поднятии массового движения рабочих против комиссаров за октябрьские завоевания, безвластные советы и конфедерацию труда. На этом плане они и столковались, начался подбор людей; к этому времени приехал Соболев, который, также согласившись с этим планом, предложил для работы группу латышей приблизительно 18 человек, потом было подобрано человек 6—7 русских, но средств не было и вот через Соболева были взяты у одной группы средства в размере 300.000 руб.

Итак, публика сговорилась, подбор сделали, средства достали и, веря в свои силы, двинулись в путь, разбившись на две группы.

Начало сделано. Ков., опоздав на поезд, остался в Харькове. При наступлении Деникина на Х. ему удалось выехать совместно с еще одним человеком, и со мной. По приезде в Москву оказалось, что публика еще не приехала. Но Ков. не унывал, он начал подыскивать квартиры, завязывать связи с рабочими, и вскоре написал первую листовку, «Правда о Махновщине», которую и отпечатал через посредство своего старого знакомого некоего М.—меньшевика в размере 10.000 за 15.000 руб.

Итак, фундамент был заложен. Приехавшая публика ничего не делала в ожидании возвращения Бжостека и взятия 40 миллионов. Но «барина все нету, барин все не едет», средства пришли к концу. Начали понемногу шевелиться, выходить на разведку и в один прекрасный день взяли Отделение Нар. Банка по Серпух. площ., если не ошибаюсь, на 800.000 руб., после чего последовала 2-я листовка «Где выход» через ту же типографию, в количестве 15.000, за 22.500 руб., потом взяли, если не ошибаюсь, отд. банка на Таганск. площ., в каком размере—не знаю. Потом Отд. Нар. Банка на Дмитровке, кажется, 800.000 руб. После чего латыши уехали в Латвию, забрав большую часть средств с собой; оставшаяся публика подыскала дачу, нашла (через чьи руки, не знаю) где-то шрифт и станок для печатания, устроилась на даче и отпечатала свою декларацию, количество не знаю.

(Дальше вам известно из предыдущей записки).

VI.

Характеристика М. Тямина.

Любимец матери, рожден в 1895 г., учился в Москве в 1 Андроньевском училище. Окончил 3 класса со свидетельством, с большой жаждой учиться и весьма способный. Но нужда заставила отказаться от учения и бросила с ранних лет в работу. В Харькове поступил в переплетную в учение на 3 года; проработав около года, он уже считался мастером, получил оклад мастера и этим поддерживал семью в 5 человек, не считая отца, который служил дворником.

Стремление к знанию заставляло его все свое свободное от работы время, все праздники отдавать на изучение дома разных наук, както: арифметика, алгебра, история литературы и т. д., в дальнейшем посещал Харьковские рабочие курсы, вечерние, где отдался изучению

всеобщей истории, геометрии, алгебры, французского и немецкого языков. Тут же впервые ознакомился с социализмом и познакомился с некоторыми работниками Р. К. П. (б.) в том числе и с Погодиным. В 1916 году принимал участие в распространении прокламации против войны и устройстве стачек в своем предприятии, во время революции работал в мастерской и свободное время уделял организации рабочих клубов и библиотек и вообще все время вел мирную, кропотливую культурно-просветительную работу, где только находил возможным.

Последнее время по приходе Деникина в Харьков был хозяином предприятия Шептелевичем рассчитан, как неспокойный парень, остался без работы, другого места найти не мог и приехал в Москву. Но и Москва встретила его недружелюбно; думал он устроиться в каком-нибудь учреждении, но это оказалось ему не под силу. Совершенно случайно встретился с товарищами по Харькову, а потом со мной; одно время ходил на курсы по подг. раб. и кр. в высш. уч. зав., потом записался к Шанявскому и посещал его.

Все время пребывания своего в Москве он мыслью уносился туда, к матери, на юг. Но недостаток в нашем распоряжении средств не дал ему возможности выехать отсюда. Отношение его к организации ни более, ни менее, как случайное знакомство с членами организации, с Каз. Ков., с которым он познакомился через меня, потому что Каз. Ков. заходил иногда ко мне на квартиру, где был и он. Жил он по фиктивному документу, который достал для него Каз. **Ков.** по предложению Каз. Ков. и моему; основанием было то, что в случае моего ареста, чтобы он остался нетронутым, как совершенно частное лицо. Убеждения его чисто толстовского свойства, но индивидуального. За все время своего существования он ни разу не держал револьвера в руках и не знал, как с ним обращаться.

Верить в восстание, как в спасительную силу, он предоставлял глупцам, сам же везде и всегда говорил, что человечество придет к счастию, только благодаря эволюции умов, и что революция, наоборот, пробуждает в человеке зверские инстинкты, чем и приближает человечество скорее к первобытному дикому состоянию, нежели к царству социализма. Вообще у него осталось нечто отцовское, который был толстовцем и за все время своего 49 -летнего существования ни разу не мог зарезать курицу, боялся крови и предоставлял это занятие матери. Этим, пожалуй, все сказано о нем, и чуткие люди, мне кажется, вполне удовлетворятся этой характеристикой и не будут копаться в его душе, и искать каких-либо дополнений всего характера или каких-либо отношений к организации, с которой он положительно ничего общего не имел. Копание в его душе ему доставит только страдания и неприятность, а человеку, решившемуся на это копание, ничего не даст.

Я верю, что это не случится. Дополнений дать он не может.

VII.

Моя просьба.

Все, что вам необходимо знать о Заваляеве, я вам скажу. Но прошу оставить его в покое, ибо я его слишком люблю. Нового он вам сообщить ничего не может, все, что он знал, он мне рассказывал, все, что я вчера сообщил вам, это было взято от него и отчасти из моих личных наблюдений и бесед с Казимир. К. Относительно его фамилии пусть он сочтется для всех Заваляевым, а для вас и меня,—моим братом. Не копайтесь в его душе; вы чуткий человек, вы должны понять, как тяжело для него такое положение, в котором он является ни более, ни менее, как козлом отпущения чужих преступлений; он задержан только потому, что был знаком с Ковалевичем, и только.

Да, я не отрицаю, что он анархист, но он анархист толстовского толку. Вреда от него не может быть никакого. Я его знаю лучше вас, я знаю, что за все время он мухи не обидел, он ни разу не держал револьвер в руках, ибо слишком далек от этого, он все время не верил и порицал метод борьбы, принимаемый подпольниками. Вы рабочий-революционер, вы чуткий, вы поймете, как тяжело ему было расстаться с матерью, оставив ее на руках 13-летнего брата. Поиски куска хлеба погнали его в Москву. Здесь он все время имел чисто личную связь с Ковал., ибо кроме у него не было тут знакомых.

Тов., я прошу вас, если вам нужны жизнь или кровь невинного человека, возьмите мою, но отпустите его, а еще лучше, дайте возможность уехать ему к матери в Харьков. Я даю вам честное слово старого работника коммуниста, что он в подобную историю больше не впадет. Отпустите его, вы рабочий, мы тоже рабочие, вам понятно чувство сына к матери. Сообщить он никому не может ничего, предупредить тоже, ибо адресов никаких он не знает, нового ничего сообщить не может, все, что он знает, знаю и я; зачем он вам? Я остаюсь тут, я не верю в свое спасение; вам, как личности, я верю и уважаю вас, но вам, как определенному учреждению, я плохо верю. И все-таки, несмотря на то, я сказал вам все, я всеми силами старался помочь вам скорей ликвидировать это дело. Все, что у меня было, я сообщил. Какие нужно будет дополнения, я скажу. Адреса, которые у меня имелись, я передал. Я говорю все, исходил отнюдь не из желания спасти себя, ибо я знаю, что если меня не расстреляют, то мне дадут несколько лет тюрьмы, что равносильно смерти, ибо я страшно слаб. Говоря все, я исходил из того, что считаю всю деятельность этой организации вредной для революции и для народа. Для меня для самого важно вырвать с корнем эту язву. Ибо я знаю, что за люди находятся там. У меня еще в первые дни приезда являлось такое желание, но отчасти боялся их мести, отчасти боялся, что меня начнут таскать на допросы, как, что, откуда, и т. д. Ч. К. Я даю честное слово, несмотря, будут ли меня караулить

или нет, я не уйду до тех пор, пока все главари не будут арестованы. Если будет нужно, я сам лично с помощью ваших сотрудников возьмусь за розыск. Возможно пам удастся еще найти связь с левыми эсерами. Но одно прошу, отправьте Заваляева к матери. А мне дайте какую-либо работу при своем учреждении. Или кончайте, меньше агонии.

Уважающий вас (подпись).

VIII.

В июне месяце с. г., проезжая мимо Тулы из Бердянска в Москву, три товарища, Николай Бельцев, Григорий Кремер и Андрей Португалец (с последним я только познакомился), остановились на 2 дня в Туле, где я их встретил. На мой вопрос, зачем они едут в Москву, они сказали, что все парни с'езжаются туда, что там предполагается поставить организацию анархистов, и что работы будет много. Пользуясь месячным отпуском, я решил тоже поехать в Москву. Приехал я по адресу, на Мало-Казенный пер., где и встретился с членом подпольной организации анархистов подполья Александром Шапиро, с которым я через 5—6 дней пошел на собрание в Сокольники, где нас было 15—17 человек, совершенно незнакомых мне людей. На повестке дня стояло только два вопроса: 1) постановка организации и 2) финансовые операции. Собрание продолжалось часа три, но определенно ни к чему не пришли, назначив следующее собрание через 7—8 дней в том же месте, куда тоже собралось человек 20—22, но большинство были опять новые лица. Говорили почти о том же, что и в первый раз, но опять ни к чему не пришли только потому, что не было Соболева на собрании. Вообще его имя вспоминалось часто и Ковалевич, с которым я познакомился на этом собрании, сказал, что начать без него работу невозможно по многим причинам: связь многих губернских городов, часть уездов и Москва для него знакома больше всего. Уезжая из Тулы на 4—5 дней, я пробыл в Москве 3 недели и все-таки ничего не узнал; уехал в Тулу, где встретил Якова Глагзона, Дядю Ваню и Сашку, фамилию которого не знаю. Дядя Ваня и Сашка скоро уехали по направлению к Самаре, Глагзон же остался в Туле и через несколько дней сообщил мне, что Соболев в Москве. Меня сильно интересовал этот тип, и я решил опять поехать в. Москву, где через 2—3 дня на собрании я встретил его. Собрание было очень оживленно. Соболев выступил с проектом по устройству организации анархистов подполья. Здесь же была предложена тов. Шапиро новая форма организации, так называемая семерка; после сильных прений была принята эта новая форма, по которой и решили строить организацию. О финансовом вопросе говорили очень немного, отложив его до следующего собрания, и из кого оно состояло, я не знаю, так как не был, а когда дней через десять мы собрались опять, то о деньгах уже не говорили и после этого собрания Яша Краснокутский уехал ставить организацию на Урал. Впечатление на меня более дельных произвели: Соболев, Ковалевич, Краснокутский, Лев Черный, Андрей

Португалец и 2 латыша, Адам и Андрей. По моему мнению они и были организаторами всего. Я знал также, что у них своя группа из 14—15 чел., но на собраниях участвовали не более 7—8 чел. Приехали они тоже с Украины. В виду отсутствия средств в организации всякие технические работы откладывались, как, например, постановка типографии, закупка взрывчатых веществ и оружия и т. п.

Вскоре завязалась связь между Л. С.-Р., членами Ц. К., 1) Павлом Шишко и 2) Семиколенным и с максималистами: 1) Сундуковым и 2) Петроковым. Судя по разговору этих двух последних, они были знакомы с Соболевым на Украине. Вскоре они исчезли куда-то из Москвы, и, как я после узнал, они уехали в Тулу ставить дело патронного завода. Оставшиеся в Москве все время говорили, что нужно добыть средства, но все это оставалось словами, хотя, вероятно, кто-нибудь из группы работал в этом направлении, так как все существовали, не работая. Прожив так 10—12 дней, ничего не делая, все стали волноваться, нервничать, пошли раздоры, и 6 человек видных для организации членов откололись от группы и, достав деньги в Отделе Государств. Сберегательн. Кассы, уехали в Тулу. Приехав туда, они заявили, что они посланы Соболевым для дела патронного завода. Дело должно было быть поставлено 15 августа, но по причинам, мне неизвестным, оно было отложено до 1-го сентября. В этот промежуток приехали еще 5 до этого незнакомых мне парней, и опять образовались две группы; 6 человек, уже ранее отколовшихся, уже официально исключенные из группы, и 5 человек во главе с Сундуковым и Петроковым, которые ставили дело. Между обоими группами открыто завязалась борьба, и хотя до дела было еще далеко, но борьба эта грозила принять роковые результаты вплоть до убийства друг друга, но, в конце-концов, они все-таки пришли к следующему заключению: один из шести отколовшихся должен был быть во время дела и определенная сумма из взятых денег должна была пойти в пользу шести. Но во время дела 1 сентября, посланный из шести Николай Беляев ушел с поста, что почти и провалило все дело. Пока все это происходило в Туле, в Москве в это время была совершена экспроприация на Б. Дмитровке в Нарбанке. Как это дело ставилось и кто был ее участником, я наверное не знаю, но, судя по разговорам, в этот день участвовала вся группа латышей, Соболев, Гречаников и еще несколько, как будто 22 челов. Вскоре же после экспроприации группа латышей, взяв деньги, взятые в Нарбанке, уехали в Латвию ставить организацию анархистов подполья. Деньги же из Тулы были привезены в Москву, при чем из этих денег было выдано максималистам—400.000 р. и группе отколовшихся 350.000 р. Остальные же деньги распределились между анархистами и максималистами, но каким образом не знаю. С этого же времени закипела работа и в организации. Стали приобретать оружие, взрывчатые вещества, которые привозились из Брянска, и стала ставиться типография. Судя по разговорам, я знал, что для типографии где-то занята дача, но где она находится, знали очень немногие, кажется, всего пять человек. После выпуска газет и листовок Хиля был командирован в Иваново-Вознесенск, где к его приезду

была приготовлена экс., кем и где было поставлено дело, я не знаю и, вероятно, Хиля случайно попал на это дело, в котором он и принял участие.

По его приезде в Москву за деньгами в Иваново-Вознесенск был послан, кажется, Глагзон, и сколько денег он привез, я не знаю. Тут же была совершена экс. у Страстного монастыря, в каком учреждении, я наверно не знаю. Вообще о всех делах мы, рядовые члены организации, узнавали только по совершении их. За несколько дней до провала квартиры на Арбате Соболев, Глагзон, Гречаников и Шестеркин уехали в Тулу, кажется, ставить организацию. Там к ним примкнули Л. С.-Р. Чеботарев, Костромин, Судаков и Сидоров и была совершена экс. на 600.000 р., но наверное не знаю где, кажется, в Объединении Кооперативов. Деньги в размере 200.000 р. были оставлены этим 4 эсерам. Во время провала квартиры на Арбате ко мне пришел Азаров и велел ехать в Тулу, найти там Соболева и предупредить о провале на Арбате. В Туле же я и узнал о последней экс. Предупрежденный мною Соболев и товарищи через день уехали из Тулы, а я остался, чтобы пожить дня 2—3 в Туле. О всех делах, как я уже напоминал, мы, рядовые члены, узнавали после, но не посредством собрания, так как у нас их совершенно не было, а просто в разговорах между собою. Мы только наверное знали, что деньгами заведывал Ковалевич и Глагзон. Деньги на существование членов организации распределялись не знаю как, но я лично получал 15.000 р. в месяц. Адресов мы друг друга не знали, известные же явки были на Арбате, 30, и кофейная около памятника Гоголя. Кофейная была снята организацией и заведывали ею две девушки, Таня и Мина. Соболев, кажется, знал все квартиры, так как многие товарищи приходили ко мне по распоряжению Соболева.

Взрыв в Леонтьевском пер. подготовлялся, вероятно, активными членами организации, так как мы, рядовые члены, абсолютно ничего не знали, только по совершении акта на второй день мне лично была поручена Ковалевичем пачка листовок, с приказанием разбросать ее. Думаю, что и остальным было вручено то же самое. Событий же от провала квартиры на Арбате до моего ареста я не знаю, так как был в Туле.

Показания Александра Розанова.

Первая беседа 21-XI-19 года.

В Тулу приехал вчера, сегодня во второй раз по приезде в Тулу пришел к Чеботареву и попался в руки вашей засады. Первый раз был вчера, застал обоих Фомичевых.

Последнее время работал в Москве: бежал оттуда после разгрома организации. Раньше работал в г. Сердобске, в Отделе Социального Обеспечения, хотел сначала пробраться с Лемеевым в Астрахань, но заболел.

После тифа задумал ехать в Екатеринославль, но по дороге задержался в Туле—в мае этого года.

Имею большие связи с анархистами и левыми эсерами, при гарантии сообщу до 100 адресов видных анархистов и левых эсеров.

Пока сообщу следующее:

1) В эксе патронного завода принимали участие: 1) максималисты Прохоров, взят в Москве на квартире Тарасова, 2) Батька—дядя Ваня, находится в Москве, собирается на Украину, 3) Яшка Глагзон—убит на даче при взрыве, 4) Петраков, Максим, московской организации—боевик.

2) В эксе Рабочкопа: 1) Розанов, 2) Лименев—по пути к Сибири, 3) Аршинный или Семиколенный—в Москве—Бутырки, 4) Питерская Фроська, эсерка, 5) Федька Питерский—боевик, в М. Ч. К., 6) Сомов—в Москве на воле, квартиру знаю, но не могу сказать адреса—около Серпуховской площади, 7) Иванов—в Бутырке, взят в Тестовом поселке, 8) Костромин, 9) Харитонов, Василий, 10) Сидоров, 11) Власов-Спасский — откомандирован в Симбирск, 12) Карасев из мукомольно-технической секции Губсовнархоза, 13) Хохлов, Егор, в Москве, под именем Голубков, 59 камеры.

Порфирий Антонов предложил план операции и получил 30.000 р. для себя и Кузнецова Михаила. Л. С.-Р. Сидоров, Хохлов, Харитонов и Костромин получили по 25.000 руб., Чеботарев 10.000 руб.

3) Черепанова и Крушинского не знаю, в Москве сделаем попытку найти связь с Л. С.-Р. Могу взять явку к ним и максималистам.

Вторая беседа в ночь на 23-е-XI-19 года.

Василий Костромин в деревне Алексинском или Богородицком уезде. В Богородицке связь его с матросом Елизаровым.

Черепанов заказал в Туле 12 печатей, 1.500 бланков из Военной типографии, 1000 кратковременных отпусков и 500 чистых отставок. Л. С.-Р. занимали у анархистов деньги. Приезжал сам Соболев. Печати приготовили чрез Чеботарева и Костромина.

Харитонов Василий ходил заказывать бланки.

1) Сливкин был в военном комиссариате Тульского уезда, выдавал мелкими партиями с печатями, находится в Увоенкоме или на фронте. Заказывал от имени Военного Комиссариата по его инициативе и содействию Харитонов. Получал в типографии Леменев без всяких расписок. Печать была сделана Борисом Л. С.-Р., где готовятся советские печати, живет он около Воронежской ул., адрес его знает Наумова (дать телеграмму, чтобы она по предложению **Розанова** выдала адрес). Раньше работал у Вакуленко. Послать к Вакуленко и Астамбовскому. Он снабжал всех эсеров печатями.

Леменев в Уфе, как и Курбатов и Беляев, Иван Баташев где и Анна Лунина, учительница. Мать живет в Бутове, около Кислянки в стороне от Крюково. Розанов вначале обещал дать квартиру Сомову, участнику рабочкопского экса.

Костромин, Сидоров и Харитонов, участвующие в эксе Рабочкопа, взяли самовольно по 25.000 руб. Чеботарев и Рудаков, кажется, по 10.000 руб. Судить их приезжали Тамара и Измайлович. Судили у Фани, в это время ее избрали в секретари, а Ивана Баташева—в пред-

седатели Губкомпартии. Костромин и др. давали ей 2.000 руб., она им швырнула в лицо.

Оружие может быть у Василия Афанасьева, Вознесенская живет у жены быв. кассирши в Рабочкопе. В июне и июле до экса. Взять на угрозу. Пулемет, Пороховая ул., д. Спасской, на чердаке или в ящике в земле стоит все лето 18-го года, поставлен Беляевым.

Под лестницей или за печкой у Соборнова пулемет-максим. На 3-ей Нижне-Миллионной, д. Зайкова Николай в земле бомба (100) за домом, при вскапывании ватера перепрятали на том же дворе в Зубовском переулке был пироксилин, спрятал его, вероятно, Федька Левицкий.

Савельев-Савицкий был приговорен к условному расстрелу в случае, если убежит с фронта.

Третья беседа 23-XI-19

Адрес Глагзона Яшки — уг. Георгиевской ул. и Госпитальной, рядом с домом, где раньше была самоварная фабрика, рядом с домом б. Лазинского, 2-й дом от угла по Госпитальной ул.

В экспроприации Рабочкопа участвовали еще, кроме уже указанных, Спасский Пав., откомандированный с рабочими инструментальной мастерской оружейного завода, с первой партией и Карасев Ясси в мукомольно-технической секции Совнархоза, справиться у Быкова.

Шелепина Ивана знаю, как старого максималиста-боевика, надежного работника для них. Оружие, вероятно, все у П. Скороспешнова. В экспроприации патронного завода Шелепин не участвовал, участвовало 6 человек. Яшка Глагзон убит в Москве на даче, Петраков в Москве, «Батька—дядя Ваня», Беляев в Уфе,—ушел с поста. Прохоров взят у Тарасова на квартире и Барановский.

Об анархическом оружии, кроме указаний адресов, ничего не знаю.

В Брянске оружие и взрывчатых веществ очень много на хуторе.

Четвертая беседа 25-XI-19 г.

Пулемет должен быть обязательно у Спасских, адрес могу показать. Необходимо взять угрозой мальчика или старика, сказав, что Николька Спасский указал, что пулемет есть.

У Зайкова бомбы должны быть, несмотря на его выход из Федерации.

Об оружии, вывезенном из дома Черемушкина, ничего не знаю, кроме того, что в это время оружие конспиративно держалось, при чем ответственным был Беляев.

Экс патронного завода были два анархиста: Глагзон и Барановский, а остальные закоренелые максим. (Батька дядя Ваня, Петраков, Прохоров, Беляев ушел с поста).

Из Москвы для работы в Туле были посланы анархисты боевики, кроме меня, после провала на Арбате 1-го ноября, Глагзон (убит), Соболев, Подобедова не знаю, может быть узнаю по лицу или имени-прозвищу.

В эксе Губсоюза участвовали: Соболев, Гречаников, Яшка Глагзон и «Петька» и л. с.-р. один, кто—не знаю, или Костромин или Сидоров по-моему.

Пятая беседа 26-XI-19 г.

Тульская организация максималистов получила с экса патронного завода 400.000 руб. через Беляева, он знает, кто получил.

Сообщу еще: при эксе артельщика Рабочкопа на Старо-Павшинской ул. принимали участие: 1) Розанов, 2) Леменев, 3) Федька, Л. С.-Р., 4) Семиколенный Л. С.-Р. тоже С.-Р.

Из них 30.000 руб. Фроська свезла немедленно в Москву, в Ц. К. Л. С.-Р., инициатива экса исходила от П. Антонова и Кузнецова, который только и был агентом Антонова. За это они получили 10.000 руб. Всего было взято 100.000 руб.

Грабежи в последнее время одного характера с пытками были совершены: Барановским, Яшкой Глагзоном, Леменевым, Курбатовым. Во время экса на патронном заводе в Туле оружие было взято, у максимал.—бомбы.

Предположительно остались после ликвидации анархистов подполья в Москве: 1) Володя (фамилии не знаю, вероятно, из Москвы уехал), он приехал из Брянска, получил деньги из организации и оставил организацию в Глухове, он высокого роста, толстый, черный, бритый, лет 27-28, одет в бекеш, серый воротник, техническая фуражка, звали его «старший анархист»; 2) Яша Глагзон, казначей организации, один из главарей, второй после Соболева, если не погиб на даче, то, вероятно, уехал к Махно за новыми силами; 3) Марков, из союза молодежи, уехал в Брянск ставить организацию; 4) Сундуков, который был взят у Тарасова, максималист, входил в организацию анархистов подполья, хороший организатор, организовал здесь боевую дружину максималистов человек в 50, состав дружины разношерстный, в большинстве дезертиры, собирались ехать на Украину для партизанской борьбы. Участвовали на эксах, напр., в Туле на Патронном заводе (там были Яшка Глагзон, Барановский (анархист), Прохоров (сидит сейчас в М. Ч. К. под фамилией Евстифеева), Батька фамилии не знаю), Петраков (максималист), Беляев (анархист, ушел с поста). Тульская организация максималистов получила от этого ограбления 400.000 руб., остальные деньги разделили анархисты и максималисты, приехавшие из центра. Про сидящих в М. Ч. К. максималистов (кроме Евстифеева-Прохорова) могу сказать следующее: 1) Тарасов организационной связи с ан.-подп. не имел, но знал про организацию, оказывал мелкие услуги, напр., давал квартиры и пр., 2) Романенко состоит в боевой дружине максималистов, дезертир. Максималисты вообще в каждом городе, кроме легальной, ставят нелегальную организацию.

1. Миша Гречаник—из штаба Махно, боевик, в Москву приехал в июне-июле 1919 г., участник почти всех эксов, руководил ими, участник взрыва в Леонтьевском пер., роль его при этом заключалась в том, что он ходил и охранял.

2. Сашка Барановский (он же Попов) приехал приблизительно в августе втроем, с двумя анархистами от Махно, в Тулу, связался там с Яшкой Глагзоном, с которым были знакомы раньше. В Туле он руководил рядом ограблений, при чем применялись пытки, поджигали различные части тела жертв и пр. Вместе с ним участвовали Яшка Глагзон, Дмитрий Леменев (родом из Сердобска, Саратовской губ.), Виктор Курбатов. В Москве я внес протест против таких ограблений, назвав их бандитскими. За это меня организация судила; но в виду того, что я много знал и мы, по их мнению, еще пригодимся, мне ничего не сделали. Затем он участвовал на эксе на Патронном заводе (руководил им). Вместе с Соболевым они бросали бомбу на Леонтьевском пер. Бомба была начинена динамитом и нитроглицерином, оболочка деревянная, не круглая, как бы футляр дамской шляпы, весила 1 пуд—1 пуд 15 фунт. Вероятно, покушение было произведено по инициативе л. с.-р. Черепанова (кличка «Черепок», который сам участвовал во взрыве).

3. Ценципер руководил ограблением в Иваново-Вознесенске, вместе с ним были двое местных. Взято было больше 1.000.000 руб.

4. Шестеркин работал, главным образом, в Брянске, участвовал в ограблении «Союза Кооперативов» в Туле.

5. Братья Тямины, Афанасий и Михаил, работали по распространению литературы, по связи. Михаил был более активен, одно время заведывал паспортным бюро.

6. Николаев (Федька)—левый с.-р., не отколовшийся от центра, работавший с Черепановым и одновременно состоявший в организации анархистов подполья.

Участвовал во взрыве в Леонтьевском пер. Участник эксов в Туле в Рабочем Кооперативе, там же артельщика на 100.000 руб. Знает безусловно весь ЦК л. с.-р., Черепанова, Тамару и др. Участвовал на эксе в Питере вместе с Семиколенным, где был убит Сандуров.

Наводчиком на ограбление в «Технопомощи» был двоюродный брат Гриша, который служил там (Шувал). Он хотел дать еще какое-то место для ограбления. 28 ноября 1919 г.

А. Розанов.

Шестая беседа 29-XI-19 г.

Оболочкой для бомбы, которой был взорван Московский Комитет Р. К. П., послужила валявшаяся, оставленная кем-то, у меня на квартире деревянная (из фонаря) коробка. Нитроглицерин и динамит, которыми впоследствии была начинена эта коробка, как-то за день, за два принес ко мне Васька Азаров в свертке и, не предупреждая, что в нем завернуто, бросил под кровать. Затем в 6 часов вечера в день взрыва он пришел вместе с Петром Соболевым, попросил удалиться всех из комнаты и в это время, по моему мнению, ими была начинена бомба. Оставались они одни в комнате минут пятнадцать. Затем они ушли. Через полтора часа пришел Соболев и забрал ко-

робку. Через час после этого пришла наша жиличка и сказала, что где-то недалеко бросили бомбу с аэроплана. Только после этого я понял, что где-то нашими брошена бомба. На другой день я узнал, что был взорван Московский Комитет. До этого дня я не знал совершенно о готовящемся взрыве.

Главой организации анархистов подполья, Петром Соболевым, обладавшим диктаторскими полномочиями, предполагалось организовать взрыв Кремля. Для этой цели, как он полагал, необходимо пудов 60 пироксилину. Все усилия прилагались к тому, чтобы достать это количество. Пироксилин дважды привозил специально ездивший за ним в Брянск Васька Азаров. Привозил по подложным документам в отдельном вагоне. Во второй раз вагон в дороге охраняли два местных брянских анархиста под видом красноармейцев, Васька Азаров был за командира. Этот вагон долго плутал в окрестностях Москвы. Сколько было привезено в нем пироксилина и где выгружали его, я не знаю. Знаю только, что 4—5 ящиков было привезено в Одинцово. По моим предположениям В. Азаров еще раз после взрыва ездил за взрывчатыми веществами в Нижний-Новгород. Петр Соболев имел с кем-то связь в Кремле и В.Ч.К.

После приезда Петра в Москву в Сокольниках состоялось собрание, на котором решено было ставить организации в провинции. Для этой цели были посланы: Яша Краснокутский на Урал и в Сибирь, Саша Шапиро и Марк в Уфу, Курбатов в Самару, Марков в Брянск.

Розанов.

Седьмая беседа 12-I-1920 г.

Когда я в ночь 28-го ноября был приведен в камеру при тюремном отделе М.Ч.К., я встретил Тарасова (максималиста), который просил дать такие о нем показания: «что он, Тарасов, знаком с моей женой, меня же не знает. Я его знаю якобы только потому, что обращался к нему с просьбой о предоставлении мне мебели. Обращался я к нему якобы только, как к официальному лицу, заведующему мебельной секцией Городского Района. Познакомился он с моей женой якобы таким образом: зная ее бедственное материальное положение, он принес ей хлеба, с того и началось знакомство. На самом деле я познакомился с ним так: когда приехал в Москву, то обратился к Сундукову за содействием достать мне квартиру, он меня познакомил с Тарасовым и тот мне дал квартиру в доме Бахрушина, а затем он иногда захаживал ко мне. Найденные у него листы бумаги с печатью В.Ч.К. я ему на хранение не передавал и не знаю, где он их взял. Думаю, что это их работа.

Барановский (Попов) в той же камере расспрашивал меня о моем допросе, и когда я сказал ему, что на допросе показал, что познакомился с ним в Туле, он очень досадовал и просил меня на следующем допросе показать, что о знакомстве в Туле я показал ошибочно и что на самом деле я познакомился с ним якобы в Москве.

А. Розанов.

Весь совет Тульской организации знал о деньгах, полученных максималистами с экса патронного завода. Тульская организация максималистов получила 400 тысяч. Мих. Титов, Рыбаков, Федоров, Субботин знали определенно, вероятно, знал и Бак. Ваня Шеленин должен был доставить оружие, кроме него оружие хранилось у Чекалина и у Петра Скоропоспешнева. Оружие все новое—наганы, бомбы и винтовки. На дело патронного завода оружие брали у максималистов. В бытность мою комиссаром в Белеве я отослал в Тулу, по требованию Сундукова, бывшего тогда военным комиссаром губернии, вагон винтовок и вагон бомб разного образца. Винтовки были все сданы в склад, а бомбы разошлись по рукам между анархистами, левыми эсерами и максималистами. Небольшая часть их и до сих пор хранится у Николая Зайкова (штук 100).

Катя, служившая в В.Ч.К., ходила к Павлову. Она дала мне револьвер Вельдок через Бармаш. Бармаш же передавала мне адрес, где находится общежитие человек десяти секретных сотрудников В.Ч.К. и М.Ч.К. Сама Катя этот адрес сообщила Соболеву. Познакомилась она с Соболевым, вероятно, через посредство Бармаш. Бармаш прекрасно знала всю организацию подпольников и всю ее работу, даже о взрыве, и давно могла бы разоблачить ее. Сейчас она в Кременчуге у мужа. Хая Сокольская очень хорошо знает Катю и Бармаш и ночевала у них в общежитии, когда приезжала с дачи.

Розанов.

Протокол

очной ставки гр—н Рахиль Энфельбаум, она же Анна Соколовская, и Александра Барановского, он же Попов Александр Николаевич.

Анна Соколовская показывает: я утверждаю, что в предъявленном мне гр—не я узнаю лежащего больным на даче в Краскове, где была типография анархистов подполья приблизительно недели три-четыре тому назад.

Александр Николаевич Барановский, он же Попов Александр. Я не признаюсь в том, что я лежал больным в Краскове и вообще не был там никогда.

Все вышеуказанное нам прочитано 11—XI—19 г.

Александр Николаевич Попов, Барановский.

Давая показание, как указано выше, я ошиблась и сейчас показываю, что предъявленное лицо Ал. Барановского не то виденное мною в Краскове, а также то, что в Краскове на даче анархистов никто не лежал больным.

Соколовская.

Подтверждаю, что лживое мое показание верно и я отрицала на очной ставке только из-за моей слабости; сейчас вторично утверждаю, что предъявленный мною Александр Барановский есть то самое лицо, которое лежало больным на даче в Краскове.

Анна Соколовская.

11—XI—19 г. 10—XI—19 г.

Протокол

очной ставки Хлебныйского «Дяди Вани», он же Приходько, и Александра Николаевича Барановского.

Хлебныйский «Дядя Ваня»: В предъявленном мне человеке я узнаю моего знакомого анархиста (к какой группе принадлежит, не знаю) Александра Барановского, которого я знал как Шурку Барановского, о том, что последний был болен тифом здесь, в Москве, я узнал от Миши Гречаникова. В Москве я Барановского (Шурку) не встречал.

Л. Хлебныйский.

Попов Александр Николаевич, он же Барановский Александр Николаевич. Признаюсь сейчас, что я и есть Барановский Александр Николаевич, знаю «Дядю Ваню» (фамилию его я не знаю), отрицаю в дальнейшем знакомстве с Мишей Гречаниковым и др. Я не анархист и никогда анархистом не был.

Александр Николаевич Попов, Барановский.

Протокол

очной ставки гр—на Ефимовича Исаева и гр—на Александра Николаевича Попова, он же Барановский.

П. Е. Исаев показывает:

Предъявленного мне гр—на Александра Барановского я знаю как Шурку, впервые я встретил его на даче в Краскове, где печаталась газета «Анархия» анархистов подполья, был он тогда больным и лежал в кровати; какой болезнью он был болен, я не знаю, я с ним не разговаривал потому, что последний был очень болен.

Барановский, он же Попов Александр, показывает: На вопрос, был ли Барановский на даче в Краскове, отвечает, что об этом ничего не хочет говорить.

Все указанное выше там прочитано:

А. Н. Попов, Барановский.

Показания Александра Николаевича Попова (Барановского).

I.

Взрыв в Леонтьевском пер. был произведен анархистами подполья. В нем участвовали 5 человек: я, Петр Соболев (он бросал бомбу), Миша Гречаников, Федя Николаев и один, который убит на даче, в Краскове, фамилии его я не назову. Взрыв был произведен по инициативе Петра Соболева, который слыхал от одного видного коммуниста, как он говорил, *что на заседании Мос. К—та будет обсуждаться вопрос об эвакуации и сдаче Москвы*, и он думал, что мы должны и сможем помешать этому. Он пришел ко мне в Дегтярный пер., где я лежал больной тифом (только что

заболел), я был возмущен тем, что он мне рассказал о сдаче Москвы. Тогда же он предложил мне взорвать это заседание и я согласился. Мы вместе пошли за бомбой на Арбат, дом № 30, кв. 58, где она хранилась. Взяв ее, мы пошли в Чернышевский пер., где нас дожидались уже другие участники взрыва. Я перелез через ограду в Чернышевском переулке. Соболев передал мне бомбу на ограду. Я бомбу положил на землю внутри ограды, затем взлез опять на ограду и помог Соболеву перелесть в свою очередь. Затем мы вместе с ним подошли к дому; Петр попробовал, удобно ли взлесть по лестнице на балкончик; взлезая туда, осмотрел место, потом слез. Вместе с ним мы подошли к лежащей у ограды бомбе, он зажег шнуровую зажигалку, обыкновенно употребляемую для раскуривания, положил ее в карман, бомбу взял подмышку и взлез опять на балкончик, зажег зажигалкой бикфордов шнур бомбы и бросил ее в окно. Я подождал, когда он спустится с балкончика, затем взлез на ограду и, обернувшись назад, увидел, что Петр запутался в ветках и упал. Я перескочил тогда через ограду, через некоторое время на ограде появился Петр и в это время раздался взрыв, которым Петр был сброшен на землю. Он поднялся и мы с ним пошли в сторону Тверской ул. Оттуда пошли на квартиру в Дегтярный пер. На Тверской ул. уже я почувствовал себя скверно, впал в полуобморочное состояние, и Петр под руку вел меня всю дорогу до дома. Бомба была начинена динамитом и пироксилином, весила фунтов 30, оболочкой служила деревянная или металлическая коробка, плотно завязанная бечевкой. Я принял участие в организации взрыва только потому, что думал, на основании слов Петра, что большевики собираются сдать Москву Деникину и бежать из Москвы. Только на даче после болезни я стал сомневаться в том, что в это время начались успехи на фронте и я увидел, что большевики не собираются сдавать Москвы. Я часто спорил с Петром на эту тему, но тот, допуская, что мы ошиблись относительно тактики большевиков в момент взрыва, все же твердо верил в необходимость террористической борьбы с большевиками. В настоящее время я твердо убежден в том, что взрыв был нашей ошибкой, что он был произведен преждевременно. Возможно, что в дальнейшем, после разгрома Деникина, было бы достигнуто соглашение между Махно и большевиками и необходимость террористической борьбы против большевиков с нашей стороны вообще отпала бы. В октябрьскую годовщину не было решения устроить покушения, были лишь одни разговоры об этом и неизвестно еще, кто провел бы свою линию—противники террора сейчас или его сторонники. Взрывчатые материалы свозились в Москву для устройства базы на тот случай, если бы большевики опять стали применять свою прежнюю тактику по отношению к Махно и повстанцам.

А. Н. Барановский. Попов.

II.

В Москву я приехал с помощником начальника штаба 1-й Крымской стрелковой дивизии Красовским и еще одним красноармейцем, по имени Виктор, фамилии которого не знаю. Это было больше месяца тому назад. В день приезда меня, заболевшего еще в дороге, товарищ Красовский свез в лазарет, не помню какой, где я пробыл по день ареста. Я был болен сыпным тифом. По выписке из лазарета я пришел к Нестеренко, к которому я еще до войны возил письма от его брата из Александрова. Тогда до войны я ездил в Москву для того, чтобы купить материал на костюм для себя и 10 своих товарищей. Жил Нестеренко по какой-то главной улице в Москве и я отыскал эту улицу, которая оказалась Тверской, пошел искать старого знакомого. В какой дом я зашел—я не знаю. Ища Нестеренко, я зашел в одну из квартир, где и был арестован; что эта за квартира и кто в ней жил, я не знаю. Не знаю также причин моего ареста. При обыске у меня отобрано было 4.500 рублей, привезенных мною еще с фронта. Фамилия моя настоящая Барановский, Александр Николаевич, а Поповым Александром Николаевичем я назвал себя при вступлении в красную армию. Документов у меня никаких не было, у меня и красноармейца Виктора был общий документ на двоих. Как я был записан и по какому документу, не знаю, но полагаю, что именно по этому документу; по выходе из лазарета я никаких документов оттуда не получил. В каком лазарете я лежал и на какой улице лазарет находился, я не знаю. Фамилии Восходов, Хлебныйского, Приходько, Домбровский, Шестернин, Гречаников, Ковалевич, Розанов я никогда не слыхал и лиц с такими фамилиями не знаю.

Александр Н. Попов.
Александр Н. Барановский.

Дополнительно показываю, что я слесарь по профессии и служил в городе Александровске в Южно-ж. д. мастерских, в гор. Одессе у Генриха Гефмюса, в гор. Бердянске у Новикова, в общем прослужил года четыре, получая от 80 коп. в день до двух руб. в день, все это было до 1914 г. После этого срока я уже не работал по своей профессии, а служил в старой армии и сейчас во время Советской власти служил красноармейцем в отряде Мокроусова в гор. Бердянске и на фронте (отр. Мокроусова—красный Партизанский отряд). Будучи уже на службе в партизанском отряде, я получал в месяц от ста до двухсот пятидесяти рублей, в Азовско-Донском банке в гор. Бердянске у меня было шесть тысяч рублей, накопленных от службы, как вольной, так и рабочей, которые я взял в июне месяце с. г., никаких денег ни от кого я от этого времени не получал, так что найденные при мне деньги в сумме четырех тысяч пятисот рублей происходят из денег, взятых мною из банка, как указано выше, в июне с. г.

Предъявленный мне документ на имя Александра Николаевича Барановского, выданный Бердянским уездным воинским начальником, я признаю своим.

Александр Николаевич Попов, Барановский.

III.

Я до сих пор неправильно показывал, потому что испугался, сейчас хочу говорить всю правду: в Москву я попал проездом из Рамадана в Ташкент, куда я был откомандирован 1-м Крымским Советским дивизионом, где я служил сотрудником; ехал я вместе с тов. Красовским, помощником начальника штаба дивизии, но в Москве случайно, на Сухаревке, я встретился с тов. Виктором, которого я знаю еще из Бердянска (там он занимался формировкой военных частей) и который мне советовал уехать обратно на родину в гор. Бердянск и обещал меня познакомить с группой анархистов, которые мне должны дать документы и помогут пробраться на Украину. Было это так в половине сентября, в день встречи с тов. Виктором (фамилии его не знаю), он меня завел на Арбат, дом № 30, кв., кажется, 58, где уже был Петр Соболев, с которым меня Виктор познакомил, до этого я Соболева никогда не видел и не слышал о нем; Виктор, когда меня представил, объяснил Соболеву, что я желаю уехать на Украину; последний обещал меня взять с собою, за что я поблагодарил и тут же остался жить; прожил два дня, а затем мне дали комнату в Дегтярном пер., дом 8, кв. № не помню, 2-й этаж; здесь я прожил около двух недель; в течение этого времени ко мне приходил Соболев и часто меня агитировал, убеждал стать членом группы анархистов подполья; о том, что это была подпольная группа, я узнал лишь из газеты «Анархист», которую мне дала читать Мина. Я жил на одной квартире с Яшей Глагзон и Мишей Гречаниковым, которые ничего никогда против советов и советской власти не говорили при мне. 1 $^1/_2$ месяца тому назад Яша Глагзон мне сказал, что у него есть знакомый, который приехал из Киева, заболел тифом и лежит в лазарете, фамилия его Восходов; затем просил меня пойти с ним в лазарет, там я познакомился с указанным выше Восходовым, мне было жаль последнего и затем я стал ходить к нему, ухаживать за ним (какой это лазарет, я не знаю, но могу указать его), после чего и я заболел тифом, заразившись от Восходова. Я пролежал около четырех дней в Дегтярном и меня увезли в лазарет, но в какой—я не знаю, так как я был в тяжком состоянии, а увезли меня оттуда на дачу в Красково, где была типография анархистов подполья, тоже в тяжелом состоянии, меня преждевременно увезли из больницы потому, что мне было очень скучно и я просил об этом Мишу Гречаникова. На дачу приходили: Миша Гречаников, Яша Глагзон, Петр Соболев, Казимир Ковалевич, Митя, Вася, Таня, Мина, Соколовская, Хиля Цинципер, Исаев Паша, и Кривой Митя и Хиля ночевал от времени до времени; много я знать не мог об их делах, так как я был новым человеком и больным и предо мною скрывали свои дела. Печатали газету «Анархист» Кривой Митя и, может-быть, Исаев Паша, но наверное не знаю. Делались ли бомбы на даче, я не знаю. В день, когда окружили нашу дачу, я как раз вышел из дому по надобности, и когда направлялись к нашему дому, я сбежал в лес и оттуда в гор. Москву, хотел зайти на квартиру Розанова, которого я встречал на Арбате и раз даже был у последнего

с Яшей на его квартире, Тверская, 36 или 38, но тут был арестован засадой М. Ч. К. Должен добавить, что на дачу в Краскове ходил и Розанов; каким образом у меня очутился адрес Петра Тарасова, не знаю, но должен сказать, что я сам его написал, но может быть припомню и тогда скажу, последнего я не знаю. Дядю Ваню я знаю, как уже говорил. Анархистом себя я не считаю.

Александр Николаевич Попов, Барановский.

IV.

В экспроприации артельщиков с Петроградского завода в Туле участие я принимал. Экспроприация была произведена по предложению максималистов, которые для проведения экспроприации самостоятельно своими силами в достаточном количестве не обладали. В экспроприации участвовали еще Яша Глагзон, Евстифеев (Прохоров), других участников я не назову, также не расскажу, как была поделена между анархистами и максималистами экспроприированная сумма денег. Укажу только, что взято было 3 милл. 700 с чем-то тысяч рублей. Во время экспроприации, как я слышал потом, был убит кучер. Он был убит, вероятно, Евстифеевым (Прохоровым) в то время, как он пытался вытащить наган. На первую коляску с деньгами произвели нападение трое из нас. Я же был у второй коляски, поэтому подробностей происходящего у первой не видал. Артельщик и красноармеец со второй коляски убежали в самом начале. Я, думая, что там денег нет, ушел пешком, товарищи же поехали с деньгами на первой коляске. Тогда кучер второй коляски погнал лошадь, обогнал первую и стал стрелять. Больше показать ничего не имею.

А. Н. Барановский. Попов.

Показания Павла Ефимовича Исаева.

В Москву я приехал из Вятки в командировку по закупкам типографских материалов. Здесь, в конце июня, несколько дней спустя по приезде, я был арестован на съезде анархической молодежи и просидел в Бутырках месяц и несколько дней. В начале августа я был освобожден из тюрьмы и жил в Москве все время без прописки. Ночь с 3-го на 4-е ноября я ночевал в Зацепском переулке у анархиста Турчанинова, он же Лев Черный. Миши Гречаникова я не знаю. Дядю Ваню, Приходько, Хлебнийского, Ратникова, Ратникову не знаю. Сапоги я купил 4-го сего ноября на Сухаревке за шесть тысяч руб. При моем аресте отобрана одна тысяча рублей. В Москву в июне м—це я привез своих сбережений из Вятки десять тысяч рублей. Жалованья в Вятке я получал одну тысячу двести рублей в месяц. В типографии в Вятке я работаю с 10 января. В Перми я был мобилизован в августе 1918 года и до конца ноября был в полку. С конца ноября стал работать в типографии, получал около семисот рублей в месяц до фе-

враля 1919 года. В Москве по освобождении из тюрьмы я работал в типографии Атабекяна по Мытной улице.

П. Исаев.

Обнаруженное у меня при обыске проходное свидетельство и свидетельство о болезни на имя Павла Ивановича Жигулева я нашел на лестнице перед дверью Турчанинова (Льва Черного) в день ареста; обнаруженный у меня револьвер системы Наган я хранил без разрешения. У меня было 35 патронов.

П. Исаев.

Павел Васильевич Полетаев—мой товарищ по службе в типографии Политотдела 3 армии и полагаю, что сейчас должен находиться в Вятке.

П. Исаев.

С анархистами подполья я начал работать с половины октября и с этих пор я стал жить в Краскове. Откуда брали бумагу для печатания, я не знаю. Привозил ее Митя, он же и увозил напечатанное. При мне на даче было 3 револьвера, 6 бомб и за полторы недели до моего ареста привез Митя два солдатских вещевых мешка со взрывчатыми веществами. Бомбы делал Захар. Мною напечатано было 2000 экземпляров газеты «Анархия», № 2.

П. Исаев.

Показания Михаила Львовича Гречаникова.

В Москву я прибыл приблизительно в середине сентября с Украины, с фронта, где был у Махно. В Москве я узнал, что мой товарищ по Царицынскому фронту Александр Восходов заболел тифом и помещен в лазарет. Я его навестил и, зная, что у него нет средств, решил помочь ему материально, через Казимира, от которого я получил записку к квартирохозяйке Татьяне Никитишне Кореневой, я устроил там на Арбате, в доме № 30, кв. 58, Восходова. Потом я устроил его на квартире по Большой Александровской ул., в доме № 22, вместе с Шестеркиным. В первых числах октября я съездил в Нижний-Новгород навестить Петра Шесторина и вместе с ним приехал в Москву. Шесторин, не числившийся до этого членом организации подполья, должен был ехать на Украину. За квартиру и содержание Шестеркина и Восходова платил я из средств организации. Около 9 октября я ездил в Иваново-Вознесенск и около 20 октября в Тулу. Последнюю поездку в Тулу я совершил вместе с Шесторкиным. Бомба 25 сентября с. г., брошенная в помещение Моск. Ком. Ком. партии, была брошена одним из моих товарищей анархистов. Я сам принимал участие в этом акте и стоял на посту в одном из переулков. Бомба была весом около $1^1/_2$ пуда. Оболочка ее была деревянная; это была коробка из дерева, в которой носят вещи. Бомба эта, как акт протеста, была брошена по соглашению с «Всероссийской Организацией Анархистов Подполья». Начинена была бомба пироксилином и динамитом. В 46-ой Стрелковой дивизии я никогда не служил ни под своей ни

под чужой фамилией. Наша организация и я лично произвели экспроприацию в Москве на Большой Дмитровке в Кооперативе, где был убит во время перестрелки один из членов Организации М. Гречаников.

Показания Николая Николаевича Николаева.

I.

Мое имя на самом деле не Николай, а Федор. Во взрыве на Леонтьевском пер. участвовали шесть человек—я, Петр Соболев, Барановский, Миша Гречаников, Яша Глагзон и Черепанов. Черепанов указал место, откуда можно было бросить бомбу. За ограду входили двое, Петр Соболев (он же бросил бомбу) и Барановский, а мы трое были настраже. Черепанов же ушел. К октябрьским торжествам готовилось тоже что-то, но что именно, не знаю. Для этого мы вчетвером, я, Петр Соболев, Розанов и Вася Азаров, ездили в Одинцово на дачу Одинцова, где хранились привезенные откуда-то Васей четыре ящика пироксилина и оттуда перевезли пироксилин в Москву, а затем он был перевезен на дачу в Красково. В Петербурге в апреле мы с Семиколенным и Сандуровым устроили экс, на котором Сандуров был убит.

В настоящее время партия левых эсеров делится на три группы—правое крыло (Штейнберг и др.), центр, который возглавляется М. Спиридоновой и Камковым, левое крыло—к нему принадлежит Московская организация во главе с Тамарой, Крушинским и пр. Черепанов принадлежит к левому крылу до исключения из партии. В действительности Московская организация представляет из себя пустое место. Я в последнее время почти совершенно отошел от партии, заблудившейся в трех соснах, тщетно искал выхода и не шел к большевикам только потому, что боялся, что не поверят моей искренности. Сейчас будучи на свободе, я отдал бы себя всецело делу революции и думаю принес бы не малую пользу хотя бы на фронте.

О готовящемся взрыве я узнал в тот же день в 6 час. веч., накануне мне назначили свидание на 6 час. в день взрыва у Покровских казарм, туда явились участники взрыва и там мне сказали, что сегодня заседание в Моск. Ком. Р. К. П. ответственных работников и решено произвести взрыв. Черепанова мы встретили в Чернышевском пер., перед взрывом туда же Петр принес откуда-то бомбу. Его на предъявленной карточке убитого не признаю.

Федор Николаев.

II.

Приблизительно в июне, когда в партии остро ощущался недостаток в деньгах, в Ц. К. приехал Илья Судаков из Тулы и предложил организовать у них экспроприацию Рабочкопа. Тогда Ц. К. были делегированы из Москвы шесть членов организации для этой цели: я, Сомов, Семиколенный, Иванов, Фрося и Таня. По приезде в Тулу мы направились к Чеботареву, где и был выработан план экспропри-

ации. В экспроприации приняли участие три анархиста Розанов, Леменев и Карасев, которые принимали участие и в разработке плана экспроприации в кв. Чеботарева. Из местных левых с.-р. участие в экспроприации принимали Костромин, Василий (фамилии не помню), Николай (фамилии не помню). Таня в экспроприации участия не принимала. Наводчиком на экспроприацию был Перфирий Антонов, член Правления Рабочкопа.

Взято было 1.075.000 руб., деньги были пропорционально количеству участников разделены между анархистами и лев. эсерами. Тульской организации левых эсеров была выделена сумма в 50.000 руб.

Остальные деньги нами были отданы в Ц. К. За то, что мы самовольно оставили для Тульской организации 50.000 руб. Ц. К. объявил нам строгий выговор и в Тулу для расследования была послана комиссия в составе Тамары, Шумайлович и еще кто-то. Кажется, за это чл. об. Ком. партии Чеботарев и председатель губ. Ком. Костромин были исключены из организации.

Федор Николаев.

III.

В Москву я приехал в мае месяце из Петрограда. Остановился сначала на Пречистенке, 40, а затем поселился в Тестовском поселке, д. 124, кв. 13, жил там под фамилией Федора Батенина, звали меня в партии «Федя». В боевой организации партии лев. с.-р. я не состоял. Об оружии, которое хранилось в сарае моей квартиры в Тестовском поселке, я ничего не знал. В партии лев. с.-р. состою со времени раскола. В настоящее время принадлежу к группе Штейнберга. С Черепановым и Тамарой никаких сношений не имел. Арестован я в 1-м Троицком пер., д. 5, кв. 2, куда зашел к своей знакомой Шуре Ратниковой. На этой квартире я был всего раза три. С другими жильцами я знаком не был.

4/XI 19 г.

Николай Николаев.

IV.

Дополнительно показываю, что предъявленного мне мужчину (предъявлен Леонид Хлебныйский, он же Приходько, он же «Дядя Ваня») узнаю жильцa квартиры Ратниковых, с которыми я познакомился у них в квартире и которого впоследствии стал посещать. Знал я его под именем Ваня; знал также и проживающую вместе с ним Шуру. Был я у них 3—4 раза. Где я ночевал последние перед арестом дни, сказать отказываюсь. К взрыву в Леонтьевском переулке я отношусь отрицательно и так же точно относился бы к нему, если бы это сделали левые с.-р. Примкнул я к Штейнберговской группе после 6-го совета партии, т.-е. с половины сентября, что полагаю может подтвердить Штейнберг.

Николай Николаев.

V.

С последнего времени, т.-е. до ареста, пришлось мне проживать на нелегальном положении, потому что, хотя по убеждениям примкнул к группе Штейнберга, но не успел этого оформить, жил я все время на средства партии. Тестовский поселок я оставил во время его ликвидации, приблизительно $2^1/_2$ недели тому назад.

Николай Николаев.

Показания Леонтия Васильевича Хлебныйского.

В Москву прибыл приблизительно в сентябре месяце этого года для поступления в бригаду, которой командовал мой товарищ Жлобинский, которого я знал еще с 1917 года, а то, что Жлобинский командовал бригадой и его местонахождение я узнал от раненых солдат его отряда, были там «Петька Шоффер» (фамилии его не знаю) и «Андрей»; сведения эти я получил на вокзале в гор. Брянске, где я был проездом. В Брянске я пробыл на вокзале одни сутки; прибыл туда из 46-ой дивизии, где я служил 2 недели при оперативном штабе, где исполнял функции помощника начальника штаба. Из найденных ста тридцати тысяч рублей в моей комнате, в которой живет и Домбровский, признаю своими только тридцать три тысячи рублей. На вопрос, откуда у меня такие деньги, отвечаю: около четырех месяцев тому назад я получил семьдесят тысяч рублей от моего товарища Коробка, анархиста, будучи в гор. Киеве; в Москву я прибыл для отправки меня на Царицынский фронт, где у меня были знакомые в бригаде Жлобинского. На вопрос, на каком основании анархист Коробка дал мне такую большую сумму денег, отвечаю: у Коробка были деньги и он мне их дал. Откуда у последнего были такие суммы. я не знал, чем занимался—я не знаю, но я слыхал, что он отправлялся на Украину формировать какие-то отряды в тыл Деникину. Где находится сейчас Коробка—я не знаю. В гор. Москве я получил от Александра Попова раз 10.000 р., второй раз 5.000 руб., затем еще около 1.000 рублей,—деньги эти я от него получил потому, что сказал, что уезжаю; на вопрос, почему я просил у Попова денег, несмотря на то, что у меня были средства для поездки, отвечаю: взял я их для запаса, дабы себя обеспечить на более продолжительное время. Не отрицаю знакомства с анархистами подполья, фамилии их: Гречаников, Тямин Михаил, Попов и др., еще Федя; мой псевдоним «Дядя Ваня», подложные документы на мое имя, паспортный бланк я получил от Гречаникова. Домбровский должен был со мной вместе уехать. Я и Домбровский официально не принадлежали к подпольной группе анархистов, но фактически да, я признаюсь, что я старый анархист. Я признаюсь также в том, что я не был никогда большевиком коммунистом, вначале я показывал иначе, потому что не знал еще, что меня обвиняют в принадлежности к группе анархистов подполья. На экспроприациях я бывал на Украине, принимая активное участие,

но в Москве не бывал. Участие во взрыве принимали: Миша Гречаников, Федя и Яша, последний жил на одной квартире с Мишей Гречаниковым. Приметы Яши: высокого роста, светлый блондин, иногда носит шинель. 1 сентября 1919 года я был арестован в гор. Брянске, а также и Миша Тямин за вооруженное выступление против Советской власти, тогда же было предъявлено нами требование об освобождении анархиста Бодрова. Должен изменить свое показание относительно тов. Коробка. Коробка был уполномоченным Украинск. В. Ц. И. К. и командирован последним для формирования отрядов. Деньги у него были от эксов, по моему предположению. Моя настоящая фамилия Приходько Иван Лукьянович.

п *Иван Лукьянович Приходько.*

Леонтий Васильевич Хлебныйский.

Дополнительно показываю, что Восходов Александр лежал в лазарете под этой фамилией. До болезни я знал его по фамилии Александра Попова. Это Попов—Восходов приносил мне несколько раз деньги суммами по 5 и 10 тысяч рублей. Раз я был у Восходова на квартире и там Миша Гречаников дал деньги. Дал мне 25 тысяч. У Восходова—Попова был Федя Шестеркин, которого я знаю еще из Харькова. Полагаю, что раз Шестеркин жил с Восходовым—Поповым, то был, вероятно, членом организации Подполья. Я знал 2-х Тяминых. Обоих еще по Харькову, где встречался с ними в Набаше. Тямин в технической фуражке заходил как-то ко мне в Москве, предлагая распространение листовок, от чего я отказался. Членом организации подполья я не состоял. Деньги мне давали потому, что я в Москве лечился и собирался уехать лечиться на Минеральные Воды.

Хлебныйский.

В пред'явленном мне мужчине (пред'явлен Николай Николаевич Николаев) узнаю Федю, который несколько раз бывал у меня на квартире. Как мне известно со слов Миши Гречаникова, этот Федя принимал участие во взрыве 25 сентября сего года на Леонтьевском переулке в М. К. Р. К. П.

Хлебныйский.

Я помню случай, что был в театре, в Студии, вместе с Ратниковыми, Домбровским, Голубовским и женой Лемберга. У меня жал сапог ногу и я ушел из театра до окончания спектакля вместе с Домбровским. Вскоре после нашего прихода домой вернулись Ратниковы и мы были тогда уже в постели.

Хлебныйский.

На собрания никогда никуда не ходил. Домбровского Александра я знал лишь под этой фамилией. Другой его фамилии я никогда не слыхал. На вопрос о том, знал ли я Барановского, отвечаю, что на Юге знал Шурку Барановского, но здесь в Москве не встречал его.

Хлебныйский.

Когда, возвращаясь из театра, мы вошли в квартиру, то услышали взрыв. Через неделю или полторы недели после взрыва я слышал от Миши Гречаникова о том, что взрыв был делом «анархистов подполья» и участвовали в нем: он сам, Федя и Яша.

Хлебныйский.

Дополнительно показываю, что я принимал участие в экспроприациях: в 1912 году, 1914 г. и в 1917 г. в апреле месяце официально от группы анархистов; для своей личной пользы «эксов» не производил. Отрицаю сейчас, что я получал деньги большими суммами от тов. Коробка, как показал раньше, я получил от него всего 4.000 рублей; здесь в Москве я получил деньги лично от Миши Гречаникова, приблизительно 56.000 рублей.

Хлебныйский.

Дополнительно показываю, что в гор. Туле я никогда не был; бывал я проездом в Туле до 1917 года, а от этого времени не приходилось даже проезжать ст. Тула. В Нижнем-Новгороде я был в этом году (когда именно—не помню) приблизительно полтора месяца тому назад с Мишей Гречаниковым, с последним я поехал в Нижний-Новгород для того, чтобы увидеться там с тов. Шестеркиным, которого я знал еще из Украины; поехал к нему просто повидаться.

Хлебныйский.

Показания Александра Петровича Домбровского.

Приехал в Москву 5-го или 6-го октября, в дороге познакомился с Леонидом Хлебныйским. После отступления Красной армии с Украины я решил ехать в Москву, в надежде найти более или менее подходящую службу. С Хлебныйским я раньше знаком не был. В дороге мы познакомились с сестрой милосердия Ратниковой, которая, на нашу заботу, где бы остановиться в Москве, предложила остановиться у нее. Вместе с нами ехал некто Ефим, фамилии которого не знаю, маленького роста, в военной форме, шатен, с подстриженными усиками; который по дороге с вокзала дал мне бланки 46-й стрелковой дивизии, отчасти с готовым на мое имя текстом, отчасти еще не заполненные, но с печатями бланки. На мой вопрос о том, зачем дает мне эти бланки, Ефим заявил, что они мне пригодятся. Когда Ефим успел напечатать бланки на мое имя—я не знаю. На квартире Ратниковых мы с Хлебныйским стали жить одновременно в день приезда в Москву. Жили мы без прописки, не зная о том, что прописываться необходимо. У меня, должно-быть, было свыше шестнадцати тысяч рублей, из которых две тысячи я получил от Хлебныйского по моей о том просьбе. С Украины я привез с собой около двадцати пяти тысяч; таким образом я за время жительства в Москве израсходовал около одиннадцати тысяч рублей. Ко мне лично на квартиру никто не приходил,

и я ни у кого не был, так как и мне не у кого было бывать. К Хлебныйскому заходили какие-то трое мужчин, имен и фамилий которых не знаю. Я все собирался ехать на фронт, но Хлебныйский удерживал меня, обещая поехать вместе со мною по получении причитающегося ему за несколько месяцев жалованья. Хлебныйский часто уходил из дому, но куда и к кому он ходил—я не знаю. У Хлебныйского я видел много денег, но не интересовался их происхождением. Я чувствую свою вину, что, будучи коммунистом, я, в течение месяца, жил в Москве и не явился для регистрации в партию и к воинским властям и искренно раскаиваюсь в этом своем проступке, но думал его исправить поездкой на фронт.

Александр Петрович Домбровский.

В 46-й стрелковой дивизии я никогда не служил.

Домбровский.

В предъявленном мне мужчине, изображенном на фотографических карточках (предъявлены карточки Казимира Ковалевича) узнаю Ефима, давшего мне бланки 46-й стрелковой дивизии. Я коммунист и имею партийный билет Мелитопольского Комитета № 161 настоящий. Надпись на нем о регистрации от 14-го августа с. г. комячейки Штаба 46-й дивизии сделана мною. Почему я сделал эту надпись—объяснить не могу.

Домбровский.

II.

По дороге из Киева в Москву, приблизительно в окрестностях Бахмача или Конотопа, я познакомился с Хлебныйским. В дороге он дал мне около восемнадцати тысяч рублей разновременно и в Москве еще две тысячи. Хлебныйский говорил мне, что в Москве есть организация из 25-ти или более человек, что у этой организации есть большие деньги и он может меня с нею познакомить. Два или три раза я был с Хлебныйским в каком-то переулке за Красными Воротами, но не помню ни названия переулка, ни № дома, ни фамилии квартирохозяина. Хозяина называли Иван Моисеевич или Матвеевич, но кажется, что Моисеевич. К Хлебныйскому приходил Федя, мужчина лет 26-ти, выше среднего роста, темный блондин или шатен, с бритым продолговатым лицом, одетый в черное пальто летнее, доходящее чуть пониже колен, в серой барашковой шапке. Тот же Федя бывал и у Ивана Моисеевича. Бывал еще у Хлебныйского мужчина лет 30-ти, среднего роста, худощавый, светлорусый, еврейский тип лица, в шинели и фуражке коричневого цвета. Федя был у нас приблизительно пять раз, а второй раза 3—4. Третий приходил еще к нам около 24-х лет, среднего роста, брюнет, бритый, с подстриженными усами, крепкого телосложения, одетый в кожаную куртку, в сапогах. На собраниях у Ивана Моисеевича, кроме Феди, я приметил еще мужчину лет 27-ми с ярко-рыжими волосами, востроносый, производивший впечатление старшего в собрании. Иван Моисеевич состоит, кажется, пред-

седателем Домового Комитета дома, в котором проживает. Надпись на партийном билете об его регистрации сделал мне некий Израиль Фридман, по моей о том просьбе. Этого Фридмана знает Хлебныйский и я отчасти по Крыму.

А. Домбровский.

Признаюсь, что я скрыл, что бланки я получил от Г. Голубовского, потому что не хотел его впутать в грязную историю. Точное количество бланков, полученных мною от Г. Голубовского, я не помню, но кажется, что было их около десяти, все эти бланки были с печатью 46-ой дивизии, кроме этого, он назвал фамилии, нужные для подписи, также дал мандат, заполненный уже для образца. Голубовский мне бланки, собственно говоря, не продал, но одолжил у меня около пяти тысяч рублей. Часть бланков я получал от Г. Голубовского в дороге, когда с ним ехал в вагоне, а часть получил здесь, в Москве. Я Голубовскому не говорил, для какой цели я беру эти бланки, хотя он и спрашивал меня, для чего я беру столько.

3 XI—19 г. *Домбровский.*

Я должен добавить, что я жил под фамилией: «Барановский Саша»; я бывал несколько раз с «Дядей Ваней», т.-е. Хлебныйским у Г. Голубовского.

А. Домбровский.

Пять бланков Военно-Политического Комиссара 46-й стрелковой дивизии с печатями я похитил у Голубовского на квартире.

Домбровский.

III.

Дополнительно показываю, что 25 сентября с. г., в день взрыва на Леонтьевском переулке, я был в театре (во 2-й Студии) с Хлебныйским (Дядя Ваня), Ратниковыми, Виленской и, кажется, также Голубовским и перед последним действием мы с Хлебныйским вышли из зрительного зала в фойэ и пили кофе, где мы дожидались Ратниковых и Виленскую, вместе с ними отправились домой на 1-й Троицкий переулок, № дома 5. Когда входили в квартиру, мы услышали какой-то взрыв, но что он означал—я не знал. Насколько мне известно, есть, кроме меня, еще один Саша Барановский, который участвовал во взрыве. Говорили мне это члены группы анархистов Подполья, но кто именно, не могу сейчас вспомнить.

9 XI—19. *А. Домбровский.*

IV.

Прошу внести поправку, что касается моих предыдущих показаний, будучи очень взволнованным, я перепутал некоторые подробности в своих показаниях: я раньше говорил о том, что ходил куда-то на собрание подпольных анархистов, но теперь я вижу, что я перепутал, никуда на собрание каких бы то ни было анархистов я не хо-

дил (ни подпольных, ни легальных). Отрицаю также и то, что я одолжил Г. Голубовскому деньги; последний у меня никогда денег не просил, а также я ему не давал.

27. XI.—19 г. *А. Домбровский.*

V.

Голубовский дал мне около десятка бланков, т. к. я собирался ехать на Украину. Кроме того, я без его ведома взял у него штук пять бланков. Я часть их передал Хлебныйскому, часть их была возвращена в напечатанном виде. Квартиру в Троицком переулке нам указал Голубовский, и мы прямо проехали с вокзала туда. На других квартирах я не жил. Заходил я в гости к Голубовскому и в гост. «Луна» и к Воле. За месяц, что мы прожили вместе, дядя Ваня уезжал в Нижний, потом еще куда-то недалеко под Москвой на дачу на несколько дней. Он намеками дал мне понять, что Леонтьевский переулок—дело рук его организации. Я был очень поражен этим и звал его бросить все и ехать на Украину; он соглашался, но упорно уговаривал подождать 7-го, октябрьских торжеств. Наконец, я сообразил, что на 7-е октября назначен взрыв октябрьских торжеств и тогда я решил во что бы то ни стало уехать. Но я, приняв это решение, не думал итти заявить о готовящихся событиях в Ц. К. партии. Я коммунист с 1918 года, но в подпольной организации соц.-дем. работал с 1914 года. К нам на квартиру из товарищей «Дяди Вани» приходили Федя (сидит в М. Ч. К. под фамилией Николаева), Восходов; насколько мне помнится, опознаю по предъявленной карточке Шестеркина, приходившего один раз.

Лавриненко приходил к Ратникову.

Тратили мы на стол около тысячи рублей в день. На костюм я истратил тысяч семь. Других больших трат у меня не было, а куда истратил, кому давал и сколько вообще было денег у Хлебныйского—не знаю и не видал. Узнав из намеков или почувствовав инстинктивно, что 7-го готовится что-то недоброе, я думал заявить Ц. К., но так как я не предполагал, что это так кошмарно или я просто сомневался, что это может произойти, я решил не заявляя поехать прямо в тыл Деникину, для подпольной работы.

А. Домбровский.

VI.

Раскаяние заблудившегося коммуниста.

В то время, когда Рабоче-Крестьянская власть отражает на многих фронтах бешеный натиск как внешней, так и внутренней контрреволюции, поставившей своей задачей в море слез и крови защитить пролетарскую революцию. В то время, когда на бесчисленных фронтах умирают сотни и тысячи бойцов за благо народа, за благо той власти, которую завоевали пролетарии своей мозолистой рукой. Во имя Революции, во имя освобождения всего человечества идут с долгом

водством производительного Союза Рабочих Полиграфического производства.

Итак, товарищи, не медля ни минуты, все в ряды Коммунистической партии, как единственно правильно занявшей и ведущей линию борьбы за полное раскрепощение трудящихся. За переустройство независимой профессиональной организации в производительную! За сознательную работу и поднятие интенсивности в труде, как единственное спасение от надвинувшейся на нас разрухи.

Товарищи, хочется верить, что вы не задумаетесь немедленно провести мое предложение в жизнь и не допустите дожить в таком положении до того момента, когда весь пролетариат будет праздновать окончательную победу над врагами трудящихся без вас, московские печатники.

Так за дело же москвичи-печатники, на активную борьбу с вековечными угнетателями, потому что «на миру и смерть красна»!

Да здравствует Российская Коммунистическая Партия Большевиков!

Да здравствует Московский Производственный Союз Рабочих Полиграфического Производства!

Меня же с сего числа прошу Р. С.-Д. Р. партию считать выбывшим из партии.

26 января 1920 года.
Наборщик типографии Наркомпути, бывш. Курск. ж. д.

Михаил Семенович Молчанов.

Показания Доната Андреевича Черепанова

(кличка — Черепок) [1].

I. Я совместно с Казимиром Ковалевичем сорганизовал Всероссийский Штаб Революционных Партизан, который главнейшей целью своей наметил ряд террористических актов. Эта организация и провела взрыв в Леонтьевском переулке. Подготовка этого взрыва, выработка плана и руководство до самого последнего момента было возложено на меня. В самом же метании бомбы я, по постановлению Штаба, участия не принимал. Не будь этого постановления я бы охотно принял на себя метание бомбы. До того, как остановиться на террористическом акте, этот вопрос дебатировался долго у нас в Штабе. Высказывалось несколько мнений по этому поводу. Предлагалось бросить бомбу в Чрезвычайную Комиссию, но это предложение было отклонено по следующим соображениям: Чрезвычайка и сам гражданин Феликс Эдмундович Дзержинский являются только орудием, слугами партии и, следовательно, во всей политике ответственными являются не чрезвычайки, а партия.

---

[1]) В записной книжке П. Соболева имеются сведения о связи Чер. с организацией анархистов подполья, как-то: дни и часы свиданий и пометки о выдаче ему денег. Арестованный 17 февраля 1920 г., в тот же день в беседе с т.т. Дзержинским, Ксенофонтовым, Лацисом, Романовским и др. он дал нижеследующие показания.
Прим. ред.

Собрание 25 сентября главных ответственных партийных работников в Московском Комитете, как нельзя лучше, могло быть рассматриваемо, как главнейшим виновником, тем более, что на этом собрании предполагалось присутствие гражданина Ленина.

Конечно, только нужно сожалеть о том, что жертвами взрыва были не видные партийные работники и никто из более крупных не пострадал. Этот акт, по нашему мнению, должен был революционизировать массы и указать путь, по которому должны идти настоящие революционеры: путь террора и ударов по голове насильников.

Черепанов.

На замечание, что при взрыве пострадало много незначительных работников, я укажу, что ваша Чрезвычайка в этом отношении не лучше.

II. Я полагаю, что всю власть необходимо передать Профессиональным Союзам, которые путем товарищеской дисциплины сумеют поднять производительность труда до необходимой, в настоящий момент, степени. В момент гражданской войны и такой колоссальной разрухи я признаю некоторую видимость принуждения труда. Профессиональные Союзы сами мобилизуют достаточное количество людей, необходимых для обороны страны и защиты революции. В Профессиональных Союзах есть достаточно силы—путем исключения из числа членов — заставить повиноваться; вместе с тем будут избегнуты ошибки сплошной мобилизации: будет учтено и семейное положение, и пригодность мобилизуемого.

Те или другие объединения Профессиональных Союзов явятся органами власти, а Всероссийский Союз Профессиональных Союзов—верховным органом власти.

Совершенно не важно, если некоторые Профессиональные Союзы в настоящий момент имеют почти черносотенную окраску, классовое самосознание и руководство высших органов всегда смогут, скорее, чем большевистское насилие, революционизировать и эти массы.

III. Как во время июльского восстания левых эсеров, так и теперь, я утверждаю, что партия левых эсеров в тот момент вовсе не хотела захвата власти, так как и тогда, и теперь мы против какой бы то ни было партийной диктатуры.

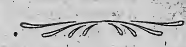
Единственная цель июльского восстания—сорвать контр-революционный брестский мир и выхватить из рук беков [1]) партийную диктатуру, заменив ее подлинной Советской властью. Лично я, по крайней мере, о захвате власти никогда не думал.

[1]) **Так называли большевиков в эпоху подпольной работы.** ***Прим. ред.***

Хотя Ц. К. партии левых эсеров и исключил меня и всю московскую организацию из партии, но я считаю, что он не правомочен был это сделать, так как на последнем Совете партии ярко выразилось настроение провинции и масс не в пользу Ц. К., а в нашу пользу. Если бы этот Совет не был сорван преждевременными арестами Чрезвычайки, чуть ли не при содействии самих цекистов, то с полной уверенностью можно было бы сказать, что этот Ц. К. не остался руководящим органом, поэтому мы считаем себя настоящими левыми эсерами, сколько бы ни было на сей предмет постановлений. Что касается Штейнберга, Шнейдера и иже с ними—я на них смотрю, как на предателей и подлецов. История вынесет над ними свой правый приговор.

Об одном я сожалею: при аресте меня схватили сзади и я не успел пристрелить ваших агентов.

То, что сейчас творится—сплошная робеспьериада!

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Цена 100 руб.

Никем из книгопродавцев указанная на книге цена не может быть повышена.

Государственное Издательство.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва. — 1920.

